

ТЕЛЕСКОПЪ

ЖУРНАЛЪ

СОВРЕМЕННОГО ПРОСВѢЩЕНІЯ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

НИКОЛАЕМЪ НАДЕЖДИНЫМЪ.

ЧАСТЬ XXIV.

Che chi ha i duo occhi, il veda!

ALFIERI.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. СТЕПАНОВА.

1834.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

**съ тѣмъ, чпобы по оцпечатаваніи предспавлены бы-
ли въ Ценсурный Комисіепъ *три* экземпляра. Москва.
Ноября 9 дня, 1834 года.**

Ценсоръ А. Болдыревъ.

ТЕЛЕСКОПЪ.

I.

Б Р А КЪ

ВЪ КОНСТАНТИНОПОЛЬ.

(В. ВАРРО).

Смирна, 22 Юня, 1854.

Было утро, 24 Мая. Увлекаясь сѣвернымъ вѣтромъ и печеніемъ Чернаго Моря, мы входимъ въ Босфоръ. Вотъ Европа, вотъ Азія! По краямъ ихъ, два фароса грубой работы. Входимъ, и вмѣстѣ съ ними оспавляемъ за собой Кіанен, уже мало опасныя для нынѣшнихъ аргонавтовъ, но прежде бывшіе архипелагомъ пловучихъ скалъ. Это преданіе естъ ли

просто басня? Или можетъ быть намекъ на дѣйствительную капаспрофу, весьма вѣроятную по часпымъ землетрясеніямъ, свойспвеннымъ сей спранѣ, кои могли прорватъ сообщеніе между Эвксинскимъ Понпомъ и Средиземнымъ Моремъ, между шѣмъ какъ сіе послѣднее, чрезъ обломки Геркулесовыхъ сполбовъ, соединалось съ Океаномъ? Великій кризисъ Европейскаго материка, насильспвенно ошпоргающагося опъ Азии и Африки, подобно ребенку, который, покоясь на лонѣ матери, бьетъ головой и ногами объ груди, его пипающія, какъ скоро почувспвуетъ себя свободнымъ и сильнымъ!.. Чѣмъ ограждалась независимость Европы, когда она еще была зародышемъ въ Греціи? Не эспимъ ли длиннымъ рвомъ, который пянется на югъ, памъ Саламинскимъ проливомъ, здѣсь Босфоромъ?.. Нынѣ, благодаря нашимъ успѣхамъ, тѣо, что было преградю, служиптъ средспвомъ сближенія; препятспвіе спановиптся связью. Въ самомъ дѣлѣ, какъ пріятно плыптъ шеперь по эшому каналу, жиптъ и чувспвовать себя живущимъ на тѣой самой почкѣ, гдѣ соприкасаются наконецъ два міра, съ ихъ различными судьбами, спомъ долгое время враждебными! Возможность обнять однимъ взглядомъ Азію и Европу, еспъ такое удовольспвіе, которое приводитъ душу въ сладкое волненіе.

Говорятъ, что уже болѣе вѣка, какъ Сулпаны не выдавали за мужъ своихъ дочерей, а

Махмудъ торжествуетъ это событіе. Никогда курбан-байрамъ не будетъ праздноваться съ большою пышностью. Самодержецъ хочетъ приобщить народъ къ своей семейной радости, а народъ не оспается у него въ долгу за сіе великодушіе; ибо увѣряють, что Его Сулпанское Величество, по случаю насвоящаго брака, получилъ въ подарокъ двадцать милліоновъ пиастровъ, по древнему обычаю, которъй былъ уваженъ и пощажень реформою.

Театромъ празднества назначень Дольмабакче. На самомъ берегу канала, въ виду флота, между новымъ дворцомъ Султана и крепостцею, которая служитъ продолженіемъ Топанъ; распилается площадь: позади ея найдися узкая долина, занятая опть часпи казармами, которыя обращены лицомъ къ мѣспу сцены; на обоихъ косогорахъ, замыкающихъ долину, по вершинѣ и бокамъ ихъ, разбишы палатки, здѣсь для Пашей и ихъ свиты, шамъ возлѣ казармъ и кладбища Перы, для войскъ. Въ недалекомъ разстояніи опть сихъ послѣднихъ, на кладбищахъ Армянскомъ и Каполичскомъ, находящися другія палатки, которыя служатъ лавками, кухнями, кофейными; на площадкахъ сосѣдственныхъ возвышеній разположены лагеремъ полки пѣхоты и конницы, И къ сему-то центру приливаютъ, съ утра до вечера, со всѣхъ сторонъ и опвсюду, зри-

пели, койхъ бопики, распавленные вдоль канала, усугубляють многочисленность. Вамъ хочется знать, какія диковинки увлекають ихъ сюда? Эпо воптъ чпо: днемъ лѣзеть вонъ изъ кожи какой-нибудь Ипаліянскій Алкидъ въ дрянномъ балаганѣ, или какой-нибудь Франко-Нѣмецъ дѣлаеть прыжки на канатѣ, или кувыркаются Турецкіе акробаты, или сладоспраспно танцуютъ Греческіе буфоны, прекрасные дѣти, бѣзъ бородъ, съ длинными волосами, родъ баядерокъ мужескаго пола; вечеромъ испуспенные огни: цѣлую ночь иллюминаціи. Да! Воптъ и все! Ничего больше!

Но однакожь, какой эпо чудной праздникъ, если вмѣсто зрѣлища смотрѣть на зрители! Турки, Греки, Армяне, Жиды, оставили свои диваны, казармы, лавки, конторы, мастерскія, чпобъ подышать на чистомъ воздухѣ, въ лѣнливомъ и безпечномъ созерцаніи или въ веселомъ разсѣянїи. Посмотрите на эту толпу, эту движущуюся ниву, испещренную зелеными и бѣлыми чалмами сыновъ Магомета, сѣрыми шюрбанами и черными колпаками раевъ, красными Фецкими колпаками, разцвѣтшими въ слѣдствіе реформы на головахъ правовѣрныхъ и гяуровъ получившихъ свободу, и Франкскими шляпами, почпи перяющимися въ этой разнообразной пестротѣ; смѣшеніе длинныхъ и волнистыхъ плащей на Азіятскій

манерь, коропкихъ и узенькихъ плапьевъ Европейскаго покроя; проспорныхъ, обвислыхъ шароваръ, удерживаемыхъ на поясицѣ широкими поясами и прилипающихъ къ ногѣ, копорая опть пого превбсходно обрисовывается, иногда выставляясь совершенно нагою; бѣлыхъ фюспанеллей, спускающихся съ перетянутой палии до самыхъ колѣнъ, широкими въ складкахъ юбками; панталонъ *à la civilisée*; камзоловъ, сжимающихъ бюспъ, тогда какъ оспальная часпъ пѣла чудесно одрапирована плащами всѣхъ цвѣтовъ. Наблюдайте черпты и пѣлоположенія различныхъ племень подъ сими различными одѣянїями. Воцъ Турокъ-Оппоманъ, съ лицомъ широкимъ и длиннымъ, лбомъ выпилающимъ гладкою полосой изъ подъ пюрбана, большими глазами, горбапымъ носомъ, чепвероугольными челюстями, густою, лоснящеюся, черною бородою, съ огромной головой, покоющеюся на крѣпкой и толстой шеѣ, съ физиономїей, выражающей добродушную гордоспъ, силу спящую въ полной самоувѣренности, прямопу и самовласпїе; съ языкомъ гармоническимъ, чуждымъ акцентуаціи и важнымъ. А эпо Турокъ-Тапаринъ, опличающїйся опть перваго лицомъ болѣе желпымъ, съ коропенькой головой, въ коей, подъ весьма низкимъ лбомъ, глубоко вспавлены черные маленькіе глаза, приподнятые у виѣшняго угла, а по срединѣ красуется носъ, вздернутый на

кончикъ, съ раздущими нивдрями; родъ бѣгло набросаннаго очерка чедовѣческой фигуры, съ печальнымъ ршомъ, съ волосами жеспкими и рѣдкими; и все это на коропенькомъ обрубкѣ недорослаго пуловица. Вопъ Грекъ, единспвенный изъ раевъ, копорый носипть волосы, у копораго носъ, всегда прямой, иногда продолжаешя, какъ у анпика, вмѣстѣ съ черпой. дба, чаще же образуешть съ нимъ пудой уголь. и выходишь своей оконечностью изъ плана фигуры, что сообщаетъ всей физиономіи его замѣчательный видъ дерзости и лукавства, усугубляемый живостью глазъ, умѣряемый прелестью рта; и какъ быстро льешя его рѣчь, оппѣненная безчисленно — разнообразными акцентами, какое обиліе жесповъ въ его здоровомъ и гибкомъ пѣль! Вопъ Армянинъ, съ высокою палією, лицомъ бѣлымъ и румянымъ; лбомъ нѣскольکو возвышеннымъ, глазами на выкапѣ большими и черными, носомъ горбатымъ и длиннымъ, походящій съ верхней части лица на Турка-Оппомана, а съ нижней, копорая гораздо сухощавѣ, на Персіянина; разсудипельный, подобно первому, проницапельный, подобно второму; менѣ поэпическій чѣмъ Грекъ, чуждый всякой граціи, чедовѣкъ дѣловой преимущественно, и всегда важный въ своей рѣчи, обыкновенно заимспвуемой изъ Турецкаго идіома. Наконецъ, вопъ Жидъ, со лбомъ высокимъ и за-

каписпымъ, опбрасывающимъ какъ будто назадъ его волосы, съ черными глазами, продолговатымъ носомъ, тонкими губами и полною бородою; лицомъ болѣе широкимъ, чѣмъ длиннымъ; лишеннымъ всякаго воинственнаго выраженія, вооруженнымъ только хитростью и недоувѣрчивостью; Жидъ, пошерявшій свой родной языкъ, и оставшійся съ изломаннымъ Испанскимъ нарѣчьемъ, украденнымъ у одного изъ плѣхъ безчисленныхъ опечеспвъ, кои поочередно усыновляли и опвергали его. Говорить ли еще объ Альбанцѣ, эпомъ полу-Грекѣ и полу-Славянинѣ; избличающемъ свое двойное происхожденіе языкомъ и чертами; о Курдѣ, съ формами аплепа, лицомъ правильно обрисованнымъ, выраженіемъ опчаспи еще дикимъ, языкомъ, можетъ быть, Халдейскимъ; о Персіанинѣ, и другихъ сынахъ Востока, спекающихся въ Константинополь? Пересмотрите всѣ сіи различные плѣы, пакъ мало соприкасающіеся между собою, и плѣмъ болѣе рѣзкіе, чпо общій характеръ ихъ, выражаясь въ лицахъ, не умѣряется плѣми особенными оппѣнками физиономіи, копорые бывають плодомъ развитой образованности, и чпо лица сіи, кажется, принадлежатъ болѣе къ цѣлому виду, чѣмъ къ недѣлимымъ: за то какъ эти общіе плѣы характерны, сильны и крупны; какъ, въ сравненіи, съ ними вялы и мѣлки Леванпскіе Франки, занимаю-

щіе мѣсто пѣней въ эпохѣ великолѣпной картинѣ! Взгляните на эпоху безконечный рядъ арабаповъ, чепыреколесныхъ телегъ, съ зеленою, красною и желтою обивкой, запрягаемыхъ обыкновенно въ пару бѣлыхъ быковъ, у копорыхъ лбы блестятъ спальными бляхами, и надъ копорыми, съ обѣихъ сторонъ ярма, перегибаются два крѣпкіе бича съ длинными мохрами; въ эпохѣ повозкахъ разглядите дамъ, изъ копорыхъ многія, чертами опимѣнной чистоты, изобличаютъ въ себѣ кровь Кавказа, но копорыхъ красоту, алмазы и наряды надобно угадывать подъ покрывалами и плащами; наконецъ, эпо безчисленное множество муштинъ и женщинъ, стоящихъ, сидящихъ, неподвижныхъ, кружащихся взадъ и впередъ по площади, въ долину, на скапѣ холмовъ, между зелеными палатками, кои увѣнчаны красными флагами или большими мѣдными щитами, разсѣяющихся группами, располагающихся амфитеатромъ, образующихъ длинные ряды, кои разрываются для Пашей, ѣдущихъ верхомъ на лошади, или для патруля пѣхотинцевъ, ходящихъ и уходящихъ, выспавляющихся подъ всѣми цвѣтами и подъ всѣми формами, наслаждающихся подъ лазоревымъ небомъ, при свѣпѣ солнца, при тепломъ дыханіи юга, при прохладномъ сѣверномъ вѣтеркѣ, при звукахъ военной музыки, при благовонномъ дымѣ камьяна и пру-

бокъ; представьте, если можете, эту разнообразную толпу, передъ этимъ роскошнымъ берегомъ Азіи, гдѣ расплачется Скупари, съ своими красноватыми домиками, перемѣшанными съ зеленью и окрашенными послѣднимъ отблескомъ дня, въ виду Босфора... Въсь обширная сцена, горизонтъ коей еще болѣе распространяется широкимъ пролетомъ на Мраморное Море и отдаленнымъ видомъ Олимпа!

Но и искусство не вездѣ бываетъ неудачно, а здѣсь мѣстности удивительно какъ ему способствуютъ. Оба берега канала, освѣщенные отъ Скупари и Спамбула, болѣе чѣмъ на прилѣ длины, и отражающіе въ водахъ своихъ разнообразныя фигуры блестящихъ солнць, репьевъ, треугольниковъ, полумѣсяцовъ, Императорскихъ вензелей, звѣздъ, пушекъ, пирамидъ, триумфальныхъ аркъ, и цѣлыхъ зданій; флотъ, освѣщенный во всѣхъ бойницахъ; холмы, освѣщенные во всѣхъ палаткахъ: въсь иллюминація, съ коюрой никогда и ничто не можетъ сравниться. Вечеромъ, мы остановились на одномъ изъ возвышеній, полюбоваться эпою волшебною сценою. Огни фейерверка погасли, толпы зрителей разошлись, палатки затворились, шумъ умолкъ. Тогда изъ-за горъ Азіи взошла луна; она поднялась, еще не округленная въ своей орбитѣ, и разлила серебряное сіяніе на золотой блескъ иллюмина-

ціи: намъ казалось, что это былъ духъ женщины, еще помящейся въ неволѣ на сей землѣ, еще закупанной въ свое покрывало, и являющейся украдкою полько въ сей часъ одиночества и безмолвія!

Но оставимъ на минуточку сіи наслажденія, которыя повторяются ежедневно. Чтобы пѣшиться ими цѣлые пятнадцать дней, надо имѣть все безстрастіе Турка; а чтобы избавиться отъ жару и пыли, надо безпрестанно подбѣгать къ шапающимся разнощикамъ вишенъ, свѣжей воды, пиворогу, шербецу и мороженаго. Сверхъ того, празднества сіи не принадлежатъ къ числу пѣхъ, кои погружаютъ васъ въ море пріятныхъ ощущеній; здѣсь на ваши напряженныя фибры перепадають полько рѣдкія, перемежающіяся капли, способныя скорѣе раздражить, чѣмъ освѣжить ихъ. Да и можетъ ли быть иначе? Всѣ эти полпящіяся фигуры не имѣють межъ собой никакой связи: господа и рабы, правовѣрные и невѣрные — какое общее впечатлѣніе можетъ колебать споль разнородную массу! Взаимная першимость, къ коей принаровила ихъ долговременная привычка, не составила изъ всѣхъ этихъ колець одной живой цѣпи; въ нихъ нѣтъ электрическаго печенія... И чѣмъ другимъ можно забавляться въ такомъ случаѣ, кромѣ качелей, скакальных досокъ и другихъ грубыхъ ги-

миаспическихъ игръ, или фигляровъ съ обезьянами, медвѣдями, волшебными фонарями, копорыхъ здѣсь пакже не оберешься, какъ на Елисейскихъ Поляхъ или на бульварахъ Парижа?.. Но пойдѣмъ въ Константинополь. Онъ теперь пусть. Пойдѣмъ... поздравимъ его!..

Настоящее торжество не походитъ ли на празднованіе пріста восемьдесятъ первой годовщины занятія Византіи Оттоманами? Мая 29 дня, 1453 года, завоеватель, съ сѣкирою въ рукѣ, заставилъ своего коня перепрыгнуть черезъ дымящійся проломъ къ Святой Софіи и воздалъ въ ней хвалу Аллаху. Мугаммедъ II былъ умный политикъ, беспрашный воинъ, искусный полководецъ, государь хитрый и благородный, свирѣпый и великодушный, коропко сказать: великій человекъ тогдашняго времени. Ему достался Константинополь! Добыча высокая, на копорую Исламизмъ, съ самаго рожденія своего, изъ глубины пустынной своей колыбели, бросалъ жадные взоры, и копорой тщетно домогался стоъ долгое время! Арабская пылкость не удалась: Турецкое терпѣніе воспоржествовало. Правду сказать и по, что въ сіе время, мипрополи Греческаго Христіанства, столицѣ Воспичной Имперіи — въ слѣдствіе внутренихъ раздоровъ и пагубнаго столкновенія съ Лапнизмомъ, потерявшей свое высокое религіозное значеніе и прикрытой одними уже лоскутья-

ми Императорской багряницы — оставалось покориться судьбѣ своей... И вопль теперь на берегахъ Босфора празднуется бракосочетаніе Принцессы, коей дикіе предки обитали на сѣверѣ Каспійскаго моря!...

Приходъ вашъ былъ не совсѣмъ не кспаша, Отпоманы! Воспочной Имперіи надо было кончиться. Обращенная, но не перерожденная новою вѣрою, эта развалина древности исполнила свое назначеніе; она спасла часть древняго міра крещеніемъ и подперла новый хрисіанскій міръ останками мнувшаго; но живя жизнію разнородною, смѣшанною, неплодородною, она должна была умереть. Напрасно Константинополь продавалъ свое старѣйшинство Риму и опречался опъ своей вѣры; Европа не заплавила ему за сіе опспупничество. Европѣ тогда было слишкомъ много дѣла: внѣ, опкрыть и заселить цѣлый материкъ; внутри, преобразовать феодальную и католическую физіономію среднихъ вѣковъ; она была беременна Колумбомъ, Люперомъ и Карломъ V... О какой спранный концерпъ воплей ужаса и надежды, глухихъ рыданій и поржеспвенныхъ криковъ, назадъ тому около чепырехъ вѣковъ, въ подобный день, раздался на сихъ берегахъ! И тогда, тогда праздновался также бракъ, бракъ смерти и крови. Византія, оставшаяся вдовой послѣ своихъ Цезарей, съ слезами на глазахъ и лицомъ завѣшеннымъ праурной пеленой, должна

была принята въ супруги побѣдителя, еще дымящагося кровью дѣшей ея!

Между тѣмъ, вопреки классическимъ іереміадамъ о порабощеніи христіанскаго народа, объ уничтоженіи изящныхъ искусствъ и вторженіи варварства въ лицѣ Оппиомановъ, міръ все продолжалъ идти впередъ, и идетъ досель. Побѣда сокрушила у побѣжденныхъ вѣршія преданія, которыя только что ихъ спутывали: дикое самовластіе Цезаря и паприцевъ; теологическіе споры, сдѣлавшіеся безплодными для успѣховъ ума; бессильное созерцаніе образцовыхъ произведеній древности; наконецъ унизительную для національной гордости хваспливость ложнымъ именемъ Римлянъ. Ставши побѣжденными, Греки снова сдѣлались Греками: они спряхнули съ себя иго своего вѣчнаго Гомера и вѣчныхъ состязаній; освободились отъ своего тяжкаго паприцаша; стали управляться начальниками своей крови, своего выбора, своими священниками. Варвары порабощили ихъ, но оставили имъ ихъ законы, ихъ шуземный судъ; они разрушили ихъ древнія статуи и капища, но оставили алтари и церкви.

И вопль Константинополь сдѣлался лучезарнымъ центромъ безмѣрнаго шапра, который, по словамъ одного Турецкаго поэта, явился во снѣ Оркану, возлежащій на Кавказѣ, Балканѣ, Ливанѣ и Амасѣ, орошаемый Тиг-

ромъ, Эвфрапомъ, Дунаемъ и Ниломъ. Имъ Оппоманы увѣнчали колоссальную имперію, основанную ихъ кровью, и передъ сею грозною главой преклонился Багдадскій Калифатъ, преклонилась сама Мекка. Въ немъ Исламизмъ нашелъ свой Римъ. Вдова Цезарей наслаждается новою славою, бракосочетавшись съ Сулпанами. Чудная судьба древней Византіи! Подъ именемъ Конспанпинополя, она была первою мипрополиею Хрисіанспва; подъ именемъ Спамбула, сдѣлалась впорою мипрополиею Исламизма. Черезъ Конспанпинополь, Западъ клонился къ Востоку всею пняжеспью Конспанпина и Арія, черезъ Спамбуль Востокъ преклонялся на Западъ всею пняжеспью Магомеда II и его наслѣдниковъ. Этому чудному городу неоспоримо принадлежишь честь приговоренія Востока и Запада къ взаимному соединенію. И шакъ приходъ Оппомановъ былъ не совсѣмъ не кспантихвала Аллаху!

На краю Конспанпинополя, при полуденномъ входѣ въ Босфоръ, напрошивъ Скушари, возлѣ самой Святой Софіи, завоеватель утвердилъ престоль могущества своего, въ оградѣ постепенно разширявшейся. Какая гармонія въ эпой группѣ куполовъ, покрытыхъ свинцомъ, нынѣ мрачнымъ, нѣкогда, можешь бышь, раззолоченнымъ, квадрапныхъ массивныхъ зданій, башенъ украшенныхъ шпицами, кіосковъ, широкихъ и вы-

сокихъ спѣнь, изъ-за которыхъ выглядываютъ деревья съ блестящими листьями или съ самой нѣжной зеленью, сосны съ коронами на маковкахъ обнаженныхъ лѣсинъ, и наконецъ кипарисы, воздымающіе оспрымъ конусомъ свои печально-угрюмыя вѣтви!...

Въ эпоху массъ нѣтъ главнаго зданія съ колоссальными размѣрами, все подавляющими и сосредоточивающими на немъ одною удивленіемъ, нѣтъ дворцовъ, парковъ, аллей, расположенныхъ съ пышною симметриею; вы видите только величественную громаду строеній и садовъ, разсипающуюся по вершинѣ и скату холма, сходящаго до самаго моря, и предсавляющую, въ своемъ разнообразіи, удивительную прелесть и величіе. Здѣсь было водружено знамя Пророка, палладіумъ Имперіи. Здѣсь заключены были женщины, составлявшія гордость и роскошь своихъ обладателей. Здѣсь царствовали религія, политика и любовь. Здѣсь диванъ держалъ свои совѣты и сераль плелъ свои интриги. Здѣсь розы, алоэ, тюльпаны и померанцовыя деревья; здѣсь празднества, пѣсни, поцѣлуй и кровь. Здѣсь ядъ губилъ безмолвно, кинжалъ и сабля дѣйствовали смѣлѣе, каналъ содрогался подъ тяжестью, въ коей прелепала еще жизнь, и Порта хвасталась дикими профетями окровавленныхъ головъ. Здѣсь Султаны, по опираясь на янычаровъ и улемъ, по осаждаемые улемами и янычарами, соединен-

ными и раздѣленными поочередно, возсѣдали на скользкомъ преспольѣ, окруженномъ деспотизмомъ и анархіею. Отсюда разразился громъ, пожравшій янычаровъ и подавшій сигналъ къ реформѣ. Однимъ словомъ: здѣсь возрасло и склонилось къ западу счастье Имперіи...

Подлѣ сей группы дворцовъ и зелени, съ какой стороны ни войдете вы въ городъ съ моря, отовсюду взоръ вашъ встрѣтитъ другую группу, благородную и величественную: два купола и десять минаретовъ, кои, сообразно съ почкой зрѣнія, взаимно заслоняютъ другъ друга, перемѣняяютъ мѣста, и даже скрываются вовсе между деревьями сераля. Это Святая Софія, копорая издали имѣетъ величіе и легкость, скрываемыя вблизи массивными контрфорсами зданія. Святая Софія такъ удивительно расположена, что съ перваго взгляда представляется въ полномъ величїи первопреспольнаго храма Христіанскаго; съ боку ея мечеть Ахмета. Первая, сопровождаемая чепырью минаретами съ одной галлереей, огибаетъ прелестнымъ эллипсисомъ свой куполь; вторая, горделивѣе округляя верхъ свой полу-сферою, надменно сопровождается десятью длинными минаретами съ галлерееми въ два и въ три ряда; такъ что, кажется, всѣ усилія сдѣланы, чтобъ предоспавитъ памянику Мугаммеданскому побѣду надъ памяникомъ Христіанскимъ. Впрочемъ,

и сія послѣдняя также имѣетъ счастливое положеніе на мѣстѣ древняго гипподрома, гдѣ предъ ней смиренно склоняются остатки колоннъ и Египетскій обелискъ.

Не смотря на сію видимую вражду памятниковъ двухъ религій, Святая Софія есть типъ всѣхъ Стамбульскихъ мечетей. Въ архитектурной формѣ, изобрѣшенной Греческимъ Христіанствомъ, Исламизмъ воспрѣтилъ споль близкое выраженіе своей собственной вѣры, что усвоилъ его себѣ, прививъ только къ Византійскому искусству часть искусства Арабскаго. Геній Османлисовъ всегда обогащался завоеваніями; языкъ ихъ грабилъ языки Арабскій и Персидскій, архитектура похищена у Греко-Римлянъ. Разсмотримъ цѣлостъ ихъ мечети. Впервыхъ, корпусъ представляетъ длинный чепвероугольникъ, на эпомъ корпусъ огромный куполъ, на куполъ полумѣсяцъ; подъ главой зданія и, такъ сказать, на его плечахъ, покоятся расположенные эпажами полу-куполы разныхъ пропорцій, сообразно съ ступенью, которую они занимаютъ, между тѣмъ какъ со всѣхъ четырехъ угловъ къ большому куполу возходятъ куполы меньшіе, которые почтипельно его прикрываютъ. На обѣихъ боковыхъ фасахъ находятся, съ каждой стороны, по двѣ галлерей, одна надъ другой, съ рядомъ колоннъ въ видѣ аркадъ, покрытыя во всю длину ря-

домъ новыхъ куполовъ. Эпо нѣчто въ родѣ прибавленія къ мечети, коимъ занимается въ вышину до двухъ претей спѣны.

При семъ совершенно воспочномъ изобиліи куполовъ, эпи минареты, идущіе вверхъ шпицами, напоминая собой западную церковь, удивительно какъ гармонируютъ своей прямизной съ безчисленными искривленіями первыхъ: шпицы ихъ можно счесть символомъ молитвы, которая возносится къ небесамъ, тогда какъ рядъ куполовъ смиренно ожидаетъ ниспосланія, благодапной росы. Наконецъ, зданіе мечети довершается оградой изъ спѣнъ и рѣшепокъ, въ коей она спойтъ, какъ мусульманинъ, молящійся на своемъ коврѣ. Тѣнъ кипарисовъ и плапановъ, насаженныхъ безъ всякаго искусствва, воркованье горленокъ и голубей, шумъ воды, копорая для омовенія правовѣрныхъ бьетъ изъ нижней части зданія чрезъ маленькіе фонпаны, расположенные на двухъ боковыхъ его споронахъ, или изъ большаго фонпана, занимающаго центръ двора, напоминаютъ истину словъ Корана, что Богъ вмѣстѣ съ человѣкомъ создалъ и міръ. Внупренноспь мечети имѣетъ характеръ суровый, важный; она боится блеска дня и очарованія искусствъ, обоготворенія солнца и звѣздъ, обоготворенія человѣка и живописныхъ. Окна посредспвенной величны, чепвероугольныя, овальныя, полнокруглыя, спрѣмъчашыя, и раздѣленныя, по большей

часпи, на множествѣ маленькихъ опидѣльцевъ густою маспикою, очень мало пропускаютъ сквозь себя свѣспу; и только въ рамазанѣ, въ рѣдкія эпохи, зданіе освѣщается пысячью лампъ, повѣшенныхъ на его сводѣ. По сей мрачности освѣщенія, равно какъ и по совершенной наготѣ внутренности, гдѣ только возвышаются двѣ большія каедры, гдѣ алтарь есть не болѣе, какъ пустая ниша, указательница положенія Мекки, гдѣ богослуженіе есть не что иное, какъ молитва, сопровождаемая пѣлодвиженіями, безъ всякаго видимаго жертвоприношенія, мечеть больше ослабляетъ, чѣмъ возвышаетъ чувства правовѣрныхъ. Снаружи она можетъ еще производить впечатлѣніе, но внутри больше духовворитъ, чѣмъ оживляетъ: это вѣрнѣйшее изображеніе самого Корана, который въ одномъ стихѣ является споль снисходительнымъ для пѣла, а въ другомъ споль неумолимо-суровымъ, который предназначенъ довольствоватъ собой народъ чувственный, исправляя заблужденія его фанпазіи, обуздывая изступленіе желаній. Такимъ образомъ, мечеть, снаружи представляя великолѣпнѣйшее разнообразіе, внутри всѣмъ жертвуетъ суровому обогшворенію единства. И не замѣчательно ли это новое сходство между Исламизмомъ и духомъ Византійской Имперіи временъ послѣднихъ? Тамъ иконоборство проспиралось

до такого ожесточенія, что вооружалось противъ всякаго видимаго образа, даже представляло Святыи Крестъ безъ божественнаго Распятія; здѣсь даже фанатическая неперпимоспъ изображеній. И пока продолжалось ихъ владычество, Констанпинополь не усовершенспвовалъ ни живописи, ни скульптуры: онъ всегда былъ только архипекпоромъ. Другое сходство! Констанпинополь былъ постоянно столицей законодательспва, испоріи, правительспва и религии: съ Трибоніановъ и Папиніановъ до Хузрековъ и Галевіевъ — здѣсь совершалась кодификація всѣхъ древнихъ законовъ; съ Визанпійскихъ испориковъ до Спамбульскихъ географовъ — издание многопомныхъ, знаменипыхъ хроникъ; наконецъ съ Цезарей Воспочнои Имперіи до Сулпановъ Оппоманской Порпы — смѣшеніе духовной власти съ властію земною. Христіанскій ли, Мугаммеданскій ли, Констанпинополь какъ будто всегда имѣетъ одну судьбу.

(окожаніе слѣдуетъ).

II.

ДРУГОЙ ИЗЪ ТРИНАДЦАТИ *.

ПОВѢСТЬ БАЛЬЗАКА.

§ I.

СЕСТРА ТЕРЕЗА.

Въ одномъ Испанскомъ городкѣ, лежащемъ на одномъ изъ прибрежныхъ оспровковъ Средиземнаго Моря, естъ монастырь Босоногихъ Карме-

* Это второй опривокъ изъ любопытной Исторіи Тринадцати (HISTOIRE DES TREIZE), коей первый эпизодъ напечатанъ былъ въ Телескопѣ 1833 года (NN 9—12). Онъ-то былъ обѣщанъ авпоромъ подь спраннымъ заглавіемъ: NE TOUSNEZ PAS LA NASNE, что можно перевести Русскою пословицей: не играй огнемъ. Мы, съ своей стороны, обязались передавать читателямъ продолженіе сей Исторіи, по мѣрѣ ея появленія въ свѣтъ, и теперь держимъ наше слово. *Изд.*

липокъ, учрежденный Святою Терезою, гдѣ успавъ Ордена сохраняется во всей перво-бытной строгости, учрежденной сею знаменитою женою. Такое явленіе, какъ ни можетъ показаться спраннымъ, есть однако фактъ историческій. Хотя монашескія обители на Пиринейскомъ Полуостровѣ почти все были испреблены или опустошены бурей Французской Революціи и Наполеоновскихъ войнъ, но какъ островъ сей постоянно находился подъ прикрытіемъ Англійскаго флота, то богатый монастырь, на немъ лежащій, и его мирныя обитательницы, укрылись отъ общаго смятенія и разхищенія.

Такимъ образомъ, многочисленныя и много-различныя бури, потрясавшія первое пятнадцатилѣтіе девятнадцатаго вѣка, сокрушились предъ эпою скалой, находящейся въ весьма недалнемъ разстояніи отъ береговъ Андалузій. И если громъ имени Наполеона не могъ не доходить сюда, то, по крайней мѣрѣ, сомнительно, чтобы фантасмическій блескъ славы и лучезарное великолѣпіе его метеорной жизни были понимаемы святыми дѣвами, преклонявшими колѣна свои въ сей обители.

Строгость иноческихъ правилъ, коей вѣки не могли измѣнить, прославила сіе святое убѣжище во всѣхъ странахъ капомическаго міра.

Почему съ самыхъ отдаленнѣйшихъ угловъ Европы спекались сюда печальныя женщины, коихъ души, свергнувъ всѣ человѣческія привязанности, жаждали найти послѣднюю опраду въ безпреспанномъ самоумерщвлении, добровольно совершаемомъ ими въ лонѣ Бога.

Припомъ, нѣтъ монашья, который былъ бы благопріятнѣе совершенному отреченію отъ міра, пребуемому иноческими обѣтами. Конечно, на твердой землѣ Европы много обипелей, созданныхъ съ великолѣпіемъ, приличнымъ ихъ назначенію: однѣ изъ нихъ погребены во глубинѣ долинъ самыхъ уединенныхъ; другіе повѣшены на темѣ крутыхъ горъ, или брошены вскрай бездонныхъ пропащей. Вездѣ человекъ искалъ высокой поэзіи безконечнаго, поржеспвенныхъ ужасовъ безмолвія, вездѣ хотѣлъ приблизить себя сколько возможно къ Богу; онъ преслѣдовалъ его на вершинахъ горъ, во глубинѣ безднъ, по упесамъ крупояровъ, и находилъ всюду. Но нигдѣ въ другомъ мѣстѣ, кромѣ этой полу-Европейской и полу-Африканской скалы, не сходились вмѣстѣ сполько разнообразныхъ и гармоническихъ эффекшовъ, кои всѣ пакъ единогласно и могущеспвенно содѣйспвовали бы къ возвышенію души, къ облегченію ея болѣзненныхъ ощущеній, къ прохлажденію пѣхъ, кои слишкомъ живы, къ оп-

крытію болѣе глубокаго и болѣе просторнаго русла для мукъ, для спраданій жизни.

Монастырь сей построень на краю оспрова, на самой вершинѣ скалы, которая, въ слѣдствіе великаго переворопа, бывшаго когда-нибудь на земномъ шарѣ, переломилась пополамъ со стороны моря, и теперъ, на всѣхъ своихъ пунктахъ представляеть еще свѣжія грани излома, слегка испоченныя волнами по черту, гдѣ соприкасающіяся онѣ съ поверхностію моря, но дальше недосыгаемыя. Скалу сію охраняють опѣ всякаго нападенія грозныя подводныя камни, далеко проспирающіеся въ море, между коими весело играеть блестящая волна. И пакъ, надо бытъ въ полномъ морѣ, чпобы видѣтъ четыре квадрапные корпуса монастырскаго зданія, коихъ форма, вышина, опверзтія, все, съ самою мѣлочною точностію предписано монашескими законами. Со стороны города, церковь закрываеть совершенно сіи массивныя зданія, коихъ кровли покрыты широкими каменными плитами, забралами непреодолимыми ни для вихрей, ни для грозъ, ни для солнечнаго палящаго зноя.

Церковь, обязанная своимъ существованіемъ щедропамъ одной Испанской фамиліи, вѣнчаеть собою городъ. Ея фасадъ, смѣлый и вмѣстѣ красивый, даеть величественно-изящную фізіономію эпому маленькому приморскому городку.

Въ самомъ дѣлѣ, не представляешь ли зрѣлища, запечатлѣннаго прелестію всей земной высоко-спи, картина города, коего спѣсненныя, сбипыя другъ съ другомъ кровли, почти всѣ расположенныя амфитеатромъ вокругъ прелестной гавани, вѣнчаются великолѣпнымъ порпалемъ и го-лическимъ приглифомъ, усѣяннымъ колоколенками и башенками, шпицами и главами? Это картина религіи владычествующей надъ жизнію, представляющая конецъ и средства земнаго бытія; картина въ полномъ смыслѣ Испанская!...

Теперь бросьте эпошь ландшафтъ въ Средиземное Море, подъ знойное, раскаленное небо. Присовокупите еще нѣсколько пальмъ, нѣсколько деревьевъ захирѣвшихъ, но еще сохраняющихъ свою живучесть, коихъ волну-ющаяся зеленая сѣнь мѣшается съ извая-нымъ, неподвижнымъ листьемъ архитектуры. Посмотрите, какъ сѣдая бахрама морской пѣны обвивается вокругъ подножія утесовъ, опливая на голубомъ сафирѣ волнъ; полюбуйтесь галле-реями и террасами, усроенными на каждомъ домѣ, куда жипели приходять дышать вечернимъ воздухомъ среди цвѣповъ, между макушками деревьевъ своихъ маленькихъ садиковъ. Попомъ, въ гавани, нѣсколько мачтъ и парусовъ. Наконецъ, въ пихую, ясную ночь, при ея наспу-пленіи, вслушайтесь въ музыку органовъ, въ це-

рковное пѣніе, въ величественный звонъ колоколовъ на открытомъ морѣ. Вездѣ шумъ и пишина, но чаще пишина одна!

Внутри, церковь раздѣляется на три отдѣла, мрачные и таинственные. Безъ сомнѣнія свирѣпость вѣтровъ помѣшала здѣху устроиться съ боковъ упоры, коими почти вездѣ украшаются старинные готическіе соборы и промежъ коихъ устроиваются обыкновенно часовни; въ слѣдствіе чего стѣны, поддерживающія главную часть зданія, прикрывая собой оба меньшіе отдѣла, не пропускаютъ шума никакого свѣта. Снаружи, онѣ опираются своими сѣрыми громадами на огромные конфорсы, раздѣленные другъ отъ друга нѣкоплыми промежутками. Такимъ образомъ, главная часть церкви и обѣ меньшія боковыя галереи не освѣщаются ни чѣмъ, кромѣ одного большаго круглаго окна съ цвѣтными стеклами, придѣланнаго съ чуднымъ искусствомъ къ верху поршала, въ положеніи самомъ благопріятномъ, позволяющемъ выказать всю роскошь каменной рѣзбы и другихъ украшеній, кои принадлежатъ ордену, такъ несобственно называемому готическимъ.

Большая часть сихъ трехъ отдѣловъ храма предоспавлялась жителямъ города, кои ходили туда слушать обѣдню и другія церковныя службы. Пошомъ, передъ хоромъ, находилась рѣ-

шепка, за которою висѣла темная занавѣсь съ множествомъ складокъ, слегка раздернутая въ срединѣ, чѣмъ можно было видѣть только алтарь и священнодѣйствующаго. Рѣшепка сія, въ неровныхъ промежуткахъ, раздѣлялась столбами, на коихъ держались внушительныя хоры и органы. Будучи совершенно въ гармоніи съ прочими украшеніями церкви, сія послѣдняя снаружи обставлена была рѣзными изъ дерева колонками, принадлежащими къ галлереймъ, утвержденнымъ на столбахъ главнаго опдѣла; такъ что любопытный смѣльчакъ, взобравшись на узкую балюстраду сихъ галлерей, не могъ видѣть внутри хора ничего, кромѣ длинныхъ, расписныхъ, осміугольныхъ оконъ, выпягивающихся ровнымъ строемъ вокругъ главнаго алтаря.

Во время Французской экспедиціи въ Испанію для возстановленія власти Короля Фердинанда VII, по взятіи Кадикса, одинъ Французскій Генераль, прибывшій на сей островъ для утвержденія Королевскаго правленія, продлилъ нарочно свое пребываніе, чѣмъ видѣть эпопѣю монашества, и нашелъ наконецъ средство проникнуть въ оную.

Намѣреніе сіе конечно было очень щекотливо. Но челоуѣкъ съ спрасптію, челоуѣкъ, котораго вся жизнь была не что иное, какъ рядъ поэти-

ческихъ восторговъ въ дѣйствіи, копорый любилъ дѣлать романы, а не писать ихъ—мужъ воли и исполненія—долженъ былъ находить особенное удовольствіе въ томъ, что по наружности казалось невозможнымъ. Отворить себѣ законнымъ образомъ двери женскаго монастыря! Этого онъ едва ли бы могъ достигнуть даже при посредствѣ Папы, не только Митрополита. Упопробить хитрость или силу? Это, въ случаѣ неуспѣха, могло бы стоить ему всего состоянія, всей будущности, не доведши до цѣли. Герцогъ Ангулемскій былъ еще въ Испаніи; и изъ всѣхъ просупковъ, копорые челоувѣкъ, самый любимый Генералиссимусомъ, могъ совершить безнаказанно, одинъ эпопъ не нашелъ бы себѣ помилованія.

Генераль нарочно выпросилъ себѣ это порученіе, чтобъ удовлетворить тайному, любопытству, его снѣдавшему, хопя никогда не было любопытства безнадежнаго. Но сіе послѣднее покушеніе лежало у него на совѣсти. Эпопъ Кармелипскій монастырь былъ одинъ во всей Испаніи, избѣгнувшій его розысковъ. Во время переѣзда, копорый продолжался не болѣе часу, въ душѣ его возникло предчувствіе, благопріятное его надеждамъ. Попомъ — не смотря на то, что изъ всего монастыря онъ видѣлъ только однѣ снѣны, что у монахинь не могъ видѣть даже и плапья, что слышалъ одно только пѣніе ли-

тургии—подъ эпими спѣнами и въ эпомъ пѣнїи, онъ вспрѣпилъ нѣкопорые легкіе признаки, по видимому оправдывавшіе его слабую, пусклую надежду. И какъ ни ничпожны были подозрѣнія, споль спранно возбужденныя, никогда спраспъ человѣческая не была до такой степени взволнована и распалена, какъ любопытство Генерала въ насполящемъ случаѣ. Для сердца нѣтъ ничего мѣлкаго; оно все увеличиваетъ; оно кладетъ на однѣ вѣсы паденіе Имперїи, существовавшей чепырнадцать лѣтъ, съ паденіемъ перчатки, оброненной женщиною, и почти всегда перчатка выходитъ тяжеле, чѣмъ Имперїя. И такъ вопъ расказъ дѣла во всей его испорической простотѣ. За событіями придуть и чувспвованїя.

Черезъ часъ послѣ прибытія Генерала на оспровокъ, власпъ Королевская была въ немъ возспановлена. Нѣсколько Испанцевъ пропивной спороны, убѣжавшихъ сюда ночью по взятїи Кадикса, опсправились въ Лондонъ на суднѣ, которое Генераль дозволил имъ взять. Не было ни соспривленїя, ни реакціи.

Эта маленькая уѣздная Респаврація, разумѣется, не могла обойтись безъ обѣдни, гдѣ должны были присуспствовать обѣ роппы, соспавлявшїя опрядъ Генерала. И вопъ, не зная

спрогоспи заключенія, на которое обречены Босоногія Кармелипки, Генераль надѣялся, въ церкви, получивъ нѣкопорыя освѣдомленія на счесть монахинь, заключенныхъ въ монастырѣ, между коими, можетъ быть, находилось существо бывшее для него любезнѣе жизни и драгоцѣннѣе чести. Но его надежды сначала были жестоко обмануты.

Обѣдня, сказавъ правду, была пѣша съ великолѣпною пышностью. По случаю поржеспва, занавѣси, коими обыкновенно закрывались хоры, были опидернуты, дабы можно было видѣть всѣ сокровища церкви, драгоцѣнныя карпины, оклады и раки, богато украшенныя каменьями, коихъ блескъ заимѣвалъ собой безчисленныя золошья и серебрянныя привѣски, развѣшенныя мапросами *ex voto* по сполбамъ главнаго отдѣла церкви. Но монахини всѣ скрывались за органомъ, внутри хора.

Однако, не смотря на эту первую неудачу, во время благодарнаго молебна, развернулась вдругъ драма, самая занимательнѣйшая, какая когда-либо заспавляла бився сердце чловѣка. Сестра, игравшая на органѣ, возбудила такой живой энтузіазмъ, что никто изъ военныхъ не пожалѣлъ о томъ, что пришелъ въ церковь. Даже солдаты почувствовали удовольствіе; офицеры были въ восторгѣ. Что касается до Генерала, онъ оставался по види-

тому, спокоенъ и хладнокровенъ. Чувствованія, возбужденныя въ немъ различными опрысками, кои играла монахиня, принадлежали къ немногому числу пѣхъ, выраженіе коихъ воспрещено слову, для копорыхъ языкъ безмолвспвуептъ, но копорые, подобно смерти, небу, вѣчности, могутъ бышь оцѣнены полько во время ихъ бѣлаго сопркосновенія съ сердцемъ человѣческимъ.

По особенной случайности, музыка органовъ принадлежала, по видимому, къ школъ Россини, артиста, копорый измилъ наиболѣе спраспи въ музыку и копораго произведенія нѣкогда будупъ внушати, своей многочисленностью и обширностью, благоговѣніе Гомерическое. Между партиціями этого великаго генія, монахиня, казалась, изучила въ особенностии Моисея, безъ сомнѣнія попому что чувство духовной музыки выражается въ немъ въ наивысшей степени. Можепъ бышь, эти двѣ души, одна блистательно-Европейская, другая совершенно безвѣстная, встрѣпились другъ съ другомъ въ одномъ поэпическомъ вдохновеніи. Таково было мнѣніе двухъ офицеровъ, наспоющихъ диллепанповъ, копорые въ Испани, вѣрно, вздыхали о пепатрѣ Фаварѣ. Наконецъ, во время *Te Deum*, нельзя было не признашь души чиспо Французской, въ характерѣ, копорый приняла вдругъ музыка. Триумфъ Христіанивѣйшаго Короля оче-

видно: возбудилъ живѣйшую радость въ сердце монахини. Она вѣрно была Француженка. Вскорѣ чувство патриотизма разразилось, брызнуло, какъ огненный снарядъ, при повпореніи октавъ на органѣ, гдѣ играющая сестра сосредоточила мотивы, дышущіе всей нѣжностью Парижскаго вкуса, присоединивъ темныя отзвуки лучшихъ Французскихъ національныхъ пѣсней. Пальцы Испанки не могли бѣ сообщить эпическому выраженію чувствъ, во славу побѣдоноснаго Французскаго оружія, того жара, который не оставилъ уже никакого сомнѣнія въ разсужденіи опечесива безвѣстной музыкантши.

— Вездѣ Франція! примолвилъ одинъ солдатъ.

Генераль вышелъ вонъ изъ церкви, во время *Te Deum*. Онъ не могъ болѣе слушать. Игра монахини изобличала предъ нимъ женщину, любимую съ упоеніемъ, которая такъ глубоко погребла себя въ лонѣ религіи и такъ щцщательно укрылась отъ взоровъ свѣта, что до сихъ поръ избѣгала самыхъ упорныхъ розысковъ, коими управляли со всей ловкостью люди, располагавшіе силою огромною и средствами необыкновенными.

Подозрѣніе, возбужденное въ сердце Генерала, было почти оправдано темъ опоздавшимъ напѣвомъ прелестной меланхолической

аріи, извѣспной подь именемъ ромаса: *Fleuve du Tage*, коей прелюдію слыхаль онъ пакъ часпо въ Парижскомъ будуарѣ, изъ усгь любимаго имъ созданія, и копорою монахиня воспользовалась шеперь, чпобы, посреди торжественной радости побѣдителей, выразить скорбныя сѣпованія изгнанницы. Ужасное соспоянїе! Получить внезапно надежду воскресенія любви, совершенно погибшей, найши ее ояпть, эпу любовь, и найши все вдругъ погибшею, озарипсья пакже сїанїемъ ея послѣ цѣлыхъ пяпи лѣпъ, въ продолженіе конхъ спраспъ полько что раздражалась пустопою и увѣличивалась бесполезностью покушеній для ея удовлетворенія.

Кто въ жизни, по крайней мѣрѣ одинъ разъ, не опрокидываль вверхъ дномъ все у себя, бумаги, мебели, весь домъ; не перерываль всѣхъ пороковъ своей памяпи съ безпокойнымъ неперитїемъ, дабы опыскапъ дорогую заперявшуюся вещь, и не чувспивоваль несказаннаго удовольствїя, находя ее, послѣ одного или двухъ дней, проведенныхъ въ бесполезныхъ поискахъ, послѣ тысячекрапныхъ надеждъ и тысячекрапнаго опчаянїя найши ее, испытавъ живѣйшія попрясенія души изъ-за эпой бездѣлки, копорая на ту пору дѣлалась почпи настоящею спраспью? Теперь, продлите эпопъ родъ бѣшенства на цѣлыя пяпъ лѣпъ; поспавыше, вмѣспо этой бездѣлки, женщину, сердце, любовь;

перенесите спросить въ самыя высшя сферы чувства. Попрошь, вообразите себѣ челоука огненнаго, челоука съ сердцемъ и видомъ львинымъ, одного изъ тѣхъ людей съ гривой, которые внушаютъ всѣмъ благоговѣнный ужасъ! Тогда, можетъ быть, вы поймете внезапный выходъ Генерала во время *Te Deum*, въ шумину, какъ прелюдя романа, нѣкогда внимаемаго имъ съ такимъ наслажденіемъ, въ раззолоченныхъ спѣнахъ Парижскаго будуара, раздалась подъ мрачными сводами эпои уединенной церкви.

Онъ ударился внизъ по косогору, ведущему въ церковь, и оспановился погда только, когда величественные звуки органа переспали доходить до его слуха.

Неспособный думать ни о чемъ, кромѣ своей любви, коеи волканическое изверженіе сожигало его сердце, Генераль замѣпилъ конецъ молебствія уже въ то время, какъ Испанцы, присупствовавшіе при ономъ, хлынули волнами изъ церкви. Тогда онъ почувствовалъ, что поведеніе его и соспояніе, въ коемъ онъ теперь находился, могутъ показаться странными и даже смѣшными; почему воропился занять свое мѣспо впереди кортежа, сказавъ алькаду и губернатору города, что внезапно случившаяся дурнопа заспавила его выпипи освѣжипсья воздухомъ.

Попомъ, чтобы оспаться подольше на оспровъ, онъ вздумалъ воспользоваться симъ же самымъ предлогомъ, сначала пришедшимъ ему въ голову безъ всякаго намѣренія. Ссылаясь на увеличившееся нездоровье, онъ отказался бытъ на объѣдъ, данномъ властями оспрова Французскимъ офицерамъ, слегъ въ постель и велѣлъ извѣстить генерал-маіора о своей внезапной, не опасной болѣзни, съ присовокупленіемъ, что въ слѣдствіе опой, команда надъ опрядомъ, приемъ бывшимъ, сдана его адьюпанту. Уловка сія, такъ протая и такъ напуральная, избавила его отъ всякой заботы, на все время, нужное для исполненія его намѣреній.

Какъ человекъ, въ душѣ католикъ и монархистъ, онъ спросилъ о часахъ церковной службы и показалъ глубочайшую привязанность къ религіознымъ обрядамъ, что впрочемъ въ Испаніи возбудить особеннаго не могло удивленія.

На другой день, въ то время какъ солдаты опправлялись съ оспрова, Генераль былъ уже въ церкви у вечерни. Онъ нашелъ церковь совершенно пустую: ибо жители, при всей своей набожности, увлечены были любопытствомъ на приспань, смотрѣть, какъ сажались солдаты.

Радуясь, что видить себя одного, Генераль съ намѣреніемъ началъ ходить взадъ и впередъ по церкви, оглашая звучные своды ея спуккомъ своихъ шпоръ, кашлялъ, говорилъ громко самъ

съ собою, дабы дать знать монахинямъ, и особенно музыкантшѣ, что, хотя Французы и отправились съ острова, одинъ изъ нихъ здѣсь остается.

Эти знаки былиль услышаны, былиль поняты?.. Генераль имѣлъ причины думать утвердительно.

При пѣніи: *Magnificat*, органы, показалось ему, издали отвѣтъ, принесенный волшебнымъ содроганіемъ воздуха. Душа монахини какъ будто рвалась къ нему на крыльяхъ ношѣ, вся вспрепенувшись въ движеніи звуковъ. Музыка грянула всею своею силою, разлилась огненнымъ языкомъ по церкви. Сія пѣснь радости, освященная высокимъ богослуженіемъ Христіанства для выраженія воспорговъ души предъ вѣчнымъ свѣпомъ присносущаго Божества, теперь выражала сердце, почти успрашившееся своего блаженства предъ земнымъ сіяніемъ преходящей любви, которая все еще шлилась и вспыхивала за предѣлами священной могилы, гдѣ опшельницы погребали себя, дабы возродиться невѣстами Христа.

Изъ всѣхъ инструментовъ, созданныхъ чело-вѣческимъ геніемъ, органъ, безъ сомнѣнія, есть самый обширный, самый смѣлый, самый великодушный. Это цѣлый оркестръ, изъ котораго искусная рука можетъ извлечь все; онъ все можетъ выражать. Его можно назвать пѣдеспаломъ, на который душа опирается, чпобъ

ринуться далѣе, когда, плавая надъ жизнью, дабы изобразить ее, усиливается пробѣжать всю безпредѣльность, опдѣляющую небо отъ земли. Чѣмъ болѣе поэтъ вслушивается въ его исполнинскую гармонію, тѣмъ глубже постигаетъ, что, между людьми, преклоняющими свои колѣна во храмъ, и Божествомъ, скрывающимся въ неприсутствіи сіяніи святилища, только епоголосоу сего земнаго хора могутъ наполнить разстояніе, и что они суть единственные полемачи, кои сколько сильны, что могутъ передавать небу мольбы людей во всемъ всемогуществѣ ихъ изліяніи, со всѣмъ разнообразіемъ сопряженныхъ съ ними думъ, со всѣми радужными цвѣтами ихъ созерцательныхъ воспокоговъ, бурными порывами раскаяніа, пысячью оппѣнками вѣрованій. Да! подъ сими огромными сводами, мелодіа, пораждаемая духомъ благочестія, приобрѣтаютъ неслыханное величіе, коимъ красятся и возвышаются! Тусклое мерцаніе свѣта, глубокое безмолвіе предстоящихъ, пѣніе чередующееся съ громомъ органовъ, составляютъ родъ панспвенной завѣсы, сквозь которую просіяваетъ ослѣпительными лучами присносуцная полнопа славы Божіей!

И всѣ сіа божеспвенныа сокровища, по видимому, брошены были, какъ зерно оиміама, на пыльный алтарь Любви, предъ лицомъ Бога ревности, Бога кары!

Въ самомъ дѣлѣ, радость монахини не имѣла того характера величія и суровости, который приличесивовалъ поржественному пѣнью *Magnificat*. Она дала ему такое роскошное, такое плѣнительное развитіе, что разнообразіе его рѣмовъ слишкомъ ясно изобличало веселость человѣческую. Мотивы ея сверкали руладами пѣвицы, усиливающейся выразить любовь земную; пѣсь скакала, словно ппичка возлѣ своей подруги. Въ инья минупы, опирядывала она въ прошедшее, и памъ рѣзвилась или плакала, поочередно. Въ эпой безпреспанной измѣнчивости ея пона выражалось что-то безпорядочное, что-то подобное волненію женщины, счастливой возвращеніемъ своего любовника. Попомъ, послѣ этого перелива фугъ, изобличающаго безуміе упоенія, послѣ эпихъ дивныхъ опголосковъ воспорга, празднующаго фанпастическое свиданіе сердца съ сердцемъ, душа, говорившая такимъ образомъ, вдругъ возвратилась къ самой себѣ. Арписпка, перешедши изъ мажора въ миноръ, какъ будто хопѣла ознакомить слушателя съ настоящимъ ея положеніемъ. Она рассказала ему о своей глубокой меланхолии, описала нравственный недугъ, медленно ее пожирающій. Да! каждый день она испребляла въ себѣ какое-нибудь чувство, каждую ночь опрываета опъ себя какую-нибудь мысль, постепенно обращая сердце свое въ пснель!

Тогда, заструились самые нѣжные звуки; и, оцвѣпляясь все больше и больше, музыка приняла характеръ глубочайшаго унынія, аккорды брызнули потоками скорби. . . Наконецъ, вдругъ, самыя верхнія ноты раздались концертомъ совершенно ангельскихъ голосовъ, какъ будто возвѣщая любовнику, поперянному, но не позабытому, что соединеніе душъ ихъ совершилось полюкко въ небесахъ: прогапельная надежда! Наспаль *Атеп*: здѣсь уже не было ни радости, ни слезъ, ни меланхоли, ни вздоховъ: *Атеп* эпопѣ былъ возвращеніе къ Богу. И сей послѣдній аккордъ былъ такъ суровъ, такъ поржеспивенъ, такъ грозенъ! Монахиня вся, какъ будто, разоблачилась, и, извлекши изъ басовъ послѣдній ропопъ, опъ копорого дыбомъ спали волосы у слушателей, снова погрузилась въ могилу, изъ копорой вышла на минупу. И когда звуки поспепенно спихая умолкли, можно было подумать, что церковь, дополь вся облипая свѣпомъ, сама погреблась въ глубочайшую мглу.

Генераль быспро увлеченъ былъ полепомъ сего могучаго генія и мчался за нимъ по всѣмъ обласпямъ пробъгаемаго имъ фанпаспическаго міра. Онъ поспигаль, во всей ихъ обширности, картины, коими кипѣла эпа огненная симфонія; ея аккорды имѣли для него глубочайшій смыслъ. Для него, какъ и для игравшей монахи-

ни, эта поэма составляла все: будущее, настоящее и прошедшее!

Для душ нежных и поэтических, для сердец пораженных и спраждущих, музыка, даже шапральная, не служилъ ли текстомъ, копорой онъ развиваютъ своими воспоминаніями? Надо имѣть душу поэта, чтобъ быть музыкантомъ; надо быть поэтомъ и любить, чтобъ быть въ состояніи слушать и понимать музыкальныя произведенія. Вѣра, Любовь и Музыка не суть ли тройственное выраженіе одного и тогоже факта, потребности изліянія, копорая мучитъ всякую благородную душу? Сія внутренняя поэзія, всѣ равно стремятся къ Богу, въ рукѣ коего развязка всѣхъ земныхъ обуреваній сердца. Посему эта святая троичность человеческой природы оппечатлѣваетъ на себѣ безконечное величіе Божества, копорое мы не умѣемъ иначе изображать, какъ окружая огненными волнами любви, золотыми пимпанами, символами музыки, свѣта и гармоніи? Не есть ли оно начало и конецъ всѣхъ нашихъ дѣлъ?

Генераль понялъ, что въ этой пустынѣ, на этой скалѣ окруженной моремъ, монахиня обрадовалась музыкѣ, какъ единственному средству изліть избытокъ счастья, ее пожирившей. Трудно рѣшить, что здѣсь порожествовало: любовь надъ вѣрой, или вѣра надъ любовью. Но Генераль былъ твердо увѣренъ, что въ

эпомъ сердць, умершемъ для свѣта, онъ найдеть спрась спольже пламенную, какъ и его собственная.

По окончаніи вечерни, онъ воропился къ алькаду, у котораго кварпироваль. Сначала погдощенный въ морѣ наслажденія, раждающагося опть удовлетворенія желанію, споль долго ожиданному, удовлетворенія, сповившаго такихъ паяжкихъ прудовъ, онъ не смотрѣлъ, и не видѣлъ ничего далѣе. Уединеніе должно возраспить любовь въ ея сердць, такъ какъ въ немъ она возрасла опть препяпствій, кои эпа женщина поспепенно полагала и уничтожала между имъ и собою! Но эпомъ чистый цвѣтъ души дллся не долго. За нимъ слѣдовало желаніе увидѣться съ эпой женщиной, и оспорить, похипить ея у неба: замысель безразсудный, который могъ родиться шолько въ его дерзкой головѣ!

Послѣ обѣда онъ легъ въ постель, чпобы избѣжашь распросовъ, оспашься наединѣ, подумашь на свободѣ, и до упра оспался погруженъ въ глубочайшую думу. Онъ вспаль, какъ уже настпаль часъ обѣдни, немедленно опсправился въ дерковъ, и помѣспился возлѣ рѣшетки. Лице его касалось занавѣси; онъ хотѣлъ бы разорвать ея, но, по несчастію, былъ не одинъ. Хозяинъ изъ вѣжливости провожалъ его, и малѣйшая неоспорожность могла уничтожитъ все будущее

его страсти, разрушишь всё новыя ея надежды.

Органъ заигралъ, но уже не подъ пѣми пальцами. То была не монахиня двухъ предидущихъ дней. Все спало вдругъ блѣдно и холодно для Генерала. Его возлюбленная не была ли подавлена пѣми же чувствами, подъ копорыми едва не изнемогло могучее сердце война? Или она такъ горячо раздѣлила любовь, споль желанную, чпо это повергло ее на смертное ложе въ ея кельѣ?

Въ ту минупу, какъ пысячи подобныхъ мыслей возникали въ душѣ Француза, онъ услышалъ возлѣ себя голосъ обожаемой имъ женщины, коей среброзвучный органъ призналъ въ поже мгновение. Этопъ голосъ, немного дрожавшій опъ цѣломудренный робоспи, сполько украшающей молодыхъ дѣвушекъ, рѣзко выливался изъ пѣнїя, почно какъ голосъ прима-донны выливается изъ гармонїи финала. Онъ производилъ надъ душею такое же дѣйствїе, какое производилъ надъ глазами серебряная или золотая нить въ темной шерстяной матерїи.

Это была почно она! Все шаже Парижанка, она не распалась съ своимъ кокепствомъ и погда, когда промѣняла блиспапельные наряды на покрывало монахини, на суровую власяницу Кармелипки. Наканунѣ, высказавъ свою любовь посреди словословія возсымаемыхъ къ Господу,

теперь она, казалось, говорила своему любовнику: Да эпо я! Я здѣсь и все люблю еще, но уже безопасна опть любви. Ты меня услышишь. Душа моя обовьется вокругъ тебѣ; но я оспанусь подъ мрачнымъ саваномъ эпого хора, откуда никакая сила не можетъ меня испоргнуть... Ты меня не увидишь...

— Эпо она, сказалъ самъ себѣ Генераль, поднимая голову и освобождая изъ рукъ, которыми принужденъ былъ поддерживать ее, не могли сначала выносить подавляющаго чувства, подобно вихрю забушевавшаго въ его сердце, какъ скоро эпопть знакомый голосъ раздался подъ сводами храма, сопровождаемый шумомъ морскихъ волнъ. Буря была внѣ, тишина въ святилищѣ.

Эпопть роскошный голосъ продолжалъ очаровательно переливаться, струясь цѣлебнымъ бальзамомъ на пылающее сердце любовника, разливаясь въ воздухъ сладкимъ благоуханіемъ, въ коемъ можно было упиваться изліяніями души, распочающей любовь на крыльяхъ молитвы.

Алькадъ пришелъ въ церковь къ своему госпоу, и нашель его заливающагося слезами, при Возношеніи Даровъ, внимая пѣнію монахини. Онъ увель его съ собою. Удивленный такою набожностію въ Французѣ, и еще военномъ, Алькадъ пригласилъ къ себѣ опобѣждать монашескаго духовника и предувѣдомилъ о томъ Генерала,

которому не могло быть ничего приятнее сей новости. Во время обѣда, духовникъ былъ предметомъ особенной внимательности Француза, и его корыстное уваженіе утвердило Испанца въ высокомъ мнѣніи, которое онъ возымѣлъ о его набожности. Онъ спрашивалъ весьма важно о числѣ монахинь, входилъ въ подробности касательно доходовъ монастыря и его богатствъ, какъ будто желая изъ вѣжливости занять доброго спарика такими предметами, которые къ нему были особенно близки. Попомъ навѣдывался о жизни, которую ведутъ святыя дѣвы. Могутъ ли онѣ выходить? Можно ли видѣть ихъ?

— Господинъ Генераль, отвѣчалъ почтенный священникъ: успавъ монастыря спрогъ. Если безъ соизволенія Святейшаго Опца, ни одна женщина не можетъ входить въ обитель Святаго Бруно, то и здѣсь таже спрогоспъ. Не дозволяется ни одному мушину входить въ монастырь Босоногихъ Кармелинокъ, исключая только священника, опредѣленнаго Архіепископомъ для совершенія службы. Сестры никогда не выходятъ изъ монастыря, хотя сама Великая Святая (машь Тереза) часто оспавляла свою келью. Только Визитаторъ и Мапери Игуменьи могутъ позволять иногда монахинямъ съ разрѣшенія Архіепископа видѣть чужихъ людей, особенно въ случаѣ болѣзни. Но нашъ монастырь одинъ изъ главныхъ въ Орденѣ, и попому мы имѣемъ у

себя Мать Игуменью. Между разными чужестранцами, еспь у насъ одна Француженка, сеспра Тереза, копорая управляетъ пѣніемъ и музыкой въ цѣркви.

— А! прервалъ Генераль, припворившись удивленнымъ. Она должна бытъ довольна поржеспвомъ оружія Бурбоновъ?

— Я имъ рассказывалъ предметъ молебствія... Онъ вѣдь всегда немножко любопытны...

— Но сеспра Тереза можетъ бытъ имѣеть дѣла во Франціи: не хочется ли ей навѣдашься о чемъ, нибудь или послашь опть себя извѣстіе?

— Не думаю. Въ такомъ случаѣ, она бы обратилась ко мнѣ.

— Какъ соопечественникъ, сказалъ Генераль, я очень бы любопытенъ былъ ее видѣть... Еслибъ это было возможно, еслибъ Мать Игуменья согласилась, еслибъ...

— Черезъ рѣшешку, и даже въ присутствіи самой Преподобной Мапери, свиданіе невозможно ни съ кѣмъ, кпо бы то не былъ. Развѣ изъ уваженія къ освободителю Капюлическаго Трона и Святой Цѣркви, не смотря на строгость монашья, законъ можетъ уснутъ на минутку, сказалъ духовникъ прищуря глазами... Я поговорю объ этомъ.

— А какихъ лѣтъ сеспра Тереза, сказалъ

любовникъ, не осмѣливаясь спросить у священника о красотѣ монахини.

— У ней нѣтъ ужъ лѣтъ, отвѣчала старикъ съ проспотою, копорая заспавила содрогнуться Генерала.

На другой день по упру, передъ сѣспой, духовникъ пришелъ къ Генералу съ извѣспіемъ, что сестра Тереза и Мать Игуменья согласились принять его за рѣшеткой въ пріемной залѣ передъ вечерней.

Потомъ, послѣ сѣспы, въ продолженіе коей Генераль, чпобъ убить время, прогуливался по приспани не смотря на полуденный зной, священникъ пришелъ за нимъ и повелъ его въ монастырь. Онъ привелъ его въ галерею, копорая шла вдоль кладбища, и гдѣ нѣсколько фонтановъ, зеленѣющіе деревья и множество аркъ поддерживали прохладу, весьма приличную безмолвію мѣста. Доспигши конца сей длинной галлерей, священникъ ввелъ спутника своего въ залу, раздѣленную на двѣ часпи рѣшеткой, закрытой темною занавѣсью.

Въ той часпи, копорая была нѣкопорымъ образомъ публичною и гдѣ духовникъ оставилъ Генерала, вдоль спѣны пянумась длинная деревянная скамья; нѣсколько каедръ, равно деревянныхъ, спояло возлѣ рѣшетки. Пополокъ соспоялъ изъ накапа кедровыхъ брусевъ, безъ всякаго украшенія. Свѣтъ проникалъ въ эту

залу посредствомъ двухъ оконъ, находящихся въ часпи, назначенной для монахинь, и былъ пакъ слабъ, особенно поглощаясь пемнымъ цвѣпомъ дерева, что едва освѣщаль большое черное Распяіе, поршрешъ Святой Терезы и образъ Богоматери, коимъ украшались сѣдыя спѣны.

Слѣдствіемъ сего было, что чувспвованія Генерала, не смотря на ихъ бурное волненіе, приняли цвѣпъ меланхолическій. Его упишила эша деспотическая пишина. Что-то великое, какъ смерть и могила, обьяло его въ сихъ хладныхъ спѣнахъ. Здѣсь не то же ли нерушимое безмолвіе, не попъ же ли глубокій миръ, не пѣже ли идеи безконечнаго? И попомъ, эша нерушимоспъ покоя, эша вѣчно неизмѣнная мысль, копорю проникнуло все, и воздухъ и свѣпъ монаспыря, и копорая не будучи нигдѣ изображена буквами, пѣмъ яснѣе представляется воображенію, мысль *успокоенія въ Господь*, врывается силой въ душу, наименѣе благочеспивую.

Существованіе мужскихъ монаспырей какъ-то менѣе еспеспвенно. Мужчина въ нихъ кажется слабымъ, онъ рожденъ дѣйспвовать, рожденъ для жизни прудовъ, опъ копорыхъ избавляешъ себя, укывшись въ кельѣ. Но въ монаспырѣ женскомъ, сколько мужеспвенной силы соединено съ прогательною слабоспію! Тысяча чувспвованій могутъ низвергнуть му-

щину во глубину монастыря; онъ бросается въ него спремглавъ какъ въ пропасть; но женщину влечетъ всегда одно только чувство, она не измѣняетъ и здѣсь себя, она спановится невѣстою Христовой. Вы можете сказать монаху: за чѣмъ ты не боролся? Но добровольное, заключеніе женщины не есть ли уже высокая борьба?

Коротко сказать, Генераль нашелъ эту безмолвную залу и эпотъ монастырь, заперянный въ морѣ, наполненными одною ею. Любовь рѣдко достигаетъ характера поржеспвенности; но любовь, сохраняющая вѣрность и въ нѣдрахъ Божества, не есть ли нѣчто высокпоржеспвенное, болѣе нежели сколько можно ожидать въ девятнадцатомъ вѣкѣ, по господствующимъ нравамъ? Безпредѣльное величье подобнаго соспожня души не могло не подѣйствовать на Генерала, который самъ былъ сполько высокъ, что могъ позабыть все, и полипику, и честполюбіе, и Испанію, и Парижъ, и постичь всю высокость такой развязки. Въ самомъ дѣлѣ, что могло быть болѣе прагического? Сколько чувствованій въ эпотъ положеніи двухъ любовниковъ, соединенныхъ посреди моря на одной граничной скалѣ, и разлученныхъ на вѣки непреодолимой преградой, преградой идеи! Воспоржеспвую ли я въ эпотъ сердце? вопъ что онъ твердилъ себя.

Легкій шорохъ заставилъ его вздрогнуть. Темная занавѣсъ отдернулась, и онъ увидѣлъ

при свѣтѣ споящую женщину, коей лице, по успаву монастыря, было совершенно скрыто покрываломъ, опущеннымъ на грудь съ головы, на которой было собрано. На ней было плащье, котораго цвѣтъ вошелъ въ поговорку. Генераль не могъ видѣть обнаженныхъ ногъ монахини, которыя могли бы изобличить ея ужасное изнуреніе. Но не смотря на безчисленныя складки грубаго плащья, въ которомъ была закутана эта женщина, онъ могъ угадать, до какой степени измождали ее слезы, молитвы, спрашь и опшельничество.

Ледяная рука другой женщины, безъ сомнѣнія Игуменья, держала еще занавѣсь, и Генераль желая разсмотрѣть, кто будетъ свидѣтелемъ наступающей сцены, встрѣпилъ черный и глубокій взглядъ старой монахини, почти спольпней, но взглядъ ясный и молодой, какъ будто изобличавшій во лжи безчисленныя морщины, коими изрыто было блѣдное лице этой женщины.

— Герцогиня, спросилъ онъ, глубоко пронумымъ голосомъ монахиню, которая спояла опустивъ голову: ваша подруга знаетъ ли по Французски?

— Здѣсь нѣтъ Герцогини, отвѣчала монахиня, вы видите предъ собой сестру Терезу. Женщина, которую вы называете моею подругой, есть мать моя о Господѣ, начальница здѣсь на землѣ.

Сии слова, такъ смиренно произнесенныя—голосомъ, который нѣкогда былъ въ совершенной гармоніи съ роскошью и изящесловомъ; окружавшими эту женщину, царицу моды въ Парижѣ—успами, коихъ языкъ тогда былъ такъ легко и насмѣшливъ — поразили Генерала, какъ громомъ.

— Святая Мать говоритъ только по Лапыни и по Испански, присовокупила она.

— Я не знаю ни того, ни другаго языка; извини меня передъ ней, милая моя Анпуанешпа.

Услышавъ свое имя, произнесенное съ такою нѣжностію, человѣкомъ прежде споль для ней жестокимъ, монахиня ощутила живѣйшее волненіе, избличенное легкимъ препенемъ ея покрывала, на которое свѣтъ упалъ прямо.

— Братъ мой, сказала она, поднявъ руку подъ покрывало, можетъ быть для того, чпобы опереть глаза свои; я называюсь сестра Тереза...

Она обернулась попомъ къ Игуменьѣ и сказала ей по Испански слѣдующія слова, копорыя Генералъ понялъ совершенно; онъ зналъ эпопъ языкъ сполько, чпо могъ не сполько понимать, но даже можетъ быть и говорить на немъ:

— Мать моя! эпопъ кавалеръ свидѣтельствуетъ вамъ свое почпеніе и проситъ изви-

нипѣ его, что не можетъ самъ повергнуть оное къ спопамъ вашимъ, ибо не знаетъ языковъ, на копорыхъ вы говорите. . .

Старуха медленно наклонила голову: ея фязіонмія приняла выраженіе ангельской кропоспи, къ копорому однако примѣшивалось чувствво власти и dospoincтвa.

— Ты знаешь эпого кавалера? спросила ее Игуменья, бросивъ на нее проникающій взглядъ.

— Знаю, мапъ моя.

— Воропись же въ свою келью, дочь моя, сказала Игуменья повелительнымъ тономъ.

Генераль быспро исчезъ за занавѣсью, дабы не дапъ замѣнитъ на лицѣ своемъ ужасное попрясеніе, взволновавшее всю его душу; и во мракѣ все еще видѣлись ему пронзительные взоры Игуменьи. Сія женщина, владычица эпой минуны блаженства, спойвшей ему сполькихъ прудовъ, испугала его, и онъ трепепаль, онъ, копорый не содрогался никогда передъ пройнымъ рядомъ пушекъ.

Герцогиня пошла къ двери, но вдругъ обернулаеь и сказала голосомъ, выражавшимъ ужасное спокойствіе:

— Мапъ моя, эпопъ Французъ одинъ изъ моихъ брапьевъ.

— Такъ останься, дочь моя, опвѣчала старуха помолчавъ не много.

Въ этой высоко Лезуивской черпѣ изобли-
чилось столько любви и спраданія, что чело-
вѣкъ, менѣ сильный чѣмъ Генераль, поперялся
бы въ чувствѣ живѣйшаго наслажденія не смо-
пря на ужасную опасность, совершенно для него
новую, въ коей онъ пеперь находился. Какую цѣ-
ну должно было имѣть слово, взглядъ, движеніе,
въ этой сценѣ, гдѣ любовь должна была спа-
саться опъ глазъ рыси, опъ когшей пигра!

Сестра Тереза воропилась.

— Вы видите, на что я осмѣлилась рѣшиться,
братъ мой, чтобы побесѣдовать съ вами о
вашемъ спасеніи и о пѣхъ обѣпахъ, кои сердце
мое возсылаетъ за васъ къ Богу ежедневно. Я
взяла смерпной грѣхъ на душу. Я солгала.
Сколькихъ дней раскаянія будетъ спойтъ мнѣ
эпа ложь! Но я буду спрадать за васъ. Вы не
знаете, братъ мой, какое блаженство любить
въ небесахъ, имѣть право признаваться себѣ
въ своихъ чувспвованіяхъ, когда вѣра перенесла
ихъ въ высшій міръ, когда намъ дозволено
видѣть душу душею. Если бы ученіе Свяпой,
даровавшей намъ сіе убѣжище, не оппоргло
меня давно опъ суетъ земныхъ и не перенесло
бы далеко за предѣлы здѣшняго міра, я бы не
рѣшилась съ вами увидѣться. Но я могу видѣть
васъ, слышать, и бытъ спокойною...

— О Анпуанеппа! вскричалъ, Генераль пе-
рерывая слова сіи: сдѣлай же, чтобы я видѣлъ

тебя. . . тебя, которую люблю теперь съ упо-
еніемъ, съ безуміемъ, какъ ты хотѣла быть
любимою. . .

— Не называйте меня Антуанеттою, умо-
ляю васъ. Воспоминанія прошедшаго причиняютъ
мою скорбь. Прошу васъ видѣть во мнѣ се-
стру Терезу, созданіе предавшееся милосердію
Божію. . . И — присовокупила она помолчавъ не
много—умѣрыте себя, братъ мой. . . Мать Игумен-
ня безжалостно разлучилъ насъ, если лице
ваше изобличитъ спраспи мірскія, или на гла-
захъ вашихъ покажутся слезы.

Генераль опустилъ голову, чтобы собраться
съ мыслями. Когда онъ поднялъ опять глаза
на рѣшетку, то увидѣлъ промежъ двухъ по-
лосъ сухое лице монахини, блѣдное, но еще го-
рящее. Это лице, которое нѣкогда разцвѣтало
всеми прелестями юности, гдѣ махова бѣлиз-
на такъ очаровательно спорила съ яркимъ ру-
мянцомъ Бенгальской розы, приняло цвѣтъ фар-
форовой вазы, подъ которую едва теплился сла-
бый огонекъ. Волны роскошныхъ волосъ, кои
нѣкогда были гордостью этой женщины, сдѣ-
лались жерпвой ножницъ. Повязка обвивала
ея чело и закрывала лице. Глаза, обведенные
черными кругами, слѣдствіемъ изнуришельной
жизни, сверкали по временамъ огнемъ горячки, и
ихъ обыкновенное спокойствіе было только за-

вѣсою. Однимъ словомъ: опъ эпой женщины оспавалась полько душа одна.

— О нѣтъ! ты оспавишь эту могилу, ты, въ копорой вся жизнь моя! Ты принадлежала мнѣ, и не вольна была опдавать себя, даже самому Богу. Развѣ ты не обѣщалась жерпво-
вать вѣмъ малѣйшему изъ моихъ приказаній? Теперь, ты найдешь меня можешь быть до-
спойнымъ эпого обѣщанія, когда узнаешь, что я сдѣлалъ для тебя. О моя возлюбленная! Я
искалъ тебя по всему свѣту! Въ эти пять
лѣтъ, ты была единственною мыслию вѣхъ
моихъ мгновений, единственнымъ занятіемъ всей
моей жизни! Друзья мои, друзья могучіе — ты
это знаешь — помогали мнѣ вѣми сила-
ми. При ихъ помощи я обыскалъ сполько мона-
спырей, во Франціи, въ Италіи, въ Испаніи, въ
Сициліи, въ Америкѣ. Любовь моя разгаралась
при каждомъ напрасномъ поискѣ. Часпо ложная
надежда заспавляла меня пускашь за тысячу
миль. Я распочилъ мою жизнь, испощилъ бла-
городнѣйшіе порывы моего сердца подъ мрач-
ными спѣнами сполькихъ монастырей... Не
хочу увѣрять тебя въ какойнибудь безпредѣль-
ной вѣрности... Это ничто въ сравненіи съ вѣ-
чными обѣщаніями моей любви... Если раскаяніе
твое было истинно, ты не должна колебаться
слѣдовать за мною...

— Вы забываете, что я не свободна.

— Герцогъ умеръ, опвѣчалъ онъ быспро.

Краска выступила на лицѣ Терезы.

— Да упокойтъ Господь душу сго, сказала она съ живѣйшимъ волненіемъ: онъ былъ пакъ великодушень со мною. Но я говорила не объ ѡпихъ узахъ; одно изъ преступленій моихъ было, желашъ разорвать ихъ все для васъ, безъ всякаго угрызенія совѣспи...

— Ты говоришь о своихъ обѣпахъ! прервалъ Генераль, наморщивъ брови. Я не думалъ, чпобы чпо-нибудь могло перевѣситъ любовь въ пвоемъ сердцѣ. Но не сомнѣвайся, я получу опъ Свяпѣйшаго Опца разрѣшеніе пвоихъ кляпвъ. Я пойду самъ въ Римъ, прибѣгну съ мольбою ко всемъ власпямъ земнымъ, и еслибъ Богъ самъ могъ сходить п съ небесъ, я бы...

— Не богохульспвуйте.

— А! ты думаешь о Богѣ! А мнѣ пакъ сладко было воображать, чпо для меня ты покинешъ эпи спѣны, чпо нынѣ же вечеромъ бросишь со мною въ лодку, шамъ, подъ скалами.... Мы опправились бы съ побой наслаждаться счаспиемъ—куда нибудь... на край свѣпа!... И шамъ, подлѣ меня, ты возврапилась бы къ жизни, къ здоровью... подъ свѣнію любви!...

— Не говорите пакъ, перервала сеспра Тереза, вы не знаете, чѣмъ вы для меня сдѣпались. Я люблю васъ пеперь больше, чѣмъ ког-

да-либо любила. Ежедневно молю я за васъ Бога, и уже вижу васъ не очами шѣла. Если бѣ вы знали, Арманъ, блаженство, испытываемое душой, когда она можетъ въ числѣ совѣсти предаваться дружбѣ, которую самъ Богъ принимаетъ подъ кровь свой! Вы не знаете, какъ я счастлива, когда призываю на васъ благословеніе небесъ. Я не молюсь Богу за себя: пусть будетъ со мною, что угодно Его святой волѣ. Но вы... Я желала бы цѣной будущей моей жизни, цѣною всей вѣчности моей, купить швердую увѣренность, что вы счастливы въ этомъ мѣрѣ и будете счастливы въ томъ на вѣки. Моя вѣчная жизнь есть все, что несчастія оставили мнѣ, и что я могу предложить вамъ въ жертву. Да, печали меня сошпарѣли, я уже не молода и не прекрасна. И не спалили бы вы сами презирая монахиню, сдѣлавшуюся женою? Самая маперная любовь не могла бы извинить ее... Что вы можете сказать мнѣ, чтобы могло перевѣсить безчисленныя думы, накопившіяся въ сердцѣ моемъ въ продолженіе пяти лѣтъ, и которыя такъ его изменили, такъ истерзали, такъ засушили?.. Мнѣ бы слѣдовало опдаться его Богу, не такъ обезображенное!

— Что я тебѣ скажу, моя милая Аншуанета? Я скажу тебѣ, что я тебя люблю, что привязанность, любовь, любовь истинная, бла-

женство жить въ сердцѣ, которое все принадлежить намъ, такъ рѣдко и такъ спрудно воспрѣчается, что я сумнѣвался въ тебѣ, подвергъ тебя тяжкимъ испытаніямъ. Но теперь я люблю тебя всѣми силами души; если ты послѣдуешь за мною, я не буду слышать другаго голоса кромѣ своего, не буду видѣть другаго лица кромѣ своего...

— Молчите, Арманъ. Вы сокращаете единственное мгновеніе, въ которое намъ позволено видѣться въ этомъ мірѣ...

— Аншуанетта! хочешь ли ты за мною слѣдовать?

— Но я васъ не покидаю. Я живу въ вашемъ сердцѣ, хотя и не такъ, какъ живу по любви къ наслажденію мірскому; по суепности, по эгоизму... Блѣдная и увядшая, я живу для васъ здѣсь, въ лонѣ Бога! Если онъ правосуденъ, вы будете счастливы...

— Это однѣ слова! А если я хочу тебя, блѣдную и увядшую! Если я не могу быть счастливъ, какъ только владѣя тобой! Такъ ты ни когда не можешь забыть своихъ обязанностей, даже въ присупствіи любовника? Такъ онъ не выше всего въ своемъ сердцѣ? Прежде ты предпочитала ему общество, себя — и Богъ въспъ что еще; теперь говоришь о Богѣ, о спасеніи души моей. Въ сестрѣ Терезѣ я нахожу ту же Герцогиню, которой невѣдомы наслажденія люб-

ви, которая подъ наружною чувствительностію безчувственна. Ты меня не любишь, пы меня никогда не любила!

— А! брагъ мой...

— Ты не хочешь распаться съ эпой могилой: пы любишь мою душу, говоришь пы?.. Такъ знай же, пы ее погубишь на вѣки—эпу душу!... Я убью себя...

— Магъ моя! закричала сестра Тереза по Испански. Я солгала вамъ... Эпо мой любовникъ...

Занавѣсъ упала въ поже мгновение; и Генераль, оставшись въ оцѣпенѣніи, едва могъ слышать спукъ дверей, внутри хлопнувшихся.

— Ахъ! она любитъ еще меня! вскричалъ онъ, поспигая все, что было высокаго въ воплѣ монахини. Сюда Тринадцать! Надо вырвать ее опсель.

И Генераль, покинувъ оспровъ, воротился въ главную кварширу, гдѣ, подъ предлогомъ разстроеннаго здоровья, взялъ оппускъ, чтобы немедленно опправиться во Францію.

Теперь вопъ произшествіе, бывшее причиною опношенія, въ коемъ находились два главныя дѣйствующія лица сей сцены.

(до слѣдующей книжки).

III.

КРИТИКА МОДЪ.

КОРСЕТЪ.

Вопъ происхожденіе корсеповъ. Однажды мода, по еспъ кпо-нибудь изъ ея представителей, изъ ея корифеевъ, пробравшись случайно, можетъ бытъ—я однакожь больше думаю, что это было съ намѣреніемъ—пробравшись, говорю, въ пайн-спвенныя и священныя залы пюрмъ инквизиціи, замѣшилъ памъ между безчисленными орудіями пытки, изобрѣпленными воображеніемъ инквизипоровъ, родъ желѣзнаго камзола, копорый, съ помощію ремней и гвоздей, сжималъ пѣлоспрадальца, уменьшалъ его по произволу; и могъ бы упончить полспное брюхо Фальспафа до такой степени,

хоть продѣнь въ игольные уши. Мода нашла эпо опкрытіе прелестнымъ, восхищительнымъ; она ухватила за него, замѣнивъ польку, для виду, кожаные ремни шелкомъ, желѣзо канифасомъ. И съ того времени, всякая женщина, копораябъ вздумала опказаться опъ эпой пыпки новаго рода, провозглашается еретичкою, подвергается опасности быть преданной анаемъ. Изъ Испаніи, корсетъ обошелъ вокругъ всего свѣта, и Пизарро внесъ въ новооткрытый міръ эпо новую муку.

Такова участь наша. Мы раждаемся невольниками обычая. Равенство есть ярмо привычки. Топъ бы сдѣлался смѣшнымъ, будь онъ самъ Царь Соломонъ, мудрѣйшій изъ смертныхъ, эпо бы вздумалъ располагать собою по произволу и предпочитать свои удобства вкусу другихъ, свои выгоды прикошамъ перваго встрѣчнаго. *Что скажутъ въ общество?* выраженіе странное, копорое мудрено было бы опредѣлить основательно, еслибъ оно не было создано именно для означенія нелѣпости самой необъяснимой.

Что палачъ приглашается въ совѣтъ моды и своею проклятою рукой кроитъ выкройки дамскихъ нарядовъ, эпо совсѣмъ не гипербола. Развѣ мы не видали на вчерашнихъ еще праздникахъ причесокъ и оборокъ *à la Guillotine*, вальса *Несчастныхъ Жертвъ*, маленькія *вистълицы*

вмѣсто печатокъ при часахъ, пояса *à la Ravailas*, дѣпскія блузы *à la Paravoine*? Вы скажете: изувѣрство, сумасшествіе, бѣшенство! Очень хорошо! Но что значить логика противъ фактовъ? — Впрочемъ еслибъ я вздумалъ повпорять пономъ наспавника, что упопреленіе корсетовъ есть источникъ тысячи неудобствъ, тяжкихъ болѣзней¹, хроническихъ недуговъ и безчисленнаго множества приключеній, пагубныхъ для красоты и здоровья женщинъ... столько другихъ говорили уже и доказали это, и силой доводовъ, и авторитетомъ ученаго имени и званія...

Правду скажутъ, это въ крови, въ сущности благороднѣйшей половины человѣческаго рода: поднимаютъ на себя руки для насъ, изъ угожденія намъ, пыпаютъ себя, приносятъ въ жертву для удовлетворенія нашимъ глупымъ прихотямъ, домогаются власти надъ нами цѣною мученичества, и умѣютъ охотно умереть для усовершенствованія искусства нравиться!

При всемъ томъ, я не знаю, что могло подать поводъ къ такой удивительной спрранности, что мы мущины вздумали предпочитали спонкія, давленныя пали, пропорціональной соразмѣрности ихъ съ бюспомъ. Думаешь надо; что, въ старыя годы, это вошло въ голову какимъ-нибудь людямъ, сильнымъ по вліянію, но бездушнымъ по чувству (что встрѣчается ежедневно).

Я воображаю, что эпитимъ рыцарямъ, закован-
нымъ въ желѣзо, которые насилу двигались подъ
своими панцырями и наручнями, съ пружинами и
шарнирами, было очень по сердцу въ эпопѣ
варварскій вѣкъ заставлялъ своихъ робкихъ
подругъ раздѣлять съ ними тяжесть ихъ во-
инскаго снаряда. Попомъ, эта выдумка, опзы-
вающаяся монастырскимъ самоумерщвлениемъ,
могла бытъ употребляема въ родѣ охранитель-
ной мѣры для спрогой нравственности, въ то
время царствовавшей. Киповой усь корсета
уважался, какъ твердая опора добродѣтели; и
законы, гремѣвшіе противъ соблазна широкихъ
плащевъ, должны были укрѣпить сіе уваженіе.

Лучшее доказательство, что эта ненавист-
ная теорія не должна падать на прекрасный
полъ, представляется исторіей, по указанію
коей самое злоупотребительное ея распростира-
неніе относится къ царствованію Генриха Ш,
когда шалія, со множествомъ другихъ прихоп-
ливыхъ глупостей, считалася принадлежно-
стью Королевскихъ миньоновъ. Попомъ, изъ
подражанія, могли найпись нѣкоторыя жен-
щины, безобразныя и съ невыгодной шаліей,
которыя, споя на высшей ступени обще-
ства, захопѣли въ свою очередь, намѣренно,
довести до крайности эту нелѣпую моду, дабы
вымѣстить чрезъ то на всемъ полѣ своемъ не-
доставокъ радущія къ нимъ природы.

Въ настоящее время, надо ожидать, что эта пагубная эпидемія исчезнетъ вмѣстѣ съ поколѣніемъ и предоставитъ свое мѣсто другой, подобной или противоположной. Кто знаетъ, можетъ быть наши дѣти, черезъ полвѣка, будутъ наполнять свои коллекціи рѣдкостей моделями прошлыхъ и нынѣшнихъ корсетовъ, съ такимъ же удивленіемъ и жалостью, съ какимъ нынѣ смопримъ мы, на примѣръ, на дѣпскую обувь Китайскихъ женщинъ. Чѣмъ эта мода спранныѣ нашей! Съ обѣихъ сторонъ, равное оскорбленіе самымъ первымъ законамъ вкуса, сущность коего есть сообразность съ истинной; равное пренебреженіе условій природы!

Нынѣшняя Парижанка вскрикнетъ опъ ужаса, при видѣ орѣховыхъ скорлупъ, украшающихъ ходульки какой-нибудь Мандаринши; но она жъ выдетъ изъ себя, при одной мысли освободитъ себя или дочь свою опъ губительнаго ига шнуровки.

Въ сущности, поже самое искушеніе управляетъ и насъ прихопями дочерей Евы, какъ и у нашихъ аншиподовъ: имъ хочется, во чшобы по ни спало, заслужитъ наше одобреніе.

И такъ постоянное владычество корсета весьма естественно изъясняется изъ предразсудка. Гораздо удивительнѣе, какъ можно было вздумать прибѣгнуть къ подобному средству, какъ къ единственному, для достиженія той

степеней упонченія, копорая пребуется симъ предразсудкомъ. Говоря о женщинахъ Востока, свободныхъ опъ всякой запыжки, у копорыхъ дородность не рѣдко доходитъ до безобразія, забываютъ, что понятіе Мугаммеданъ объ идеалѣ красоты совершенно противоположны нашимъ и что, въ слѣдствіе того, они поступаютъ весьма основательно, прибѣгая ко всемъ пособіямъ діэпы, чобы дать женщинамъ такую чрезмѣрную пучность, коей мы не постигаемъ прелестей. Но тамъ, гдѣ сии предубѣжденія не имѣютъ равной власи и гдѣ одной напурѣ предоставляютъ попеченіе развивать и украшать свои созданія — тамъ женщина, копорая не употребляетъ во зло своихъ даровъ и копорую мужчина, съ своей стороны, не употребляетъ во зло, подвергая пыжкимъ трудамъ и рабскимъ занятіямъ — тамъ она является прелестною и изящною, какъ живая модель образцовыхъ произведеній ваятеля, стройная и гибкая, сколько могутъ быть наши записныя красавицы, въ упренномъ, небрежномъ нарядѣ.

Въ Сиріи, говоритъ Вольней, гдѣ нѣтъ обыкновенія сжимать талии, не видно, чобы женщины были пучкѣе, чѣмъ во Франціи, гдѣ ихъ давятъ шнуровкой. Это замѣчаніе подтверждается всеми умными и безприсраспными путешественниками.

Какъ бы то ни было, сознавая свое безсиліе

произвестъ въ эпюмъ отношеніи реформу, ко-
рая сполькожъ моглабъ бытъ благопріятна
искусству, сколько благодѣтельна для здоровья,
мы не можемъ однакожъ не признавать и нѣко-
порыхъ выгодъ, сопряженныхъ съ эпою мо-
дою. Такъ, на примѣръ, я готовъ провозгласить
пуржесственио блистательныя услуги, оказан-
ныя корсетомъ, въ особенноти комической
оперѣ.

Не пускаясь далѣе, спрашиваю, на примѣръ,
что бы спалося съ Г. Планаромъ, еслибъ вдругъ,
съ завтрашняго дня, вся Европа согласилась
кинуть употребленіе корсета? Безъ корсета,
прощай театральное объясненіе Колена, про-
щай крипическая сцена ранде-ву, подающая
знакъ счастливому или дерзкому любовнику, по-
хипить у Бабеши и ея прелестей розу, предметъ
жаркаго спора между невинностью и любовью; ибо
погда, безъ корсета, прошу покорно сказаить,
куда дѣвать эту розу? А нѣтъ розы, нѣтъ и
прелестей, нѣтъ и Бабеши, нѣтъ и Ко-
лена, нѣтъ даже и ран-деву, нѣтъ спрасти,
нѣтъ характера мѣстности, нѣтъ комической
оперы... нѣтъ ровно ничего!.. Корсетъ предспа-
вляеть собой все, заключаеть все, дер-
житъ и предполагаетъ все: эпо заключитель-
ный камень, смычка свода; выкиньте его, и все
зданіе рухнуло. Гдѣ вы сыщете рифму, къ

слову *букетъ*, даже къ самой *Бабетъ*, въ слѣдующихъ н. п. классическихъ спишкахъ:

Que ce bouquet,
Sous ton corset,
Paraît coquet...
O ma Babet!

Впрочемъ, одного слова достапочно, чтобы утвердить навсегда, и самымъ неоспоримымъ образомъ, превосходство и необходимость корсета, какъ элемента самаго существеннаго и основнаго въ комической оперѣ. Извѣстно, что на театральномъ языкѣ нѣкоторыя собственныя имена употребляются для означенія извѣстныхъ ампуа пѣвцовъ и актеровъ. Такъ н. п. въ комической оперѣ, есть ампуа: *Grande-Livree* (Полная Ливрея), есть роль *Le Manteau* (Плащъ), есть *Tavlier* (Фартучекъ), есть *Martine* и *Duclon* *. Но въ этомъ послѣднемъ имени, по какой-то мудрой предусмотрительности, и вѣроятно въ ознаменованіе важности предмета, успановилось различіе, въ силу коего оно подверглось двойной переспановкѣ, неизбежной по существу дѣла: на языкѣ комической

* Имена собственные, въ такомъ же родѣ, какъ у насъ н. п. *Содононида*, *Пролазъ*, и ш. п., съ тою только разностью, что сіи характеристическія названія на нашемъ театральномъ языкѣ не имѣютъ общаго значенія. *Изд.*

оперы естъ БАБУШКА-ДЮГАЗОНЪ (MÈRE-DUGAZON) и ДЮГАЗОНЪ-ВЪ-КОРСЕТЪ (DUGAZON-CORSET). Первой принадлежатъ сцены экспозиціи, физмы и верешенья, старинныя баллады и сказки, всѣ смѣшныя шлуки дуэнтъ и птяжелыя барскія работы. Второй предоспавлены въ удѣль наряды и веселыя пѣсенки съ руладами, корошенькя юбочки и кавапины съ баркароллами, любовныя записочки на сценѣ и въ кулисахъ, журнальный онміамъ, хлопанье въ парперѣ и бенефисы... И все это; по милости корсета!

Теперь, просимъ поднятъ дерзкую руку на палисманъ, обладающій подобною силою! Попробуйте распустишь, хопя на волосокъ, репутацию пакъ твердо упроченную; вамъ насмѣются въ глаза. Счастье ваше большее, если не зашнуруютъ у васъ за это пальцевъ и если вы найдете себѣ убѣжище за большимъ опахаломъ какой-нибудь Бабушки-Дюгазонъ; да и па можепть бытъ вспомнитъ еще, что, въ свое время, была Дюгазонъ въ Корсетъ, и что ей—Богъ вѣспъ чего спойшъ—бытъ шеперь просто Дюгазонъ, безъ прилагательнаго...

О! еслибы я имѣлъ вліяніе и силу покойнаго Жан-Жака, чпобы изложитъ свою систему и дапъ вѣсь своимъ доводамъ! Когда Филантропія дикповала ему безсмертныя спраницы о воспитаніи дѣпей, пракпическіе совѣпы, имъ предлагаемые, приготопляли великой переворотъ

въ обычаяхъ и нравахъ. У Швейцарокъ есть также свои корсеты: но онѣ для нихъ украшеніе, рѣдко неволя; это парадный ихъ нарядъ, и молодая дѣвушка Вадпанда съ такимъ кокетствомъ убираетъ его самыми блестящими цвѣтами! Авторъ Элоизы льстилъ этой невинной суеверности для пользы морали: у него была коллекція лептъ, подобранныхъ наилучшимъ образомъ, и онъ дарилъ ихъ въ награду пѣмъ, кои сами кормили дѣшей своихъ. Вскорѣ это возбудило общее соревнованіе, и ежедневно одна изъ юныхъ мапсрей, исполнивъ священнѣйшую обязанность, возлагаемую на нее природою, являлась за блистательной наградой, видѣть грудь свою и корсетъ украшенными рукою философа.

(JOURNAL DES GENS DU MONDE).

ТЕЛЕСКОПЪ.

IV.

ЗНАМЕНИТЫЕ СОВРЕМЕННОИКИ.

АЛЕКСАНДРЪ МАНЦОНИ.

(КАРЛА ДИДЬЕ) *.

Вся современная Италія, друзья и недруги, единогласно отдають Манцони пальму первенства въ опечесивенной липературѣ. Конечно, его не лѣзя назвапъ гениемъ первой величины во всемірномъ опношеніи; но какъ первый въ Италіанской словесности, онъ конечно заслу-

* Карлъ Дидье, какъ видно изъ разныхъ его статей, помещаемыхъ въ *Revue des Deux Mondes*, посвящилъ себя изученію Италіи. Въ *Телескопѣ* прошлаго года былъ помещенъ опрывокъ изъ его романа: *Rome Souterraine* (Подземный Римъ). *Изд.*

живаесть особеннаго вниманія, тѣмъ болѣе нынѣ, когда Европа не имѣетъ права быть слишкомъ разборчивой въ разсужденіи липературныхъ знаменипоспей.

Сверхъ того, оспая всякое липературное достоинство, Манцони имѣетъ важное философическое значеніе: онъ каполикъ въ своихъ пвореніяхъ, пакже какъ и въ своей жизни, и, мнѣ кажется, довольно вѣрно выражаетъ въ себѣ настоящее спремленіе нѣкопорыхъ сходныхъ съ нимъ умовъ къ религиознымъ формамъ Вашикана. Въ этомъ отношеніи его можно принять за пипъ, и, будучи самъ искренно набожнымъ, онъ не спанетъ жаловаться, что мы дѣлаемъ изъ него олицетвореніе идеи каполицизма въ искусствѣ девятнадцатаго вѣка.

Жизнь Манцони не исполнена приключеніями, какъ жизнь Альфіери; въ его испоріи нѣтъ ничего романическаго; это поэтъ — домосѣдъ въ полномъ смыслѣ, и объ немъ по справедливости можно сказать, что пакъ ложно говорить о многихъ другихъ: его жизнь въ его пвореніяхъ.

Александръ Манцони родился въ Миланѣ въ 1784 году; значипъ, ему теперь пятьдесятъ лѣтъ; онъ принадлежитъ къ другому поколѣнію, къ другому вѣку. Отецъ его былъ Графъ, но самый пошлый и необразованный; мать, умная и дѣяпелъная

женщина, была дочь Маркиза Беккарин, автор знаменитаго сочиненія о Преступленіяхъ и Наказаніяхъ. Посему въ крови у него два различныя начала: аристокрапическое и философическое.

Манцони почти не помнитъ своего дѣда, умершаго отъ апоплексіи, когда ему было еще только девять лѣтъ *. Онъ говоритъ объ немъ съ благоговѣніемъ, и весьма любопытно слышатъ, какъ онъ хвалитъ книгу его о Стиль, довольно жалкое произведеніе, о которомъ говорятъ, что въ немъ разсуждается о стилѣ безъ спила. Трудно понять это благоговѣніе внука къ дѣду, когда первый благочестивый и усердный каполикъ, второй же написанъ былъ ненавистною осмнадцатаго вѣка къ христіанству, и въ своихъ Урокахъ Экономіи (жалкое соченіе!) утверждалъ, что каполическіе священники и монахи виноваты передъ пѣтми дѣпьми, копорыхъ не произвели на свѣтъ. Конечно, не таковъ долженъ быть образъ мыслей у человека, который прославилъ Кардинала Борромео и создалъ Опца Христофоро. Беккарія, возвращаясь нынѣ въ свое семейство, пришелъ бы въ крайнее замѣшательство.

Не смотря на сіе противорѣчіе мнѣній, Манцони простеръ до того благоговѣніе къ

* Беккарія умеръ въ 1795 году.

памяти своего дѣда, что наследовалъ всѣ его литературныя и личныя вражды, и такъ какъ Беккаріа не любилъ ни Верри, ни Парини, называя ихъ варварскими писателями (*scrittoreggi barbari*), то Манцони не спавилъ ни въ грошъ Парини. Онъ называетъ его спилъ краденой вешью неуклюжихъ подражаній и непереваренной учености, и доходитъ до того, что утверждаетъ, будто поэма его о Днѣ попому только не была наказана, что не была понята. Здѣсь не худо замѣтить, что Верри и Беккаріа въ высшемъ обществѣ Милана считались вообще за богоопсупниковъ и сумасшедшихъ; о послѣднемъ даже ходили слухи, истинные или ложные, будто онъ въ то время какъ перомъ вооружался съ такой горячностью прошивъ пыпки, на дѣлѣ подвергалъ ей одного изъ своихъ слугъ за подозрѣніе въ кражѣ серебряной посуды. Это впрочемъ не совсѣмъ вѣрояпно; ибо, кромѣ паланта, Беккаріа, хопя и охотникъ до сполы, былъ очень добрый человекъ.

Манцони провелъ часть своего дѣшства на берегахъ озера Комо, въ пѣхъ мѣспахъ, кой въ послѣдствіи описалъ въ своемъ романѣ; онъ не зналъ другой природы; ибо очень мало путешествовалъ. Чувствуя необходимость оцѣпить послѣднюю часть сего романа, онъ попробовалъ въ 1827 году пройтись пѣшкомъ по окрестностямъ Бергамо,

и воровился измученный и хворый. Его характеръ не располагаетъ совсѣмъ къ міру внѣшнему; чипая его, чувспвуешь, что это поэтъ совершенно кабинетный.

Онъ былъ воспитанъ, какъ и всѣ, по еспъ заповорникомъ въ коллегіи, и съ улыбкой вспоминаетъ пеперь объ эпихъ первыхъ лѣпахъ своей жизни, когда Эклоги Виргилія заспавляли его вздыхать о родныхъ поляхъ, опъ. которыхъ его опорвали, чпобы приковать, вмѣстѣ съ поварищами, къ закопченнымъ скамейкамъ школы. Выведите, выведите на свѣжій воздухъ эпи препенущія жерпвы! Развѣ вы не видите, что неволя для нихъ нездорова, что они вянутъ и чахнутъ безъ солнца?

Молодой Манцони съ особеннымъ прилежаніемъ занимался Латинью; его сочиненія удоспвѣряютъ въ шомъ. Виргилій былъ ему всѣхъ больше по сердцу; къ Горацию имѣлъ онъ очень мало разположенія; къ Овидію еще менѣе; но Тибулла любилъ и чипалъ много; въ Эвниі находилъ оригинальную Римскую поэзію. Рано почувспвовалъ онъ себя поэпомъ. Кажется, Монпи далъ ему первый элекпрический ударъ и извлекъ изъ него нервую искру. Однажды, когда знаменитый поэтъ присугспвовалъ на экзаменахъ коллегіи, Манцони, которому ко-сноязычіе, еще и пеперь оспающееся въ немъ; препяпспвовало явиться, нашель средспво

подойти къ нему, и, схвативъ его за руку, поцѣловалъ ее со слезами. По прошествіи многихъ лѣтъ, онъ напомнилъ объ этомъ случаѣ Монти, котораго сказалъ ему, что забылъ объ немъ. Вѣроятно, это было неправда; онъ не хотѣлъ только показать, что такъ долго помнить подобныя мѣлочи.

Оба поэта сошлись гораздо позже; и хотя въ послѣдствіи дружба ихъ охладѣла и, надо отдать справедливость Манцони, не по его винѣ, но онъ никогда не говоритъ о Монти иначе, какъ съ истиннымъ, безприпворнымъ удивленіемъ. Особенно хвалилъ онъ въ немъ ясность, которой не достаеетъ Парини, и опкровенность (*franchezza*), которая дается въ удѣлъ немногимъ.

Первое призваніе Манцони было лирическое. Сначала онъ увлекся старыми поэтами XVI вѣка: Кардиналомъ Бембо, Монсицборомъ де ла Каза, Людовикомъ Аламанни, кои всѣ, общими силами, старались опять ввести въ моду классическій сонетъ и канзони во вкусъ Пепрарки; особенно Каза, изъ всѣхъ своихъ современниковъ наименше извѣщенный послѣ Микель-Авджело, былъ его любимцемъ. Первые неизданные стихи Манцони опзываются сими первыми правильностями; ихъ отличительный характеръ составляетъ спокойствіе, исправность и красивая опдѣлка, качества писателей XVI вѣка (*cinquecen-*

tisti), только проникнувшая чувствомъ болѣе нѣжнымъ и тонкимъ.

Въ это время посѣтилъ онъ часть Ломбардіи и Венеціанскихъ владѣній, и имѣлъ случай видѣть Іезуита Бешпинелли въ Мантуѣ. Смѣясь рассказываетъ онъ теперь о княжеской важности, съ которой принялъ его этотъ спарецъ-крипикъ, сполько издѣвавшійся надъ Данпомъ. Что касается до Чезаринни, который тогда въ Испаліи держалъ скипетръ — я хотѣлъ сказать, ферулу — крипики, но Манцони не видалъ его; ему бы и очень того хотѣлось, да не достало смѣлости. Нѣсколько времени прожилъ онъ въ Венеціи, и съ насмѣшкою говоритъ доселѣ о ея варѣчій. Въ продолженіе сего времени, онъ занимался, какъ говорятъ нынѣ, искусствомъ, читая и перечитывая своихъ любезныхъ лириковъ и собирая изданія ихъ по всемъ книжнымъ лавкамъ Подобно своему дѣду Беккаріи, онъ любилъ поѣсть и былъ расположенъ къ дородности, чего не лзя подумавъ нынѣ, видя его такъ постынымъ и сухощавымъ.

Въ сіе-то время, Монти, Меценапъ всѣхъ молодыхъ людей, которые удивлялись ему, началъ звать Манцони и покровительствовать ему. Онъ поправлялъ его стихи и часто портилъ ихъ, какъ увѣрялъ меня одинъ знающій судья, видѣвшій поправки и поправки.

Опъ писателемъ XVI вѣка Манцони перешелъ

къ Данпи и оказалъ ему глубочайшее удивленіе по добровольному убѣжденію, прежде чѣмъ пришла на него мода и, слѣдовательно, прежде чѣмъ она могла предписать ему это удивленіе. Теперь это сдѣлалось смѣшнымъ повѣтріемъ, не попому чтобы Алигieri не былъ вполне достоинъ поклоненія, но попому что большая часть его обожателей, и самыхъ горячихъ, поклоняющихся ему изъ подражанія, на слово, часто не понимая ничего въ немъ, и беруть въ ротъ трубу похвалъ, какъ осель въ баснѣ Флейшу.

Манцони былъ плененъ поэтами XVI вѣка; онъ помѣшался на Альфieri; даже усвоилъ себѣ весь бредъ его. Очень забавно рассказываетъ онъ теперь о своемъ дѣтскомъ къ нему энтузіазмѣ; только одной вещи не могъ онъ переварить въ немъ, какимъ образомъ отецъ долженъ убить дѣтей своихъ, чтобы избавить ихъ отъ шпирани *.

» Однакожь, говоритъ онъ, я сладилъ наконецъ и съ эпимъ. « Тогда ему было только двадцать лѣтъ. Онъ смотрилъ теперь на Альфieri совсѣмъ другими глазами, не переспавая однакожь уважать его.

Манцони пріѣхалъ въ Парижъ въ началѣ нынѣшняго вѣка, и провелъ тамъ нѣкопореое время съ своею матерью и другомъ ея, Графомъ Карломъ Имбонапи. Тогда онъ вошелъ въ дружескую связь съ Г. Форелемъ, копоро-

* Альфieri, въ *TIRANNIDE* и *VIRGINIA*.

му въ послѣдствіи посвятилъ свою прагедію: Карманьола. Онъ также вошелъ въ связь съ вдовою Кондорсе, которая подарила мапери его помъ стихотвореній Вольпера съ собственноручными поправками автора. Эпопъ помъ былъ подаренъ самимъ Вольперомъ Тюрго, а опъ Тюрго достался Кондорсе. Онъ особенно любопыщенъ тѣмъ, что содержишь въ себѣ одну Испаліанскую піэсу написанную по-Вольперовски, т. е. большая часть стиховъ ужасно какъ испорчена. Удареніе въ нихъ вездѣ на послѣднемъ слогѣ, и, по Французской сиспемѣ произношенія, *amore* риѐмуешъ съ *re, ònesta* съ *reginà*, что для Испаліанскаго уха естъ чудовищная уродливость.

Карлъ Имбонапи умеръ въ Парижѣ, оставя все свое имѣніе мапери Манцони; онъ былъ погребенъ въ Миланѣ въ саду Кондорсе, и его пѣло оставалось памъ до возвращенія Манцони въ опечеспво. Тогда они поручили Боппѣ опыскашь прупъ и перенесли его съ собою въ Миланъ. Опца Манцони давно уже не было на свѣпѣ.

Съ смерпію Имбонапи * начинаешся липературное поприще Манцони. Будучи двадцати лѣпъ опъ роду, онъ издалъ въ Парижѣ, въ 1806 году, Посланіе къ своей Матери на смерть общаго

* Графъ Имбонапи не былъ ни ученый, ни благочеспивый, а просто чеспный человекъ. Къ нему Парини написалъ свою прекрасную оду:

ихъ друга. Эпо была пѣса въ бѣлыхъ стихахъ, такъ называемыхъ *sciolti* по Италіянски; пѣса въ родѣ *Scrosciari* Фосколо. Она обличаетъ въ авторѣ молодость и неопытность; форма ея немного пошла и опзывается Академіей; ей не достаесть оригинальности, изобрѣтенія. Появленіе смерти и принужденный діалогъ ея съ поэпомъ, составляютъ основаніе поэмы; эпо, какъ вы видите, старая шпука. Но при внимательномъ разсмаприваніи, и въ ней видѣнь уже зародыщъ паланша, даже философіи Манцони. Эпи первые стихи уже дышашъ пою горечью пропивъ жизни, которая влечетъ вѣжныя, мечпательныя души. обращашъ взоры на небо, пою мизантропіей, неопредѣленной и пламенной, которая у однихъ бываешъ предвѣспіемъ самоубійства, у другихъ обращенія къ вѣрѣ. Не знаю почему, но при всемъ несовершенствѣ этой маленькой поэмки, я нахожу въ ней какую-то суровую энергію, которой не вижу уже въ позднѣйшихъ сочиненіяхъ поэта, какъ онѣ ни превосходны, и о которой очень жалю. Набожность припустила оспрое жало его сатирическаго генія.

Спустя недолго послѣ этого перваго дебюта, показался другой опытъ, подобный первому, въ стихахъ также бѣлыхъ, подъ именемъ Ураши; эпотъ былъ гораздо ниже перваго, и, по моему, не имѣетъ въ себѣ ничего замѣчательнаго, кромѣ

жажды славы, сильно мучившей поэта, по собственному его признанию. Но исключая эпой опкровенной и просподушной исповѣди, все остальное естъ не что иное, какъ холодная аллегорія въ родѣ подражателей Гезіода, написанная слогомъ фальшивымъ, манернымъ, не могущимъ выдержать сравненія съ послѣднею изъ Греческихъ пасторалей Андрея Шенъе.

Очевидно, что Манцони все еще пробовалъ, и не находилъ себѣ дороги. Если я упоминаю теперь объ эпихъ двухъ опытахъ, по болѣе какъ объ историческихъ документахъ его литературной жизни, чѣмъ о швореніяхъ, которыя сами въ себѣ имѣютъ достоинство. Онѣ только подтверждаютъ, что поэтъ ошупывалъ себѣ дорогу. Безъ сомнѣнія, онъ и самъ теперь также объ нихъ судитъ.

Наконецъ доходимъ до крипической эпохи Манцони. Вопъ онъ уже возмужалъ! Наспала минута, когда должно было почувствовать, что не лзя безнаказанно почерпать изъ чужихъ источниковъ, и что швореніе прочно лишь тогда, когда спроисся на своемъ собственномъ фундаментѣ, собственною своею рукою. Но ему не доспаетъ еще определенной цѣли, поспояннаго вѣрованія; его не мучитъ одна господствующая идея: онъ еще скептикъ, онъ сомнѣвается. Эпо пытка, которой всѣ мы болѣе или менше подвергаемся. Эпо минута, ко-

гда тысяча голосовъ кричатъ намъ: «дѣлай выборъ!» Счастливъ, кто сдѣлаеть эпошь выборъ! Счастливъѣ, кто сдѣлаеть его хорошо! Ктожь не сдѣлаеть его погда, пошь подвергается опасности никогда уже не сдѣлашь. Вопъ истина, копорая была сказана и повпорена неоднократно, но копорая еще неоднократно будетъ сказана и повпорена, ибо имѣеть вседневное, общее приложеніе, и копорая шѣмъ болѣе имѣеть права бышь повпоряемой нынѣ, что шѣ, кои проповѣдуютъ ее, не всегда выполняютъ ее на дѣлѣ. Хорошо высказашъ истину, но еще лучше выполнишь.

До сего времени Манцони, воспитанный въ духѣ господствовавшихъ ученій, жилъ въ невѣрїи, или, по крайней мѣрѣ, въ религіозномъ равнодушіи, копорое очень мало его беспокоило. По возвращенїи въ Миланъ, его заставили (1808), изъ ненависти къ Каполической вѣрѣ, женишься на Протеспанпкѣ, дочери одного Женевскаго банкира, по имени Блонделя; но шо, что бы должно было ошдалишь его опъ Церкви, привело его къ ней. Жена его опреклась опъ Протеспанпизма, и перешедши изъ Женевы въ Римъ, увлекла и за собою мужа. Съ шого дня выборъ Манцони былъ рѣшень, онъ оспался горячивгъ Каполикомъ. Въ Миланѣ рассказываютъ, будто нѣсколько благочестивыхъ словъ, сказанныхъ въ Парижѣ его машери или женѣ одною Сестрой

Милосердія, были первымъ поводомъ къ этому тройному обращенію; говорю тройному, ибо и дочь Беккари послѣдовала очень скоро, если даже не предварила метаморфозу обоихъ супруговъ. Эта маленькая домашняя драма разыгралась въ Миланѣ около 1810 года.

Пріятно, когда подобныя поступки бывають добровольны, и происходятъ не столько опъ случайныхъ обстоятельствъ, сколько опъ свободной, независимой воли. Вліяніе, особенно домашней жизни, такъ могущественно, что легко беретъ верхъ надъ правилами и весьма часто выпѣсняетъ ихъ совершенно. Это призма, копорая представляетъ все въ цвѣсахъ произвольныхъ, и, мѣняя почки зрѣнія, оканчиваетъ шѣмъ, что уродуетъ предметы. Попадши разъ подъ это иго, всегда надо бываетъ сбросить нѣкоторую часть самаго себя, и, при такой перемѣнѣ, легко упасть, часто безъ собственнаго вѣдома, въ весьма опасныя, хопя и проспипельныя заблужденія. Пусть видятъ другаго въ себѣ или себя въ другомъ, опасность все шаже; съ тѣхъ поръ спановиися очень пруднымъ, если уже не совсѣмъ невозможнымъ, различать въ своихъ рѣшеніяхъ то, что есть дѣйствіе реакціи или снисхожденія, опъ того, что бываетъ логическимъ и добровольнымъ слѣдствіемъ личнаго, независимаго убѣжденія, искренно и обдуманно выведеннаго изъ правилъ и чувствованій. Какъ часто

случается, при усыпленіи воли, принимаятъ за твердое желаніе то, чему слѣдуютъ по слабости или изъ подражанія! Есть безчисленное множествѣ поспороннихъ условій, копорыя придають болѣе или менѣе вѣса всякой рѣшимости, пѣмъ болѣе перемѣнѣ вѣрованія.

Я не хочу примѣнять эпихъ началъ, во всей ихъ силѣ, къ обращенію Манцони. Уважаю побудившія его причины; вѣрю его добросовѣстнымъ, если и не добровольнымъ, убѣжденіямъ; только думаю, что въ дѣлѣ вѣры умы самые отличные бывають подвержены обольщеніямъ, положимъ, благороднымъ и пропагандельскимъ, но все обольщеніямъ. Души вѣжныя наиболѣе подвержены имъ; опасности для нихъ больше, чѣмъ для другихъ, ибо въ вѣжнѣности всегда есть нѣсколько слабости.

Какъ бы то ни было, Манцони не измѣнилъ себѣ. Попавъ однажды на цупь, онъ уже твердо держался его. Скажу болѣе: на эпомъ цупи образовался его палантъ; онъ имѣлъ нужду вѣришь, и вѣришь самымъ почнымъ и определеннымъ образомъ; только одинъ Каполицизмъ могъ ему предсавить подобное определенное вѣрованіе, и его умъ чудесно сошелся съ нимъ.

Со времени своего обращенія, Манцони проводилъ жизнь самую рабочую и сидячую. Съ 1812 года онъ началъ заниматья особенно изуче-

ніемъ своего опечеспвеннаго языка и Нѣмецкой литературы и, сколько мнѣ извѣстно, никогда не распавался съ своими пенапами. Единственной его оплучкой было новое пупешеспвіе во Францію около 1820 года. Тогда онъ еще прожилъ нѣсколько времени въ Парижѣ; видѣлъ Деспюшпа де Траси, Вилльмена, Ламарпина; вошелъ въ связи съ Кузенемъ, и, безъ сомнѣнія, съ того времени, возимѣлъ мысль опровергать его философію.

Въ послѣдствіи онъ задалъ себѣ совершенно бесполезный трудъ исполнить эту мысль, какъ будто можно опровергать то, что не существуетъ. Есть философія Гегеля, философія Шеллинга; но что касается до философіи Кузена, ее нѣтъ, не было, и никогда не будетъ. Прошу извиненія за вульгарность сравленія, но это похоже на паштетъ изъ зайцевъ Людовика XVIII; чтобы соспавить философію, надо быть философомъ. Въ этомъ случаѣ Манзони очевидно увлекся обольщеніемъ дружбы. Впрочемъ онъ довелъ до конца свое опроверженіе, и рукопись его теперь находится въ рукахъ Кузена. Я не имѣю объ ней никакихъ свѣдѣній, но, кажется, въ ней Германскій раціонализмъ долженъ быть принесенъ въ жертву Каполическому авторитету.

Не знаю, назначено ли это пвореніе для выпуска въ свѣтъ.

Я сказалъ, что это второе пребываніе въ Парижѣ было единственной оплучкой Манцони: это впрочемъ не совсѣмъ точно; ибо черезъ семь или черезъ восемь лѣтъ, онъ совершилъ маленькое путешествіе въ Тоскану, гдѣ былъ очень обласканъ Дворомъ. Теперь онъ живетъ въ глубокомъ уединеніи, проводя большую часть года въ своей виллѣ Брузано, въ пяти или шести миляхъ отъ Милана. Онъ мало видитъ свѣтъ, и его природная робость дѣлаетъ для него скучными всякіе визиты. Онъ приходитъ въ смущеніе и краснѣетъ, какъ дѣвушка, при видѣ всякаго незнакомца.

Манцони средняго росту; его взглядъ приятенъ; волосы, какъ у Виргилія и Петрарки, побѣлѣли преждевременно. Здоровье вообще не надежно; подобно Паскалю, онъ подверженъ головокруженіямъ, и часно видитъ, будто подъ ногами его разверзается бездна; это заспавляетъ его ходитъ всегда съ провожаемымъ. Въ прошломъ году, онъ имѣлъ несчастіе лишиться своей жены. Одна изъ его дочерей вышла за мужъ за Маркиза Азеліо, оплчнаго пейзажиста и автора романа: Гиевamosa.

Литературныя мнѣнія Манцони весьма прочно успановлены. Онъ не любитъ Байрона; и въ самомъ дѣлѣ, Байронъ долженъ возмущать его мирное православіе. За то очень уважаетъ Шиллера и

Шекспира; но спрогъ къ Тассу и не любитъ его. Одаренный большою памятыю, онъ имѣетъ разнообразныя свѣденія въ Исторіи, Политической Экономіи, Ботаникѣ и даже Земледѣліи. Теперь умъ его обращенъ на Филологію; онъ глубоко изучалъ народныя діалекты Испаліи и теперь пригопоявляетъ важный трудъ касательно происхождения Испаліянскаго языка.

Но я замѣчаю, что говорю только о неизданныхъ или предполагаемыхъ къ изданію твореніяхъ, а еще ни слова не сказалъ о тѣхъ сочиненіяхъ поэта, кои уже извѣстны. Время подумать и объ нихъ.

(продолженіе слѣдуетъ).

V.

ДРУГОЙ ИЗЪ ТРИНАДЦАТИ.

§ II.

ЛЮБОВЬ ВЪ ПРИХОДѢ СВЯТАГО ТИМОТЕЯ АКВИ- НАТСКАГО

То, что во Франціи называютъ Сен-Жерменскимъ предмѣстіемъ, не есть ни кварталъ, ни секта, ни особое учрежденіе; однимъ словомъ, есть что-то невыразимое. На Королевской Площади, въ предмѣстіи Сен-Оноре, въ Шоссе д'Анпень, есть также великолѣпныя палапы, гдѣ дышатъ воздухомъ Сен-Жерменскаго предмѣстія. Слѣдовательно, все предмѣстіе не заключается въ

одномъ предмѣстїи. Люди, родившіеся весьма далеко отъ его вліянія, могутъ оппечатаваться на себѣ его характеръ и примыкать къ нему въ свѣтѣ, иногда какъ иные, рожденные въ немъ, могутъ быть навсегда изъ него изгнаны. Обычай, языкъ, коротко сказать всѣ преданія Сен-Жерменскаго предмѣстїя, уже около сорока лѣтъ, сославляющъ въ Парижѣ тоже самое, что было Дворъ въ старыя годы; что были Сен-Полевскіе Палапы въ четырнадцатомъ вѣкѣ; Лувръ въ пятнадцатомъ; Дворецъ, Палапы Рамулье и Королевская Площадь въ шестнадцатомъ; наконецъ Версаль въ семнадцатомъ и осмнадцатомъ вѣкахъ.

При всѣхъ переворотахъ исторїи, Парижъ высшій, Парижъ дворянскій, имѣлъ свой особенной центръ, такъ какъ Парижъ низшій, проспонародный, будетъ имѣть всегда свой особенный. Эта періодическая сосредоточенность представляетъ обширный предметъ для размышленія тѣмъ, кои захотятъ наблюдать или живописать различныя круги общества; и можетъ быть изслѣдованіе причинъ ея можетъ послужить не только къ изъясненію описываемаго нами происшествія, но и для гораздо важнѣйшихъ соображеній, кои больше будутъ имѣть приложенія въ будущемъ, чѣмъ въ настоящемъ, если опытъ не долженъ оставаться бесполез-

ной безсмыслицей для парпій, пакъ какъ онъ бываетъ всегда для молодежи.

Большіе господа и большіе богачи, которые всегда будутъ корчить большихъ господъ, во всѣ времена старались имѣть дома въ часпяхъ менѣе многлюдныхъ. Если Герцогъ д'Узесь, въ царствованіе Людовика XIV, поставилъ себѣ великолѣпныя палаты на улицѣ Монмарпръ, и устроилъ у воротъ ихъ благодѣтельный фондъ, чѣмъ, кромѣ своихъ добродѣтелей, приобрѣлъ такое уваженіе отъ народа, что весь кварталъ слѣдовалъ за его гробомъ, по надо припомнить, что въ то время это былъ совершенно пустой уголъ Парижа. Но какъ скоро укрѣпленія были разрушены, какъ скоро болота по ту сторону бульвара наполнились дамами, фамилія д'Узесь покинула эти прекрасныя палаты, и теперь онъ достался банкиру. Въ послѣдствіи дворянство, спыдясь соседства лавокъ, покинуло Королевскую Площадъ, такъ близкую къ Парижскому центру, и ушло вовсе за рѣку, чпобъ дышати привольнѣе въ Сен-Жерменскомъ предмѣстіи, гдѣ уже нѣсколько великолѣпныхъ домовъ возвышалось вокругъ дворца, построеннаго Людовикомъ XVI для Герцога дю-Мень, Веніамина-его узаконенныхъ дѣпей.

Въ самомъ дѣлѣ, для людей привыкшихъ къ блеску и нѣгѣ жизни, что можетъ быть не-

сносѣе какъ шумъ, грязь, крикъ, духопа и шѣснопа многочудныхъ улицъ? Привычки купцовъ и ремесленниковъ не находяпся ли въ безпреспанномъ пропивоорѣчїи съ привычками вельможъ? Трудъ и ипорговля ложапся спать, когда аристокрапїя думаетъ полько садипся за обѣдъ; пѣ шумно уже полкупся, когда эпа еще почиваетъ. Ихъ расчеты и выгоды никогда не вспрѣчаютъ; первые супъ приходъ, послѣдняя расходъ. Отсюда, и нравы ихъ рѣшительпо пропивоположны. Эпо замѣчанїе не имѣетъ въ себѣ ничего оскорбительпого. Аристокрапїя еспъ нѣкопорымъ образомъ мысль общеспва; среднїй классъ его организмъ и дѣятельность. Вопъ опъ чего эпи двѣ силы имѣютъ для себя различныя средопочїя; и изъ ихъ пропивоположностей произодитъ наружная анпипатїя, копорая производитъ различїе въ движенїяхъ, предпрїемлемыхъ для одной общей цѣли. Эпо такъ еспественно при всякомъ успройствѣ общеспва, что самый пылкїй ревншель равенспва, вооружающїйся пропивъ сего различїя, какъ пропивъ посягательспва на высокїя идеи, подъ копорыми обькновенно честполюбцы низнихъ классовъ скрываютъ свои намѣренїя, нашель бы крайне смѣшнымъ, есплѣ Принцъ Монморанси вздумалъ поселпсь въ улїцъ Сен-Марпень, на углу перулка называющагося его именемъ, или Гер-

цогъ Фицъ-Джемсъ, попомоць Шотландскихъ Королей, поспровль бы себѣ домъ на улицѣ Марин Спюартъ, на углу переулка Монпоргёйль. *Sint ut sint, aut non sint*: эти прекрасныя слова Римскаго Первосвященника должны бы служить девизомъ для вельможъ всѣхъ государствъ.

Сіе раздѣленіе сословія, встрѣчающееся во всѣ времена и одобряемое вездѣ общимъ мнѣніемъ, имѣетъ основаніе въ сущности общества: оно есть вмѣстѣ и дѣйствіе и причина, и начало и законъ. Народъ имѣетъ у себя здравый смыслъ, опъ котораго уклоняется только тогда, когда злонамѣренныя люди смущаютъ его. Этотъ здравый смыслъ основывается на общихъ истинахъ, равно вѣрныхъ въ Москвѣ и въ Лондонѣ, въ Женевѣ и въ Калькуттѣ. Соберитесь, гдѣ вамъ угодно, на данномъ проспективѣ, нѣсколько семействъ съ неровными состояніями, вы увидите, что вездѣ сославаясь высшіе круги, патриція, общества перваго, втораго и третьяго порядка. Право равенства есть метафизическій призракъ, котораго никакія человѣческія усилія не могутъ осуществитъ на дѣлѣ. И какъ бы полезно было для блага Франціи распространитъ въ ней мысль сію!

Благодыпельныя слѣдствія полипической гармоніи понятны для самыхъ просвѣтыхъ людей

Гармонія еспь поэзія порядка, а народы имѣ-
юпть живѣйшую попребность въ порядкѣ. Со-
гласіе вещей между собою, однимъ словомъ един-
ство, не еспь ли самое проспѣйшее выраженіе
порядка? И во Франціи, болѣе нежели въ какой-
нибудь другой странѣ, архитектура, музыка
поэзія, все опирается на началъ единства. Тоже
самое начало лежитъ въ основаніи ея свѣпла-
го, чиспаго языка; а языкъ всегда будетъ са-
мой вѣрной и непреложной формулой народа.
И вопть почему, народъ Французскій, усво-
илъ себѣ самыя поэпическія пѣсни, съ самы-
ми лучшими напѣвами, привязывается къ са-
мымъ проспѣымъ идеямъ, любитъ слова самыя
мѣпкія, содержація наиболѣе мыслей. Франція
еспь единственная земля, гдѣ маленькая фраза
можетъ произвеспи большой переворотъ; опъ
того что все спремится въ ней къ согласію
между вещами и началами. По сему-то ни одна
нація такъ хорошо не успигаепть и мысли
единства, которе должно сущеспвоватъ въ
жизни аристокрапической.

Такимъ образомъ первая характериспическая
черта Сен-Жерменскаго предмѣспія еспь пыш-
ность палаптъ, огромные сады, ихъ безмолвіе, со-
споявшее нѣкогда въ гармоніи съ великолѣпиемъ
ихъ помѣспьевъ. Сіе раздѣленіе между однимъ
классомъ и всѣмъ оспальнымъ обществомъ спо-

лицы не есть ли матеріальное освященіе нравственныхъ распояній, ихъ опдѣляющихъ? Во всѣхъ созданіяхъ, голова имѣетъ свое мѣсто. Всякая нація, сбросившая къ ногамъ свою голову, рано или поздно узнаетъ, что она совершила надъ собой самоубійство. Тогда, по естественному опвращенію опъ смерти, она необходимо будетъ стараться придѣлать себѣ новую голову; и, если не имѣетъ для того силъ, гибнетъ подобно Риму, Венеціи и многимъ другимъ.

Различіе, возникшее изъ разности нравовъ между прочими сферами общественной дѣятельности и сферою высшей, необходимо предполагаетъ существенную, капиталную силу въ высшихъ слояхъ аристокраціи. Во всякой государственствѣ, какая бы ни была форма ихъ правленія, какъ скоро патриціи теряютъ условія своего превосходства, они оспаются безъ силы, и народъ потчасъ низвергаетъ ихъ, ибо народъ всегда хочетъ видѣть у нихъ въ рукахъ, въ сердцѣ и въ головѣ, богатство, силу и дѣйствіе; слово, умъ и славу. Безъ сей проистивенной мощи всякая привилегія исчезаетъ. Народы, какъ женщины, любятъ силу въ своихъ повелителяхъ, ихъ любовь не разлучна съ уваженіемъ; они не опдають повиновенія тому, кто не умѣетъ его предписывать. Аристокрація безъ уваженія есть мущина въ юпкѣ; она ничтожна, прежде чѣмъ уничтожиться. Такимъ образомъ,

опредѣленность вельможъ, ихъ рѣзко отличаютъ нравы, словомъ, весь космосъ паприціанскихъ каспъ, естъ вмѣстѣ и символъ ихъ существеннаго могущества, и причина ихъ смерти, когда они потеряютъ свое могущество.

Предмѣстіе Сен-Жерменское въ Парижѣ допустило на время опровергнуть себя опъ того, что не хотѣло признатъ обязанностей своего бытія, которое легко можно было упрочить, еслибъ оно подобно Англійской аристократіи имѣло благоразуміе заблаговременно предвидѣть, что учрежденія имѣютъ свои климатическіе годы, когда пѣже слова не имѣютъ погоже значенія, когда идеи пріемлютъ другія обличія, и когда условія общественной жизни совершенно измѣняютъ форму, безъ всякой существенной перемѣны въ своихъ основаніяхъ. Сія идея пребываетъ развитія, которое существенно необходимо для описываемаго нами приключенія, какъ опредѣленіе причинъ и какъ объясненіе фактовъ.

Величественность аристократическихъ замковъ и дворцовъ, роскошь и драгоцѣнность ихъ убранства, просторъ и приволье жизни, безпрекословное право собственности, богатство до рожденія; потомъ, привычка никогда не унижаться до расчета дневныхъ и мѣлкихъ интересовъ бытія, время въ полномъ распоряженіи, высокое рано пріобрѣтаемое образованіе; наконецъ паприціанскія

предавія, сообщающія полипическую силу, едва замѣняемую въ другихъ сословіяхъ ученіемъ, волею, упорнымъ призваніемъ: все сіе должно возвышати душу чловѣка, съ юныхъ дѣтъ обладающаго такими преимуществами, все должно напечатлѣвати въ немъ высокое уваженіе къ самому себѣ, коего малѣйшее только слѣдствіе есть благородство имени. Это справедливо въ отношеніи къ многимъ фамиліямъ Французскаго дворянства. Въ Сен-Жерменской предмѣстїи встрѣчаются прекрасные характеры, свидѣтельствующіе проптивъ общаго эгоизма, причинившаго гибель сего опдѣльнаго міра Парижской вселенной.

Сїи выгоды прїобрѣтены Французской аристокраціи, подобно какъ всѣмъ паприціанскимъ каспамъ, имѣющимъ цвѣсти на поверхности націй, до тѣхъ поръ пока онѣ будутъ утверждать свое бытіе на недвижимомъ имуществѣ, на землѣ, вмѣстѣ съ денежною собственностью, единственно пвердымъ основаніемъ правльнаго общества; но сїи выгоды оспанупся при нихъ не иначе, какъ если онѣ будутъ исполнять условія, возлагаемыя на нихъ за сіе обществомъ. Это родъ нравственнаго лена, владѣніе коимъ соединено съ извѣстными обязанностями. Перемѣнились времена, перемѣнилось и оружіе, коимъ надо дѣйствовать. Баронетъ, копорому прежде доспащчно было носить бровю и шпшъ, умѣлъ хорошо владѣть копьемъ и звать шпорами, пе-

перъ долженъ предснавлишь доказательспва ума, и памъ, гдѣ прежде нужно было одно богатырское сердце, въ наши дни надо имѣть еще широкой черепъ. Искусство, наука и деньги, образуяшь нынѣ общеспвенный приугольвикъ, въ которомъ вписывается власпъ и изъ котораго должна почерпапъ силу свою аристокрапiя новѣйшихъ временъ. Хорошая теорема спойтъ пеперь великаго имени; нынѣшнiе Фюггеры сунъ князя на дѣлѣ; великiй артисптъ есптъ испинный олигархъ: онъ представляемъ цѣлый вѣкъ, и почти всегда бываемъ закономъ. Такимъ образомъ, даръ слова, перо писателя, гений поэта, поспоянство коммерсанта, волю государспвеннаго человѣка, сосредоточивающаго въ себѣ тысячу ослѣпительныхъ качеспвъ, мечъ генерала, всѣ сiи личныя завоеванiя, дѣлаемая однимъ человѣкомъ надъ цѣлымъ общеспвомъ, ему покорнымъ, аристократическiй классъ долженъ нынѣ спарашься обратишь въ свою монополiю, пакъ какъ нѣкогда соспавлялъ онъ монополiю изъ маперiальной силы. Чпобъ бышь вождемъ спраны, не должно ли бышь доспойнымъ ее водить; не должно ли бышь душею и умомъ, чпобы двигапъ руками? Какъ предводишельспвовапъ народомъ, не имѣя силъ нужныхъ для начальспвованiя? Чпю значить маршалскiй жезлъ, если внуспренняя сила вождя не держишь его твердо въ рукѣ? А Сен-Жерменское предмѣстiе играло жезлами, воображая, чпю

въ нихъ вся сила. Оно перевернуло части предложенья, повелѣвающего его бытіемъ. Въ-сто того, чптобы, не дорожа внѣшними знаками, тайно приберегати силу, оно дозволило низшимъ сословіямъ взять у себя силу, привязываясь къ знакамъ, и поспоянно забывало законы, возлагаемыя на него численной его слабостію. Французская ариспокрапія, соспавляющая лично едва собою часть общества, нынѣ какъ и прежде, должна увеличивать средства дѣйствія, для того чптобы пропивуспавлять тяжестъ равную тяжести народныхъ массъ. А сими средствами въ наши дни должны бытъ сущеспвенныя силы, а не однѣ воспоминанія.

Въ сущеспвахъ органическихъ все выражается по закону гармоніи. Лѣнивъ ли кто, лѣностъ проглядываетъ въ каждомъ его движеніи. Точно также фізіономія класса сообразуется съ общимъ духомъ, съ душой оживляющей плѣло. Во время Респавраціи, женщина Сен-Жерменскаго предмѣспія не показывала въ себѣ ни той гордой смѣлостіи, копорую нѣкогда выражали придворныя дамы въ своихъ вольностяхъ, ни того скромнаго величія позднихъ добродѣтелей, копорыми онѣ заглаживали свои грѣхи, и кои разливали вокругъ нихъ споль живой блескъ. Въ ней не было ни полнаго легкомыслія, ни полной спепенностіи. Ея спраспн, съ нѣкопорыми исключеніями, были припворны; она спорговалась, спакъ

сказать, съ удовольствіями. Нѣкопорыя изъ сихъ фамилій вели мѣщанскую жизнь Герцогини Орлеанской, коей супружеское ложе такъ смѣшно выспавлялось на показъ посѣпипелямъ Пале Рояля; двѣ или три изъ нихъ продолжали нравы Регенспсва, и въ женщинахъ болѣе способныхъ возбуждали опвращеніе. Новая дама Сен-Жерменскаго предмѣспія не имѣла никакого вліянія на нравы; между нѣмъ она могла бы много: она могла бы предспавить важное зрѣлище дамъ Англійской аристокрапіи. Но она упорно коснѣла въ древнихъ преданіяхъ, была насильспвенно набожна, и скрывала все, даже прекрасныя свои качества. Ни одна изъ сихъ Француженокъ не могла создать гостиниой, гдѣ бы высшіе круги общества могли брать уроки вкуса и изящества. Ихъ голосъ, нѣкогда споль важный въ липературѣ, эпомъ живомъ выраженіи общества, вовсе ничего не значилъ. А когда липература не имѣетъ общей системы, она не составляетъ цѣлаго и разсыпается вмѣстѣ съ своимъ вѣкомъ.

Когда, въ какое-либо время, среди націй есть народъ, опдѣльно спояцій, испорикъ почпи всегда вспрѣчаетъ въ немъ главную фигуру, сокращающую въ себѣ всѣ совершенства и недоспажки массы, къ коей она принадлежитъ: таковъ Колинъ у Гугеноповъ; Коадьюторъ Рецъ среди Фронды; Маршалъ Ришелье при Людовикѣ XV; Данпонъ во время Терроризма.

Это пождество физиономии между однимъ человекомъ и историческимъ поясомъ его современниковъ, имѣеть основаніе въ природѣ вещей. Чпобы ве-
спи партію, не должно ли сообразоваться съ ея
идеями? Чпобы блиспаць въ какой-либо эпохѣ,
не должно ли ее предспавляць собой? Изъ сей по-
споянной обязанности, въ коей находилса му-
драя и благоразумная глава партій, повиноваться
предразсудкамъ и глупосціямъ массъ, соспа-
вляющихъ хвостъ ея, происходятъ дѣйствія,
въ коихъ извѣстные историки упрекають
вождей партій, когда, будучи отдѣлены отъ
нихъ спользіями, хладнокровно судяць спра-
спи, бывшія необходимыми для управленія вели-
кими вѣковыми борьбами. Чпо справедливо въ
цѣлой исторической комедіи вѣковъ, по справед-
ливо и въ пѣснѣйшей сферѣ частныхъ сценъ
сей драмы.

Въ началѣ эфемерной жизни, копорую вело
Сень - Жерменское предмѣспіе во время Ре-
спавраціи, и копорой, если предшеспвовавшія
разсужденія справедливы, оно не могло даць
прочности, одна молодая женщина была со-
вершеннѣйшимъ образцомъ высокой и слабой,
великой и малой природы своей касты. Это
была женщина искусспвенно образованная, су-
щеспвенно невѣжеспвенная; полная высокихъ
чувствъ, но безъ мысли, копорая бы ихъ со-
чспавама въ одно цѣлое; распочающая бога-

пѣйшія сокровища души, для того чпобъ повиноваться приличіямъ; гопова я иппи въ бой съ общественнымъ мнѣніемъ, но колеблющаяся и прибѣгающая къ искусственнымъ хипросіямъ изъ мѣлочныхъ соображеній; имѣющая больше упрямства, чѣмъ характера, больше причудъ, чѣмъ энтузіазма, больше ума, чѣмъ сердца; въ полномъ смыслѣ женщина и въ полномъ смыслѣ кокетка, въ особенности Парижанка; любительница блеска и праздниковъ; безъ размышленія, или слишкомъ поздно размышляющая; безразсудная до поэзіи; удивительно дерзкая въ наружномъ обращеніи, но смиренная во глубинѣ сердца; хвастающаяся силою, выпрямленною какъ проспникъ и какъ проспникъ гоповою гнуется подъ бодѣе сильною рукою; говорящая много объ религіи, но безъ любви къ религіи, и гопова я принятъ ее всегда какъ развязку. Но какъ объяснить это созданіе испинно многосложное, способное къ героизму, и забывающее героизмъ, для того чпобъ сказать колкоспъ; юное и очаровательное, поспарѣвшее не сполько сердцемъ, сполько правилами ее окружавшихъ, и понимающее ихъ эгоиспическую философію безъ умѣнья воспользоваться ею; имѣющее всѣ пороки придворныхъ и все благородспво молодой женщины; недовѣрчивое ко всему, и между тѣмъ гоповое вѣрится всему. Не оспанещся ли всегда неконченнымъ порпрешъ эпой

женщины, въ коей наиболѣе рѣзскіе оппѣнки ссорялся между собой, и не смотря на то производящъ поэпическій эффектъ дѣйствиємъ хранящагося въ ней божественнаго свѣта, блеска юности, который придаетъ симъ смѣшаннымъ черпамъ родъ цѣлости! Прелестъ была для ней единствомъ. Ничего не было припворнаго. Эпи страсти и полу-страсти; эпа слабостъ величія и существенностъ мѣлкости, эпи холодныя чувствва и горячіе порывы, были еспешивны и возникали сполькожъ изъ ея личнаго положенія, сколько изъ положенія сословія, къ коему она принадлежала. Она понимала единспвенно себя, и гордо спановилась выше свѣта подъ кровомъ своего имени. Въ ея жизни выражалось Меденно: Я! равно какъ во всей погдашней жизни Сен-Жерменскаго предмѣстія, которое умирая не хотѣло ни привспать, ни пропянуть руку какому-нибудь врачу, ни допронуться само, ни дать другимъ до себя допронуться; сполько чувспвовало оно себя слабымъ и ничпожнымъ.

Герцогиня де Ланже, такъ называлась эпа женщина, вышла за мужъ спустя чепыре года послѣ Респаврація, п. е. въ 1816 году, въ пу эпоху, когда Людовикъ XVIII, наученный революцій Спа Дней, понялъ свое положеніе и свой вѣкъ, не смотря на окружающихъ его, кои однако въ послѣдспвіи воспоржеспво-

вали надъ эпимъ Людовикомъ XI безъ попора, когда оны были сражены болъзнію.

Герцогиня де Ланже была урожденная Наваррейнъ, изъ старинной герцогской фамилии, со времени Людовика XIV принявшей за непреложное правило не отказываться отъ своего шипла въ брачныхъ связяхъ. Дочери сей фамилии рано или поздно, должны были имѣть шабурепъ при Дворѣ подобно своимъ маперямъ. Въ осьмнадцатъ лѣтъ Анпуанеппа Наваррейнъ вышла изъ глубокаго уединенія, въ копоромъ дополь жила, чпобъ выпши за мужъ за старшаго сына Герцога де Ланже. Обѣ фамилии были погда удалены отъ свѣта; но нашествіе на Францію дало почувствовать роялишамъ возвращеніе Бурбоновъ, какъ единственно оспающее средство положить конецъ несчастіямъ войны. Герцоги Наваррейнъ и Ланже, оспаваясь вѣрными Бурбонамъ, благородно сопропивлялись всѣмъ обольщеніямъ Императорской славы, и въ обспояпельспвахъ, въ коихъ находились со времени сего союза, еспеспвенно должны были повиноваться старой полипикѣ своихъ фамилій.

И такъ дѣвица Анпуанеппа Наваррейнъ, прекрасная и бѣдная, вышла за мужъ за Маркиза де Ланже, коего отецъ умеръ спустя нѣскольکو мѣсяцевъ послѣ сего брака. По возвращеніи Бурбоновъ, обѣ фамилии приняли свои мѣсна, свои должнспси, свои доспоинспсва при Дворѣ,

и вошли въ общественное движеніе, внѣ коего дополѣ держались. Онѣ спали на самой вершинѣ новаго политическаго міра. Въ эпо время подлоспей и лицемѣрныхъ обращеній, мнѣнію общественному пріятно было признапѣ въ сихъ двухъ фамиліяхъ вѣрность безпорочную, согласіе между частною жизнію и политическимъ характеромъ, коимъ всѣ партіи невольно отдають уваженіе. Но, по несчастію, довольно общему во времена примиреній, самые чистые люди, которые по возвышенности своихъ видовъ и мудрости началъ, могли бѣ увѣрить Францію въ благородствѣ новой политики, были удалены опѣ дѣлѣ, попавшихся въ руки пакихъ людей, кои для доказательства своей преданности гоповы были вестии исповѣдуемая ими начала до послѣднихъ крайностей. Фамиліи Ланже и Наварейнѣ оспавались въ высшей сферѣ Двора, осужденныя вмѣстѣ съ эпископомъ, на упреки и насмѣшки либераловъ, осужденныя пресыщаются чеспямя и богатствомъ, между тѣмъ какъ достояніе ихъ съ самымъ дѣлѣмъ ни сколько не умножалось, и доходы, опредѣляемые бюджетомъ, шли только на издержки представленія, необходимаго для всякаго правительствва, хотябѣ оно было республиканское.

Въ 1818 году, Герцогъ де Ланже командовалъ дивизіей арміи, а Герцогиня имѣла въ шпакѣ Принцессы мѣсто, которое уполномочивало ее

безъ соблазна оспаваться въ Парижѣ, вдали отъ своего супруга. Впрочемъ Герцогъ, кромѣ военнаго начальства, имѣлъ также при Дворѣ должность, куда и пріѣзжалъ на время, сдавая свою команду. Такимъ образомъ Герцогъ и Герцогиня жили совершенно врозь, дѣломъ и сердцемъ, и никто не зналъ объ томъ.

Сіе условное супружество должно было имѣть обыкновенную судьбу подобныхъ фамильныхъ договоровъ. Два характера, самые антипатическіе находились вмѣстѣ, взаимно шѣсня и сжимая другъ друга, навсегда внутренно разъединенные. Каждый изъ нихъ, разумѣется, повиновался своимъ склонностямъ и приличіямъ. Герцогъ де Ланже, голова сколько меподическая, сколько могъ быть какой-нибудь Кавалеръ де Фоларъ, меподически предавался своимъ склонностямъ, своимъ удовольствіямъ, и далъ волю женѣ слѣдовать въ свою очередь ея склонностямъ, замѣпивъ въ ней духъ въ высшей степени надменный, сердце холодное, спрогую покорность обычаямъ свѣта, уваженіе къ обязанностямъ совершенно юное, и увѣрять, что, въ слѣдствіе сихъ качествъ, она должна будетъ оспасться чистую въ глазахъ вельможныхъ ея родственниковъ, при свѣтѣ Двора спепеннаго и набожнаго. Такимъ образомъ онъ жилъ хладнокровно большимъ бариномъ прошлаго вѣка, давъ полную волю двадцатидвухлѣтней женѣ, глубоко оскор-

бленной, и имѣвшей въ характерѣ своемъ ужасное качество никогда не прощавъ обидъ, особенно когда всѣ ея женскія причуды, самолюбіе, а можетъ быть и самыя добродѣтели, были не уважены, были жестоко оскорбляемы втайнѣ. Когда обида бываетъ публичною, женщина любитъ ее забываятъ, она имѣетъ въ виду возвыситься чрезъ то, она бываетъ женщиной съ достоинствомъ великодушія; но женщины никогда не просятъ тайныхъ оскорбленій, ибо онѣ не любятъ ни тайныхъ подлостей, ни тайныхъ добродѣтелей, ни даже тайныхъ наслажденій любви.

Таково было положеніе, неизвѣстное свѣту, въ коемъ находилась Герцогиня де Ланже и объ которомъ не думала сама она, когда наступили празднества, данныя по случаю бракосочетанія Герцога Беррійскаго. Въ сіе время Дворъ и Сен-Жерменское предмѣстіе вышли изъ своей аповіи, изъ своей скрытной оспорожности. Тогда-то дѣйствительно началось неслыханное великолѣпіе, повредившее столько Респавраціи.

Въ это время Герцогиня де Ланже, по расчету или по суевности, никогда не показывалась въ свѣтъ безъ сопровожденія прехъ или чепырехъ женщинъ, опличающихся какъ именемъ, такъ и богатствомъ. Царица моды, она имѣла своихъ Фрейлинъ, которыя отражали на

себѣ ея манеры и умъ. Она искусно выбрала ихъ между пѣми, кои не были еще близки ко Двору, не приняты въ Сен-Жерменское предместье, и копорья однакожь искали сей чести.

Поставивъ себя такимъ образомъ, Герцогиня де Ланже была могущественнѣе, владычествовала успѣшнѣе и безопаснѣе. Ея *статс-дамы* защищали ее отъ клеветы, и помогали ей разыгрывать скучную роль молодой женщины. Она свободно могла смѣяться надъ людьми и надъ спраснями, возбуждать ихъ, собирать дани, коихъ жаждеть пакъ всякая человѣческая природа, и оспаваться между пѣмъ госпожею самой себя. Въ Парижѣ и во всякомъ высшемъ обществѣ, женщина есть всегда женщина; она любитъ вниманъ, ласкапельства, почести. Самая совершенная красота, ничего не значить безъ поклонниковъ; любовникъ, пайныя перешептыванья, суть свидѣльства ея могущества. Что значить безвѣстная власть? Ничего. Представьте себѣ прекраснѣйшую женщину, одну въ углу госпоиной; она печальна. Когда же подобная женщина видитъ себя въ средопочии общественнаго блеска, она хочетъ царствовать надъ всѣми сердцами, часно отъ невозможности быть счастливою владычицею одного.

Всѣ эти очарованія, шуалеть, кокетство, все это распочалось для самыхъ несчастныхъ существъ, какія только могутъ встрѣчаться:

для глупыхъ фатовъ, коихъ все достоинство соепоало въ смазливой рожницѣ, и для копорыхъ женщины жерпвовали собой совершенно даромъ, безъ всякой выгоды; энихъ наспоющихъ болвановъ изъ позолоченаго дерева, которые, кромѣ немногихъ исключеній, не имѣли ни предыдущихъ воспоминаній подобно пепимепрамъ времянь Фронды, ни полвовѣсной доброты героевъ Имперіи, ни оспроумія и манеровъ ихъ дѣдушекъ, и между нѣмъ *gratis* хотѣли бытъ чѣмъ-нибудь подобнымъ; которые были опважны и удалы, какъ вообще Французская молодежь, былибъ конечно ловки и способны, еслибъ дали имъ случай показатъ себя на опынѣ; но которые, къ сожалѣнію, ничего не могли сдѣлатъ при владычествѣ дряхлыхъ, выжившихъ изъ лѣтъ спариковъ, упорспвовавшихъ считатъ ихъ ребяпишками и водитъ на помочахъ. То была эпоха холодная, пощая, безъ всякой поэзіи. Для Респавраціи много попребно времени, чшобъ сдѣлатъся опять наспоющею Монархіею.

Уже осьмнадцать мѣсяцевъ, Герцогиня де Ланже вела эту пустую жизнь, наполняемую единспвенно балами, визитами для бала, пріумфами безъ предмета, спраспиями обыденнымъ, кои раждались и умирали въ одинъ вечеръ. Какъ скоро она являлась въ гостинной, всѣ взоры сосредоточивались на ней; она собирала

жапву комплиментовъ и ласкапельспвъ , даже нѣкоторыя выраженія, проникнутыя спраспью, копорыя ободряла жестомъ, взоромъ, но копорыя, не проникая глубже, скользили только по кожѣ. Ея понъ, приемы, все давало ей силу владычества. Она жила въ нѣкоторомъ родѣ горячки, производимой суешноспью и непрерывноспью удовольспвій, въ чаду коихъ кружилась безъ отдыа. Въ разговорахъ она заходила довольно далеко, слушала все, и пакимъ образомъ развращалась, если можно пакъ сказапъ, на поверхности сердца. Входя въ себя, она часто краснѣла отъ того, чему смѣялась, отъ какой-нибудь соблазнительной испоріи, коей подробности давали ей поводъ къ разсужденію о теоріяхъ любви, ей неизвѣстной, объ упонченныхъ раздѣленіяхъ спраспи, введенныхъ въ эти послѣднія времена, между пѣмъ какъ услужливые лицемѣры помогали ей своими комментаріями, ибо женщины, говоря все промежь себя, больше перяютъ, чѣмъ сколько могутъ бытъ испорчены мужчинами.

Накопецъ пришла минута, когда Герцогиня де Ланже постигла, что истинно любимая женщина есть только та, чья красота и умъ признаются всеми. Что доказываетъ мужъ? Что молодая дѣвушка, или женщина, имѣла хорошее приданое, или хорошее воспитаніе. Напроривъ, любовникъ есть безпреспанно повпоряемая программа ея со-

вершенствъ. Гжа де Ланже, не смотря на свою молодость, узнала, что женщина можетъ дозволишь любить себя публично, не бывъ соучастницей сей любви, не ободряя ея, не награждая ничѣмъ, кромѣ самыхъ сухихъ изъяслений мимолетнаго вниманія; и, конечно, не у одной свяпоши научилась она секрету играть эпически опасныя комедіи.

И такъ Герцогиня имѣла свой дворъ, и число пѣхъ, кои богопворили ее, или волочились за ней, охраняло оцъ подозрѣнія ея добродѣтель. Она была кокетка, любезна, обольстительна, до конца праздника, бала или вечера; но потомъ занавѣсь опускалась, и она опять оставалась одна съ собою, холодная, безпечная; за то на другой день оживала снова для другихъ ощущеній, равно поверхностныхъ. Было даже два или три молодыхъ людей, совершенно ею обмануемыхъ, копорые испинно ее любили и копорыми она играла съ совершенной безчувственностью. Она говорила сама себѣ: я любима, онъ меня любитъ! и эпой увѣренности ей было доспапочно. Подобно скупому, копорый довольствуется одною мыслію, что всѣ прихоти его могутъ быть исполнены, она можетъ быть никогда не доходила до желанія.

Однажды вечеромъ ей случилось быть у одной изъ ея коропкихъ подругъ, одной изъ пѣхъ низкихъ соперницъ, копорыя ненавидѣли ее оцъ

чистаго сердца и между пѣмъ вездѣ сопровождали; эпо родъ дружбы, копорую можно назвашь вооруженною, гдѣ обѣ спороны не довѣряють другъ другу, а если что довѣряють, то съ большою оспорожностію, иногдажъ и проspo съ вѣроломствомъ.

Обдѣляя всѣхъ бѣглыми привѣспвіями, выражавшими по покровипельспво, по пріязнь, по пренебреженіе, съ видомъ свойспвеннымъ женщинѣ, копорая знаетъ всю цѣну своихъ улыбокъ, она замѣпила челоуѣка, копорый былъ ей совершенно неизвѣспенъ, но копораго фizioномія, значипельная и важная, поразила ее. При видѣ его, она почувспвовала въ себѣ движеніе, опчаспи похожее на чувспво боязни.

— Что эпо за новое лице у васъ? спросила она у своей подруги.

— Вы вѣрно обѣ немъ слышали: эно Маркизь де Монриво.

— А! шакъ эпо онъ!

Она взяла свой лорнетъ и успавила на него съ шакою дерзоспію, какъ будшо на портретъ, копорый принимаетъ на себя взгляды, но не ондаептъ ихъ назадъ.

— Предспавьте же его мнѣ; онъ долженъ быпъ очень забавенъ.

— Напропивъ, прескучный и преугрюмый, но на него мода.

Маркизь Арманъ де Монриво въ эпо время,

самъ не зная того, былъ предметомъ общаго любопытства, и заслуживалъ оное гораздо болѣе, чѣмъ какой-либо изъ тѣхъ минувшихъ идоловъ, безъ которыхъ Парижъ не можетъ обойтись, и въ которые онъ влюбляется на нѣскольکو дней, дабы удовлетворить причудливости, коей припадки періодически на него находятъ.

Арманъ де Монриво былъ единственный сынъ Генерала де Монриво, одного изъ старинныхъ дворянъ, которыхъ, вступивъ въ службу Республики, погибъ, сражаясь подлѣ Жубера при Нови. Осиротѣвъ, онъ былъ помещенъ, стараніями Бонапарта, въ Шалонскую школу, и вмѣстѣ съ многими другими дѣтьми Генераловъ, убитыхъ на полѣ сраженія, принялъ подъ особенное покровительство Французской Республики. По выходѣ изъ сей школы, не имѣя никакого сословія, онъ вступилъ въ службу по Артиллеріи и былъ еще только батальоннымъ командиромъ во время Фонтенблоскаго несчастія. Служба, избранная Арманомъ, представляла ему мало средствъ къ повышенію. Во первыхъ, число офицеровъ здѣсь гораздо ограниченнѣе, чѣмъ по другимъ частямъ арміи; во вторыхъ, либеральный и почти республиканскій образъ мыслей, господствовавшій въ Артиллеріи, и опасенія, внушаемая Императору обществомъ людей образованныхъ, привыкшихъ размышлять, препятствовали большей части изъ нихъ соспа-

вишь себѣ счастье службою. По сему-то, вопреки должному порядку вещей, офицеры, доспигавшіе до генеральства, не всегда были самыя замѣчательныя изъ арміи, ибо посредственность внушала менѣе опасенія. Артиллерія соспавляла отдѣльное цѣлое въ арміи и принадлежала Наполеону только на полѣ битвы. Но къ симъ общимъ причинамъ замедленія, испытаннаго Арманомъ де Монриво по службѣ, присовокуплялись еще другія, принадлежащія собственнo его лицу и характеру.

Одинъ въ мірѣ, съ двадцатипятилѣтняго возраста брошенный въ эпоху вихрь людей, среди коею жилъ Наполеонъ, не имѣя ничего привязывающаго внѣ себя, готовый на смерть каждый день, онъ привыкъ существовать только внутреннимъ уваженіемъ къ самому себѣ и чувствомъ совершеннаго исполненія своего долга. Онъ былъ обыкновенно молчаливъ, какъ всѣ робкіе люди, но его робость происходила не отъ недоспадка мужества: это былъ родъ нѣкоторой спыдливости, не позволявшей ему предаваться хвастливымъ изъявленіямъ. На полѣ битвы, онъ былъ неупрашимъ безъ фанфаронства: онъ видѣлъ все, могъ спокойно давать добрыя совѣты поварищамъ, и идя прямо на ядра, чагбался во-время, чтобы избѣганъ ихъ. Онъ былъ добръ, но по наружности казался надменнымъ и суровымъ. Дер-

жась во всемъ математической точности, онъ не-допускалъ никакой лицемерной сдѣлки ни съ обязанностями занимаемаго мѣста, ни съ послѣдствіями совершаемаго поступка. Онъ не перпѣлъ ничего постыднаго, не просилъ ничего для себя; однимъ словомъ, это былъ одинъ изъ тѣхъ безвѣстныхъ великихъ людей, которые имѣютъ столько философіи, что презирающъ славу, живутъ, не привязываясь къ жизни, ибо не находятъ возможности развернуть свою силу или свои чувства во всей ихъ обширности. Его боялись, уважали, но мало любили. Люди дозволяютъ намъ возвышаться даже и выше ихъ, но никогда не прощаютъ намъ, если мы не унижаемся до нихъ. Посему чувства, питаемая ими къ великимъ характерамъ, сопровождаются отчасти ненавистью и страхомъ. Излишество достоинства есть для нихъ безмолвный упрекъ, котораго они не прощаютъ ни живымъ, ни мертвымъ.

Послѣ прощанія въ Фонтенблo, Монриво, не смотря на свое благородное происхожденіе и шишулы, былъ оставленъ съ половиннымъ окладомъ жалованья. Его прямога, достойная древнихъ временъ, испугала Министерство Военныхъ Дѣлъ, коему известна была привязанность его къ клятвамъ, даннымъ Императорскому Орлу. Во время Спа Двей, онъ былъ на-

именованъ Полковникомъ Гвардіи и оспался на полѣ бившѣ при Вапермоо. Раны удержали его въ Бельгіи, почему онъ не могъ бытъ въ Луарской арміи. А какъ Королевское правленіе не признавало производствъ во время Спа Дней, то Арманъ де Монриво покинулъ Францію.

Увлекаемый своимъ предпримчивымъ гениемъ, пою высокою ума, которую до сихъ поръ удовлетворяли опасности войны, и воспламененный врожденною спрасію къ великимъ общеплезнымъ подвигамъ, Генераль Монриво предпринялъ пупешествіе для изслѣдованія Верхняго Египта и другихъ еще неизвѣстныхъ частей Африки, особенно центральныхъ ея странъ, возбуждающихъ нынѣ столько любопытства между учеными. Это пупешествіе было продолжительно и злополучно. Онъ уже собралъ много драгоценныхъ замѣчаній, кои моглибъ послужить къ разрѣшенію любопытнѣйшихъ задачъ по части географіи и промышленности, и добрался, разумѣется, преодолевъ многія препяствія, до сердца Африки, какъ вѣроломство предало его во власць одного дикаго племени. Его ограбили съ ногъ до головы, осудили на рабство, таскали цѣлые два года по пуспынямъ, угрожали ежеминутно смертію, и мучили гораздо болѣе, чѣмъ злой ребенокъ мучитъ живописное, которымъ забавляется. Благодаря крѣпости своего тѣла и пвердости души, онъ вы-

несъ всё ужасы своего невольничества, но ищощиль почти всю свою энергію при избавленіи отъ онаго, которое было почти чудесно. Онъ достигъ Французской колоніи въ Сенегалъ, полу-мертвый, въ рубищъ, не принеся съ собой ничего, кромъ самыхъ темныхъ воспоминаній. Безмѣрныя пожертвованія, коихъ требовало сіе путешествіе, многотрудное изученіе Африканскихъ нарѣчій, открытія и наблюденія его, все погибло. Одно слѣдующее обстоятельство можетъ дать понятіе о его спраданіяхъ. Нѣсколько дней, дѣши шеика того племени, у котораго онъ былъ въ неволѣ, забавлялись, принимая голову его за щель, въ игръ, кпо дальше броситъ лошадиныя коспи, и заспавляя его собирають эти коспи.

Монриво воропился въ Парижъ около половины 1818 года, и увидѣлъ себя совершенно разореннымъ, безъ покровителей, копорыхъ впрочемъ и не желалъ имѣть. Онъ бы лучше согласился двадцать разъ умереть, чѣмъ сдѣлать малѣйшій шагъ для признанія правъ, давно имъ пріобрѣтенныхъ. Несчастія и спраданія развили его энергію до самыхъ мѣлкихъ бездѣлицъ, и привычка сохранять свое человѣческое достоинство предъ лицомъ этого нравственнаго существа, которое мы называемъ совѣстью, давала въ глазахъ его цѣну дѣйствіямъ, по наружности самымъ маловажнымъ. Между тѣмъ

его сношенія съ первыми Парижскими учеными и нѣкопорыми образованными военными людьми, сдѣлали извѣстными и достоинства его и приключенія. Обстоятельства его путешествія, неволи и освобожденія, показывали сполько духа, мужества и хладнокровія, что онъ, самъ того не зная, приобрѣлъ минувшую знаменитость, на которую Парижскія госпоинья такъ распочительны, но которыхъ пребують неслыханныхъ усилій опъ артистовъ, когда они хопящъ ее упрочить.

Къ концу года положеніе его вдругъ измѣнилось. Изъ бѣднаго онъ сдѣлался богатымъ, или по крайней мѣрѣ по наружности наслаждался всеми признаками богатства. Тогда правительство, справшееся привязать къ себѣ достойныхъ людей, чтобы дать силу арміи, сдѣлало нѣкоторые успунки спарымъ офицерамъ, которыхъ дознанная честность и прямоша были надежными поруками вѣрности. Арманъ де Монриво былъ снова принятъ въ службу шѣмъ же чиномъ, получилъ сполна жалованье за прежнее время, и помѣщенъ въ Королевскую гвардію.

Всѣ эти милости сыпались одна за другою на Маркиза де Монриво безъ малѣйшей со стороны его просьбы. Друзья избавили его опъ необходимости хлопотать лично, на что бы онъ впрочемъ и не рѣшился. Помомъ, вопреки своимъ привычкамъ, которыхъ вдругъ измѣни-

лись, онъ вошелъ въ свѣтъ, гдѣ былъ принятъ весьма благосклонно и встрѣпилъ вездѣ свидѣтельсва высокаго уваженія. Казалось, онъ нашелъ какую-то развязку для своей жизни; но у него все совершалось въ душѣ, ничего снаружи. Онъ приносилъ съ собою въ обществѣ лице важное, сосредоточенное, безмолвное и холодное. Это дало ему большой успѣхъ, именно потому, что рѣзко отличало его въ толпѣ тѣхъ условныхъ физиономій, коими меблируются Парижскія гостиныя, гдѣ такое лицо было истинно новостью. Рѣчь его имѣла краткость и выразишельность, свойственную языку дикарей или опшельниковъ. Его робость принята была за надменность, и удивительна какъ понравилась. Онъ представлялъ въ себѣ что-то странное и великое; и женщины тѣмъ болѣе плѣнялись этимъ оригинальнымъ характеромъ, что онъ ускользалъ отъ ихъ обольстительныхъ ласкъ, отъ хитроспесей, коими онѣ опутываютъ людей самыхъ могучихъ и продаютъ характеры самые непреодолимые.

Г. де Монриво ничего не понималъ въ этомъ мѣлкомъ Парижскомъ обезьянствѣ; душа его могла отвѣчать только звучнымъ сопрасеніямъ истинно прекрасныхъ чувствованій. Онъ бы и оспался при томъ, еслибъ не поэзія, происшедшая изъ его приключеній и жизни, еслибъ не пуспозвоны, которыя славили про него безъ

его вѣдома, еслибъ не поржесиво самолюбія, ожидавшаго женщину, копорая займетъ его. Посему любопытство Герцогини де Ланже было сполькожь живо, какъ и естественно; припомъ, по особенному обстоятельству, эпошъ человекъ возбудилъ въ ней участие еще наканунъ; при ней рассказывали одну сцену изъ путешествія Г. де Монриво, копорая должна была произвестъ самое сильное впечатлѣніе на живое воображеніе женщины.

Во время поѣздки своей къ испочникамъ Нила, Г. де Монриво имѣлъ съ однимъ изъ провожаемыхъ своихъ размолвку самую необычайную, какая только извѣстна въ мѣлописяхъ путешествій. Имъ надо было проходить черезъ пустыню, гдѣ не мзя было иначе иппи какъ пѣшкомъ. Одинъ только проводникъ былъ въ состояніи вести его. До сихъ поръ никто изъ путешественниковъ не проникалъ въ эту часть страны, гдѣ неуспрашиваемый Генералъ предполагалъ найти разрѣшеніе многихъ важныхъ для науки задачъ. Не смотря на представленія, копорыя ему дѣлали тамошніе старики и даже самый проводникъ, онъ предпринялъ сіе ужасное путешествіе. Вооружась всѣмъ своимъ мужествомъ, еще болѣе подспрекнуемымъ рассказами о препятствіяхъ, кои надлежало преодолѣть, онъ отправился рано поутру. По прошедши весь день, вечеромъ повалился на песокъ,

чувствуя неиспытанную дополь усталость отъ сыпучести песчаной дороги, которая при каждомъ шагѣ какъ будто бѣжала подъ нимъ.

Между тѣмъ онъ зналъ, что на другой день съ зари надо было пускайся опять въ дорогу. Проводникъ обѣщаль ему, что къ половинѣ дня цѣль пупешествія ихъ будетъ достигнута; это возвратило ему бодрости и силы. Не смотря на спраданія, онъ продолжалъ свой путь, уже проклиная отчасти науки и любопытство, что однако скрывалъ самъ въ себѣ, спыдясь обнаружитъ свою слабость передъ проводникомъ. Уже прошло около препи дня. Г. де Монриво чувствуя, что силы его снова испощающия и ноги всѣ въ крови отъ ходьбы, спалъ и спросилъ: скоро ли они придуть?

— Черезъ часъ, отвѣчалъ проводникъ.

Арманъ нашель въ себѣ силы еще на часъ, и продолжалъ путь. Но часъ прошелъ, а онъ не примѣчалъ нигдѣ на горизонтѣ—этомъ горизонтѣ песковъ, столь же обширномъ какъ горизонтъ открыпаго моря—ни пальмъ, ни горъ, коихъ вершины должны были возвѣститъ конецъ пупешествія. Тогда онъ оспановился, бросилъ грозный взоръ на проводника и опказался иппи далѣе, называя его обманщикомъ и убійцей; попомъ слезы ярости и упомле- нія покапились по его раскаленнымъ щекамъ;

безпрестанно возрастающая боль перегнула его пополамъ, горло запеклось опть жажды. Проводникъ, неподвижный, слушалъ жалобы его съ приниженнымъ видомъ, разсмапривая между птьмъ, со всей равнодушной наружностью жителей Востока, малыйшя примъпы на песокъ, почти почернълomъ какъ вороненое золото.

— Я ошибся, сказалъ онъ хладнокровно. Тому уже такъ давно, какъ я шелъ этой дорогой, что теперь скоро ее не признаешь; мы однако не сбились; но надо иппи еще часа два.

— Эпопъ человекъ говоритъ основательно, подумалъ Г. де Монриво.

Онъ пустился опять въ дорогу, съ трудомъ передвигая ноги за безжалостнымъ Африканцомъ, къ копорому словно привязанъ былъ невидимою нитью, какъ осужденный къ палачу. Два часа проходилъ; Французъ испощилъ послъднйа капли мужеспва, а горизонтъ все чиспъ; нтъ ни пальмъ, ни горъ.

Тогда у него не доспало уже ни криковъ, ни рыданй: онъ бросается на песокъ, съ птьмъ чтобъ умереть; но его взоры привели бы въ шрепетъ самаго беспспрашнаго человека: они говорили, что онъ хочетъ умереть, только не одинъ. Проводникъ, какъ наспоющй демонъ, опвълчалъ ему спокойнымъ взглядомъ,

запечатлѣннымъ непреодолимою властію, и оставилъ его распростертымъ на песокъ, отдаваясь самъ на такое распояніе, чѣмъ быть въ безопасности опъ опчаянія своей жертвы. Наконецъ Г. де Монриво нашелъ въ себѣ нѣсколько силъ для произнесенія послѣдняго проклятія. Тогда проводникъ подошелъ къ нему, посмотрѣлъ на него приспально, заспавилъ замолчашь, и сказалъ ему:

— Не самъ ли ты упорствовалъ, иппи сюда, сколько мы тебя ни ~~р~~убогаивали?.. Ты клянешь меня, что я тебя обманулъ; еслибъ я этого не сдѣлалъ, ты бы не былъ здѣсь. Хочешь ли знать правду? Намъ оспаеся еще пять часовъ ходьбы, а воропиться назадъ нѣтъ возможности. Испытай свое сердце, и если не найдешь въ немъ довольно мужества, вопъ тебѣ мой кинжалъ.

Изумленный симъ ужаснымъ напряженіемъ опчаянія и силы, Г. де Монриво не захопѣлъ унизить себя передъ варваромъ, и почерпнувъ въ своей гордости Европейца новое подкрѣпленіе мужества, вспалъ чѣмъ слѣдовать за проводникомъ.

Пять часовъ прошло. Г. де Монриво, не видя ничего впереди, обратился на проводника своего умирающій взглядъ: но тогда Нубіецъ взял его къ себѣ на плеча, поднялъ на нѣсколько футовъ опъ земли, и далъ увидѣть шагахъ во спа

озеро, окруженное эсленью и прелеспной рощей, озаряемой лучами заходящаго солнца.

Они дошли до нѣкотораго рода огромнаго гранитнаго кряжа, подѣ которымъ погребенъ былъ эпопѣ превосходный ландшафтъ. Арманъ, какъ будто возродился снова, и его проводникъ, эпопѣ гигантѣ смѣшливости и мужества, докончилъ свой подвигъ, перенесши его на себѣ по горячимъ и скользкимъ пропикамъ, едва прочерченнымъ въ гранитѣ. Съ одной стороны онъ видѣлъ адъ песковъ, съ другой земной рай прекраснѣйшаго оазиса, какой только можно найти въ сихъ пустыняхъ.

Герцогиня, уже пораженная видомъ эпого поэпического лица, еще болѣе поразилаь, узнавъ, что видитъ въ немъ Маркиза де Монриво, о которомъ прогрзла всю ночь. Быть посреди раскаленныхъ песковъ пустыни, имѣть его поварисемъ въ смутныхъ снахъ разгоряченнаго воображенія, для подобной женщины не было ли предвѣспіемъ пріятнѣйшаго удовольствія наяву?

Надо признаться, что не было чловѣка, у котораго физіономія вѣрнѣе бы выражала характеръ, какъ у Армана, и которая подспрекала бы собой вниманіе съ болышею основательностію. Голова его, большая и квадрапная, имѣла главную характерической чертой болыше и густые черные волосы, закрывавшіе ему лице, точно какъ у Клебера, на котораго Арманъ

походилъ также могучимъ выраженіемъ лба, окладомъ лица, спокойною смѣлостью глазъ, и нѣкопорымъ родомъ пылкости, изображавшейся въ его рѣзкихъ чертахъ. Онъ былъ не великъ ростомъ, широкъ въ груди, весь спеленъ изъ жилъ какъ левъ. Когда онъ шелъ, его осанка, поступь, малѣйшія движенія, отличали какую-то спокойную увѣренность въ своей силѣ, внушавшую невольное всеобщее уваженіе, даже что-то деспотическое. Казалось, онъ зналъ, что ничто не могло проптивиться его воли, можетъ быть, по тому что не хотѣлъ ничего недолжнаго. Не смотря на то, какъ и все люди дѣйствительно сильныя, онъ былъ пихъ въ рѣчахъ, прослъ въ обращеніи, и добръ опъ природы. Только можно было догадываться, что все эти прекрасныя качества должны были исчезнуть въ важныхъ обстоятельствахъ, когда человекъ становится неумолимъ въ своихъ чувствованіяхъ, непреклоненъ въ намѣреніяхъ, ужасенъ въ дѣйствіяхъ. Наблюдатель могъ еще замѣтить, въ привычкѣ его вздергивать губы вверхъ, расположеніе къ ироніи.

Герцогиня де Ланже, повимая всю цѣну завоеванія такого человека, рѣшилась въ то короткое время, какъ Гжа де Серизи брала его чтобы представить ей, приобщить его къ числу своихъ любовниковъ, давъ преиму-

щесство надъ всѣми другими и приковавъ къ себѣ всѣми очарованіями кокетства. Эпо было такъ—фанпазія—чиспый капризъ—изъ котораго Кальдеронъ сдѣлалъ свою Собаку Садовника. Ей захопѣлось, чпобы эпопъ человекъ не доспался никакой другой женщиной, но она со-всѣмъ не думала отдавать себя ему.

Герцогиня де Ланже получила опъ природы всѣ качества необходимыя для роли кокетки, и воспитаніе усовершило ихъ. Женщины имѣли причину завидовать ей, мушны любили ее. У ней не было недоспалка ни въ чемъ, что можетъ внушать любовь, оправдывать ее и упрочивать. Ея красота, приемы, разговоръ, осанка, все содѣйствовало къ развитію въ ней натуральнаго кокетства, которое у женщины есть нечто иное, какъ сознаніе своей силы. Она была стройна, и можетъ быть слишкомъ уже рисовалась въ своихъ движеніяхъ: единственное жеманство, въ которомъ можно было ее упрекать. Все въ ней гармонировало, опъ малѣйшаго движенія до особеннаго оборота ея фразъ, до лицемѣрія, съ коимъ она бросала свои взгляды. Преобладающій характеръ ея физіономіи было изящное благородство, которое ни сколько не разрушалось совершенно Французскою живостью ея движеній. Эша безиреспация переменна положеній широкія имѣла удивительную прелесть для мушны. Кшо

проводилъ подлѣ ней цѣлый вечеръ, ипотъ находилъ ее, попеременно, то веселую, то печальною, не предполагая, чтобъ она разыгрывала все, и эту печаль и эту веселость. Она умѣла быть, когда хотѣла, и привѣпливой, и снѣсивой, и дерзкой, и довѣрчивой. Она казалась доброю, и была дѣйствительно такова: въ ея положеніи ничто не принуждало ее унижаться до злости. Были минуты, когда она показывала себя попеременно то просподушною, то хипрою, то нѣжною до умиленія, то бездушною и жесткою, такъ что сердце рвалось на части. Но чтобъ изобразить ее вполне, надо было бы собрать вмѣстѣ все противоположности женской природы, ибо она была все, чѣмъ хотѣла быть или казаться. Ея лице отчасти длинноватое, въ своей прелести имѣло что-то миніатюрное, тонкое, напоминавшее лица средних вѣковъ. Цвѣтъ ея былъ блѣдный, слегка окрашенный румянцемъ. Весь порокъ красоты ея, если можно такъ сказать, состоялъ въ излишесствѣ нѣжности.

Г. де Монриво охотно позволилъ себя представить Герцогинѣ, которая, какъ женщина высшаго образованнаго тона, избѣгающая всѣхъ пошлостей, приняла его, не обременяя ни вопросами, ни complimentами, а съ нѣкоторымъ родомъ уваженія, всегда лестнаго для человѣка съ высшимъ умомъ и характеромъ; ибо всякая

возвышенность предполагаетъ и въ мушкетѣ нѣсколько того внушительнаго такта, по которому женщины угадываютъ все, гдѣ есть сколько-нибудь чувства. Если она обнаружила любопытство, по одними только взглядами; если дозволила себѣ комплименты, по лишь въ приемахъ своего обращенія: для него одного испостила она всю обольстительную прелесть разговора, всѣ тонкости желанія нравиться, которое такъ умѣла выказать, когда хотѣла.

Но все ея обращеніе, вся бесѣда, была только официальный текстъ письма, если можно такъ выразиться; оставался еще постскрипумъ, который долженъ былъ высказать главную мысль.

Прошло около полу-часа въ незначительныхъ разговорахъ, гдѣ слова получали нѣкоторую силу только опъ повышенія удареній, или опъ улыбокъ ихъ сопровождавшихъ. Г. де Монриво показалъ видъ, что ему пора удалиться; но Герцогиня удержала его выразительнымъ жестомъ.

— Я не знаю, сударь, сказала она ему, сколько ли вы нашли удовольствія въ этихъ немногихъ минутокъ, которыя я имѣла наслажденіе провести съ вами, чтобы я сочла себя въ правѣ пригласить васъ къ себѣ. Я боюсь, чтобы это

желаніе съ моей стороны не было слишкомъ эгоистическимъ. Если бъ я сполько была счастлива, что и вы нашли бы въ немъ удовольствіе, то вы можете заспавать меня всегда по вечерамъ до десяти часовъ.

Слова эти были сказаны съ такимъ кокетствомъ, что Г. де Монриво не могъ никакъ опказатьсь опъ приглашенія. Когда онъ вмѣшался опять въ толпы мущинъ, державшіяся на нѣкоторомъ разстояніи опъ женщинъ, многіе изъ друзей его спали поздравлять его, частію серьезно, частію въ шупку, съ необычайнымъ приемомъ, копорый сдѣлала ему Герцогиня де Ланже. Побѣда споль прудная и споль славная была одержана пакъ внезапно, и честь сія принадлежала Гвардейской Арпиллеріи! Легко можно вообразить, сколько шупокъ, оспрыхъ и плоскихъ, было оппущено на эту тему въ Парижской госпиной, гдѣ сполько любятъ забавляться, и гдѣ самыя насмѣшки пакъ быспропечны, что каждый спѣшитъ извлечь изъ нихъ весь сокъ веселаго и оспроумнаго.

Но эти насмѣшки шайно льспили Генералу. Съ мѣста, гдѣ онъ споялъ, взоры его привлекались къ Герцогинѣ тысячью неясныхъ мыслей, и онъ невольно признавался себѣ, что, изъ всѣхъ женщинъ, коихъ красота его прельщала, ни въ одной не вспрѣчалъ онъ сладостнѣйша-

го выраженія совершенствъ и недоспатковъ, соединенныхъ въ такой гармоніи, какую только можно претерпѣвать во Франціи опть предмета любви своей. Кто, на какой-бы ступени обществана ни былъ онъ поставленъ судьбою, не чувствовалъ въ душѣ своей невыразимаго наслажденія, встрѣчая въ женщинѣ, которую выбралъ для себя, положимъ даже въ мечтахъ своихъ, всю полную проичность совершенствъ, нравственныхъ, физическихъ и общественныхъ, такъ что всѣ желанія его совершенно въ ней осуществляются! Если это лестное соединеніе не всегда раждаетъ любовь, то неоспоримо естъ одно изъ могущественнѣйшихъ проводниковъ чувства. Безъ суетности, говорилъ одинъ глубокомысленный моралистъ прошлаго вѣка, любовь естъ выздоравливающая болѣзнь.

Для мужчинъ, равно какъ и для женщинъ, превосходство любимой особы естъ неиспощимое сокровище наслажденій. Не естъ ли это весьма много—если уже не все—когда мы увѣрены, что самолюбіе наше никогда не пострадаетъ въ предметъ нашей любви; что особа, избранная нами, такъ благородна, что никогда не допуститъ оскорбить себя презрительнымъ взглядомъ; такъ богата, что не будетъ имѣть нужды окружать себя наружною льщиною и

блескомъ, какъ могутъ дѣлать всѣ эфемерныя временщики фортуны; такъ оспроумна, что не дозволяетъ смѣшать себя какой-нибудь тонкой шушкой; такъ прекрасна, что можетъ соперничествовать со всѣмъ своимъ поломъ! Сія размышленія, муцина всѣ дѣлаетъ въ одно мгновеніе ока. И если женщина, которая ихъ внушаетъ, въ поже время представляетъ ему, въ будущей перспективѣ лепучей спраспи, очаровательное разнообразіе прелестей, проспосердечную искренность дѣвственной души, пылячи складокъ кокетски устроеннаго наряда, всѣ опасности любви: по сего не достапочно ли, чтобы попрыска до основанія сердце самаго хладнокровнаго человѣка?

Но вопъ положеніе, въ которомъ Г. де Монриво въ эту минушу находился относительно женщины, и прошедшая жизнь его достапочно изъясняетъ спранность воспослѣдовавшихъ съ нимъ произшествій.

Съ раннихъ лѣтъ брошенный въ ураганъ Французскихъ войнъ, живя всегда на полѣ битвы, онъ также зналъ женщинъ, какъ поропливый путешественникъ, который скачетъ отъ гостинницы до гостинницы, знаетъ проѣзжаемую имъ спорону. Можетъ бытъ, онъ могъ бы сказать о своей жизни поже, что Вольперъ въ восемьдесятъ лѣтъ говорилъ о своей. Въ его

лѣта, онъ былъ также новъ въ любви, какъ молодой человекъ только что прочитавшій украдкой Фобласа. Объ женщинахъ, онъ зналъ все; но о любви, ничего; и эта дѣвственная чувствва раждала въ немъ желанія совершенно новыя.

Люди, увлеченные прудами, на которые осуждаютъ ихъ бѣдность или честлюбіе, любовь къ искусству или къ наукѣ, такъ какъ Г. де Монриво былъ увлеченъ попокомъ войны и приключеніями своей жизни, знаютъ это справное положеніе, хотя и рѣдко въ помъ сознаются. Во Франціи надобно, чтобы всякой мужчина любилъ; ни одна женщина не захочетъ себя того, чего ни одна никогда не хотѣла. Изъ опасенія прослыть глупцомъ, происходитъ хвасповство Французскихъ фаповъ; ибо во Франціи прослыть глупцомъ, значить не быть Французомъ.

Въ это время, Г. де Монриво почувствовалъ въ себѣ пламя желанія, пламя усиленное зноемъ пустынь, и вмѣстѣ волненіе сердца, закипѣвшаго дополъ невѣдомымъ ему чувствомъ. Имѣя сполько жъ силы, сколько пылкости, эпотъ человекъ умѣлъ подавить свои ощущенія; но говоря о вещахъ незначущихъ, онъ невольно задумывался и клялся самъ себѣ, овладѣть, во что бы ни спало, этой женщиной. Клятва эта имѣла для него такую-же силу, какъ для Ара-

бовъ, съ которыми онъ жилъ, и у которыхъ она есть завѣтъ между ними и всей ихъ судьбою, такъ что сія послѣдняя подчиняется совершенно успѣху предпріятія, освященнаго клятвою, и самая смерть считается только средствомъ къ ея осуществленію.

Иной молодой человекъ сказалъ бы себѣ: я очень желалъ бы имѣть любовницей Герцогиню де Ланже! Другой можетъ быть примолвилъ бы: счастливъ бездѣльникъ, котораго полюбитъ Герцогиня де Ланже! Но Генераль сказалъ про себя: я буду имѣть любовницей Герцогиню де Ланже! А когда подобная мысль входитъ въ голову человѣку съ дѣвственнымъ сердцемъ, для котораго женщина есть святыня, онъ не знаетъ, несчастный, въ какой адъ заноситъ свою ногу.

Г. де Монриво убрался поспѣшно изъ гостиной, и воропился домой, пожираемый первыми припадками первой любовной горячки. Если на половинѣ жизни человекъ сохраняетъ еще вѣрованія, мечпы, искренность и пылкость дѣтства, то его первое движеніе, есть движеніе дѣтское, пропянуть, такъ сказать, руку, чтобъ схватить то, чего ему хочется; потомъ, когда онъ увидитъ между собой и предметомъ своего желанія разстояніе почти непреходимое, то, также какъ дѣти, чувствуетъ въкопорого

рода удивленіе или неперпѣливоспъ, увеличивающую цѣну желаемаго предмета. Онъ пренецетъ или плачетъ.

По сему-то на другой день, послѣ самыхъ бурныхъ размышленій, волновавшихъ его душу, Арманъ де Монриво нашелъ себя подавленнымъ тяжестію своихъ чувствъ, подъ свѣжимъ игомъ истинной, пламенной любви.

Эта женщина, съ копорой наканунѣ обращался онъ такъ храбро, на другой день сдѣлалась для него самой свяпой, самой ужасной власпью. Съ тѣхъ поръ она спала для него все: и міръ и жизнь. Воспоминаніе о самыхъ малѣйшихъ движеніяхъ, возбужденныхъ ею, запмѣвало въ немъ самыя высшія радости, самыя живѣйшія горести, прежде имъ испытанныя. Величайшіе общественные перевороты возмущаютъ только людей; страспъ опрокидываетъ вверхъ дномъ ихъ чувства. Но въ тѣхъ, копорые живутъ болѣе чувствомъ, чѣмъ выгодами, въ тѣхъ, копорые имѣютъ больше души и крови, чѣмъ ума и лимфы, истинная любовь производитъ совершенную перемѣну бытія. И такъ Арманъ де Монриво, однимъ махомъ, одною мыслью, спертъ всю свою прошедшую жизнь.

Спросивъ себя двадцать разъ, какъ ребенокъ: иппи или пейпи? онъ одѣлся, отправил-

ся въ домъ Герцога де Ланже около осьми часовъ вечера, и былъ допущенъ къ женщинѣ — пѣпѣ; не къ женщинѣ—а къ идолу, который видѣлъ на камунѣ при свѣтѣ огней, какъ чистую, юную дѣву, обвипую газомъ, блондами и вуалями. Онъ бурно влѣпѣлъ къ ней съ признаніемъ на устахъ, какъ будто дѣло шло о первомъ пушечномъ выстрѣлѣ при какой-нибудь осадѣ. Бѣдный школьникъ! Онъ нашелъ свою воздушную сильфиду, томно покоившуюся на диванѣ слабо освѣщеннаго будуара, закутавшись въ темной кашемировой пеньюаръ.

Гжа де Ланже даже и не привспала; она только выспавила свою головку, волоса коей были въ безпорядкѣ, хопя и придерживались вуалемъ. Попомъ, рукою, копорая въ свѣтло-пѣни, производимой прѣпещущимъ сіяніемъ одной свѣчки, споявшей опѣ ней довольно далеко, показала Арману бѣлою какъ мраморъ, дала знакъ сѣсть, и сказала голосомъ также тихимъ, какъ мерцаніе царствовавшее въ будуарѣ.

— Еслибъ это были не вы, Г. Маркизь, если бѣ это былъ другъ, съ копорымъ я могла бы обходиться безъ церемоніи, или совершенно поспороній челоуѣкъ, въ копоромъ принимала бы небольшое участіе, я бы вамъ опказала. Я ужасно какъ спрадаю.

Г. де Монриво сказалъ самъ себѣ:

— Ну, такъ я уйду.

— Но, продолжала она, бросивъ на него взглядъ, котораго огонь просподушной воинъ приписалъ лихорадкѣ, я незнаю, не предчувствую ли вашего посѣщенія, за которое я вамъ признапельна какъ нельзя больше, должна я приписать, что головѣ моей съ минупу спало полегче.

— И такъ я могу оспапсья, сказала Монриво.

— Ахъ! мнѣ бы очень было грустно, еслибъ вы ушли. Я уже думала сегодня упромъ, что слова мои не должны были сдѣлать на васъ никакого впечатлѣнія, что вы конечно! приняли мое приглашеніе за одну изъ пѣхъ послыхъ фразъ, на которыя Парижанки такъ распочипельны. Но я напередъ прощала вамъ эту неблагодарность. Человѣкъ, прїѣхавшій изъ пуспынь, не обязанъ знать, какъ наше предмѣспіе исключипельно въ своихъ привязанноспяхъ.

Эти прелеспнбья слова, сказанныя почти шодопомъ, одно по одному выронились изъ ея успъ, какъ будпо написанныя радоспнымъ чувспвомъ, которое по видимому ихъ внушало. Герцогиня хотѣла извлечь всѣ выгоды изъ своей мигрени, и расчетъ ея имѣлъ полный успѣхъ.

Бѣдный воинъ спрадалъ существенно опъ ложныхъ спраданій эпой женщины. И какъ осмѣлился говорить ей о любви, въ такомъ состояніи? Арманъ чувствовалъ уже, какъ нелѣпо спрѣлять прямо своею любовью, въ женщину сполько возвышенную. Онъ понялъ одною мыслію все, чего пребуепъ высшая понкость чувства и разборчивость души. Любить не значить ли искапать, вымаливать, ждапать? А почувствовать такую любовь, не должно ли ее доказать? Тогда онъ почувствовалъ, что языкъ его не ворочается, оледененный приличіями аристократическаго предмѣстія, величественностью мигрени и робостью истинной любви. Но никакая сила въ мірѣ не могла заставить взоры его очей, въ коихъ сверкали жаръ и безконечное пустыни, очей спокойныхъ какъ глаза льва, на которые рѣдко опускались рѣсницы. И ей нравился сей неподвижный взглядъ, обливавшій ее свѣпомъ и любовью.

— Герцогиня, отвѣчалъ онъ, я боюсь, что не буду умѣть высказать вамъ всю мою признательность за вашу благосклонность. Въ эту минуту, я не желаю ничего, кроме возможности разсѣять ваши спраданія.

— Позвольте мнѣ освободиться опъ этого, мнѣ теперь очень жарко, сказала она, сбросивъ, легкимъ, исполненнымъ прелести движеніемъ,

подушку, лежавшую у ней на ногахъ, копорыя опкрылись чрезъ то во всей своей красотѣ.

— Ваши ножки, въ Ази, сударыня, сполми бы десять пысячь секиновъ.

— Complimentъ путешественника, сказала она улыбаясь.

И въ слѣдъ за тѣмъ, Герцогиня увлекла суроваго Монрива въ разговоръ, исполненный пуспьяковъ, общихъ мѣспъ и глупоспей, гдѣ онъ, говоря военнымъ языкомъ, маневрировалъ почно также, какъ бы спалъ Принцъ Карлъ въ схвапкѣ съ Наполеономъ. Она злобно забавлялась узнавая обширность внушенной ею спраспи, изъ глупоспей, копорыя заспавляла невольню говориль бѣднаго новичка, и заводила его понемногу въ неисходимый лабиринтъ, гдѣ располагалась бросиль его, униженнаго въ собспвенныхъ своихъ глазахъ. И такъ она спала шупиль и смѣяпсь надъ эпимъ челоукомъ, копораго однако пріапно было ей удерживапъ при себѣ и заспавиль позабыпъ печеніе времени. Продолжительность перваго визита часпо бываепъ слѣдспвіемъ желанія польспиль, но Арманъ не былъ виновапъ въ эпомъ.

Знаменипый путешественникъ былъ уже около часу въ будуарѣ, болтая о всякой всячинѣ и не сказавъ ничего, чувспвуя, что онъ былъ только орудіе, копорымъ играла эпа

женщина, какъ вдругъ Герцогиня перемѣнила свое положеніе, сѣла на диванъ, сбросила вуаль съ головы на шею, подперлась обѣими локтями, объявила себя совершенно здоровою, и позволила, чпобъ зажгли свѣчи въ будуаръ. За совершеннымъ бездѣйствіемъ, въ копоромъ она дополъ находилась, слѣдовали самыя прелесныя движенія. Она обернулась къ Г. де Монриво и сказала ему въ отвѣтъ на признаніе, копорое только что извлекла изъ него и копорымъ по видимому очень инпересовалась:

— Вы хотите пошутить надо мной, намекая, будто вы никогда не любили. Это всегдашнее хвасовство мужчинъ предъ нами. А мы вамъ вѣримъ. Пустая вѣжливость! Развѣ мы не знаемъ сами по себѣ, какъ должно понимать это? Гдѣ найди челоуѣка, копорый бы въ жизнь свою не имѣлъ случая влюбиться? Но вы любите насъ обманывать, и мы это дозволяемъ вамъ, глупыя созданія, отъ того что самыя эти обманы, съ вашей стороны, суть дань, невольно приносимая превосходству нашихъ чувствованій, копорыя, сами въ себѣ, совершеннѣйшая чистота!

Эта послѣдняя фраза произнесена была съ выраженіемъ, исполненнымъ благородной гордости, копорая сразила совсѣмъ бѣднаго новичка и опрокинула его спремглавъ въ бездонную пропасть,

между шѣмъ какъ Герцогиня казалась ангеломъ, улепѣвшимъ въ небеса.

— Чорпъ возьми! вскричалъ самъ про себя Арманъ: какъ сказасть этому дикому существу, что я люблю ее!

Но онъ сказалъ это уже двадцать разъ, или лучше Герцогиня двадцать разъ прочла это въ его взорахъ. Спраспъ челоуѣка, споль великаго, ласкала ее, общала инпересное занятіе для ея жизни, доіполъ бывшей безъ всякаго занятія. И такъ она спала гоповипъ вокругъ себя достпапочное количество редушовъ, копорыми располагалась дозволять ему овладѣвать постепенно, прежде чѣмъ опворипъ входъ въ свое сердце. Игрушка ея капризовъ, Монриво долженъ былъ, перескакивая опъ запрудненій къ запрудненіямъ, оставаться на одномъ мѣспѣ, подобно какъ бѣдное насѣкомое попавшее въ руки ребенку, прыгаетъ съ пальца на палецъ, и остається все спуть же по волю своего мучителя. Не смопря на то, Герцогиня увидѣла, съ неизъяснымъ наслажденіемъ, что это былъ челоуѣкъ, не способный измѣнять своимъ словамъ. Арманъ, дѣйспвипельно, никогда еще не любилъ.

Онъ хотѣлъ выпппи, недовольный самъ собой, еще недовольнѣе ею; но она, съ удовольспвіемъ замѣнила это огорченіе, копорое умѣла

разсѣявъ однимъ словомъ, взглядомъ, движеніемъ.

— Будете ли вы завтра вечеромъ? сказала она ему. Я ѣду на балъ, и буду васъ ждашь до десяти часовъ.

На другой день, Монриво просидѣлъ большую часть дня у окошка въ своемъ кабинетѣ, испробивъ несмѣтное число цигарокъ. Такимъ только образомъ могъ онъ дожидаться часа, когда долженъ былъ одѣться и итти къ Герцогинѣ.

Для тѣхъ, которые знали удивительную силу эпого челоуѣка, грустно было увидѣшь, какъ онъ сдѣлался теперь малъ и робокъ, какъ эта могучая мысль, коей лучи могли обнимать собой цѣлые міры, сократилась въ тѣсныя рамы будуара кокетки. Но самъ онъ чувствовалъ себя такъ глубоко упавшимъ изъ прежняго своего блаженства, что, даже для спасенія жизни своей; не доверилъ бы своей любви ни одному изъ самыхъ коропкихъ друзей своихъ. Къ спыдливости, которая овладѣваетъ челоуѣкомъ, когда онъ любитъ, не примѣшиваясь ли всегда въ сколько униженія, и не это ли, можетъ быть, внушаетъ такую гордость женщинамъ? Да, не по тѣмъ ли же самымъ причинамъ, хотя женщины и не объясняютъ ихъ себѣ, почти всѣ онѣ первыя измѣняютъ шайнѣ своей любви шайнѣ, которая можетъ быть шагопннѣ ихъ?

— Гжа Герцогиня не принимаетъ, сказали камердинеръ; она одѣвается, и проситъ васъ подождать здѣсь.

Арманъ оспался ждашь въ госпиной, наслаждаясь изящеспвомъ вкуса, разлипымъ въ самыхъ мѣлчайшихъ подробностяхъ ея убранства. Онъ любовался Герцогиней де Лавже, любуясь вещами, которыя шли отъ ней и изобличали ея привычки, прежде чѣмъ могъ изучить ея душу и мысли. Спустиа около часу, Герцогиня вышла изъ своей комнапы безъ всякаго шуму. Монриво обернулся, увидѣлъ ее скользящую по паркету съ легкостью пѣни, и вздрогнулъ. Она подошла къ нему, не говоря по мѣщански: какъ вы меня находите? Но она была пвердо увѣрена въ самой себѣ, и ея неподвижный взглядъ говорилъ очень поняпно: я нарядилась такъ, чпобъ вамъ понравиться!

Старая волшебница, креспная мапъ какой-нибудь попаенной Принцессы, одна полько могла обвить шею ея элымъ облакомъ газа, складки коего своими живыми понами поддерживали блескъ ея апласной кожи. Герцогиня была ослѣпительна. Ея свѣтло-голубое платье, коего украшенія повпорялись въ цвѣсахъ головнаго убора, роскошь своего колорита какъ будто придавало шѣло ея легкимъ формамъ, сдѣлавшимся совершенно воздушными; и когда, скольз-

нувь шѣню къ Арману, она размахнула въ обѣ стороны концами своего шарфа, добрый воинъ невольно сравнилъ ее съ одною изъ шѣхъ голубыхъ бабочекъ, копорыя порхающъ надъ водою, между цвѣтами, совершенно съ ними сливаясь.

— Я заспавила васъ долго ждашь себя, сказала она ему голосомъ, копорый женщины такъ умѣющъ принимашь, когда хопящъ нравиться.

— Я бы прождалъ терпѣливо цѣлую вѣчностъ, еслибъ зналъ, что встрѣчу такое небесное созданіе; но я говорю о вашей красотѣ не для комплимента, не для того, чтобы польстить вамъ; вы можете быть чувствительны только къ обожанію. И такъ позволите мнѣ напечатлѣть поцѣлуй на вашемъ шарфѣ.

— Фи! отвѣчала она, сдѣлавъ горделивое движеніе: я уважаю васъ сполько, что предлагаю вамъ свою руку.

И она пропянула къ нему свою руку, еще влажную. Рука женщины, въ ту минуту какъ она выходитъ изъ своей ванны благовоній, имѣетъ такую нѣжную свѣжестъ, такую бархатную мягкостъ, что прикосновеніе къ ней перелешаетъ съ губъ электрическимъ попрясеніемъ въ душу. Посему, въ человекѣ очарованномъ, у копораго въ чувствахъ сполькождъ сладоспастія, сколько любви въ сердцѣ, па-

кой поцѣлуй, невинный по наружности, можетъ возбудить ужасныя бури.

— Будете ли вы всегда такъ благосклонны? сказалъ Генераль смиренно, съ благовѣніемъ поцѣловавъ эту опасную руку.

— Да, отвѣчала она улыбаясь, но не дальше.

Она сѣла и спала надѣвая перчатки съ припворною неловкостью, спараясь натянуть ихъ на пальцы, для которыхъ онѣ были довольно узки, и въ тоже время смотря на Г. де Монриво, который въ свою очередь любовался Герцогиней и очаровательною прелестью ея повпоряемыхъ движеній.

— Вопъ это хорошо, сказала она, вы были очень почвы, а я люблю почность. Его Величество говоритъ, что почность есть вѣжливость царей; но между нами, по моему мнѣнію, есть самое леспное выраженіе почшенія. А? Не правда ли? Скажите же!

И она снова сдѣлала ему глазки, чпобъ выразишь самую плѣнительную дружбу, видя его безмолвнымъ опъ полнопы блаженства и совершенно счастливымъ эпими бездѣлками. О! она знала чудесно свое ремесло женщины, и умѣла съ удивительнымъ искусствомъ возвышать челоуѣка, по мѣрѣ того какъ онъ унижалъ самъ себя, и вознаграждать пуспыми фразами при каж-

домъ шагъ, копорый онъ дѣлалъ, нисходя до глупостей сепименпальности.

— Такъ вы не позабудете приходить ко мнѣ въ девять часовъ?

— Безъ сомнѣнія, но развѣ вы всякой вечеръ будете ѣздить на балъ?

— Почему я знаю! опвѣчала она, пожавъ плечами, съ нѣкоторымъ родомъ дѣпскаго выраженія, какъ будипо признаваясь, что она вся соспояла изъ каприсовъ, и что любовникъ долженъ пакъ именно понимать ее.

— Впрочемъ, примолвила она, что вамъ за нужда? Вы будете меня провожать.

— Въ нынѣшней вечеръ, сказалъ онъ, это было бы затруднительно: я не одѣпъ какъ должно.

— Мнѣ кажется, перервала она, посмотрѣвъ на него съ гордостью, что если кто долженъ поперѣпъ отъ вашего шуалета, пакъ это я. Но знайте, господинъ путешественникъ, что человекъ, копораго я удоспоиваю чести провожать меня, выше всякой моды. Никто не осмѣлился осуждать его. Я вижу, что вы не знаете свѣта, и за то пѣмъ больше люблю васъ.

И она защищала его въ хаосъ свѣпскихъ мѣлочей, начавъ объяснять ему все суешности модной женщины.

— Если она хочетъ сдѣлать для меня дурачество, сказалъ самъ себѣ Арманъ, глупо бѣ

было съ моею спороны мѣшать ей. Она почно меня любишь, и конечно презираеть свѣтъ не болѣе моего; пакъ, спало бышь...

Герцогиня съ своей спороны вѣрно думала, что, если Генераль прїѣдетъ съ нею на балъ въ сапогахъ и черномъ галспукѣ, никшо не будетъ сумнѣваться, что онъ спрасивно влюбленъ въ нее.

Счастливыи мыслію, что царица высшаго общесства рѣшается для него на пакой соблазнь, Генераль, получивъ надежду, собрался съ духомъ. Будучи увѣренъ, что нравится, онъ осмѣлился обнаружитъ предъ ней свои мысли, свои чувствованія, безъ того принужденія, которое никанунъ спѣсняло ему сердце. Эпопъ сущеспвенный, одушевленный разговоръ, наполненный тѣми первыми признаніями, которыя пакже пріятно говоритъ, какъ и слышатъ, увлекъ ли Герцогиню де Ланже, или она сама придумала эпо новое кокетство? Только она лукаво взглянула на часы, когда они забили полночь.

— Ахъ! вы сдѣлали, что я не успѣю на балъ! сказала она съ выраженіемъ изумленія и нѣкоторой досады, что пакъ могла позабыться; но въ ту пору показала, какъ пріятна ей эта перемѣна наслажденія, улыбкою, опъ копорой сердце Армана едва не выпрыгнуло.

— А я было общалась Гжѣ де Серизи, примолвила она. Они всё меня ждуть.

— Такъ, ступайте!

— Нѣтъ, нѣтъ, продолжайте, сказала она. Я остаюсь. Ваши приключенія на Воспокѣ меня восхищаютъ. Раскажите мнѣ всю вашу жизнь. Я люблю принимать участіе въ спрдаваніяхъ, испыпанныхъ мужеспвеннымъ челоѡвѣкомъ: ибо я ихъ сама чувспвую, да — чувспвую! —

И она играла своимъ шарфомъ, верпѣла его въ рукахъ, рвала съ неперпѣніемъ, въ коемъ, по видимому, выражалось внуспренное неудовольспвіе и глубокія размышленія.

— Мы ничего не споимъ, продолжала она, да, мы пусспыя, ничпожныя созданія. Эгоиспки, вѣспреницы, мы умѣемъ полько скучать опѣ удовольспвія. Ни одна изъ насъ не понимаетъ роли своей жизни. Бывало во Франціи женщины были благодѣспельными свѣспилами: онѣ жили, чпобѣ умѣшпать плачушихъ, одобряпъ искусство, вознаграждать художниковъ и одушевляпъ ихъ жизнь благородными помыслами. Если свѣспѣ сдѣлался пакъ мѣлокъ, это наша вина. Вы меня заспавляете ненавидѣпъ эпопѣ свѣспѣ, и балѣ. И право, я жертвую вамъ немногимъ.

Она изорвала весь свой шарфъ, подобно ребенку, которій играя цѣпкомъ, обрываетъ у него всё лисѣпки. Потомъ скпшала его,

бросила опть себя, и такимъ образомъ оставила раскрытую свою лебядиную шею.

Она позвонила въ колокольчикъ.

— Я не выѣзжаю, сказала она своему камердинеру.

Попомъ обрапила робко длинный взглядъ на Армана, такъ чпо боязнь въ немъ выражавшаяся заставила его принять это приказаніе за признаніе, за первую великую благосклонность.

— У васъ было много горя! сказала она послѣ минупнаго молчанія, исполненнаго мыслей, и съ выраженіемъ распроганности, которое такъ часпо бываетъ только въ голось, а не въ сердцѣ женщины.

— Нѣтъ! опвѣчалъ Арманъ. До сихъ поръ я не зналъ еще, чпо такое счастье.

— А теперь знаете! сказала она, взглянувъ на него вкось, хитро и лукаво.

— Развѣ не будетеъ для меня теперь счастьемъ видѣть васъ, слышать васъ. . . До сихъ поръ я только спрадалъ, а теперь понимаю, чпо могу быть несчастнымъ. . .

— Довольно, довольно! сказала она, спупайте домой, уже полночь, надо уважать приличія. Я не была на балѣ, а вы были здѣсь. Не надо давать повода къ пересудамъ. Прощайте. Я не знаю еще, чпо скажу; но мигрень предобрая вещь, и никогда не уличитъ насъ.

— А завтра будетъ балъ? спросилъ онъ.

— Я думаю вы къ этому привыкнете. Да, будетъ! Завтра мы ѣдемъ опять на балъ.

Арманъ ушелъ счастливымъ изъ смертныхъ, и всякой вечеръ являлся къ Гжѣ де Ланже, въ часъ, предоспавленный ему по нѣкоторому роду безмолвнаго условія.

(до слѣдующей книжки).

VI.

ОБРАЗЦЫ

ПЕРСИДСКИХЪ ПОВѢСТЕЙ.

ИЗЪ

ГЮЛ И С Т А Н А Б А А Д И.

Одинъ Визирь пришелъ къ Дзунъ-Нуну Египетскому * и просилъ его предсказать ему будущую участь. » День и ночь, говорилъ онъ, я, занятый службою Сулпана, нахожусь въ надеждѣ получить опть него милоспъ и въ спрахъ подвергнушь себя наказанію. « Дзунъ-Нунъ заплакалъ и сказалъ: » Если бы я боялся пакъ Бога, какъ ты боишься Сулпана; шо я былъ бы въ числѣ праведниковъ. «

Дервишъ жилъ бы на небѣ, если бы изгналъ изъ себя надежду получить благодѣаніе и спрахъ за-

* Пророкъ Иона, который при дня находился во чревѣ кнша Объ немъ и Мухаммедъ упоминаетъ въ Куранѣ.

служить наказаніе. Если бы Визирь сполько боялся Бога, сколько своего Султана, то былъ бы Ангеломъ *.

2

Одинъ Шахъ приказалъ казнить невиннаго. » О Шахъ, вскричалъ осужденный, эпомъ гнѣвъ, который ты на меня изливаешь, содѣлаешь тебя несчастнымъ. « — Что это значитъ? спросилъ Шахъ.— Наказаніе, отвѣчалъ невинный, въ одну минуту совершился надо мною, но грѣхъ вѣчно пребудетъ на душѣ своей.

Теченіе жизни проходитъ подобно вѣпру чрезъ пусыню. Горькое и сладкое, дурное и хорошее исчезаютъ. Подумалъ ли пирани, что жестокость его противъ насъ прекратится вмѣстѣ съ нами, но на шеѣ его оспанется вѣчно? «

Эти слова произвели списительное дѣйствіе надъ Шахомъ: онъ отменилъ казнь и просилъ извиненія у невиннаго.

3.

Нѣсколько мудрецовъ разсуждали при дворѣ Хозроя объ одномъ важномъ дѣлѣ. Бузуржумгуръ молчалъ.— Для чего ты, спросили они у него, не подаешь своего мнѣнія въ эпомъ совѣ-

Это въ подлинникѣ стихи.

пѣ! « — Визири, отвѣчалъ онъ, подобны врачамъ, которые прописываютъ лѣкарства только больнымъ. Я скажу, что ваше сужденіе справедливо; и по тому благоразуміе потребуешь, чтобы я молчалъ.

Когда дѣло обходится безъ участія моего, по неприлично мнѣ подавать въ немъ свой голосъ. Если я вижу слѣпаго близъ колодезя, то грѣшно мнѣ будетъ молчать.

4.

Одинъ благочестивый человѣкъ увидѣлъ во снѣ, что Сулпанъ сидитъ въ раю, а Дервишъ въ аду. — »Какая причина, спросилъ онъ, что первый такъ возвышенъ, а второй униженъ? Мы совсѣмъ иначе думали.« — Сулпанъ, отвѣчали ему, за любовь къ Дервишамъ удостоился рая, а Дервишъ за приближенность къ Сулпанамъ попалъ въ адъ.

Къ чему послужатъ твое шерстяное платье и изорванная одежда, когда ты не будешь слѣдовать добрымъ дѣламъ? Какая нужда, что ты носишь шерстяную шапку? Носи хопъ царскую, но только по душевнымъ добродѣтелямъ будь истинно Дервишъ.

5.

Въ Египтѣ у одного вельможи было два сына; одинъ изъ нихъ спарался приобрести

мудрость, а другой богатство. Первый сдѣ-
 лался ученѣйшимъ мужемъ своего вѣка, а впо-
 рой Сулпаномъ Египетскимъ. Последний, по-
 смопрѣвъ однажды съ презрѣнiемъ на бѣдняка
 брата своего, сказалъ: » Я достигъ Сулпан-
 ства, а ты все находишься въ бѣдности. «— Я
 благодарю Бога, опивчалъ ученый, что, по ми-
 лости его, получилъ наслѣдство Пророковъ, то
 есть, мудрость; а тебѣ досталось наслѣдство
 Фараоновъ, то есть, Государство Египетское.

Я муравей, копорого топчуть подъ ногами, но
 не оса (шмель), опъ копорой сповунтъ люди.
 Какъ возблагодаришь мнѣ Бога за милость, что
 онъ не далъ мнѣ власти угнѣпашь людей?

ПЕРЕВ. СЪ ПЕРСИД. Н. КОНОПЛЕВЪ.

МОСКВА. ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. СТЕПАНОВА.

Печатать позволяется. Москва. Ноября 16 дня, 1854 года.

Ценсоръ А. Болдыревъ.

ТЕЛЕСКОПЪ.

VII.

ЗНАМЕНИТЫЕ СОВРЕМЕННОИКИ.

АЛЕКСАНДРЪ МАНЦОНИ.

(продолженіе).

Какъ художникъ, Манцони совершилъ тройное поприще, переходя отъ оды къ драмѣ, отъ драмы къ роману. Соображаясь съ хронологическимъ порядкомъ, мнѣ бы должно было начать съ оды, ибо самъ Манцони началъ одою; но его лирическія стихотворенія тѣсно связываются съ его религіозною системою: онѣ будутъ мнѣ служить естественною ступенью для перехода отъ поэта къ философу и къ богослову, если

угодно, ибо Манцони подвизался и на поприщѣ богословія; и такъ я поберегу ихъ впередъ.

Какъ поэтъ драматическій, Манцони напоминаетъ собой Гёте, какъ романистъ, Вальтера Скотта; т. е. онъ разбилъ старую классическую форму и бросилъ Италіанскую липературу въ новую, извѣстную подъ именемъ романтической, именемъ, которое, какъ вы знаете, ровно ничего не значить. Однакожъ не ему принадлежитъ начало сей реформы; первый, бросившій перчатку дряхлому ареопагу закопченнаго Парнасса, былъ Беркетъ, переводчикъ Стрѣлка и Леноры Биргера. Онъ издалъ въ предисловіи къ симъ переводамъ письмо въ защиту романтизма, легкую бездѣлку, болѣе остроумную, чѣмъ основательную, хотя и справедливую въ сущности дѣла. Это было сигналомъ къ ужасной схваткѣ. Классическія неистовства достопочтенныхъ пенсіонеровъ Мазаринова дворца, еще цвѣтчики въ сравненіи съ дикими воплями Бауровъ Авзоніи. Вся Италіанская липература увлечена была въ сей раздоръ, и скоро объ арміи окопались каждая въ своемъ лагерь; романтизмъ разбилъ свои шашры въ Примиритель, ученолипературномъ журналѣ, а классицизмъ (варварское слово!) въ Италіанской Библиотецѣ *, Австрійско-Миланскомъ обзорѣни.

* Ужь не для Чтенія ли? Переводъ.

Я избавляю читателей отъ подробностей. Съ обѣихъ сторонъ довольно было и доводовъ, и нелѣпостей, и ругательствъ; но все еще ограничивалось одной перестрѣлкой; партія разрушителей ничего не основала, какъ вдругъ Карманьола Манцони упала въ среду сражающихся *. Ужасна была тревога. Романтическій спанъ схватился за трубы, и грянулъ торжественное ура. Классическая дружина принялась помочить новорожденнаго и грозилась изорвать его въ клочки **, такъ что Гёте, не знавшій автора, по узнавшій самого себя въ новомъ твореніи, обнажилъ въ Веймарѣ мечъ, и, смарый учитель, сошелъ самъ на арену, защищать своего ученика.

Карманьола въ самомъ дѣлѣ происходитъ по прямой линіи отъ Геца фонъ - Берлихингена, Германскаго Донъ-Кихота. Не смотря на равенство масштаба, обѣ драмы, Италіанская и Нѣмецкая, созданы по одной системѣ, именно по закону послѣдовательности, а не по закону сосредоченія. И въ эпозѣ-то, по моему мнѣнію, соспойтъ главный недостатокъ обѣихъ трагедій Манцони: Карманьолы и Адельки, которая явилась послѣ Гётевъ Гець

* 1820.

** Ну, право, почь въ почь, какъ у насъ! И все это въ двадцатыхъ годахъ: какое сходство! *Переводъ.*

Фон-Берлихингенъ есть не что иное, какъ хроника, обдѣланная въ сценахъ; онъ и написанъ былъ сначала въ формѣ хроники, и послѣ уже изрубленъ въ мѣлкіе куски, изъ которыхъ состоитъ теперь, когда авторъ передумалъ планъ его. Посему, это совсѣмъ не драма, въ полномъ и буквальномъ значеніи сего слова; въ ней собственно нѣтъ дѣйствія; это только живая и занимательная картина издыхающаго феодализма. Поэтъ и самъ не хотѣлъ ничего больше; принятая имъ рамка была совершенно достаточна для его плана. И такъ это вовсе не модель для драмы, и Гёте опнюдъ не выдавалъ ее за такую.

Мы не хотимъ сказать, чтобы въ Карманьоль не было совсѣмъ дѣйствія, но это дѣйствіе развертывается съ такою медленностію, что совершенно забывается его. Цѣлыя чепыре акта посвящены изложенію, и только въ пятомъ начинается собственно драматическое дѣйствіе. И такъ пятому акту должно бы быть впорымъ. Три промежуточные акта не совсѣмъ пусты; напротивъ, они заключаютъ въ себѣ большія красоты въ подробностяхъ; но, говоря метафизическими выраженіями, которыя весьма хорошо изображаютъ мою мысль, я скажу, что они совсѣмъ не необходимы, что они совершенно случайны. Съ своей стороны, я бы охотно пожертвовалъ

ученой характеристикой кондопьерьевъ во второмъ актѣ, и, изъ четвертаго, монологомъ Марко; Пьезы Венеціанскаго Сенапа, монологомъ, который слабъ по анализу, слабъ по формѣ, и, къ довершенію несчастія; оканчивается мадригаломъ; говорю, охотно бы пожертвовалъ симъ двумя и другими сценами, для обширнѣйшаго развитія главнаго характера и большаго усиленія интереса.

Чувствую, какой педантизмъ говоритъ чело-
вѣку: вы такъ сдѣлали, а надо бы сдѣлать
вопль какъ! Но когда имя поэта окружено па-
кою славою и такимъ авторитетомъ, какъ имя
Манцони въ Италіи, позволительно, думаю, раз-
бирать документы, на коихъ основываются
сей авторитетъ и сія слава; и чѣмъ болѣе
приписывается имъ важности, тѣмъ необхо-
димѣе контроль, тѣмъ законнѣе спросить.
Сколько есть людей склонныхъ, по слабости
или по лѣности характера, плащиться рабски
по слѣдамъ учителя, что, для пользы искусс-
ва, должно, съ большою предосторожностію,
воцарять учителей въ литературу.

Второй упрекъ, который я сдѣлаю автору
Карманьолы, состоитъ въ томъ, что онъ слиш-
комъ спрячалъ въ ней сермяжъ надуха подъ
броню кондопьеры. Его герою не доспаетъ
исторической вѣрности.

Франческо Буссоне, прозванный Карманьолою по имени деревушки, въ которой онъ родился, былъ, подобно Сиксту V, свинопасомъ. Своею храброспiю и военными способностями онъ возвысился до связи съ Миланскими Герцогами, ибо женился на одной изъ ихъ родственницъ. Когда Филиппъ Висконти, обязанный ему своимъ счастьемъ, заплашилъ за то неблагодарностью, онъ перешелъ въ службу Венеціи, былъ сдѣланъ главою войскъ Республики, но замеченный въ засаду мрачнымъ и подозрительнымъ дворянствомъ, поперялъ голову въ награду за свои услуги. Здѣсь конечно есть всѣ спихіи драмы, драмы сильной, папепической; и такъ какъ спихіи сіи даны исторіей, то позволительно потребовать у художника опчеша въ употребленіи, которое онъ изъ нихъ сдѣлалъ. По сему я повпоряю свой вопросъ и спрашиваю у Манцони: куда дѣвался паспухъ въ его трагедіи? Я вездѣ вижу только полководца, нигдѣ выслужившагося крестьянина. Поэтъ до того забылъ первоначальное состояніе своего героя, что заставляеть его говорить о какомъ-то раздѣленіи, существовавшемъ якобы издавна между именами Карманьоль * и Висконтиевъ;

* Le crude
Ire di stato avversi fean gran tempo
De' Carmagnola e de' Visconti il nome,

между тѣмъ въ испоріи одинъ только Карманьола; Карманьолы никогда не существовали. Это все равно, какъ если бы, на примѣръ, Тулузскій побѣдипель сказалъ Людовику XVIII, что междоусобная война раздѣлила имена Бурбоновъ и Сульповъ.

Такая глупая гордость въ выслужившемся пастухѣ тѣмъ неумѣстнѣе, что ничто не требуетъ ее, ничто не оправдываетъ. Карманьола въ это время находился въ пемницѣ; онъ прощается съ своимъ семействомъ, и эшафопъ, на которъй онъ готовился войти, уже воздвигается между двумя роковыми колонами Пьяцципы. Присвоивъ себѣ древность знамениаго происхожденія въ дверяхъ вѣчности, значитъ слишкомъ далеко простираетъ привязанность къ суепамъ міра, и, если я не обманываюсь, эта оплошность поэта опнимаетъ много участія, котораго герой его въ правѣ претоватъ. Для меня было бы гораздо пріятнѣе видѣть его въ сіи послѣднія минуны занятымъ больше своей прежней незначительностью, чѣмъ новой знаменипостью. Развѣ прошедшее не заслуживало опъ него благодарнаго взгляда? Развѣ онъ не могъ найти въ немъ никакихъ утѣшительныхъ воспомнаній? Послѣ поприща, столь славно пройденнаго, можно съ миромъ сойти въ могилу, чѣмъ бы она ни была покрыта: цвѣтами, или кровью. Упустивъ изъ вни-

манія сей високо драматическій элементъ, поэтъ не долженъ ли былъ уничтожить основную поэзію характера Карманьолы? Я, по крайней мѣрѣ, такъ думаю.

Мнѣ гораздо больше нравится плебейская гордость Санша у спарика Корнеля; Санша, который такойже выслужившійся солдатъ, какъ и Карманьола:

Si ma naissance est basse, elle est du moins sans tache,
 Puisque vous la savez, je veux bien qu'on la sache.
 Sanche, fils d'un pêcheur et non d'un imposteur,
 De deux comtes jadis fut le libérateur:
 Sanche, fils d'un pêcheur, mettait naguère en peine
 Deux illustres rivaux sur le choix de leur reine:
 Sanche, fils d'un pêcheur, tient encore en sa main
 De quoi faire bientôt tout l'heur d'un souverain:
 Sanche enfin, malgré lui, dedans cette province,
 Quoique fils d'un pêcheur, a passé pour un prince.

Сравните это суровое и гордое краснорѣчіе Испанскаго кондопьеры съ изукрашеннымъ и напаянупымъ краснорѣчіемъ кондопьеры Ишалиянскаго; очевидно, преимущество останется за Французскимъ поэтомъ. Это опять того, что, дабы достойнымъ образомъ выразить плебейскія чувствованія, того,

Qui ne doit qu'à lui seul toute sa renommée,
 надо было ощущать ихъ самому; а сего — по, можетъ быть, и не доставало Миланскому па-

приціо. Въ такомъ случаѣ, для чего выводить на сцену плебеевъ? Выбирая предметы, чуждые своей натурѣ, невольно подвергаешься опасности нарушить и законы исторіи и законы человеческого сердца.

Нѣкоторыя изъ упрековъ, сдѣланныхъ Карманьоль, можно обратити и на Адельки *; но Адельки заслуживаетъ еще другіе, собственно ему принадлежащіе. Содержаніе сей пьесы есть поражение Короля Дидіера Карломъ Великимъ и паденіе Лонгобардской династіи; предметъ, очевидно, болѣе эпическій, чѣмъ драматическій. Адельки сынъ Дидіера; онъ видитъ ошибки своего отца, и оплакиваетъ ихъ; но, какъ послушный сынъ, повинуется ему; эпо геній вѣпороспепенный, геній подчиненный, обязанный исполнять то, что самъ въ душѣ осуждаетъ. Весь драматическій интересъ его сосредоточивается на сей антипезѣ: видитъ, что дѣло худо, и между тѣмъ все дѣлаетъ. Адельки есть родъ метафизика, слишкомъ опъзывающагося Германизмомъ. Онъ ведетъ свое начало отъ Гамлета и Поэты; мечпаетъ, какъ первый, и убаюкиваетъ себя, какъ второй, высокими нравственными упоціями; а между тѣмъ Французская армія низвергается съ высоты Альпъ, увлекая въ своихъ разъяренныхъ волнахъ его отца, протъ и всю династію.

* 1823.

Въ этой пьесѣ есть одно прогнательное лице: эпо Эрменгарда, дочь Дидіера, отвергнувшая супруга Карла Великаго. Ея уплая судьба, брошенная среди лагернаго шума, производитъ простой и прекрасный эффектъ; и хопя нѣжныя жалобы отверженной супруги слишкомъ, хопя и безъ всякаго сравненія, напоминаютъ жалобы Королевы Екатерины въ Генрихъ VIII Шекспира, однакожъ онѣ имѣютъ свою прелесть, свое умиленное очарованіе, на которомъ отдыхаешь съ наслажденіемъ, среди гама солдатчины.

Только я жалую, что эпо въ пьесѣ составляетъ эпизодъ, и что Эрменгарда не входитъ существенно въ дѣйствіе; можно опорвать всю ея роль, и эпоетъ выпускъ не будетъ примѣненъ. Но если эпоетя допускаетъ, даже пребуетъ эпизодовъ, свойство драмы, по моему, отвергаетъ ихъ. Эпизодъ, о которомъ здѣсь идетъ дѣло, пѣмъ болѣе ослабляетъ дѣйствіе, что онъ не одинъ въ пьесѣ; я право не знаю, какъ назвать иначе попадающеея вдругъ въ срединѣ втораго акта описаніе Альцъ, столь прекрасное и поэтическое, еслибъ оно было гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ. Это описаніе сослонишь болѣе чѣмъ изо сна стиховъ, и нарушаетъ всѣ театральныя пропорціи. Впрочемъ, пѣмъ не менѣе, повпоряю, оно представляетъ само по себѣ пре-

красный поэпическій опрывокъ, проникнуый живымъ чувспвомъ Альпійской природы; весь его недоспапокъ соспоить въ помъ, что оно не на своемъ мѣспѣ.

Мнѣ кажется, Манцони имѣетъ не слишкомъ ясное сознание обязанностей, налагаемыхъ театромъ. Изъ всѣхъ власпелиновъ, театръ есть самый ревниый, самый непреклонный. Это почти рокъ для поэта! Это Боскоаповъ повелительный голосъ, который не даетъ ему отдыа, и безпреспанно взываетъ, лишь только вздумаетъ онъ оспановиться: впередъ! впередъ! Изъ всѣхъ родовъ поэзии, это такой родъ, который обязываетъ къ самымъ тягоспвѣйшимъ пожерпвованіямъ. Художникъ, посвящающійся ему — и это должно быть посвящение въ полномъ смьслѣ — обязанъ сложить съ себя часть самого себя, чтобы тѣмъ лучше дѣйствовать другою. Сцена есть каедра, драма — наспавление, драматургъ — наспавникъ. Древность такъ именно понимала театръ; да и самое Христіанское духовенство на Западѣ не считало нарушеніемъ своего достоинства прибѣгать къ пособію драмы въ дѣлѣ религии. Средніе вѣка были наполнены *мистеріями*. Все, что клонилось къ искаженію сего первоначального, прагматическаго характера драмы; все, что отвлекаетъ внимание народа отъ нравспвенной истины, которую должно ему представлять въ

дѣйствию не для чего иного, какъ для того, чтобы лучше внушить ее; что не есть драматическое въ сущности сего слова; все это, по меньшей мѣрѣ, излишне. Вотъ начало, по которому я осуждаю эпизодъ въ драмѣ.

Самъ Манцони почувствовалъ бы это, если бы могъ писать для сцены; голосъ народа вразумилъ бы его, что драматическій поэтъ не принадлежитъ себѣ, что ему не дозволено по произволу бросаться опъ оды къ элегїи, опъ элегїи къ описательной поэзїи, и что онъ долженъ идти прямою дорогою, подъ опасенїемъ, въ противномъ случаѣ, не достигнуть цѣли. Но Манцони писалъ трагедїи теоретическія; онъ писалъ ихъ для кабинета; у него руки были связаны, онъ игралъ своею свободою поэта *usu et abusu*.

Но возвращаюсь къ трагедїи Адельки, ибо я еще не кончилъ съ ней своихъ счетовъ. Мнѣ остается сдѣлать поэту два упрека, которые относятся уже не къ формѣ, а два упрека основные. Первый и самый важный состоитъ въ томъ, что онъ совершенно искажилъ характеръ Карла Великаго. Это уже не просто нарушение законовъ драмы; это оскорбленіе исторїи. Въспомо того, чтобы изобразить этогъ великій политическій геній, такъ рано мечтавшій объ единствѣ Запада, этогъ обширный умъ, стремившійся къ просвѣщен-

нію во времена глубочайшаго варварства, эту нѣжную душу, которая, при видѣ Нормандскихъ флаговъ, обливаея искренними слезами о бѣдствіяхъ, предстоящихъ Франціи: вмѣсто всего этого—а все это подлинная, справедливая исторія—что изобразилъ онъ? Тирана мелодрамы, или почти около того!

Въ піесѣ Манцони, Карль, безчестный и низкій передъ сраженіемъ, хваспунъ послѣ побѣды; его грубость проспирается до того, что онъ ругается надъ побѣжденнымъ.—»Молчи, опвѣчаея онъ
» Королю Дидіеру, который напоминаетъ ему
» объ умѣренности: молчи, ты побѣжденный!
» Какъ! . . . ты еще шумишь возлѣ меня, какъ
» нищій, которому ошказано въ милосыннѣ! . . .
» Молчи! несчастіе неистощимо на пустыя сло-
» ва, но слухъ оскорбленнаго побѣдителя« — (ос-
» корбленнаго? эпитетъ оскорбленный только что
» опнялъ у него корону, прогнавъ напередъ оцѣ
» себя его дочь!)—не такъ перифлилъ и снисходитель-
дипелень. « * Эпито переводъ буквальный.

Все, что онъ говоритъ Карль, написано іѣмъ же духомъ гордости и низкаго хвасповства. Я не

* Tacì tu che sei vinto. E che? . . .
Anco mi vieni a imperversar d'intorno
Come il mendico che un rifiuto ascolta!
. Tacì.
Inesausta di ciancie è la sventura;
Mo del par sofferente e infaticato
Non è d'offeso vincitor l'orecchio.

могу падивипься, что Манцони, человекъ благородный; возвышенный, могъ изобрѣсти такой характеръ; изобрѣсти, ибо, благодаря Бога, его нѣтъ въ испоріи. Для чего было предѣспавлять великаго завоевателя такъ грубымъ, создавъ прежде кондошьеры такъ благороднымъ?

Нѣкопорыя черпы, разсѣяння въ пѣсѣ, почти заставляютъ меня предполагать, что Манцони въ своемъ Карлѣ Великомъ мѣшилъ сапирой на Наполеона, и что монастырь Спасипеля, гдѣ умираетъ отверженная Королева, есть не что иное, какъ Мальмезонъ, гдѣ умерла Жозефина, Королева также отверженная.

Вспорой главный упрекъ, который я имѣю сдѣлать Адельки, состоитъ въ совершенномъ отсутствіи Испаліанскаго народа. Двѣ династіи пришельцевъ, Ломгобарды и Франки, оспариваютъ другъ у друга окровавленную Испалію, и нѣтъ ни одного Испаліянца, который бы клялъ ихъ! Еслибъ авторъ вздумалъ оправдываться въ эпоѣ непоспижимой забывчивости пѣтъ, что онъ олицетворилъ Испалію въ двухъ Лапипцахъ, Пепрѣ, Папскомъ Легатѣ, и, Марпинѣ, Равенискомъ Діакопѣ, то я обратилъ бы на него другой не менѣе важный упрекъ, что онъ вывелъ на сцену Испаліянца, предающаго Испалію чужеземцу собственною своею рукою, ибо Легатъ рѣшаетъ Карла на завоеваніе, а Діа-

коиъ отвораесть ему путь чрезъ Альпы. Поэтъ можетъ возразить мнѣ, что въ его піесѣ дѣло идетъ не объ Италіи, а о Папствѣ, и что Карлъ идетъ защищать Папу Адріана, угнѣпаемаго Дидіеромъ; но тогда вопросъ еще болѣе спускается, и вы изъ недоумѣнія попадете въ противорѣчія.

Въ эпомъ послѣднемъ случаѣ, поэту слѣдовало бы имѣть пверже въ виду пункты цивилизаци, и особенно не искажать до такой степени Карла, посланнаго Провидѣніемъ создать сію цивилизацию. Какъ онъ, каполикъ споль ревностный, не почувствовалъ, что унижая такимъ образомъ союзника, мспидіеля, защитника Папства, онъ унижалъ пѣмъ самое Папство? Если онъ хотѣлъ представить Папу владыкою земныхъ судебъ Италіи, отворающимъ врапа ея чужеземцу, ему необходимо должно было показать сначала, что онъ имѣлъ на это право, потомъ, на чемъ право сіе основывалось, и съ какою дѣлію было употреблено. Ему надо было объяснить это пождество импересовъ Рима и Италіи, однимъ словомъ: олицетворить народъ въ Папъ. Надо было въ особенности — я повторяю я наспашаваю на это — надо было не представлять Карла подъ чертами завоевателя безъ всякаго величія, безъ всякой идеи, который имѣеть только доброе желаніе

надѣсь на себя, для одного себя, желѣзную Лонгобардскую корону.

Я не говорю, чпобы эпопѣя историческѣй взглядъ былъ ложесъ во всѣхъ отношеніяхъ; напрошивъ, почиаю его очень годнымъ для созданія великолѣпной общественной драмы; но, по крайней мѣрѣ, слѣдовало выразить его яснѣе. Коротко сказать, куда ни кинь, а все выходитъ одно заключеніе, чпо и въ помѣ, и въ другомъ случаѣ, трагедія недостাপочна.

Такъ какъ драматическіе пруды Манцони ограничивающся сими двумя піэсами, то я долженъ былъ разсмотрѣть ихъ съ нѣкоторой подробностью. Чужестранецъ-читапель будетъ яснѣе пониматъ дѣло, а Испаліянцы не будутъ имѣть причинъ жаловаться, чпо я утверждаю безъ доказательствъ. Заключаю шоржественнымъ провозглащеніемъ, чпо драмы Манцони грѣшатъ противъ двухъ, основныхъ законовъ театра: папепизма и ужаса. Дѣйствіе въ нихъ никогда не спѣшишь къ развязкѣ, интересъ нигдѣ не возвышается. Эпо ряды картинъ, больше или менѣе связанныхъ съ концомъ, а не съ развязкою. Впрочемъ, эпо обцій недостапчекъ всякой драмы, основанной на послѣдоапельности. Она всегда такъ близко жметсѣ къ хроникѣ, чпо часпко совпадаетъ и смѣшивается съ нею.

Мнѣ бы не хотѣлось, слѣдуя нынѣшней модѣ, давать преувеличенную важность плодннчнной работѣ сочиненія; однакожъ не могу удержаться, чтобы не замѣтить, что Манцони слишкомъ пренебрегалъ уже искусствомъ драматическихъ пружинъ. Его уваженіе къ исторіи переходитъ въ суевѣріе; онъ слишкомъ робокъ, и забываетъ, что можно быть не почтнмымъ опть усилія быть почтнмымъ. Исторія и драма, двѣ вещи розныя. Дѣло не въ томъ, чтобы со всей мѣлочью подробностей выставить на сценѣ какой-нибудь фактъ; умъ и пылкія обспояпельспвѣ; дознанныхъ или только вѣроятныхъ измѣняющъ сей фактъ; и здѣсь поприще поэта неизмѣримо, свобода его неограниченна. Тѣмъ менѣе поспижима эта преувеличенна почность мѣлочей у Манцони, что самъ онъ, въ своемъ Французскомъ письмѣ о театральныхъ единствахъ, сдѣлалъ остроумную и краснорѣчивую апологію въ пользу сей тяжбы драмы съ исторіей, теперь уже выигранной. Для чегожъ не быть вѣрнымъ обвиненной своей теоріи?

Другая погрѣшность, общая всемъ его характеристамъ, Карманьоль и Адельки, Карлу Великому и Дидіеру, состоитъ въ недоспапкѣ развитія, въ недоспапкѣ полнопы. Въмѣсто того, чтобы высѣкать ихъ спапями, подобно Софоклу или Гёте, онъ вырѣзываетъ ихъ барельефами:

Окончательное заключение всего, сказаннаго нами, должно быть то, что Манцони не имѣетъ драматическаго гения. У него нѣтъ ни той пламенной личности, которая невольно покрываетъ себя людей, ни той обширной емкости, которая все обхватываетъ, чтобы все заключить въ себя. Ему особенно не достаетъ, или, по крайней мѣрѣ, онъ не имѣетъ въ достаточной мѣрѣ тѣхъ горячихъ общечеловѣческихъ симпатій, безъ которыхъ надо опкзаться опъ бурныхъ пріумковъ театра. Сановитость его, холодная и суровая, бываетъ иногда ледяною. Онъ нѣженъ, но его нѣжность слишкомъ спокойна; ей не достаетъ увлеченія, она не воспламеняется спраспью; у ней нѣтъ тѣхъ движеній, сильныхъ и энергическихъ, кои попрясаютъ души, чтобы оживлять ихъ; не бываетъ тѣхъ задушевныхъ словъ, тѣхъ могущественныхъ воплей, которые идутъ опъ сердца къ сердцу, и приводятъ въ содроганіе человѣческія фибры въ глубочайшихъ нѣдрахъ организма.

(окончаніе слѣдуетъ).

VIII.

ДРУГОЙ ИЗЪ ТРИНАДЦАТИ.

(продолженіе).

Былобъ скучно, а для большей части молодыхъ людей, имѣющихъ свои прекрасныя воспоминанія, совершенно излишне, пянупь наспо-ящій рассказъ шагъ за шагомъ, какъ пянупь въ самомъ дѣлѣ эта поэма тайныхъ бесѣдъ, кои женщина ускоряетъ или замедляетъ по произволу: пустымъ споромъ словъ; когда чувство свѣшптъ слишкомъ быстро, жалобю на чувства; когда слова не отвѣчаютъ мысли. Чпобы вѣрно изобразить ходъ эпои Пенелопиной работы, лучше, кажется, держаться матеріальныхъ выраженій чувства.

И такъ, спустя нѣсколько дней послѣ первой встрѣчи Герцогини съ Арманомъ де Монриво, неопуступный Генераль завоевалъ себѣ, въ полное, безпрекословное владѣніе, право осыпаться ненасытными поцѣлуями ручки своей любезной. Вездѣ, гдѣ ни являлась Гжа де Ланже, Г. де Монриво былъ неизбѣжно съ нею, такъ что нѣкоторые, шутя, прозвали его *хвостомъ Герцогини*. Уже положеніе Армана навлекло ему завистниковъ, ревнивцевъ, непріятелей.

Гжа де Ланже достигла своей цѣли. Маркизь смѣлся съ несмыслимой полпой ея обожашелей, и она пользовалась имъ для униженія ихъ, кои хвастались ея благосклонностью, отдавая ему публично предпочтеніе предъ всѣми.

— Рѣшипельно, Герцогиня опличаетъ Г. де Монриво, говорила Гжа де Серизи.

А кто не знаешь, что значить въ Парижѣ: *быть отличаемымъ женщиной?*

И такъ дѣла шли въ совершенномъ порядкѣ.

Слухи, носившіеся о характерѣ Генерала, внушали къ нему такую боязнь, что самые ловкіе молодые люди шайно опречлись опъ всѣхъ своихъ припязаній на Герцогиню, и оспаривались въ сферѣ ея только для того, чтобы, пользуясь важностью, копорую давало ея имя и лице, успроивать лучше дѣла свои съ другими

впорокласными власпями Парижскихъ госпниныхъ, высоко цѣнившими удовольствіе опбить любовника у Гжи де Ланже.

Герцогиня имѣла довольно проищательности, чпобы замѣчать всѣ эти отступничества, побѣги и шайные договоры, коихъ гордость ея не позволяла ей сдѣлаться игрушкою. Она умѣла, какъ говорилъ Князь де Т***, очень ее любившій, вымѣщать за себя однимъ словомъ съ двумя лезвеями, опускаемымъ на счетъ этихъ воровски - публичныхъ свапъбъ. Могущество ея насмѣшки не мало содѣйствовало сдѣлать ее спрашною и прославить женщиной удивительнаго остроумія. Такимъ образомъ, она упрочивала репутацию своей добродѣтели, забавляясь секретами другихъ, и не позволяя проникать въ свои собственныя.

Однако, послѣ двухъ мѣсяцовъ неопступныхъ искапельствъ, она почувствовала, во глубинѣ души, родъ иѣкопной темной боязни, видя, что Г. де Монриво ничего не понималъ въ понкостяхъ кокетства Сен - Жерменскаго предмѣспія и серьезно принималъ пустячки Парижскаго любезничанья.

— Эда птица орлиной породы, говорилъ ей спарый дипломатъ: вамъ не сдѣлать его ручнымъ; скорѣй онъ васъ унесетъ съ собой подъ облака, милая моя Герцогиня, если вы не поосмереженесь.

Вечеромъ, на другой день послѣ того какъ хипрѣй спарикъ сказалъ ей эпу аллегорію, въ коей Герцогиня боялась уже найпи для себя пророчество, она попробовала опвязапьясь опъ него, и спаралась показатъ себя суровою, взыскапельною, сердипою, несносною; но Арманъ обезоружилъ ее ангельскою кропоспїю. Эпа женщина такъ мало знала обширноспъ доброты великихъ характеровъ, что была пронупа до глубины сердца невинными шупками, съ коими были приняпья сначала ея жалобы. Она спаралась придрапьясь, завеспи ссоору, и вспрѣшила доказательсва глубочайшей привязанности. Эпо укрѣпило ее въ предпріяптомъ намѣренїи.

— Чѣмъ могъ заслужишь ваше неблагорасположеніе человекъ, которѣй богопворицъ васъ? спросилъ ее Арманъ.

— О! кто вамъ сказалъ, что я не расположена къ вамъ? опвѣчала Герцогиня, сдѣлавшись вдругъ кропкою и покорною; но за чѣмъ вы хопипте подвергаетъ меня опасноспи? Вы должны быпъ для меня полько *другомъ*, понимаепе? Я хопѣла бы видѣпъ въ васъ пакпъ и разборчивоспъ испинной дружбы, дабы не потерापъ ничего, ни изъ вашего уваженїа, ни изъ пѣхъ удовольсвїѣй, копорыми при васъ наслаждаюсь.

— Быть только вашимъ *другомъ*? вскричалъ Г. де Монриво, которому это ужасное слово ошеломило голову, словно электрическимъ ударомъ. Увлеченный сладкимъ очарованіемъ часовъ, которыя вы мнѣ дарите, я засыпаю и пробуждаюсь въ вашемъ сердцѣ; и вдругъ, безъ всякой причины, вамъ угодно разрушить все тайныя надежды, которыя составляютъ жизнь мою! Неужели, обѣщавъ мнѣ столько постоянства, обнаруживъ въ себѣ столько опроверженія къ женщинамъ, которыя состоятъ только изъ капризовъ, вы хотите разочаровать меня и показать, что вы, также какъ и все Парижскія женщины, имѣете только спроси, и нисколько любви? Для чегожъ было вамъ претребовать отъ меня жизни, для чего было принимаете ее?

— Я поступила дурно, другъ мой! Да! женщина дурно поступаетъ, когда дозволяетъ себѣ увлекаться подобнымъ упоеніемъ, не имѣя ни возможности, ни права вознаградить за него?

— Понимаю! Вы были только кокеткою, и...

— Кокеткою? О нѣтъ! я ненавижу кокетство. Быть кокеткою, Арманъ, значить быть всегда фальшивою. Припворяются меланхолическою съ брюзгами, веселою съ безпечными, толковать о политикѣ съ людьми честными, любить, слушать съ удовольствіемъ болтуновъ, заши-

маться войною съ военными, горячиться о бла-
гѣ отечества съ филиантропами; коротко ска-
зать, брать для каждаго челоуѣка особый кос-
тюмъ ума, особую походку характера, копоры-
ми можнобъ было обольщать его, не давая ни
крошки изъ своей души; забавлять ихъ всѣхъ,
цѣлнять, издѣваться надъ ними: вопль что зна-
чить быть кокеткой!.. Но, я, другъ мой! я
всегда истина съ вами. Я не всегда раздѣляла
ваши идеи; но, когда, послѣ споровъ, вы меня
убѣждали, не замѣчали вы, какъ я бывала
счастлива? Коротко сказать, я люблю васъ,
но такъ, какъ дозволено любить женщинѣ чи-
стой, уважающей свои обязанности. Я уже
много думала, Арманъ! Я за мужемъ. Если об-
разъ жизни моей съ Г. де Ланже и дозволяетъ
мнѣ свободно располагать своимъ сердцемъ, по
законы, приличія, опнимаютъ у меня право ра-
сполагать своею особой. Обезчещенная женщина,
на какой бы ступени ни спояла, всегда видитъ
себя изгнанной изъ свѣта, и я не знаю еще ни
одного примѣра мужчины, копорый бы понималъ
все, чего споятъ намъ наши пожертвованія.
Лучше сказать, недавній примѣръ Гжи де Бо-
сеанъ доказалъ мнѣ, что эти пожертвованія
почти всегда бывають причиною того, что
вы сами же насъ бросаете. Если вы меня любите
искренно, то откажитесь видѣть меня на нѣ-
сколько времени. Я сама для васъ готова бро-

сипть всю суетность свѣпа, не значипть ли это чего-нибудь? Чпо спанупть говорипть объ женщи-нѣ, копорая не умѣепть никого привязать къ себѣ? У ней нѣпть сердца, ума, души, нѣпть прелестей! О! кокепки не проспипть мнѣ ни чего; онѣ опнимупть у меня всѣ достоинства, копорыя такъ огорчипельно имѣ находятъ во мнѣ. Но когда я сохраню свою репутацию, чпо мнѣ нужды, если соперницы мои будутъ оспривать мои преимущества? Онѣ ихъ не наслѣдуюпть! И такъ, другъ мой, пожерпвуйте чѣмъ-нибудь для поѣ, копорая вамъ сполько жерпвуепть. Ходипте ко мнѣ рѣже, я васъ буду любить за то не менѣе!

— Ахъ! опвѣчалъ Арманъ, съ глубокой про-нѣй оскорбленнаго сердца: правду говорипть бумагомаратели, чпо любовь питаепся обольщеніями! Нѣпть ничего истиннаго, я это вижу; надо воображать себя любимымъ. Но, замѣптьте, еспть мысли, какъ раны, копорыя не заживаюпть. Вы были моимъ послѣднимъ вѣрованіемъ, и я вижу теперь, чпо здѣсь на землѣ все обманъ!

Она улыбнулась.

— Да, продолжалъ Монриво измѣнившимся голосомъ; вѣра, въ копорую вы хотипте меня обрапипть, еспть та, чпо люди во всемъ обманываются: надежда еспть обманъ въ будущемъ; гордоспть не иное чпо, какъ обманъ въ

самихъ себѣ; соспрадапельность, благоразуміе, ужась, равно обманчивые призраки! И мое счастье должно бытъ также обманомъ; я долженъ обольщать самъ себя, долженъ оплавать лундоръ за экую. Если вы такъ легко можете согласиться не видатъ меня, если вы не хопите признатъ меня ни другомъ, ни любовникомъ, по вы меня не любите! А я, бѣдный глупецъ! я это давно говорилъ себѣ — знаю это — и все люблю васъ...

— Но, Боже мой! вы увлекаетесь, бѣдный мой Арманъ!

— Я увлекаюсь?

— Да! Вы думаете, что дѣло идетъ обо всемъ, тогда какъ я говорю вамъ только объ оспорожности.

Во глубинѣ души, она была очарована гнѣвомъ, копорый билъ черезъ край въ глазахъ ея любовника. Въ эту минушу, она пириала его, но вмѣстѣ и судила, замѣчая самыя малѣйшія измѣненія его фізіономіи. Еслибы Генераль имѣлъ несчастіе показатъ себя великодушнымъ безъ прекословія, какъ это случается съ душами младенчески открытыми, его бы прогнали навсегда, объявивъ ему, что онъ не умѣетъ любить. Большая часть женщинъ хопятъ, чтобы ихъ заспавили почувспвовать родъ нравспвеннаго насилія. Убѣжденіе, что онъ уступающъ только силѣ, льспиптъ ихъ гордости. Но Ар-

манъ не сполько былъ свѣдушь въ эгихъ дѣлахъ, чѣобъ замѣшпшь сѣшь, пакъ искусно пригоповленную ему Герцогиней. У великихъ людей, когда они любяпъ, сполько младенчества въ душѣ!

— Если вы хопите сохранить только наружныя приличія, сказалъ онъ добродушно, то я гошовъ...

— Только наружныя приличія? вскричала она, перерывая его. Какіяжъ понятія имѣете вы обо мнѣ? Развѣ я дала вамъ хопя малѣйшее право думашъ, что я могу принадлежать вамъ?

— А! пакъ о чемъ же говоримъ мы? спросилъ Монриво.

— Но, сударь, вы меня приводите въ ужась!.. Или, нѣпъ, проспите меня, покорно благодарю васъ, Арманъ! продолжала она, принявъ холодный тонъ. Вы меня въ пору предупреждаете, касательо неосторожности, съ моей спороны совершенно невольной, увѣряю васъ, другъ мой! Вы умѣете спрадать, говорите вы? Я пакже умѣю. И пакъ переспанемъ на время видѣпсья. Попомъ, когда мы оба, и я и вы, нѣсколько поуспокоимся, тогда подумаемъ общими силами, какъ бы намъ соспавить счастье другъ друга, не подвергаясь осужденію свѣта. Я пакъ молода, Арманъ. Человѣкъ не деликатный можетъ заспавить женщину двадцати чешырехъ лѣпъ надѣлапъ много глупостей. Но

вы! Вы будете моимъ другомъ! Общайте мнѣ это.

— Женщина двадцати чепырехъ лѣтъ умѣетъ расчипывать.

Онъ сѣлъ на диванъ будуара и обхватилъ голову обѣими руками.

— Любите ли вы меня, сударыня? спросилъ онъ, поднявъ голову и показавъ лице исполненное рѣшимости. Говорите прямо: да или нѣтъ!

Герцогиня была испугана симъ вопросомъ, болѣе чѣмъ угрозою смерти. Мало женщинъ пугаются эпой испертой хипроси въ нынѣшнемъ XIX вѣкѣ, когда мущины уже не носятъ шпаги при бедрѣ; но развѣ нѣтъ силы въ бровяхъ, въ рѣсницахъ, въ напряженіи глазъ, въ препенѣ губъ, передающихъ ужасъ, коего онъ суть живое выраженіе?

— Ахъ! сказала она, еслибъ я была свободна, еслибъ...

— О! пакъ мужъ ващъ полько мѣшаепъ намъ! вскричалъ весело Генераль, и началъ ходить большими шагами по будуару. Я обладаю всемогущею силою, милая Антуанетта. Я въ союзѣ съ рокомъ; я могу, говоря простымъ языкомъ, укоротить или прибавить ходъ его, какъ ходъ часовъ, но произволу. Чпобы управляпъ рокомъ, въ нашей полипической машинѣ, спонпъ полько знашь всѣ ея колеса. Вы

будете свободны скоро! Но, вспомните же ваце объщаніе...

— Ради Бога, Арманъ, вскричала она, что вы хотите сказать? Неужели вы думаете, что я могу быть куплена цѣною пресупленія? Развѣ вы хотите моей смерти? Спало бытъ, вы не имѣете вовсе религіи? Но я, я боюсь Бога! Хотя Г. де Ланже и далъ мнѣ право ненавидѣть себя, я не желаю ему зла.

Г. де Монриво, который въ это время машинально выбивалъ пальцами зорю на мраморѣ камина, удовольствовался тѣмъ, что взглянулъ на Герцогиню съ спокойнымъ видомъ.

— Другъ мой, продолжала она, имѣйте къ нему уваженіе. Онъ не любитъ меня, онъ не хорошъ со мною, но я имѣю къ нему обязанности. Чтобы отвратить несчастія, которыми вы ему угрожаете, я готова сдѣлать все. Послушайте. Я не буду вамъ говорить о разлукѣ; вы будете ходить ко мнѣ по-прежнему; я вамъ буду всегда позволять цѣловать меня въ лобъ; если я отказывала вамъ иногда въ этомъ, то, право, изъ одного кокетства. Но условимся во всемъ, примолвила она, видя, что онъ подходитъ къ ней. Вы мнѣ позволите увеличить число моихъ обожателей, принимаете ихъ по ушрамъ больше прежняго; я хочу удвоить свою въпренность; хочу обходиться съ вами холодно по наружности, припворяю-

ся, что мы поссорились; вы будете ходить ко мне немного рѣже; и попомъ...

Произнося сіи слова, она позволила ему обхватить спящую свою, и, сжимаемая такимъ образомъ въ объятіяхъ Монриво, казалось чувствовала по неизъяснимое наслажденіе, которое большая часть женщинъ находить въ эпозомъ изъясленіи нежности, выражающемъ по видимому все наслажденія любви. Попомъ, вѣрно желая повѣрить ему какую-нибудь пайну, приподнялась на цыпочки и поднесла чело свое къ пылающимъ губамъ Армана.

— И попомъ, перервалъ Монриво, вы не будете мне больше говорить о своемъ мужѣ, вы не должны больше объ немъ думать!

Гжа де Ланже хранила молчаніе.

— По крайней мѣрѣ, сказала она послѣ краткаго выразительнаго молчанія, вы будете дѣлать все, что я захочу, не сердясь и не ворча. Слышите, другъ мой, вѣдь вы хотѣли меня только испугать, не правда ли? Ну, признайтесь же! Вы такъ добры, что не можете имѣть преступныхъ мыслей. Но спало бытъ у васъ есть секреты, которыхъ я не знаю? Какъ вы можете управлять рокомъ?

— Теперь, когда вы подтверждаете, что сердце ваше принадлежитъ мнѣ, я сполько счастливъ, что не найдусь отвѣчать вамъ.

Я имѣю къ вамъ полную довѣренность, Антуанетта: не буду имѣть ни подозрѣній, ни пуспой ревности. Но если случай возвратитъ вамъ свободу, мы будемъ соединены...

— Случай, Арманъ, сказала она, сдѣлавъ головкою своей одно изъ пѣхъ миленькихъ движеній, копорья кажется исполнены Богъ въспъ чего, но копорья подобныя женщины бросають такъ, на въперъ, какъ театральная пѣвица играеть своимъ голосомъ. Чиспой случай, продолжала она, замѣтите это хорошенько! Если опъ васъ случится какое-нибудь несчастье съ Г. де Ланже, я никогда не буду вашею.

Они распались довольные другъ другомъ. Герцогиня заключила съ нимъ договоръ, позволявшій ей показывать свѣту, словами и дѣйствіями, что Г. де Монриво не былъ ея любовникомъ. Что касается до него самого, то лукавица располагалась надѣсть ему, не оказывая другихъ благосклонностей, кромѣ пѣхъ, кои удавалось похипить ему въ этихъ маленькихъ борьбахъ, управляемыхъ ею по произволу. Она умѣла такъ мило отказывать на другой день въ помъ, что уступала наканунѣ; такъ твердо рѣшилась остаться физически добродѣтельною, что не видала для себя никакой опасности въ прелиминарныхъ пунктахъ, ужасныхъ только для женщинъ горячо влюбленныхъ. Коротко сказать, Герцогиня, разлученная

съ своимъ мужемъ, дѣлала весьма не много для любви, принося ей въ жертву бракъ, уничтоженный съ давняго времени.

Съ своей стороны, Монриво совершенно счастливымъ пѣмъ, что получилъ обѣщаніе, хотя самое невѣрное, и успранилъ навсегда возраженія, копорыя женщина можетъ почерпать въ обязанностяхъ супружеской вѣрности для сопротивленія любви, радовался видя себя двинувшимся еще на шагъ ближе къ цѣли. Посему въ продолженіи нѣкопорого времени онъ наслаждался до злоупотребленія правами, копорыя достпались ему шакъ дорого. Сдѣлавшись совершеннымъ ребенкомъ, вѣпопъ человекъ вдавался во всѣ ребячества, опъ копорыхъ первая любовь бываетъ цвѣпомъ жизни. Онъ возвращался въ состояніе дѣлства, распочая и свою душу, и всѣ мнимыя силы, копорыя сообщала ему страсть, на руки эпой женщины, на ея бѣлокурые волосы, коихъ пушистыя кудри осыпалъ поцѣлуями, на ея блиспапельное чело, коего чистопой любовался. Упоенная любовью, покоренная магнетическими изліяніями чувства столь пламеннаго, Герцогиня колебалась завести ссору, копорая должна была разлучить ихъ навсегда. Она была женщина, больше нежели сколько думала сама она, слабое созданіе! Покушаясь соединить пребованія религін съ живыми увлеченіями суешности, съ пѣми призраками насла-

жденія, опть копорыхъ безъ ума Парижанки. Каждое Воскресенье она слушала объдно, не пропускала ни одной службы; попомъ вечеромъ, погружалась въ упоительное сладострасіе, производимое безпрестанно подавляемыми желаніями. Арманъ и Гжа де Ланже походили на шѣхъ Индійскихъ Факировъ, кои находяпъ вознагражденіе за свое цѣломудріе въ искушеніяхъ опть него происходящихъ. Можетъ быпъ, Герцогиня посягала наконецъ и на любовь въ эписхъ брагпскихъ ласкахъ, кои безъ сомнѣнія для всѣхъ казались невинными; но копорымъ смѣлостъ ея мыслей придавала крайнюю степень развратности. Иначе какъ объяснить непоспжимое таинство ея безпрестанныхъ колебаній? Всякое упрю, она располагалась запереть двери для Маркиза де Монриво; и, всякой вечеръ, въ назначенный часъ, увлекалась имъ. Послѣ слабой защиты, она дѣлалась добрѣе; разговоръ ея становился кропокъ, умилителенъ; оба любовника могли такимъ образомъ оспаваться на единѣ. Герцогиня обнаруживала предъ Арманомъ весь блескъ своего ума, всѣ очарованія своего кокетства; попомъ, когда душа и чувства его разгарались, когда онъ схватывалъ ее въ свои объятія, она охотно бы желала дозволить ему задушить себя въ нихъ; но у ней было свое *pes plus ultra* спраспи; и когда Генераль доходилъ до этого пункта, она оскорблялась,

если онъ, увлеченный своимъ пыломъ, грозилъ разрушить положенныя ему границы.

Ни одна женщина не смѣетъ проповѣдаться любви безъ причины: уступить, ей всего естественнѣе. Посему Гжа де Ланже окружила себя другою спѣною укрѣпленій, кои преодолѣть было гораздо труднѣе, чѣмъ первыя. Она призвала на помощь религію.

Никогда самый краснорѣчивѣйшій проповѣдникъ не защищалъ добродѣтели съ большимъ жаромъ и силою. Герцогиня не употребляла ни випѣвапыхъ фразъ, ни рипорическихъ амплификацій. Нѣтъ, она имѣла свой *навося*. На горячія просьбы Армана, она отвѣчала взглядомъ, увлажненнымъ слезою, движеніемъ, въ коемъ выражалась ужасная полнопа чувствъ; она заспавляла его молчашь, прося у него пощады, милоспи; еще слово, и она не хотѣла больше его слышать; она боялась изнемочь, и смерть казалась ей предпочпипельнѣе блаженства, купленнаго цѣною преступленія.

— Не ужели вы считаєте за ничто грѣхъ предъ Богомъ? говорила она, собирая послѣднія усилія голоса, истощеннаго сими внутренними бореніями, надъ копорыми, казалось, съ трудомъ брала минушнюю власть эпа прелестная комедіанка. Людьями, всѣми міромъ, я бы охотно вамъ пожерпивовала; но можете ли вы бышь

такимъ эгоистомъ, чтобы пребывать всей моею будущности за минутой наслажденія? ... Ну! развѣ вы еще несчастливы? прибавляла она, протягивая къ нему руку, и показываясь въ самомъ очаровательномъ неглиже, которое конечно могло доставлять удовольствіе любовнику, но удовольствіе, за которое надо было заплатить очень дорого.

Если, для обузданія человѣка, коего пламенная страсть производила въ ней самой неиспытанныя волненія, или, по слабости, она позволяла ему иногда похвастаться съ успѣхомъ ея мгновенный поцѣлуй; то, въ пущую пору, припворялась испуганною, краснѣла и прогоняла Армана съ своего канапе, дѣлавшагося для ней опаснымъ.

— Ваши наслажденія, Арманъ — грѣхи, которые должна я опмалывать... Они стоятъ мнѣ тяжкаго раскаянія, горькихъ угрызений!

Когда Монриво видѣлъ себя опполкнутымъ спула на два опъ эпой неумолимой женщины, онъ принимался богохульствовать. Герцогиня симъ огорчалась.

— Но, другъ мой, говорила она сухо, я не понимаю, какъ вы можете опказываться въришь въ Бога, опъ того что не лзя въришь людямъ? Молчите, не говорите эпого; ваша душа такъ велика, что я считаю ее неспособною къ нельпоспамъ безбожія!

Богословскіе и политическіе споры употребляла она въ родѣ обливанья, для прохлажденія Монриво, когда сей послѣдній выходилъ изъ себя опть ярости, будучи бросаемъ, за тысячу миль опть будуара, въ теоріи абсолютизма, копорыя Герцогиня умѣла защищать съ чудеснымъ искусствомъ. Женщины рѣдко осмѣливаются бытъ демократками; ибо это слишкѣмъ проптиворѣчитъ ихъ деспотизму въ обласпи чувствъ. Но часто и Генераль попрысалъ своей гривой, бросалъ политику, свирѣпѣлъ какъ левъ, въ неисповствѣ кидался на свою добычу, и, неспособный долѣе помить сердце свое и мысль въ другой атмосферѣ, превращался весь въ грозную, ужающую любовь. Тогда, эта женщина, чувствуя опасность своего положенія, умѣла въ пору выходить изъ будуара; она покидала эпотъ воздухъ, наипанный желаніями, коимъ невозможно было пропивитъся, переходила въ гостиную, садилась за піано, принималась играть очаровательнѣйшія аріи новѣйшей музыки, и такимъ образомъ обманывала свои чувства, копорыя часто угрожали подавить ее, но копорыя она имѣла силу обуздывать. Въ эти минуты, она дѣлалась высокою въ глазахъ Армана; ибо тогда, она уже не припворялась, была истинна въ полномъ смыслѣ, и бѣдный любовникъ вѣрилъ, что его любятъ. Это

эгоистическое сопротивленіе дѣлало ее въ глазахъ его святымъ, добродѣтельнымъ созданіемъ; и онъ покарялся, начиналъ говорить о пламенной любви... онъ, Генераль Арпиллерійскій!...

Воспользовавшись религіею для своей личной пользы, Гжа де Ланже перешла съ нею къ Арману. Она хотѣла обратитъ его къ христіанскимъ чувствованіямъ; передѣлывала для него Духъ Христіанства на военный манеръ. Монриво выходилъ изъ терпѣнія, горячился. Но она продолжала свои нападенія симъ новымъ оружіемъ, можетъ быть изъ духа проповорѣчія, а можетъ быть и по тому, что ей пріятно было длить всякую ссору, которая упрочивала между ними нравственную борьбу, и не допускала ей перейти въ борьбу матеріальную, гораздо опаснѣйшую.

Оппозиція, держанная ей во имя законовъ супружеской вѣрности, сославляла *гражданскую эпоху* этой семипименальной войны; теперь была *эпоха религіозная*. Но и сія послѣдняя, подобно предидущей, имѣла свой кризисъ, послѣ коего суровость ея начала смягчаться и ослабѣвать.

Однажды вечеромъ, Арманъ, пришедши случайно раньше обыкновеннаго, нашелъ Аббата Гондрана, духовника Гжи де Ланже, покоивша-

гося въ креслахъ, у камина, въ положеніи чело-
вѣка, переваривающаго сыпный обѣдъ вмѣстѣ
съ миленькими грѣхами своей духовной дочери.
Видъ эпой почтенной особы, съ свѣжимъ ру-
мянцемъ на щекахъ и мирнымъ спокойствіемъ
на челѣ, аскепическимъ выраженіемъ успѣ
и взглядомъ лукавоинквизиторскимъ, у которой
во всей осанкѣ изображалась духовная санови-
пость, а плащѣ уже опливалось фіолетовымъ
цвѣтомъ Епископства, омрачилъ лице Генерала.
Онъ не поклонился и не сказалъ ни слова.
Выходя изъ своей любви, Генераль не имѣлъ
недоспапка въ шакпѣ; посему, обмѣнявшись
нѣсколькими взглядами съ будущимъ Епископомъ,
онъ попчасть угадалъ, чпо это былъ главный
виновникъ препятспвій, коими вооружалась про-
пивъ него любовь Герцогини. Чпобы какой-ни-
будь честолобивый аббапъ, могъ мѣшати сча-
спію челоуѣка такого закала, какъ Монриво!..
Мысль эта закипѣла у него на лицѣ, скорчила
пальцы, заспавила вспати, ходити взадъ и впе-
редъ, спуча ногами; но, когда онъ воропился
на свое мѣспо, гоповый разразипсья, одного
взгляда Герцогини было доспапочно, чпобъ ус-
покоити его. Гжа де Ланже, нисколько не сму-
пившись мрачнымъ молчаніемъ своего любовни-
ка, которе спѣснило бы всякую другую жен-
щину, продолжала свободно бесѣдовать съ Г.
Гондраномъ де Лузиньякъ о необходимости воз-

спановишь Религію въ прежнемъ ея блескъ; она изъясняла гораздо лучше самого Аббата, почему Церковь должна соединять въ себѣ власпъ мірскую и духовную; и очень жалѣла, что въ Палатѣ Перовъ нѣтъ еще по сю пору *скамы Епископовъ*, какъ въ Британской Палатѣ Лордовъ.

Не смотря на то, Аббатъ, зная, что приближающійся посѣтъ дастъ ему средство опмспить за себя, счелъ за нужное уступить мѣспю Генералу, и ушелъ. Герцогиня едва могла привстать, чпобъ отвѣчать на низкій прощальный поклонъ своего духовника; сполько заняпа была она положеніемъ своего любовника.

— Чпо съ вами, другъ мой!

— У меня на душѣ эппотъ Аббатъ.

— За чѣмъ не взяли вы себѣ какой-нибудь книги? продолжала она, не безпокоясь, слышиптъ или нѣтъ ее Аббатъ, копорый запворялъ двери.

Монриво съ минупу не говорилъ ни слова; ибо Герцогиня произнесла сіи слова съ движеніемъ, увеличившимъ ихъ глубоко оскорбительную въпренность.

— Я вамъ очень благодаренъ, милая Аншуанешпа, за ваше вниманіе; но, ради Бога, по-звольте мнѣ сдѣлать вамъ одинъ вопросъ.

— А! вы хотите меня допрашивать? Очень хорошо, продолжала она. Развѣ вы не другъ мнѣ? Я могу, конечно, обнажить предъ вами всю глубину моего сердца, и вы увидите въ немъ одинъ только образъ.

— Говорите ли вы съ этимъ человѣкомъ о нашей любви?

— Онъ мой духовный отецъ.

— Знаете ли онъ, что я васъ люблю?

— Г. Монриво, я думаю, вы не захотите проникать въ тайны моей исповѣди...

— И такъ, этотъ человѣкъ знаетъ всѣ наши ссоры и мою любовь къ вамъ?

— Человѣкъ, говорите вы? Скажите, Богъ!

— О! я васъ умоляю, не ходите къ нему на исповѣдь, или...

— Или? сказала она, улыбаясь.

— Или я никогда здѣсь не буду!..

— Спуйте же, Арманъ, спуйте. И... прощайте навсегда...

Она вспала и ушла въ свой будуаръ, не бросивъ ни одного взгляда на Монриво, который стоялъ неподвижный, опершись рукою на спуль. Какъ долго онъ оспавался въ такомъ положеніи, этого онъ не могъ никогда припомнить. Душа имѣетъ неограниченную силу спѣснять и разширять пространство. Онъ отворилъ дверь въ будуаръ, тамъ было темно. Слабый голосъ

раздался съ усиленіемъ и съ выраженіемъ огорченія:

— Я не звонила. За чѣмъ входить безъ доклада? Спупайте.

— Ты спрадаешь, сказалъ Монриво.

— Оспавьте меня, сударь! вскричала она, зазвонивъ въ колокольчикъ. Уйдите, хопъ на минупу.

— Герцогиня пребуепъ огня, сказалъ онъ камердинеру, который вошелъ въ будуаръ зажигапъ свѣчи.

Когда оба любовника оспались одни, Гжа де Ланже продолжала лежапъ на диванъ, безмолвная, неподвижная, какъ будипо бы Монриво не было съ нею.

— Милая моя, сказалъ онъ наконецъ съ выраженіемъ глубокой грусти и умиленія: я виноватъ передъ побою. Не хочу имѣпъ шебя безъ религии...

— Слава Богу, отвѣчала она, перервавъ его, голосомъ суровымъ и не глядя на него, слава Богу, что вы признали наконецъ необходимость совѣспи. Я благодарю васъ, именемъ Божиимъ!

Тогда, Генераль, сраженный неумолимымъ жестокосердіемъ эпои женщины, которая умѣла пакъ легко дѣлапъся для него изъ сеспры совершенно чужою, сдѣлалъ опчаянный шагъ назадъ къ дверямъ, и хопѣлъ покинупъ ее навсегда, не сказавъ ни слова. Онъ спрадалъ, а

Герцогиня тайно смѣялась эпитимъ спраданіямъ, эпой нравственной пытки, которая несравненно превосходитъ жестокостью прежнія судебныя пытки. Но онъ не въ силахъ былъ уйти.

Во всякомъ кризисѣ, женщина бываетъ какъ будто беременна извѣстнымъ количествомъ словъ, и покуда ихъ не выскажетъ, испытываетъ какое-то помпильное чувство. Посему, Гжа де Ланже, которая не сказала еще всего, возобновила разговоръ.

— Мы не согласны въ нашихъ убѣжденіяхъ, Генераль... Это меня огорчаетъ до глубины души. Для женщины ужасно не имѣть вѣры, которая даетъ ей надежду любить и за предѣлами гроба. Оспавляю свяпость внупреннихъ чувствъ Христіанства: вы ихъ не понимаете; но позволите мнѣ показать вамъ, по крайней мѣрѣ, наружную ихъ важность. Безъ религіи не возможно существованіе общества. Возьметесь ли вы управлять народомъ вольнодумцевъ? Самъ Наполеонъ чувствовалъ это, и гналъ идеологовъ. Религія, Арманъ, есть живопворный союзъ всѣхъ началъ, охраняющихъ общественное благоденствіе. Чѣмъ оканчиваются покушенія замѣнить ее одними понятіями естесственнаго разума? Эшафопами, какъ во времена Терроризма, въ коихъ ваша проклятая Революція нашла наконецъ единственное средство заспавить себѣ повинаться. Я невѣжда

въ полиптикъ, я разсуждаю только по чувству; но имѣю столько смысла, что увѣрена въ глубинѣ сердца, что никакое общество не можетъ стоять, если будешь ежеминутно потрясаемы основанія, на которыхъ...

— О! что намъ до обществъ, до ихъ основаній? Дѣло идетъ о моемъ блаженствѣ... Гдѣ я теперь?..

— Въ будуарѣ Герцогини де Ланже, другъ мой.

— О нѣтъ! Здѣсь нѣтъ Герцогини, нѣтъ де Ланже... Здѣсь только одна милая моя Анпуанетта!..

— Не угодно ли вамъ остаться тамъ, гдѣ вы были? сказала она, улыбаясь и оппалкивая его, но безъ гнѣва.

— Спало, вы никогда не любили меня? вскричалъ онъ съ яростію, засверкавшею молніями изъ глазъ его.

— Нѣтъ, другой мой.

Эпо нѣтъ спойло да.

— Я ужасный глупецъ, продолжалъ онъ, цѣлуя руку эпой грозной царицы, сдѣлавшейся опять женщиною.

— Анпуанетта, вскричалъ онъ потомъ, прижавъ голову свою къ ея ногамъ, я увѣренъ, что ты не скажешь никому въ мірѣ о нашемъ блаженствѣ.

— Сулмспедшій! сказала она, вскочивъ съ дивана, быспрыгъ, но прелеспнымъ движениемъ.

И не говоря ни слова, побѣжала въ госпинуу.

— Что съ нею сдѣлалось? спросилъ самъ себя Генераль, не поспигая силы поспрясенія, которе дыммщаяся голова его элекспрически сообщила ногамъ и бросила въ голову его любовницы. Въ шу минупу, какъ онъ въ яросни лепѣлъ за нею въ госпинуу, раздались небесные аккорды. Герцогиня сидѣла за піано.

Люди съ умомъ и съ поэзіей, которые могутъ вмѣспѣ мыслить и наслаждапсья, такъ что мысль не мѣшаепсь у нихъ насладенію, знаютъ, что музыкальная азбука и фразеологія бываюпсь такими же послушными орудіями для арписпа, какъ дерево или мепаллъ для исполнителя. Для нихъ еспть еше особая музыка, во глубинѣ двойспвеннаго выраженія сего чувспвеннаго языка душъ. » *Andiamo mio ben* « можетъ извлекапсь слезы радости и морить со смѣху, смопря по пѣвицѣ. Часно, тамъ и сямъ, въ свѣспѣ, молодая дѣвушка, задыхающающаяся подѣ пилжестью безвѣспной муки, или молодой человекъ, душа коего содрогаепсь и звучитъ подѣ щипкомъ спраспи, берупсь музыкальную шему и бесѣдуюпсь съ небомъ, или говоряпсь сами съ собой въ какой-нибудь высокой мелодіи, родѣ за-

перянной поэмы. И Генераль въ эту минуточку слышалъ одно изъ сихъ поэпическихъ изліяній, столькоже мало извѣстныхъ, какъ одинокое степеніе пернапаго пѣвца, умирающаго безъ по-други въ дѣвственномъ лѣсу...

— Что вы это играете? спросилъ онъ пренециющимъ голосомъ.

— Прелюдію романса, котораго, помнитсѣя, называютъ: *Fleuve du Tage*.

— Я не зналъ еще, какъ можетъ бытъ очаровапельна музыка на піано, продолжалъ онъ.

— Э, другъ мой! опивчала она, бросивъ на него, въ первый еще разъ, взглядъ испинно любящей женщины: мало ли вы чего не знали? Вы не знали также, что я васъ люблю; что вы заспавляете меня ужасно спрадашь; и что я должна жаловапсья на эпо, не слишкомъ высказывая себя, ибо иначе могу предать себя вамъ... Мало ли вы чего не знаете и не видите?..

— И вы не хопите сдѣлать меня счаспливымъ?

— Арманъ, я умру съ печали на другой день.

Генераль быспро выскочилъ опть ней, но когда увидѣлъ себя на улицѣ, обтеръ двѣ слезы, котораго едва имѣлъ силу удержатъ въ своихъ глазахъ.

Ся сопротивленіе, вооруженное религіей, продолжалось три мѣсяца. Наконецъ, Герцогиня перестала сражаться симъ оружіемъ. Можетъ быть, не боялась ли она, говоря о вѣчности, увѣковѣчить любовь Генерала; не только на сію жизнь, но и на будущую?

Для чести сей женщины, надо предположить, что она была дѣвственна, даже въ сердцѣ; ибо иначе, она была бы слишкомъ отвратительна. Еще далекая отъ того возраста, въ которомъ мужчина и женщина оба находятъ себя столько близкими къ будущности, что имъ некогда перепать времени и порпипь другъ другу наслажденія, она была теперь, не въ первой своей любви, но въ первой порѣ ея удовольствія. По недоспапкѣ возможности сравнивать добро съ худомъ, по недоспапкѣ спраданій, которыми научили бы ея цѣнить сокровища, повергаемая къ ея ногамъ, она ими играла. Не зная очаровательныхъ наслажденій свѣта, она охотно оставалась во мракѣ. Арманъ, начинавшій угадывать это спривное положеніе, полагался на первое слово природы. Всякой вечеръ, выходя отъ Гжи де Ланже, онъ думалъ, что женщина не позволитъ мужицѣ въ продолженіе семи мѣсяцевъ такъ ухаживать за собою, принимая отъ него изъясненія любви, самыя нѣжныя, самыя благородныя, не спанепъ предаваться самымъ мѣлчайшимъ требованіямъ

спраспи, чпобы послѣ обмануть ее въ одну минупу, и ждалъ терпѣливо лѣпняго солнца, не сумнѣваясь, что плоды доспанупся ему въ первой ихъ свѣжеспи.

Онъ поспигалъ вполнѣ спрогую разборчивость Герцогини, какъ женщины замужней и набожной. Онъ даже былъ доволенъ ея бореніями. То, что въ самомъ дѣлѣ было ужаснѣйшее кокетство, ему казалось цѣломудріемъ; а онъ не желалъ бы найпи Герцогиню, безъ цѣломудрія. И такъ ему пріятно было видѣть, что она избобрѣпала препяпствія; развѣ онъ не поржеспвовалъ надъ ними поспепенно; и каждое поржеспво не пріумножало ли собой малаго числа сладкихъ похищеній, споль долго оспориваемыхъ и попомъ уступаемыхъ ею со всѣми призраками любви? Но онъ такъ часто вкушалъ удовольствія эпихъ дробныхъ и поспепенныхъ завоеваній, коими преспыщаюпся робкіе любовники, что онъ обратился для него въ привычку. И такъ, опноспельно сихъ препяпствій, ему оспавалось только побѣдипь собспвенныя свои опасенія, ибо онъ не видѣлъ уже другихъ препонъ, для своего счастья, кромѣ капризовъ той, копорая дозволяла ему называпъ себя *Антуанеттой*. Тогда онъ рѣшился захопѣть большаго, захопѣть всего. Въ замѣшательствѣ, какъ любовникъ еще юный, копорый не смѣпъ вѣрпть

уничженію своего кумира, онъ долго медлилъ, и дозналъ на себѣ тѣ ужасныя приливы и отливы сердца, тѣ намѣренія твердо принятыя, копорыя уничтожаетъ одно слово, тѣ непреложныя рѣшенія, копорыя паютъ на порогѣ двери. Онъ презиралъ себя за то, что не имѣлъ силы сказаць одного слова, и между тѣмъ все не говорилъ его. Впрочемъ, однажды вечеромъ, послѣ мрачной задумчивости, онъ приступилъ къ ней съ свирѣпымъ пребываніемъ своихъ правъ, незаконно законныхъ. Герцогинѣ не нужно было дожидаться просьбы своего невольника, чтобъ угадать его желанія. Желаніе мужчины можетъ ли быть когда тайною? Развѣ женщинамъ не дается самой природою наука разгадывать извѣстные перевороты физіономіи?

— Какъ? Ужели вы не хопите быть моимъ другомъ? сказала она, прерывая его на первомъ словѣ и бросая взгляды, оцвѣпленные небесною краскою, копорая разлилась новою кровью подъ ея прозрачною бѣлизной. Въ награду за мое великодушіе, вы хопите меня обезчестить. Подумайте хопь не много! Я, съ своей стороны, много думала; учась *нама* всегда у меня на сердцѣ. У женщины есть честность, копорой мы не должны измѣнять, также какъ вы своей чести. Я не умѣю обманывать. Если я буду принадлежать вамъ, я не могу уже ни подъ какимъ видомъ оспаваться женою Г. де Данже. Спало быть,

вы пребудете опть меня пожертвованія моимъ соспоаніемъ, моимъ званіемъ, моею жизнію, пожертвованія невѣрной любви; у которой не достало перпѣнія на семь мѣсяцевъ. Какъ? Вы хотите опнять у меня свободу распологать собою? О нѣтъ! нѣтъ! Не говорите мнѣ этого. Не говорите мнѣ ничего. Я не хочу, я не должна васъ слышать.

Она опкинула назадъ свои густые локоны, опть которыхъ ей спало жарко, и продолжала какъ будто съ одушевленіемъ:

— Да! вы идете къ слабому созданію, къ женщинѣ, сдѣлавъ прежде вѣрный расчетъ въ своей головѣ: она мнѣ спанетъ говорить нѣсколько времени о мужѣ, потомъ объ религіи, потомъ о неизбежныхъ слѣдствіяхъ любви; но я буду дѣйствовать, буду дѣйствовать до злоупотребленія, пѣтъ вліаніемъ, которое мною пріобрѣтено, я сдѣлаю себя необходимымъ для ней; на моей сторонѣ будутъ узы привычки, извиненія давно гошова для публики; и когда наконецъ свѣтъ приметъ нашу связь, я буду властелиномъ эпой женщины. « Будьте чиспосердечны, вѣдь вы такъ думали... Да! вы расчипываете, а между пѣтъ говорите, что любите!... Фи! Вамъ бытъ влюбленнымъ, какъ не такъ? Вы просто хотите имѣть меня своей любовницей, вошь и все. Но, нѣтъ! Герцогиня де Ланже до шого не унизится. Пусть добренькія мѣщаноч-

ки. бываютьъ игрушками вашихъ обмановъ; меня, извините! Чпо можете увѣрить меня въ вашей любви? Вы мнѣ твердите о моей красотѣ; черезъ шесть мѣсяцовъ, я могу подурнѣть, какъ неподобная Принцесса, моя сосѣдка. Вы восхищались моимъ умомъ, мою граціею: Боже мой! да вы къ нимъ привыкнете, также какъ привыкаете къ наслажденію. Развѣ вы, въ нѣсколько мѣсяцовъ, не привыкли къ благосклонностямъ, копорыя я имѣла слабостъ дозволить вамъ? Если я погублю себя, придетъ время, когда вы не дадите мнѣ другой причины вашего охлажденія, кромѣ рѣшительнаго слова: я не люблю васъ! Санъ, богачество, знаменитость, вся Герцогиня де Ланже, поглопится въ обманушой надеждѣ. У меня будутъ дѣти, живые свидѣтели моего позора, и...

— Но, продолжала она, съ новою живостію, я слишкомъ добра, чпо объясняю вамъ такія вещи, копорыя вы сами лучше меня знаете. Довольно объ этомъ! Я столько счастлива, чпо могу еще разрушить узы, копорыя вы считали такъ крѣпкими. И чпо за героическіе подвиги, проводить въ домѣ Ланже каждый вечеръ по нѣсколько минутъ, съ женщиной, копорой болпанье вамъ нравилось, копорою вы забавлялись какъ игрушкой? Сколько молодыхъ фаповъ бывають у меня съ прехъ до пяти часовъ, также регулярно, какъ вы, вечерами! Но они гораздо вели-

кодушнѣе. Я щучу надъ ними, а они пакъ спокойно выносятъ мои капризы, дурачества, и заспавляють еще меня смѣяпсья; погда какъ вы—вы, кому я жерпвую драгоценнѣйшими сокровищами моеѣ души — вы хопите погубить меня, и дѣлаете мнѣ пысячу огорченій.

— Молчите, довольно, довольно, продолжала она, видя, что онъ хочеть говорить: у васъ нѣтъ ни сердца, ни души, ни деликатности. Я знаю, что вы хопите мнѣ сказать. Ну, да! почно пакъ! Я лучше хочу быть въ глазахъ вашихъ женщиною холодною, безчувственною, не способною къ преданности, даже не имѣющею сердца, если вамъ угодно, чѣмъ быть въ глазахъ свѣта женщиною обыкновенною, обречь себя на вѣчныя муки, предавшись прежде въ жерпву вашимъ мнимымъ наслажденіямъ, копорья вѣрно надоѣдятъ вамъ. Эгоистическая ваша любовь не споитъ такихъ пожертвованій...

Слова сія не совершенно передають пѣ, копорья Герцогиня пѣла передъ Генераломъ, заливаясь какъ органчикъ. Она бы могла говорить еще долѣе; ибо бѣдный Арманъ на весь эпоть быспрыій и звонкій попокъ фразъ опвѣчалъ только молчаніемъ, исполненнымъ ужасныхъ чувспвъ. Сначала, онъ проникнулъ въ кокепство эпой женщины и угадалъ по испинкпу.

что любовь искренняя, любовь вполне разделяемая, не может так рассчитывать и уместивать в истинной женщинѣ. Помню, почувствовалъ некопорый родъ стыда, вспомнивъ, что въ самомъ дѣлѣ ему невольно приходили въ голову ненавистные расчеты, въ копорыхъ теперь его упрекали. За симъ, испытывая себя съ совершенно ангельскою добросовѣстностью, онъ дѣйствительно находилъ только эгоизмъ, въ своихъ словахъ, въ своихъ мысляхъ, въ своихъ отвѣтахъ, задуманныхъ и не высказанныхъ. Онъ считалъ себя виновнымъ, и, въ первомъ порывѣ опчаянія, хотѣлъ было выброситься въ окошко. *Я* убивало его. Въ самомъ дѣлѣ, что сказать женщинѣ, копорая не въришь любви? — » Позвольте мнѣ доказать, какъ *я* васъ люблю! « — Все поже *я!*

Монриво не зналъ, какъ будуарные герои, въ подобныхъ обстоятельствахъ, умѣютъ подражать грубому логикѣ древности, начавшему ходить предъ Пирронисами, копорые отрицали движеніе. Этому смѣлому челоуѣку не доспавало именно той смѣлости, копорая за привычку любовникамъ, знающимъ всѣ формулы женской алгебры. Если столько женщинъ, и даже самыя добродѣтельнѣйшія изъ нихъ, доспаются въ добычу ловкимъ людямъ, копорыхъ свѣтъ зоветь предосудительнымъ именемъ, то это вѣроятно, по тому, что они лю-

ди дѣйствующъ сильными доказапельствами. Любовь, не смотря на свою сладоспную поэію чувства, пребуещъ не много побольше геометріи, чѣмъ сколько, можепть быпть, думающъ.

Но, Герцогиня и Монриво были сходны между собою въ томъ, что оба равно были неопытны въ любви. Она очень мало знала теорію и вовсе не знала практики, не чувствовала ничего и размышляла обо всемъ. Монриво мало зналъ практики, вовсе не зналъ теоріи, и сколько чувствовалъ, что не могъ размышлять. По сему оба они должны были испытать несчастіе сего спраннаго положенія.

Въ эту рѣшительную мину, мириады мыслей его могли быпть приведены къ одной слѣдующей: »опдайся мнѣ!« Фраза опиврапительна эгоистическая, особенно для женщины, въ которой слова сіи не пробуждали никакого воспоминанія, не воскрешали никакого образа. Между тѣмъ, надо было опвѣчать. И какъ кровь его ни взволнована была этой тучей мелкихъ фразъ, высыпанныхъ, одна за одной, подобно спрѣламъ, оспримъ, холоднымъ, ѣдкимъ, Монриво долженъ былъ скрыпть свою яроспъ, дабы не потерять всего какой-нибудь безразсудной выходкой,

— Госпожа Герцогиня, сказалъ онъ наконецъ, я въ отчаяніи, что природа не изобрѣла для

женщины другого способа доказывать преданность своей любви, какъ пожертвованіе собою. То, что вы дорожите такъ эпою жертвою, утверждаетъ меня въ мысли, что и я долженъ не меньше дорожить ею. Если вы отдаете мнѣ всю вашу душу, всѣ ваши чувствованія, какъ говорите, то что значить оспальное? Впрочемъ, когда вамъ такъ тяжело жертвовать для моего счастья, перестанемъ говорить объ этомъ. Только, просните, если человѣкъ съ сердцемъ долженъ будетъ почувствовать себя глубоко униженнымъ, видя, что его считаютъ не болѣе, какъ за компанную собачку!

Тонъ эпою послѣдней фразы могъ бы испугать другихъ женщинъ; но, когда какая-нибудь изъ нихъ поставитъ себя выше всего, позволяя обоготворить себя, тогда никакая земная власть не можетъ сравниться съ нею въ гордости и надменности.

— Господинъ Маркизь, опвѣчала Герцогиня, я въ опчаяніи, что природа не изобрѣла для мужчины другого благороднѣйшаго способа доказывать преданность своего сердца, какъ изъясненіе самыхъ грубыхъ и низкихъ желаній. Предавая себя вамъ, мы дѣлаемся невольницами; но вы, принимая нашу жертву, ни къ чему не обязываетесь. Кто поручится мнѣ, что я всегда буду любима? Любовь, которую я буду распочать ежеминутно, чтобы лучше привязать

вась къ себѣ, можетъ быть сдѣлается причиною вашего охлажденія. Я не хочу составить изъ себя впрочемаго изданія испорчіи. Гжи де Боссеанъ. Кпо знаетъ, чпо вась удерживаетъ при насъ? Одни бывають поспоянны только при поспоянной холодноспи съ нашей спороны; другимъ надо безпреспанныхъ изъявленій преданности, ежемимупнаго обожанія; пѣмъ, кротоспъ; эпимъ, деспотизмъ. Ни одна женщина до сихъ поръ не умѣла хорошо разобрать вашихъ сердцець...

Она оспановилась, и послѣ нѣкопорога молчанія, продолжала перемѣнивъ понъ:

— Коропко сказапъ, другъ мой, вы не можете воспрепятспвовапъ женщипъ пренепапъ невольпо при вопросъ: буду ли я всегда любима?.. Какъ ни жестпоки мои пеперешпнія слова, онъ внушены мнѣ боязпю поперяпъ вась. Боже мой! Эпо говорю совсѣмъ не я, другъ мой! Эпо говоритъ разсудокъ. И какъ доспало его у такога глупаго созданія, какъ я? Право, я сама не понимаю.

Слышатъ эпощъ отвѣспъ, начатый самою раздирающею пронією, и окованный самыми сладоспными звуками, какіе только можетъ изобрѣспъ женщина, чпобы изобразисп любовь со всей просподушной ошкровенностью чиспаго, невиннаго сердца, не значило ли въ одно

мгновеніе перейти изъ пытки на небо? Монриво поблѣднѣлъ, и, въ первый разъ въ жизни; упалъ на колѣна предъ женщиной. Онъ цѣловалъ плащъ Герцогини, ея ноги, колѣна; но для чести Сен-Жерменскаго предмѣспія, не надо открывать всѣхъ пайнъ его будуаровъ, гдѣ опъ любви пребуется все, кромѣ того, чѣмъ доказываеися любовь.

— Милая Анпуанетта, вскричалъ Монриво въ изступленіи, считая совершенною преданностию, со стороны Герцогини, по мнимое великодушіе, съ коимъ она позволяляла ему ласкать себя. Да, ты справедлива; я не хочу, чпобъ ты имѣла сомнѣнія. Въ эту минуту, я самъ препену опъ мысли бытъ побою оснавленнѣмъ, ангелъ моей жизни! Я желалъ бы выдумать для насъ вѣчно неразрушимыя узы.

— А! сказала она потихоньку, ты видишь чпю я справедлива.

— Дай мнѣ докончить, продолжалъ Арманъ: я хочу однимъ словомъ разсѣять всѣ твои опасенія. Послушай, еслибъ я тебя оспавиль, я бы заслужилъ тысячу смертей. Будь вся моею, и я дамъ тебѣ право убить меня, если я измѣню. Я напишу своею рукою письмо, гдѣ изъясню причины, рѣшающія меня на самоубійство; шамъ же объявлю послѣднюю мою волю. Ты будешь имѣть въ своихъ рукахъ это завѣщаніе, узаконяющее мою смерть, и такимъ образомъ бу-

дешъ имѣть право опмстити мнѣ, не спрашася ничего, ни предъ Богомъ, ни предъ людьми.

— Какая мнѣ нужда въ эптомъ письмѣ? Если я поперяю пвою любовь, что для меня будетъ жизнь? Если рѣшусь убить тебя, то развѣ не буду умѣть за тобою послѣдовать? Нѣтъ! я благодарна тебѣ за мысль, но не хочу эпного письма. Мнѣ будетъ казаться, что ты вѣрнѣ мнѣ изъ страха; или, что опасность невѣрности будетъ искушеніемъ для того, кто такъ образомъ опдалъ жизнь свою! Арманъ, что, чего я пребую опъ тебя, одно прудно исполнишь.

— Но чегожь ты пребуешь?

— Твоей покорности и моей свободы.

— Боже мой! вскричалъ онъ; я и такъ уже какъ ребенокъ.

— Ребенокъ своевольный и избалованный, опвѣчала она, глядя густые волосы его головы, которую продолжала держать у себя на колѣнахъ. Да! ребенокъ, котораго любятъ, болѣе, чѣмъ онъ думаетъ, и который все еще большой неслухъ. За чѣмъ не оспаться намъ такъ, какъ мы теперь; за чѣмъ не пожертвовать мнѣ желаніями, которыя меня оскорбляютъ; за чѣмъ не довольствоваться тѣмъ, что я позволяю, когда это есть все, что могу я позволить, не унижая себя? Развѣ вы эпимъ не можете быть счастливы?

— О! я счастливъ, вскричалъ онъ, совершенно счастливъ, когда не имѣю никакихъ сомнѣній. Анпуанеппа! сомнѣніе въ любви не есть ли смерть?

И онъ показалъ себя въ одну минуту тѣмъ, что онъ былъ, тѣмъ, что бывають всѣ мужчины въ огнѣ желаній, краснорѣчивымъ, обольстительнымъ. Насладившись удовольствіями, дозволенными ей безъ сомнѣнія пайнымъ, іезуитскимъ указомъ, Герцогиня почувствовала наконецъ по пріятное сотрясеніе въ мозгу, привычка къ коему сдѣлала для ней любовь Армана такою же необходимостью, какъ свѣтъ, балъ и опера.

Видѣть себя обожаемою человѣкомъ, коего твердый, высокій характеръ внушаетъ ужасъ; дѣлать изъ него ребенка; играть имъ, какъ Попея Нерономъ: многія женщины, подобно супругамъ Генриха VIII, пламили за это опасное блаженство всю кровью, пекущею въ ихъ жилахъ. И дѣйствительно, дозволяя Генералу играть пальцами въ прелестныхъ локонахъ ея бѣлокурыхъ волосъ, чувствуя какъ маленькая рука этого истинно великаго человѣка сжимала ея руку, играя сама его черными густыми волосами, въ этомъ будуарѣ, гдѣ была она самодержавною царицею, Герцогиня, по какому-то странному предчувствію, говорила сама себѣ:

— Эпопъ челоѣкъ въ состояніи убиѣть меня, если замѣпитъ, что я забавляюсь имъ.

Г. де Монриво пробылъ до двухъ часовъ упрасъ своею любезною, въ копорой уже не видѣлъ ни Герцогини, ни урожденной Наваррейнъ; она просперла свое припворспво до того, что даже казалась ему женщиной. Во весь эпопъ прелеспный вечеръ, соспавлявшій сладоспное предисловіе, какое только можетъ сдѣлать Парижанка къ тому, что свѣтъ называетъ *виною*, Генералу дозволено было видѣть въ ней, не смотря на жеманство припворной спыдлиности, всю красоту молодыхъ, невинныхъ дѣвущекъ. Онъ могъ думать, не безъ нѣкотораго основанія, что всѣ эти капризные ссоры были не что иное, какъ дѣвспвенные покровы, облакавшіе эту небесную душу, и что надо было приподнимать ихъ, одно за другимъ, какъ пѣ, подъ копорыми скрывались ея очаровательныя прелеспи. Она казалась ему самымъ проспосердечнымъ, самымъ добродушнымъ, самымъ непорочнымъ созданіемъ, и онъ снова ушвердилъ за ней выборъ своего сердца. Онъ оспавилъ ее, совершенно счеспливый пѣмъ, что успѣлъ наконецъ вынудить у ней сполько залоговъ любви, что уже считалъ невозможнымъ не быть для ней тайнымъ супругомъ сердца, одобряемымъ ея чувствомъ, и самую совѣспью.

Въ этой мысли, со всемъ чиспосердечіемъ

человѣка, который, упиваясь наслажденіями любви, постигаетъ и чувствуетъ всѣ ея обязанности, Арманъ возвращался домой медленными шагами. Онъ шелъ по набережнымъ, дабы видѣть неба, сколько возможно болѣе; ему хотѣлось расширить для себя твердь и природу, соразмѣрно чувствуемому расширенію своего сердца. Казалось, онъ вдыхалъ въ себя гораздо болѣе воздуха, чѣмъ наканунѣ. Дорогою, онъ безпрестанно спрашивалъ самъ себя, и клялся такъ свято любить эту женщину, чтобы она ежедневно находила, въ своемъ счастьи, опущеніе своихъ пропусковъ предъ обществомъ. Сладостныя волненія преисполнившейся жизни! Люди, которые имѣютъ сколько силы, что могутъ проникать свою душу однимъ чувствомъ, испытываютъ безконечныя наслажденія, созерцая предъ собой всю жизнь, раскаленную однимъ непрерывнымъ пламенемъ. Безъ этой вѣры въ безпредѣльное продолженіе любви, любовь ничего не значить: поспоянство возвыщаетъ ее. Такимъ образомъ понималъ спрашивъ Монриво, сдѣлавшись добычею своего блаженства.

— И такъ мы на-всегда принадлежимъ другъ другу!

Мысль эта была для него талисманомъ, осуществляющимъ всѣ надежды, всѣ обѣщанія его жизни. Онъ не спрашивалъ себя, перемѣнится

ли къ нему Герцогиня, продолжится ли ея любовь; нѣтъ, онъ имѣлъ къ ней полную, безусловную вѣру. Въ первый разъ еще, онъ понималъ жизнь чрезъ чувствованія; онъ, который до полъ жилъ однимъ высочайшимъ напряженіемъ дѣятельности, до какого только могутъ возвышаться силы человѣческія — дѣятельностью война...

На другой день, рано поутру, Г. де Монриво отправился въ Сен - Жерменское предмѣстіе. Ему надо было побывать въ одномъ домѣ по сосѣдству съ Герцогинею, откуда по окончаніи своихъ дѣлъ онъ пошелъ къ ней, какъ домой. На дорогѣ попался ему одинъ человѣкъ, къ которому онъ имѣлъ нѣкоторый родъ оповращенія, когда встрѣчался съ нимъ въ гостинныхъ. Это былъ Маркизь де Ронкероль, имѣвшій огромную репутацию въ Парижскихъ будуарахъ; человѣкъ умный, не безъ способностей, особенно смѣлый, и дававшій понъ всей Парижской молодежи; волокита, котораго успѣхамъ и опытности равно завидовали, и который не имѣлъ недосадка ни въ богатствѣ, ни въ благородномъ происхожденіи, придающихъ въ Парижѣ столько блеска достоинствамъ людей модныхъ.

— Куда ты? спросилъ Ронкероль у Монриво.

— Къ Гжѣ де Ланже.

— А, да! Я и забылъ, что она водить пѣ-
бя за носъ. Напрасно, братъ, шеряешь ты лю-
бовь, копорой бы могъ несравненно лучше рас-
порядиться. Я бы промыслилъ тебѣ въ Банкѣ
десять женщинъ, спюющихъ въ тысячу разъ
болѣе, чѣмъ эта сѣпельная кокепка, копорая
дѣлаешь своей головой то, что другія жен-
щины пооткровеннѣе...

— Что ты говоришь? сказалъ Арманъ пре-
рывая. Герцогиня есть ангелъ чистоты...

Ронкероль захохоталъ.

— Э! э! любезный, сказалъ онъ, когда такъ,
то я тебя вразумлю. Одно слово. Между
нами дальше не поидешь. Герцогиня принад-
лежитъ ли тебѣ? Если такъ, то нечего и го-
ворить. Ну, не пайсь. Дѣло въ томъ, чтобъ
ты не шерялъ по пусту время, спараясь при-
вить свою прекрасную душу къ такой небла-
годарной почвѣ, на копорой всѣ твои надежды
высохнутъ не расцвѣвши.

Когда Арманъ разсказалъ ему чистосердечно
положеніе, въ копоромъ находился, не опустивъ
ни одного изъ правъ, такъ дорого ему доспав-
шихся, Ронкероль снова захохоталъ, и такъ безум-
но, что всякому другому это стоило бы жизни.
Видя, какъ эти два челоѣка смотрѣли другъ
на друга и говорили одни, за угломъ стѣны, оп-
даленные отъ людей, какъ будто среди пу-

спыни, можно было подумать, что ихъ соединяла безпредѣльная дружба, и что никакая человѣческая сила не могла ихъ поссорить.

— Милый мой Арманъ, за чѣмъ ты давно не сказалъ мнѣ, что не можешь сладить съ Герцогиней; я бы далъ тебѣ нѣкоторые совѣты, какъ повестъ лучше это дѣло. Да будешь тебѣ извѣстно, впервыхъ, что женщины нашего предмѣстія любятъ, какъ и всѣ другія, купаться въ любви; но имъ хочется, чтобъ мы были ихъ, а не онѣ наши. Онѣ хитрятъ и переговариваются съ природою. Приходская юриспруденція дозволяетъ имъ все, кромѣ одного смертнаго грѣха. Лакомства, которыми угощаютъ тебя прекрасная Герцогиня, суть грѣхи прощительные, отъ которыхъ онѣ имѣютъ надежду отмыться, покаившись. Но если ты будешь имѣть дерзость попросить отъ ней побольше, то увидишь, какъ она великъ захлопнетъ у тебя подъ носомъ двери въ будуаръ и въ домъ свой. Нѣжная Анпуанетта забудетъ тогда все; ты сдѣлаешься для ней меньше нуля. Твой поцѣлуй, другъ мой, она обопретъ также равнодушно съ своихъ щекъ, какъ спираетъ румяна. Мы знаемъ, братъ, этого рода женщинъ, Парижанокъ въ полномъ смыслѣ. Видалъ ли ты когда на улицахъ гризетокъ, пересемеривающихъ маленькой рысцей? Головка хопъ сей часъ въ карпину: миленькій чепчикъ,

свѣженькія щечки, волосы завязаны съ такимъ кокепствомъ, лукавая улыбка; все прочее ни къ чорту не годится. Вотъ наспоющая Парижанка. Развѣ ты не узнаешь въ ней порпрепа пвоей Герцогини? Она знаетъ, что ея голова одна на виду; вотъ почему, на одну голову и обращены всѣ ея попеченія, всѣ наряды, вся суспносшь. Герцогиня пвоя—вся голова! Она чувствуетъ головой, у ней сердце въ головѣ, голосъ идетъ изъ головы, она лакомится вокругъ себя головою. Мы зовемъ ее, бѣдняжку, умспвенною Лансою. Спало ты не видишь, что побой играють, какъ ребенкомъ! Если ты еще сомнѣваешься, то можешь увѣришься сего дня вечеромъ, сегодня поупру, въ сію минуту, если угодно. Поди къ ней шецерь, попробуй попребовать, да попребовать наспоаятельно, того, въ чемъ тебѣ опказываютъ; будь увѣренъ, что еслибъ ты взялся за это, какъ покойный Маршалъ де Ришельё, и тогда на просьбу пвою воспослѣдовалъ бы чистый опказъ.

Арманъ оцѣпенѣлъ.

— Ты хочешь имѣть ее непременно?

— Во что бы то ни спало! вскричалъ Монриво въ опчаяніи.

— Ну такъ, послушай. Будь также неумолимъ, какъ она съ побой; старайся унижать ее, колошь ея суспносшь; раздражать не серд-

це, не душу, а нервы и лимфу этой женщины, нервной и лимфатической. Добейся возбудишь въ ней желаніе, тогда ты спасенъ. Но брось, сдѣлай милость, свои ребяческія невинныя идеи. Если ты, сжавъ ее разъ въ своихъ орлиныхъ когтяхъ, хопъ немного уступишь, хопя крошечку попятнись назадъ, пошевелинешь одной изъ своихъ бровей, если дашь ей замѣпить, что она можетъ еще владѣть побоею, она вывернется у тебя изъ когтей, какъ рыба, ускользнетъ такъ, что послѣ уже не поймашь. Будь непреклоненъ, какъ законъ; безжалостенъ, какъ палачь. Знай, рази! Донялъ однажды, рази еще! Рази, да и только! Герцогини, милой мой, крѣпкой панюры: ихъ иначе не умнешь, какъ исполокши въ спунъ. Спраданіе даетъ имъ сердце, и полочъ ихъ надо для ихъ же пользы, изъ челоуколюбія. Вопъ; когда боль размягчитъ эти нервы, упончитъ эти фибры, которыя тебѣ кажутся теперь такъ пѣжными и мягкими; когда принудишь забиться это сухое сердце, которое, при такой ковкѣ, непременно должно получить упругость; когда мозгъ у ней запрыгаетъ: ну, тогда можетъ быть, справъ проберется въ мепаллическія пружины этой машинки, соспавленной изъ слезъ, жеманства, обмороковъ, сахарныхъ фразъ, и ты увидишь великолѣпнѣйшій пожаръ, лишь бы только занялся огонь. Тогда эта женская спаль. рас-

калился, жаръ будетъ прочнѣе, и эта раскаленность можетъ даже сдѣлаться любовью. Впрочемъ, для меня это сомнительно! Да, и спойтъ ли пвоя Герцогиня такихъ прудовъ? Между нами, ей бы надо было предварительно поспастся въ руки чловѣку, какъ я, который бы ее сформировалъ; я бы сдѣлалъ изъ ней прелестную женщину, вѣдь кровь — то въ ней есть; а вы двое, право, оспанецесь при азбукѣ любви. Но пыи любишь, и потому вѣрно не раздѣляешь теперь идей моихъ на эпопѣ счепъ.

— Весело оспавашься, дѣши мои! прибавилъ Ронкероль, снова засмѣявшись послѣ нѣкопорого молчанія. Чпо касается до меня, я рѣши-тельно на споронѣ снисходительныхъ женщинъ; онѣ по крайней мѣрѣ нѣжны, любяпъ натурально, безъ искусственныхъ приправъ. Бѣдняжка! привязашься къ женщинѣ, копорая пюлько чпо мудрипъ, хочепъ лишь внушашь любовь къ себѣ? Вѣдь, надожь однако имѣпъ и удовольствіе! Видѣпъ; какъ дерепся моленная съ будуаромъ, бѣлое съ чернымъ, королева съ офицеромъ, совѣспъ съ наслажденіемъ, право, это чудесная игра! Чловѣкъ, посмѣлѣе, значющій игру, даепъ *матъ* въ при удара, когда ему угодно. Еслибъ я связался съ такоого рода женщиной, я бы...

Онъ договорилъ Арману на уха, и быспро опошелъ опъ него, чпобъ не слыхатъ опвѣта.

Между пѣмъ, Монриво, въ одинъ скачокъ, очутился на дворѣ дома Ланже, вбѣжалъ по лѣспницѣ, и, безъ доклада, вошелъ прямо къ Герцогинѣ, въ спальню.

— Но, развѣ шакъ дѣлають? сказала она, спашувъ поспѣшно свой пеньюаръ. Арманъ, вы негодный человекъ! Подите, оставьте меня, прошу васъ. Подите же, подите. Дождитесь меня въ гостиной. Подите, ради Бога!

— Ангель мой! опвѣчалъ онъ: развѣ супругъ не имѣетъ никакихъ правъ?

— Да это гадко, сударь, гадко, и супругу, и мужу, заспаватъ шакъ жену свою.

Онъ подошелъ къ ней, схватилъ ее, и сжалъ въ своихъ объятіяхъ.

— Проспи меня, милая Анпуанеппа! Тысячи подозрѣній раздраютъ мою душу.

— Подозрѣній? Фи! Подите!

— Подозрѣній почти вѣрныхъ. Если пы меня любишь, по за чѣмъ тебѣ сердиться? Тебѣ должно бытъ пріятно меня видѣтъ; сердце твое должно встрѣчатъ меня съ восноргомъ! Я не женщина, но я содрогаюсь всѣмъ существомъ моимъ при одномъ звукѣ твоего голоса. Часто я готовъ броситься къ тебѣ на шею среди бала.

— О! если вы будете имѣтъ подозрѣнія до

пѣхъ поръ, пока я не буду бросаюсь къ вамъ на шею публично, по вы вѣрно будете подозрѣвать меня во всю мою жизнь. Право, Опедло, въ сравненіи съ вами, ребенокъ...

— А! вскричалъ онъ въ опчаяніи: пакъ я не любимъ...

— По крайней мѣрѣ, въ эту минуточку, согласись, что вы не любезны.

— Такъ мнѣ надо еще вамъ нравиться?

— О! я думаю. Подите же, прибавила она, пономъ повелипельнымъ, но не жестокимъ: подите, оставьте меня. Я не шакова, какъ вы; я хочу вамъ всегда нравиться...

Ни одна женщина не умѣла придавать столько прелести самымъ оскорбительнымъ грубостямъ; а это естественно увеличиваетъ дѣйствіе грубости, можетъ взбѣсить самага хладнокровнаго человѣка. Въ эту минуточку, глаза Герцогини, звукъ ея голоса, осанка, все показывало какую-то совершенную свободу, копорой не можетъ быть въ женщинѣ любящей, когда она находится въ присупствіи того, чей взоръ долженъ приводить ее въ сладкій препенъ. Надоумленный совѣтами Маркиза де Ронкероль, и вспомоществуемый шѣмъ быспрымъ чупь-емъ, копорое спраспи раскрываютъ на минуточку въ самыхъ недалновидныхъ людяхъ, но копорое съ такой полнопой обнаруживается въ людяхъ геніальныхъ, Арманъ угадалъ спраш-

ную испину, избличаемую свободнымъ видомъ Герцогини, и сердце его закипѣло, какъ море передъ грозною бурей.

— Если ты говорила правду вчера... будь моею, милая Анпуанешпа, вскричалъ онъ... я хочу...

— Во первыхъ, опивчала она, опшпалкивая его крѣико, но спокойно, когда онъ хотѣлъ было къ ней приблизиться, во первыхъ, не подвергайте меня опасности. Горничная моя можетъ васъ услышать. Имѣйте уваженіе ко мнѣ, прошу васъ. Ваша коропкоспъ со мной очень хороша, вечеромъ, въ будуарѣ; но здѣсь, помилуйте!... Во вѣпорыхъ, чпо значитъ эпо: я хочу? Я хочу! Никпо еще не говаривалъ мнѣ такого слова. Оно мнѣ кажется очень глупо, ужасно глупо!...

— Такъ вы не уступите мнѣ ничего въ эпомъ пункпѣ, сказалъ онъ.

— А! вы эпо называеите пункпомъ, свободу располагать собою? Конечно, эпо пункпъ... нункпъ самый главный, самый сущеспвенный... и вы позволите мнѣ, въ эпомъ пункпѣ, быпъ полновластною госпожею.

— А если я, полагаясь на ваши обѣщанія, поотребую?

— О! вы мнѣ докажете погда, чпо я очень дурно дѣлала, если давала вамъ хопя малѣйшее обѣщаніе, чпо я не буду сполько глупа, чпобъ

держашь его, и должна буду попросить васъ ospавить меня въ покоѣ.

Арманъ поблѣднѣлъ, хопѣлъ броситься; но Герцогиня позвонила, вошла горничная, и эта женщина сказала ему съ насмѣшливой ласковостью:

— Сдѣлайте милость пожалуйста, какъ я кончу свой шуалешъ.

Тогда Арманъ почувспвовалъ всю жестокость этой женщины, холодной и ospрой, какъ спаль. Презрѣнiе ея было убiйспвенно. Въ одну минупу, она разорвала узы, копорья были такъ крѣпки для ея любовника. Герцогиня прочла на лицѣ Армана пайную цѣль его посѣщенiя, и рѣшила въ умѣ своемъ, что пора дать почувспвовать этому Наполеоновскому солдапу, что Герцогини могутъ склоняться къ любви, но не предаются ей, и что завоеванiе ихъ гораздо пруднѣе, чѣмъ завоеванiе Европы.

— Сударыня, сказалъ Арманъ, я не имѣю времени ждашь. Вы сказали сами, что я избалованный ребенокъ. Когда я рѣшительно захоучу того, о чемъ мы теперъ говорили, я получу это.

— Вы получите? сказала она съ гордоcтiю, къ коей примѣшивалось опчасни изумленiе.

— Да, получу.

— Ахъ! вы бы очень меня одолжили, еслибъ

захопѣли. Изъ одного только любопытства, я бы желала знать, какъ бы вы принялись за эпо...

— Я въ восхищеніи, отвѣчалъ Монриво, затсмѣявшись такимъ смѣхомъ, который перепутгалъ Герцогиню, я въ восхищеніи, что могу заинтересовать сколько-нибудь жизнь вашу. Позволиете ли вы мнѣ сегодня вечеромъ прѣхать за вами на балъ?

— Покорно васъ благодарю! Г. де Женульакъ предупредилъ васъ: я дала ему слово.

Монриво поклонился важно, и вышелъ.

— Ронкероль правъ, думалъ онъ. Теперь мы будемъ играть въ шахъ и масть.

Съ тѣхъ поръ, онъ скрылъ свои ощущенія подъ видомъ совершеннаго спокойствія. Нѣтъ человека такъ сильнаго, который бы могъ выносить подобныя перемѣны, низвергающія душу съ такой быстротой изъ самаго высшего блаженства въ самыя глубочайшія бѣдствія. И такъ онъ предвкусилъ счастье жизни только для того, чтобы тѣмъ живѣе почувствовать нустоту своего прежняго бытія! Ужасная гроза бушевала въ его сердцѣ, но онъ умѣлъ терпѣть, и встрѣпилъ съ такоюжъ твердостью напоръ бурныхъ, мятежныхъ мыслей, какъ граничная скала встрѣчаетъ волны разъяреннаго океана.

— Я не могъ съ ничего сказать; у меня, при

ней, не достаесть духа! Ей неизвѣстно еще, до какой степени она низка и презрѣнна. Никто до сихъ поръ не смѣливался разоблачать ее предъ самою собою. Она вѣрно обманула уже многихъ! Такъ я отмщу за всѣхъ!

Можетъ быть, въ первый еще разъ въ сердцахъ мущины, любовь и мщеніе смѣшивались въ такой ровной степени, что самъ Монриво не зналъ, что одержитъ надъ нимъ верхъ, любовь, или мщеніе. Въ этотъ же вечеръ, онъ явился на балъ, гдѣ должна была присуствовать Герцогиня де Лавже, и почти опчаясь доспичь эту женщину, въ которой почти готовъ былъ предположить какую-то дьявольскую силу. Она была съ нимъ весьма ласкова, улыбалась ему такъ пріятно. Безъ сомнѣнія, она не хотѣла дать замѣнить свою ссору съ Г. де Монриво.

Взаимная съ обѣихъ сторонъ досада изобличаетъ любовь. Но какъ Герцогиня нисколько не измѣнилась въ своемъ обращеніи, а Монриво былъ мраченъ и унылъ, то не естественна ли было предположить, что Арманъ ничего не получилъ отъ ней? Свѣтъ скоро опгадываетъ несчастіе отвергнутыхъ мущинъ, и не смѣшиваетъ его съ припворными ссорами, которыя женщины велятъ иногда показывать своимъ любовникамъ, въ надеждѣ прикрыть ими взаимную любовь. Почему, каждый смѣялся надъ Г. де Монриво, который, не

успѣвъ еще посовѣшоваться съ своимъ Менпоро-ромъ, оспавался погруженный въ задумчивость и печаль, между шѣмъ какъ Маркизь де Ронкероль вѣрно предписалъ бы ему вывести на свѣжую воду Герцогиню, опвѣчая на ея фальшивыя ласки спрасивѣйшими изъявленіями. Арманъ де Монриво оспавилъ балъ, чувствуя опвращеніе къ человѣчеству, съ прудомъ вѣря, чтобъ оно могло бытъ до такой степени развратно.

— Когда нѣтъ палачей для подобныхъ преступленій, говорилъ онъ, смотря на ярко освѣщенные окна, въ коихъ танцовали, смѣялись и болтали очаровательнѣйшія женщины Парижа, я доберусь до швоей шеи, Госпожа Герцогиня, и заспаплю почувствовать въ ней желѣзо, попонѣ Гревскаго лезвѣя. Булапъ противъ булапа! Увидимъ, чье сердце будетъ оспрѣе.

(до слѣдующей книжки).

IX.

Б Р А К Ъ

ВЪ КОНСТАНТИНОПОЛЬ.

(*продолженіе*).

Продолжаютъ ли намъ прогулку? Можетъ быть вы горяче неперпѣваемъ возвратитесь на праздникъ, любовавшись голубоокими Черкешенками и черноглазыми Турчанками; или предпочитаете *пить* наргиль, какъ говорятъ здѣсь, сидя пропивъ канала, и поочередно созерцая по сіе прекрасное зрѣлище, по облака дыма, вырывающіяся изъ вашего рта, погружаясь въ сладкія мечпанія при шихомъ шопопѣ воды, волнуемой вашимъ дыханіемъ, и потомъ повспорятъ съ добрымъ Туркомъ, который подастъ вамъ

кофе: *Мам-Аллахъ!* Или не хочется ли вамъ опдохнуть по воспочному у одного изъ скипачующихся респораторовъ, которые кочуютъ обыкновенно на гробахъ... На Воспокъ эпо не считається оскверненіемъ сваяпыни: въ слѣдствіе своихъ домохъдныхъ привычекъ, они не садяпъ аллеі для гулянья; но гдѣ воздвигаютъ гробницу, шамъ сажаютъ непременно дерево, и когда ищутъ пѣян, идутъ на могилу; могила на Западѣ печальна; здѣсь, будучи равно священною, она чужда ужасовъ смерти: что-то глубоко религіозное включается въ эпомъ соединеніи воспоминанія о мерпвыхъ съ веселыми радостями живыхъ. Но васъ не привлекаютъ эпо пиры. Такъ, если вы не имѣете права присупспвоавъ на великолѣнномъ банкетѣ Греческаго, Армянско-Каполического, Армянско-Раскольническаго Папріарха, или Великаго Раввина, дѣлающихъ между собой родъ вечера по приглашенію Мусульманскаго Министра, если не имѣете припязанія красовавъ на обѣдахъ Гг. Посланниковъ и Дипломатическаго Корпуса, будемъ продолжатъ далѣе.

Изъ мечети поидемъ на базаръ, не боясь смѣшенія мірскаго съ священнымъ. Законъ Мухаммедовъ не полагаетъ большаго распоянія между храмомъ и рынкомъ, часпо даже бываетъ, что основатели мечетей и школъ, копорья присоединяются къ важнѣйшимъ изъ нихъ, спрояпъ у входа ихъ

лавки, магазины и бани, доходы коихъ опредѣляются на содержаніе сихъ благочестивыхъ зданій. Но на какой базаръ намъ идти? Не угодно ли на базаръ невольниковъ; ибо, не смотря на успѣхи Опшоманской цивилизаціи, при вратахъ Европы еще видна черная и бѣлая черта! Пойдемъ на Чарше. Чарше есть соединеніе многихъ базаровъ, подъ однимъ круглымъ сводомъ, пресѣкающихся во всѣхъ направленіяхъ и образующихъ собой два ряда лавокъ; изъ коихъ многія богато украшены, съ коврами, съ пшаньями, съ благовоніями, съ галантерейными вещами, и пр. Между сими двумя рядами, оставлена дорога, по которой въ разныхъ мѣстахъ спалкиваются пѣшеходы, лошади, арабашы: это какъ будто маленькій городокъ подъ одною кровлею; чрезъ отверстія, сдѣланныя вверху, свѣтъ проходитъ и падаетъ на все это подвижное народонаселеніе, на пестроту этихъ товаровъ, купцовъ, покупателей... Теперь праздникъ опнялъ у него часъ блеска... И здѣсь, какъ вездѣ на Воспокѣ, свѣтъ уступаетъ первенство тѣни, фонпаны разливаютъ прохладу. Эти фонпаны, которыя вы видите здѣсь, не имѣютъ ничего замѣчательнаго; но вы знаете фонпанъ Святой Софій; вы видѣли ихъ на дворѣ мечетей; если вообще на Воспокѣ фонпаны въ изобиліи, и большая часъ ихъ осно-

ваны по благочеспивымъ побужденіямъ, по самыя прекраснѣйшіе изъ нихъ неоспоримо суть Константинопольскіе, кои вообще отличаются изобиліемъ арабесковъ на всѣхъ ихъ многочисленныхъ фазахъ и на выдающейся части кровель.

Пойдемъ теперь по водопроводу Императора Валента, тройная аркада коего такъ прекрасно рисуется издали на горизонтѣ, и выйдемъ изъ города. Вотъ можетъ быть, одинъ изъ важнѣйшихъ остатковъ Византійскихъ зданій: это укрѣпленіе, которыя выходятъ изъ Мраморнаго Моря, опираясь на Семибашенный Замокъ, и продолжаются до глубины Приспани; тройной рядъ стѣнъ, снабженный въ обоихъ внутреннихъ промежуткахъ башнями, по большей части осмугольными, и, до сихъ поръ, не смотря на свою ветхость, сохраняющийся или обрушивающийся только опрысками; поросій плющемъ, обѣненный по мѣстамъ пробивающимися кустарниками, и еще выказывающій, какъ свѣжую, незакрытую рану, преломъ, копорымъ пушка проложила некогда дорогу Исламизму. Эта линія укрѣпленій, нынѣ обезоруженныхъ, и рвы коихъ превращаются уже въ сады, одна составляетъ собой цѣлую спорону Константинополя, есть какъ будто основаніе триугольника, коего двѣ другія спороны смотрятъ на Мраморное

Море и на Пристань, соединяясь въ углѣ Серая. Теперь, на этомъ обширномъ проспективѣ, окинемъ однимъ взглядомъ всѣ семь холмовъ и семь долинъ Констанпиополя; взглянемъ на эту массу безчисленныхъ зданій, измѣняющихъ видъ согласно съ положеніемъ земли, выкрашенныхъ красною краской по спѣнамъ и по черепицѣ кровель, надъ копорыми возвышаются куполы бань, базаровъ, мечпей и гигантская группа минаретовъ, не представляющихъ никакой непрямоной нескладности, ибо полиція опредѣляетъ высоту всѣхъ, даже частныхъ жилищъ, кои вообще очень низки, по той причинѣ, что каждый житель любитъ имѣть свой домъ только для себя, и перемѣшанныхъ съ зеленью, ибо Турокъ любитъ имѣть у себя нѣсколько деревьевъ для своихъ дѣтей, женъ и для самого себя! При видѣ этой панорамы, очень понятно, какъ одинъ Англичанинъ нанялъ себѣ корабль единственно для того только, чтобы насладиться симъ зрѣлищемъ и видомъ Босфора, и въ пужь минути, не спувивъ ногу на землю, оправился назадъ, дабы не испортить своихъ впечатлѣній. Улицы весьма пѣсны, кривы, худо вымощены, грязны и наполнены скипающими собаками. Самая наружность домовъ, если смотрѣшь вблизи, не имѣетъ ничего замѣчательнаго, кромѣ выдающейся

впередъ часпи внупреннихъ покоевъ на каждой споронѣ, опть чего происходипть множеснво угловъ, выспавляющихся и вдающихся въ кровлю. Но неугодно ли пожаловатъ внупръ! Здѣсь вся роскошь Турка! Съ какимъ искусствомъ поспигаешъ онъ всѣ попребности домашней жизни и умѣетъ соединяпть великолѣпіе съ удобствомъ! Турокъ любитъ свой домашній уголь: полько одна кофейная даешъ ему публичную жизнь, копорую прежде находилъ онъ въ мечети или въ арміи; кофейная, возпоржеспвовавши надъ спроспю Муфтіевъ и богобоязненною оспорожноспью Сулпановъ, создала ему родъ свѣпской общипельности, сдѣлавшейся для него необходимостью; не смопря на то, свой домъ милъ ему. Здѣсь онъ царспвуешъ; здѣсь наслаждаешся благоговѣйнымъ уваженіемъ своихъ служипелей, дѣпей, женъ, и обращаетъ съ ними съ коропкостью, умѣряемой благоразумною спрогоспью, съ испинно начальническойю добропою: здѣсь онъ пакъ благородно исполняетъ обязанности госпепрїимспва въ опношенїи къ чужеспранцу и обязанности милосердія въ опношенїи къ бѣдному. Если Турокъ ниже насъ, по конечно не по добросовѣстности, не по правопть души, не по сострадательности къ несчастному: онъ уступаешъ намъ въ вѣжливости, прїяпности и любезности, кои мы Европейцы прїобрѣшаемъ опть ближайшихъ сношенїй съ жен-

щинами; но у него гораздо больше простоты и искренности, ибо тѣже самыя сношенія придають намъ Европейцамъ болѣе гримасничества и фальшивости. Вѣжливостъ у нихъ есть радушное разположеніе; въ ней нѣтъ ничего принужденнаго, ни для того, кто бываетъ ея предметомъ, ни для того, кто ее оказываетъ; она отличается рѣдкою деликатностъю, и совсѣмъ не есть безпрестанное покушеніе забраться въ карманъ другому, какъ въ нашихъ обществахъ. Турокъ почтительнъ и хочетъ, чтобъ его почтили; онъ въ высшей степени обладаетъ чувствомъ личнаго достоинства. Не считайте его подлымъ, за то что онъ падаетъ челою въ прахъ предъ высшимъ себя и цѣлуетъ полу его плаща: это дань, которую платитъ онъ, безъ всякаго стыда, не только лицу, сколько сану, и которое самъ высшій принимаетъ, не ослѣпляясь имъ; ибо поэтъ и другой знаютъ, что послѣдній изъ Турковъ — если будетъ угодно Богу — можетъ достигнуть самыхъ высшихъ достоинствъ въ Имперіи. Словомъ, Турки имѣютъ высокія домашнія добродѣтели, и конечно въ этихъ варварахъ, какъ ихъ называютъ, много добраго. Но выйдемъ изъ гостей; пробѣжимъ поскорѣ эти неправильныя улицы, коихъ нечистота представляетъ такой контрастъ съ опрятностъю народа и чистотою его жилищъ, эти

улицы, вѣчное горнило чумы. Войдемъ на эптопъ каккъ, бросимъ послѣднй взглядъ на эпто роскошное цѣлое, не преспавая любоваться красою Приспани, споль обширной, споль глубокой, споль удобной, и воздадимъ прощальное привѣтствіе Конспантинополю, благородной столицѣ Восточной Имперіи, достойной митрополи Восточной Церкви, Спамбулу, великолѣпному наслѣднику Дамаска и Багдада.

Однакожь, при всей эптой обширности, при всемъ эptomъ великолѣпнн, что такое Конспантинополь? Зародышъ города, гораздо обширнѣйшаго и великолѣпнѣйшаго, чѣмъ поппъ, копорый уже развернулся изъ него. Городъ Конспантина и Мухаммеда II былъ всегда военною позиціею, столицею вооруженной Имперіи. Но съ того дня, какъ Генуэзцы испоргли у слабыхъ Греческихъ Цезарей позволеніе населишь на другомъ берегу Приспани, въ виду города, Галапу; съ того дня, какъ Христіане, посредствомъ разныхъ капитуляцій, выхлопали себѣ возможность селиться съ выгодною въ Турціи: Конспантинополь вышелъ изъ своихъ спѣнъ, началъ разсипалась по Европейскимъ берегамъ Босфора. Дѣяпельность Франкскихъ негоціанповъ и ихъ кліенповъ, Грековъ, Жидовъ и Армянъ, захватила всѣ эпти позиціи; и вскорѣ Галапа и Пера, справа и слѣва, подали руку всѣмъ эпимъ пред-

мѣстїямъ, кои сперва были разсѣяны, а теперь проспираются во внутренность Пристани и на вѣшніе берега. На этихъ берегахъ, какъ въ Европѣ, такъ и въ Азіи, сами Султаны строили прежде свои увеселительные дома; наконецъ Махмудъ утвердилъ здѣсь Императорскую резиденцію, въ различныхъ зданїяхъ, имъ построенныхъ; и теперь старый Сераль, эпошъ Лувръ Опшоманскихъ Императоровъ, уже не иное что, какъ временная квартира Султана на случай прїезда въ Спамбуль. Махмудъ сокрушилъ Янычарство, и вмѣстѣ съ сею воинственной дружиной сокрушилъ Спамбуль. Спамбуль теперь старая цитадель, арсеналь, крѣпость: но городъ? Онъ бѣжитъ вдоль Босфора; онъ уже почти достигаетъ Оералии и Буюкдера. Конторы, базары, дворцы, казармы переносятся въ другія мѣста; а Спамбуль въ совершенной опалѣ. Настоящій праздникъ ускорилъ это переселеніе. Онъ совершается въ Дольмабакче, на берегахъ Босфора; и Спамбуль видитъ себя какъ будто исключеннымъ изъ этого торжества. Народъ оставляетъ городъ, и перебирается туда, гдѣ шумъ, движеніе, блескъ: Спамбуль, пустынный днемъ, спитъ въ мракѣ ночью; онъ содѣйствуетъ иллюминаціи только одною изъ переднихъ створонъ Сералья; все остальное въ темнотѣ. Въ самомъ дѣлѣ, Босфоръ есть каналъ, рѣка, главная улица города. И

эпопѣ каналъ во всю свою длину естъ безопасная рейда, изгибающаяся множествомъ заливовъ и бухтъ, гдѣ почти на каждомъ мѣстѣ корабли могутъ бросать якоря. Любите ли вы мечтать? Съ обѣихъ сторонъ этого канала построимъ огромныя набережныя, снабженныя арсеналами, фабриками, магазинами, верфями, биржами, кофейными, фонпанами; на скалахъ холма набросаемъ домовъ съ дворами, садами, террасами, благоухающими цвѣтами, дѣльми и женщинами; расположимъ въ правильномъ порядкѣ бѣзъмолвныя убежища ученія и размышленія, библіотеки, школы, обсерваторіи; мирное приспанище знанія помѣстимъ надъ обширнымъ и шумнымъ кварталомъ промышленности, а надъ нимъ самимъ вознесемъ святилище искусствъ. Днемъ, какая дѣятельность, какое прудолубіе вдоль эпихъ набережныхъ, во всѣхъ эпихъ портахъ, между всѣми эпими ремесленниками! Вечеромъ, какія упоительныя удовольствія, какіе сладоспассныя отдохы! Сколько волнь свѣта пересылаютъ другъ другу оба берега, волнь, способныхъ запмишь своимъ обыкновеннымъ блескомъ необыкновенную иллюминацію наступающаго праздника! И пусть явился бы геніальный художникъ, зодчій великій, болѣе великій, чѣмъ Микель - Анджело; пусть онъ вздумалъ бы соорудить на обоихъ берегахъ Босфора, Азіатскою Европейскій городъ, бульварами и предмѣспіями

когого были бы Мраморное Море и Дарданелы, наполненные городами, фабриками и фермами; пусть создалъ бы онъ два великіе города, соединенные подъ однимъ великолѣпнымъ куполомъ, изъ коихъ одинъ казался бы держащимъ въ своей рукѣ раскаленный шаръ восходящаго солнца, другой принимающимъ въ свою длань пошъ же шаръ, закапывающійся, облитый пурпуромъ! То-шо было бы празднество, когда бы эпопъ великій городъ вздумалъ повеселишься, и пустилъ бы на воздухъ всѣ свои огни, всѣ гармоніи, всѣ славословія, когда всѣ жипелн его и холмы, укращенные пысячью цвѣповъ, составили бы изъ себя огромный хоръ, дрожащій опъ радости и энпузіазма!

(окончаніе слѣдуетъ).

МОСКВА. ВЪ ТИПОГРАФИИ Н. СТЕЦАНОВА.

Печатать позволяется. Москва, Ноября 23, дня, 1834 года.

Ценсоръ А. Болдыревъ.

ТЕЛЕСКОПЪ.

Х.

ЗНАМЕНИТЫЕ СОВРЕМЕННОКИ.

АЛЕКСАНДРЪ МАНЦОНИ.

(окончаніе).

Большую часть возраженій, сдѣланныхъ Манцони, какъ прагмату, можно опвесити къ Манцони, какъ романисту. Его романъ: ОВРУЧЕННЫЕ (PROMESSI SPOSI), явившійся въ 1827 году, принадлежитъ къ школѣ Вальпера Скоппа, какъ Карманьола къ школѣ Гёте. Но Шотландская система, перешедши съ сѣвера на югъ, подверглась счастливому преобразованію. Я не побоюсь сказать, что Манцони, будучи ниже Скоппа въ отношеніи къ драматическому ин-

пересу и ландшафтной живописи, превосходить его въ отношеніи къ идеѣ и особенно въ изображеніи чувства любви. Въ романѣ Манцони есть мысль; у Скоппа нѣтъ ея никогда; въ романѣ Манцони есть глубина чувства; у Скоппа, никогда *. Манцони пишетъ *ad probandum* (чтобы доказать), Скоппъ *ad narrandum* (чтобы рассказать). И такъ Манцони сдѣлалъ шагъ впередъ передъ Скоппомъ.

Цѣль Манцони въ его романѣ есть доказать, что гражданское и политическое общество Италіи находится въ болѣзненномъ состояніи и что врачевствомъ для него должна быть капитальная вѣра. Очевидно, это его идея; умышленно или не умышленно, только это есть правоученіе его творенія. Содержаніе рома-

* Полно такъ ли? Любопытно знать, что такое разуметь Французскій крикикъ подъ художественнымъ произведеніемъ безъ мысли и чувства: это не то же ли, что одушевленное органическое существо безъ мозга и крови? Развѣ Ричардъ въ Палестинѣ или Ивангое — эти двѣ прѣкрасныя и полныя жизни картины среднихъ вѣковъ — не имѣютъ въ своемъ основаніи глубокой идеи, развѣ Кенильвортскій Замокъ не одушевленъ, не проникнутъ сильнымъ и пламеннымъ чувствомъ, въ лицѣ несчастной любовницы *Лейгестера*? Развѣ каждое лице любого романа Вальпера Скоппа, отдѣльно взятое, не есть выраженіе гениальной мысли? Развѣ художественное произведеніе непременно должно быть силлогистическимъ разлпціемъ какого нибудь логическаго предложенія? Спранная мысль! *Перевод.*

на очень просто. Чета поселянъ любитъ другъ друга и уже на канунъ своего брака, одинъ развратный владѣлецъ сосѣдняго помѣстья, побившись объ закладъ, что онъ похищитъ невѣсту, дѣйствительно ее похищаетъ, или, по крайней мѣрѣ, велитъ похищитъ. Это похищеніе составляетъ узелъ романа. Послѣ длинной, многолѣпней цѣпи разныхъ случаевъ, препятствій, приключеній, бракъ совершается при помощи Кардинала Фредерико Борромео, Архіепископа Миланскаго.

Въ этой ограниченной, но эластической рамкѣ, представлены всѣ состоянія общества. Это есть родъ движущейся карпины, на которой поочередно мелькаютъ предъ вами голодъ, мятежъ, нашествіе непріятелей, моровая язва. Въ этой пупаницѣ приключеній, среди сполькихъ эпизодическихъ опусуленій, нипъ иногда порывается; авторъ самъ чувствовалъ это, но онъ извиняется съ такою вѣжливостію, что было бы грубо слишкомъ нападать на него. Онъ сравниваетъ себя съ ребенкомъ, спарающимся загнать въ хлѣвъ спадо маленькихъ Индійскихъ поросятъ, копорья разсыпаются, одинъ въ ту, другой въ другую спорону, къ крайней его досадѣ.

Такъ какъ мы попали теперь на сравненія, то я, съ своей спороны, сравню Обрученныхъ съ рѣкою, положимъ хопъ съ По, копорая

лѣпся ровною, спокойною, однообразною, почти неподвижною пеленою, такъ медленно ея печеніе, опирающаеся въ себѣ мимоходомъ монастыри, замки, города, деревни, и прежде чѣмъ исчезнетъ въ морѣ, раздробляется на тысячу излучистыхъ рукавовъ. Но какъ ни длинны обходы, дѣлаемые авпоромъ, онъ достигаетъ своей цѣли, и оканчивается тѣмъ, что мысль высвобождается во всемъ блескѣ и чистотѣ изъ этого почти хаотическаго сдѣвленія лицъ и фактовъ.

Ренцо и Люція, женихъ и невѣста, суть олицетвореніе угнѣщенной слабости; Донъ Родриго, похититель, есть угнѣщающая сила; Кардиналъ Борромео, верховный посредникъ между обѣими сторонами, опора слабости противъ силы. Священникъ, вельможа и народъ, вопль приспепени феодальнаго общества, еще сохраняющіяся въ Испаніи. Романъ Манцони есть возстановленіе первой изъ нихъ, духовенства. Въ семь-то смыслѣ сіе твореніе имѣетъ философическое достоинство и практическую цѣль.

Это касательно содержанія; въ отношеніи къ формѣ, романъ сей раздѣляетъ достоинство и недостатки Манцоніевой драмы. Усиливаясь быть почнымъ, авпоръ впадаетъ въ мѣлчность. Онъ иногда слишкомъ уже описателенъ на манеръ Делиля: нужно ли изобразить человека,

онъ не скроешь опъ васъ ни одной жилки; ко-
спюмъ, перечпепъ до послѣдней пуговицы. Его
главная замашка, и онъ въ ней превосходитъ,
выражать внупреннія движенія души внѣшними
явленіями тѣла; эпизодъ Синьоры есть чудо
искусства въ семь родѣ.

Къ слову объ эпомъ лицѣ, совершенно эпизо-
дическомъ, о лицѣ *Монахини Монцы*, замѣчу, что
эпизоды составляютъ интереснѣйшую часть
всего романа; также точно *Безиланный* (*Inno-*
minato) : есть лице самое драматическое изъ
всѣхъ; жаль, что оно не принимаетъ въ дѣй-
ствіи большого участія. Тоже самое скажу и
о монахѣ *Кристофоро*, благородномъ и про-
гапельномъ олицетвореніи христіанскаго мило-
сердія и того богобоязненнаго смиренія, копо-
рое происходитъ опъ раскаянія.

Но возвращаясь къ внѣшнимъ явленіямъ,
изъ которыхъ Манцони, кажется, по при-
мѣру Аріоспа, создалъ себѣ систему, не лзя
не замѣтить, что опсюда происходятъ ино-
гда чрезмѣрные длиннопы въ его романѣ;
впрочемъ онъ, по крайней мѣрѣ, не беспо-
лезны, и я не слишкомъ съпую на нихъ.
Если гдѣ распашупоспъ наиболее чувстви-
тельна и часто досадна, такъ это въ діало-
гѣ. Сей же самый упрекъ можно опнестн и
къ драмамъ Манцони: въ нихъ, какъ и въ ро-
манѣ, діалогу не доспаетъ движенія и живоспи.

Романъ выкупаепъ эпопѣ недоспапокъ какою-то сельскою проспопою и идиллическою наивностію, копорыя не чужды прелеспи. Коварный, лукавый, хипрый и нѣскольکو прусливый Ипаліянскій креспьянинъ, сняпъ съ напуры и изображенъ чудесно. Манцони, умъ котораго, чѣмъ бы ни занимался, всегда имѣепъ наклонность къ эниграммѣ, и, что еще хуже, къ сатирѣ, здѣсь былъ на проспорѣ и издѣвался, сколько душѣ угодно.

Мнѣ кажепся — что впрочемъ можепъ быпъ только мечта моеѣ неопытноспи, свойственнот иностранцу—мнѣ кажепся, что проза Манцони, какъ по видимому ни степенна и презва, имѣепъ въ своемъ ходѣ что-то нерѣшителное, и я предпочитаю гораздо спихъ его; онъ мнѣ кажепся почнѣе, крапче и полнѣе. Однакожъ романъ Манцони, какъ онъ еспъ, шѣмъ не менѣе показываепъ глубокое знаніе языка. Ломбардскіе идиопизмы ограничиваюпся нѣсколькими словами, нѣсколькими народными выраженіями, перенесенными изъ языка разговорнаго въ языкъ письменный; а что касаепся до галлицизмовъ, въ копорыхъ Ипаліянскіе пуриспы упрекаюпъ его, то не намъ, Французамъ, спавипъ ему эпо въ вину. Эпо еще спорный пунктъ, копорый надо ему рѣшипъ съ задорными бойцами доспощпеннаго ареопага Круски.

Мало оцупителъную, если не совсѣмъ потерянную для иностранцевъ спорону, соспавляютъ полипическіе намеки, которыми наполненъ романъ Манцони, и которые не мало способствовали его успѣху въ Италіи. Манцони изобразилъ Испанское владычество въ Миланѣ; но тамъ, гдѣ авпоръ высказываетъ Испанцевъ, чипапель самъ собою спавилтъ Авспрійцевъ, и романъ чрезъ то получаетъ инпересь современности. Такъ н. п. его критику или лучше сказать пародію на судопроизводство; также легко примѣнить къ вынѣшнимъ сбиррамъ, какъ и къ сбиррамъ XVII вѣка, въ которомъ происходитъ дѣйствіе. Имѣлъ ли эпо въ виду самъ авпоръ, или нѣтъ, пѣтъ не менѣе здѣсь заключается важнѣйшая причина его національнаго успѣха.

Эпопъ національный элементъ находится также и въ цѣлой отдѣльной части его трагедій, о которой я еще не говорилъ, именно въ хорахъ. Здѣсь не мѣсто разсуждать ученымъ образомъ о теоріи хора въ новѣйшей трагедіи; это увлекло бы меня слишкомъ далеко. И такъ я принимаю хоры Манцони ни больше, ни меньше, какъ прекрасными лирическими стихотвореніями.

Въ самомъ дѣлѣ, каждый изъ нихъ есть ода, и я думаю, что они болѣе, чѣмъ все оспальное, способствовали, особенно въ Италіи, успѣху

Адельки и Карманьолы. Эпо попому, что ода, а не драма есть настоящій родъ Манцони; ода есть его проржество. Его характеръ есть собственно лирической, и онъ самъ признается въ томъ, въ концѣ предисловія своего къ Карманьолъ, піесь лирической по содержанию, и еще болѣе по формѣ. Спрофа, которая для другихъ служить камнемъ преткновенія, Манцони напротивъ очень помогаетъ. Ею поддерживается его мысль, которая выливается и какбы кристаллизуется въ ней. Спѣсненность формы, имъ принятой, такъ мало его беспокоитъ, такъ кажется естественною для него, что свобода бѣлаго стиха, по видимому, больше его затрудняетъ; рима есть для него настоящая муза.

Въ Карманьолъ только одинъ хоръ, въ Аделькѣ два. Послѣдній, хоръ дѣвъ Монастыря Спасителя на смерть Эрменгарды, есть образецъ наивной прелести и числѣйшей меланхоліи. Другой, болѣе сильный и удивительно гармоническій, также запечатлѣвъ меланхолію, но меланхолію совершенно полипическою. Сраженіе кончено, Карль побѣдитель, Дидіеръ бѣжитъ. Тогда хоръ, лишенный бодрости, начинаетъ съ глубокою горестію оплакивать исчезнувшія мечты народа. Передъ борьбою и послѣ борьбы, онъ дѣлался великолѣпными надеждами,

Послѣ побѣды, онъ оспаелся окованный посреди разваливъ и возвращается съ плачемъ:

Ai solchi bagnati d'un servo sudor.

Ополченныя совокупно пропивъ него, побѣдители и побѣжденные, заключили союзъ; сильнѣйшіе дѣлятъ между собою спада, невольниковъ, и братаются въ крови, на полѣ биввы, гдѣ спитъ

Un volgo disperso che nome non ha.

Эпо превосходно, какъ лучшія мѣста Берауже.

Въ семъ послѣднемъ хорѣ, примѣненія къ Ипаліи весьма прозрачны; онъ еще яснѣе въ хорѣ Карманьолы, самомъ прекрасномъ, самомъ папиріопическомъ, наиболѣе античномъ, изъ всѣхъ прехъ; эпо есть жалобное сѣпованіе на междоусобную войну, въ коей участвуютъ два Ипаліянскіе народа; поэтъ призываетъ сражающихся къ погасшимъ чувствамъ гражданскаго братства; потомъ, вдругъ возвышаясь до всемірнаго человѣческаго братства, изрекаетъ анаѹему на того, кто разрываетъ сію священную связь человѣчества:

*Siam fratelli; siam stretti ad un patto:
 Molodetto colui che l'infrange
 Che s' innalza sul fiacco che piange,
 Che contrista uno spirito immortal!*

Это движеніе весьма просто, религіозно, и спихъ, которымъ оно оканчивается, безъ сомнѣнія, есть прекраснѣйшій спихъ современной Италіанской литературы.

И такъ я дошелъ наконецъ до желанной почки моего умственнаго путешествія, гдѣ мнѣ остается только хвалить, по крайней мѣрѣ, все, что касается до формы; ибо, въ отношеніи къ философическому вдохновенію, я могъ бы сдѣлать поэту не одно возраженіе. Я постараюсь сохранить здѣсь всю возможную мѣру, ибо дѣло идетъ о предметахъ задушевныхъ, о вѣрованіяхъ искреннихъ, и я бы самъ не хотѣлъ подвергнуть себя тойже анаемѣ, *оскорбляя духъ безсмертный.*

Кромѣ хоровъ, лирическая дѣятельность Манцони проявилась еще въ пяти духовныхъ хорахъ и въ одѣ Наполеону. Гимны выданы въ 1810 году, и имѣли не много успѣха. Пятое Мая относится къ 1822 или 23 году, и имѣло успѣхъ большой. Эта маленькая поэтическая дружина представляетъ собой образецъ дисциплины; я говорю дисциплины, ибо никогда языкъ Италіанскій не былъ лучше дисциплированъ, никогда не покорялся съ большею вѣрностью мысли и не шелъ съ нею единогласнѣе. Нѣтъ никакой бесполезной роскоши, нѣтъ ни одного ложнаго образа, ни одного принужденнаго эпизода; ничего неровнаго, ничего темнаго; напро-

пивъ все ясно, прозрачно, и вопшь гдѣ можно сказать, что спихъ еспь кристаллизація мысли.

Опдавъ сіе полное и искреннее уваженіе римической формѣ поэта, мнѣ оспаеися оцѣнить употребленіе, которое онъ сдѣлалъ изъ споль прекраснаго орудія, и разобрать испочники, изъ коихъ онъ черпалъ. Здѣсь дѣло идетъ полько о гимнахъ; ибо что касается до оды Наполеону, эпо еспь швореніе особенное, написанное подѣ вдохновеніемъ современности, и которое я призналъ бы совершеннымъ въ своемъ родѣ, если бѣ оно не оканчивалось обращеніемъ героя, которое прудно доказать испорически. Заспавляя Наполеона умираяшъ Святымъ Людовикомъ, не значипь ли слишкомъ дозволяяшъ фантазіи? Ламаргинъ поступилъ лучше, ограничась въ семь пунктѣ сомнѣніемъ; ничего не теряя въ поэзи, его ода выиграла опъ того въ испинѣ.

Гимпы Манцони запечатлѣны спрожайшимъ каполицизмомъ, и безукоризненны въ опношеніи къ православію. Эпо можешъ бышъ доспони-спвомъ предѣ судилищемъ Римской церкви, но для крипики дѣло совершенно спстороннее.

Манцони можно назвапъ Каллимахомъ Каполицизма. Подобно поэпу Александрійскому, поэпъ Ломбардскій силился испусспвомъ воспановипь уваженіе къ древнимъ символамъ, попереявшимъ свое значеніе. Его каполицизмъ про-

спирается до анахронистической крайности. Всякая мысль о преобразованіи малѣйшаго догмата Римской церкви, кажется ему *„дѣломъ невозможнымъ и неестивымъ.“*

Эта фраза взята изъ его ТРАКТАТА о Католической Нравственности, написаннаго имъ проповѣдью мыслей Сизмонди о церкви и духовенствѣ; въ немъ спарается онъ доказать непреложную и неопровержимую свяпость католическаго правоученія. Я не имѣю намѣренія слѣдить здѣсь за обоими рапорборцами; мнѣ кажется, ни поппъ ни другой не проникаютъ въ сущность дѣла; это просто схватка между католикомъ и протестантомъ. Основанія спора нисколько не успановлены, предметъ не изслѣдованъ; полько, судя по текспамъ, приводимымъ со споронь иного и другаго, я нахожу, что католикъ правъ, а протестантъ кажется мнѣ побѣжденнымъ.

Въ самомъ дѣлѣ, знаменитый историкъ Импаліанскихъ Республикъ грѣшипъ, показывая излишнее пристраспіе къ кальвинизму, даже въ прошедшемъ. Мнѣ кажется, онъ просмотрѣлъ вліяніе католицизма на цивилизацію по духу предубѣжденія, и уже слишкомъ жестоко возспааетъ проповѣдью религиознаго единспва, проповѣдываемаго Вапиканомъ. Само собою разумѣется, что здѣсь дѣло идетъ о среднихъ вѣкахъ, ибо пышь никакая реакція проповѣдью Рим-

скої веограпїи не можетъ быть слишкомъ жесткою. Но повпоряю, его сшибка съ Манцони не естъ дѣло важное. Оба они сражались на поприщѣ весьма пѣсномѣ. Я упомянулъ здѣсь о пракпапѣ Манцони, сочиненїи довольно оспроумномѣ, но совсѣмъ не убѣдипельномѣ, полько для того, чпобъ подпвердипшь сказанное мною въ началѣ, чпо Манцони подвизался и на поприщѣ богословїа.

Каполицизмъ во Франціи двинулся гораздо далѣе; ибо, по крайней мѣрѣ, допускаетъ догмапъ усовершенсппованїа. Правда, съ пѣмъ вмѣспѣ онъ сохраняетъ и догмапъ Папской непреложности, чпо, кажется мнѣ, заключаетъ въ себѣ проптиворѣчїе, ибо два сїи пункта взаимно исключаютъ и разрушаютъ другъ друга. Посему, если Манцони опспаетъ въ семѣ оппощенїи опъ идей вѣка, то у него болѣе логики и основательности. По мнѣ эпо лучше; его положенїе гораздо чпспосердечнѣе, и попому удобнѣе для регулярной апаки. Другїе ускользаютъ опъ васъ равными успупками; они сражаются какъ Парояне, опспупая. Въ ихъ спанѣ ужасное безначалїе.

Несчастїе Манцони состоитъ въ томѣ, чпо онъ принадлежиптъ къ эпохѣ перелома и, споя на порогѣ двухъ періодовъ, обращаетъ свои взоры болѣе на прошедшее, чѣмъ на будущее. Однакожъ и съ эпой споробы, довольно еще предме-

новъ для созерцанія; если множество звѣздъ уже попухло, то многія загараются снова. Въ эпюмъ отношенія Манцони проповорѣчили съ романпиками Французской Респавраціи, копорые, сокрушивъ старые образцы, двинули впередъ форму, но попяпили назадъ духъ.

Главнѣйшее заблужденіе Манцони, особенно какъ художника, состоиптъ въ томъ, что онъ, какъ и многіе другіе, думаетъ, будто поэзія можетъ быть тамъ, гдѣ нѣтъ уже жизни. Въспю того, чтообъ разширятъ свой горизонтъ, онъ ограничилъ его самыми тѣснѣйшими размѣрами и забился, если смѣю такъ сказать, въ самый маленькій уголокъ человѣчества.

Отсюда происходитъ, что его пипамъ не достааетъ величія, его созданіямъ нипереса. Отсюда его теорія страстей, теорія ошибочная и черезъ чуръ пуританская *. Онъ проспираетъ суровость до того, что запрещаетъ и осужда-

* Кажется, пуританизмъ Манцони беспреспанно увеличивается и доходитъ до послѣднихъ крайностей. Воинъ что пишетъ объ немъ, въ одномъ Лейпцигскомъ журналѣ, одинъ Нѣмецкій Профессоръ, Карлъ фон-Випе, посѣщавшій его недавно: »Манцони приготопилъ отвѣтъ Гёте, въ копоромъ осуждаетъ испорчеческіе романы и драмы, какъ липературныя чудовища. Въ разговоръ со мною, онъ выражался весьма рѣзко и сильно въ томъ же смыслѣ; онъ утверждалъ, что всякой расказъ долженъ быть испинною или вымысломъ, и осуждалъ вымысль, какъ без-

епть, какъ безнравственныя, всѣ великія спрасп-
 ныя одушевленія. Посему у него, въ Кармань-
 оль, элементъ мщенія, эпопѣя элементъ споль
 драматическій, споль еспеспвенный, споль за-
 конный въ огорченной душѣ кондопьера, копо-
 раго рѣжутъ, забытъ, или, что хуже, сведень
 въ нѣсколько стиховъ. Эпо значитъ не при-
 знавать истины важнѣйшаго факта, что вели-
 кія спраспи возвышаютъ душу и уносятъ ее
 въ безконечное. Въспо всего этого, поэтъ
 долженъ былъ прибѣгнуть къ испертымъ фор-
 мамъ, копорыя потеряли уже благородную при-
 виллегію пробуждать въ насъ чувство. Я не
 представляю другаго доказапельства, кромѣ кон-
 ца оды Наполеону или конца драмы Карманьолы,
 ибо они совершенно одинаковы; смерть Импера-
 тора XIX вѣка скопирована почъ въ почъ съ
 смерти кондопьера XV вѣка, и эпо еще не
 единственное сходство между одою и прагедіею.

Манцони, мнѣ пріятно повторишь эпо, имѣ-
 етъ характеръ возвышенный; въ немъ еспь
 уваженіе къ уму, любовь къ прекрасному, эти
 благородные дары, копорые ежедневно пор-
 пяпся и исчезаютъ въ сапурналіяхъ нынѣш-
 няго маперіализма. Хопя и подражапель, онъ
 умѣлъ пріобрѣсти оригинальность, подчиняя ро-

нравственное дѣло. « Также почно Гжа Крюденеръ, ни-
 запавши въ бездны меподизма, оплакивала свой романъ:
 Валерию, какъ непроспипельный грѣхъ.

манпизмъ преобразованію, которое я не умѣю лучше сравнить, какъ съ преобразованіемъ, введеннымъ Ипаліянскими арписстами среднихъ вѣковъ въ характеръ сѣверной архитектуры. Вышло что-то болѣе воздушное, болѣе прозрачное, болѣе блестящее. Гёте есть соборъ Кельнскій; Манцони, соборъ Орвіепскій.

(REVUE DES DEUX MONDES).

XI.

ДРУГОЙ ИЗЪ ТРИНАДЦАТИ.

§ III.

ИСТИННАЯ ЖЕНЩИНА.

Около недѣли, Гжа де Ланже надѣялась увидѣть Г. де Монриво; но Арманъ удовольствовался тѣмъ, что каждый день посылалъ карточку въ домъ Ланже. И всякой разъ, какъ эту карточку отдавали Герцогинѣ, она невольно вздрагивала, поражаемая злобными мыслями, темными какъ предчувствіе несчастья. Читая его имя, она какъ будто чувствовала въ своихъ волосахъ могучую руку этого неумолимого чловека; это имя предсказывало ей рядъ

мицелій, коимъ живое воображеніе ея придавало всевозможную люпоспъ. Ужели онъ убьетъ ея? Эпопъ дикой буйволъ неужели посадитъ ея на рога, перекинетъ черезъ голову и сполчетъ ногами? Когда, гдѣ, и какъ схватитъ онъ ея? Будетъ ли мучить, и какой новый родъ муки для ней придумаеетъ? Спрахъ ея былъ естеспивенъ: она слишкомъ хорошо его знала. Она даже раскаявалась; были минупы, когда она бросилась бы въ его объятія и опдалась ему вся, еслибъ онъ явился. Каждый вечеръ, когда она засыпала, ей мерещилось лице его подъ различными видами: по горькая улыбка, по брови Юпиперовски наморщенные, львиной взглядъ или высокомерное пожатіе плечъ, придавали ему спрашное выраженіе. На другой день поупру карпючка представлялась ей покрывающая кровью. Это имя беспокоило ея теперь болѣе, чѣмъ прежде любовникъ пылкій, упрямый, неумолимо настойчивый. Опасенія ея пѣмъ болѣе усиливались, что росли въ молчаніи; она должна была одна, безъ всякаго посторонняго пособія, гоповипься къ борбѣ, копорой не могла ни кому повѣрипъ.

Эта душа гордая и жестокая была гораздо чувствительнѣе къ щекотанью ненависти, чѣмъ къ ласкамъ любви. Ахъ! еслибы Генераль могъ видѣть ея въ ту минупу, какъ она собирала складками свое чело между бровей, погружаясь въ

горькія мысли, во глубинѣ того самаго будуара, гдѣ онъ такъ упивался наслажденіями: можетъ бытъ онъ бы возъмѣлъ блиспапельныя надежды. Гордостъ не принадлежитъ ли къ тѣмъ челоуѣческимъ чувствамъ, изъ которыхъ раждающіяся благородныя дѣйствія? Какъ ни глубоко хранила пайну своихъ мыслей Гжа де Ланже, можно было предполагать, что она уже была не равнодушна къ Г. де Монриво! А занявъ сердце женщины, не есть ли величайшее пріобрѣтеніе для мужчины? Женщина не можетъ оспановиться; она должна иппи въ ту, или въ другую сторону. Бросыте женское существо подъ ноги разъяреннаго коня, предъ лицомъ какаго - нибудь свирѣпаго звѣря: она падетъ на колѣна, будетъ ждашь смерти; но если живопное укропитъ и не убьетъ ее, она будетъ любить коня, льва, буйвола, она не наговоритъ про него. Герцогиня чувствовала себя подъ ногами льва; она прелепала, но ненавидѣла.

Сія два существа, такъ спранно поставленныя другъ передъ другомъ, три раза встрѣчались въ свѣтѣ, въ продолженіе этой недѣли. И каждый разъ, въ отвѣтъ на кокетскіе вопросы, Герцогиня получала отъ Армана почтительные поклоны и улыбки, запечатлѣнныя паккою жесткою иронією, что всѣ опасенія, внушаемыя ей поупру визигною карпючкой, впол-

нѣ подпверждались. Жизнь естъ то, чѣмъ дѣлаюпъ ее для насъ чувспва; но чувспва изрыли бездну между сими двумя сущеспвами.

Въ началѣ слѣдующей недѣли, Графиня де Серизи, сеспра Маркизы де Ронкероль, давала большой балъ, на копоромъ должна была находиться Гжа де Ланже. Первое лице, копорое увидѣла Герцогиня при входѣ, было лице Армана. Въ эпопъ разъ Арманъ ждалъ ее: по крайней мѣрѣ такъ ей показалось; оба они обмѣнялись взглядомъ. Холодный потъ выспунилъ изъ всѣхъ поръ эпой женщины, она считала Монриво способнымъ къ неслыханной меспи. Эпа меспъ была уже найдена, она была готова, она горѣла, она кипѣла. Глаза обманупаго любовника сверкали на нее громовою молніею; лице сіяло радостью счастливой ненависти. Посему, не смотря на желаніе Герцогини показатъ холодность и пренебреженіе, взоръ ея сдѣлался мраченъ. Она сѣла подлѣ Графини де Серизи, копорая невольно спросила ее:

— Чпо съ побою, милая Анпуанеппа? Ты спрашна!

— Конпр-дансъ оживипъ меня, опвѣчала она, подавая руку молодому челоувку, копорый подошелъ къ ней.

Гжа де Ланже пуспилась вальсироватъ съ какимъ-то безумнымъ увлеченіемъ, удвоившим-

ся опъ свинцоваго взгляда Монриво. Онъ спо-
ялъ неподвижно выспавившись изъ полпы зри-
телей, собравшихся вокругъ панцующихъ. Каж-
дый разъ, какъ Герцогиня пролепала мимо, взоры
его опускались на ея кружащуюся головку,
какъ взоры пигра на добычу. По окончаніи
вальса Герцогиня съѣла опять подлѣ Графини,
но Маркизь не переставалъ глядѣть на нее,
разговаривая съ однимъ незнакомцемъ.

— Да, сударь, говорилъ онъ ему, въ эпомъ
путешествіи всего болѣе поразила меня фра-
за — (Герцогиня вся превратилась въ слухъ) —
фраза, произносимая Венсминстерскимъ споро-
жемъ, когда онъ показываесть попоръ, копо-
рымъ замаскированный человекъ опрубилъ, го-
воряшь, голову Карлу I.

— А что это за фраза? спросила Гжа де
Серизи.

— Не трогай топора! отвѣчалъ Монриво го-
лосомъ, въ звукъ коего выражалась угроза.

— Право, сказала Герцогиня де Ланже, раска-
зывая эпу старую исторію, извѣстную всѣмъ
бывшимъ въ Лондонѣ, вы сморипте на меня съ
такимъ мелодраматическимъ видомъ, что мнѣ
кажешся, будто вы спойте теперь съ шопо-
ромъ въ рукѣ...

Сии послѣднія слова были произнесены смѣ-
ясь, хопя Герцогиню въ это время бросило въ
холодный потъ.

— Но теперь эта исторія совершенно нова, опвѣчалъ онъ.

— Какъ шакъ, сдѣлайте одолженіе, расказише?

— А шакъ, сударыня, чпо вы пронули попоръ, опвѣчалъ ей Монриво пошихоньку.

— Какое очаровательное пророчество! продолжала она, улыбаясь съ принужденною веселостію: А какъ скоро должна упасшь моя голова?

— Я не желаю, сударыня, чтобы ваша миленькая головка пала. Боюсь только для васъ какого-нибудь несчастія. Еслибъ васъ, напримѣръ, оспригли, то не спалили бы вы жалшь объ эшихъ прелестныхъ бѣлокурыхъ локонахъ, копорые къ вамъ шакъ мило идуть?..

— Но еспь люди, для копорыхъ женщины дѣлають подобныя жертвы; и часпо даже для шакихъ людей, копорые не прощають имъ ни малѣйшаго движенія, сдѣланнаго въ минушу досады.

— Положимъ шакъ. Но еслибы вдругъ какой-нибудь забавникъ, посредствомъ какого-нибудь химическаго процесса, лишилъ васъ вашей красосы, сдѣмалъ бы васъ спарухою во спольшь, тогда какъ вы, на наши глаза, не болѣе осмнадцати... .

— О! сударь, сказала она прерывая; осна

есть наше Ватерлоо. На другой день мы узнаемъ шѣхъ, копорые насъ испинно любяпъ.

— И вы не будете жалѣпъ объ эпомъ прелестномъ личикѣ, которое. . .

— О! и очень! Но не сполько для себя, сколько для того, копорый бы любовался имъ. Впрочемъ, еслибъ я была любима искренно, сердечно, поспоянно, что мнѣ въ красотѣ? Какъ пы думаешь объ эпомъ, Клара?

— Это опасная спекуляція, отвѣчала Гжа де Серизи.

— А можно ли спросить у Его Величества, короля волшебниковъ, продолжала Гжа де Ланже, когда я имѣла несчаспие пронупъ эпопъ попоръ, не бывавъ никогда въ Лондонѣ? . . .

— *Non so*, сказалъ онъ, сдѣлавъ движеніе, выражавшее насмѣшку.

— Когда же начнется казнь?

Монриво хладнокровно вынулъ часы, посмотрѣлъ на нихъ, и сказалъ съ увѣренностію, копорая была дѣйствительнo ужасна:

— Прежде нежели кончится эпопъ день, съ вами случится спрашное несчаспие. . .

— О! я не ребенокъ, копораго легко напугать, или лучше, я ребенокъ, копорый не знаетъ опасностп, сказала Герцогиня, и шеперь иду танцовать спокойно, на краю пропасти.

— Я очарованъ, сударыня, видя въ васъ споль-

ко характера, опивчалъ онъ, между тѣмъ какъ Герцогиня спановилась на свое мѣсто въ кадрили.

Не смотря на свое наружное пренебреженіе къ мрачнымъ предсказаніямъ Армана, Герцогиня была поражена испиннымъ ужасомъ. Нравствен-ное и почти физическое угнѣпеніе, коимъ подавлялъ ее Арманъ, съ трудомъ прекратилось, какъ онъ уже оставилъ балъ. Между тѣмъ, наслаждаясь нѣскольکو удовольствіемъ подышать свободно, она подсперегла въ себѣ нѣкоторое сожалѣніе о прошедшемъ волненіи страха; такъ жадна женская природа до сильныхъ ощущеній. Сожалѣніе это не было любовь, но конечно принадлежало къ тѣмъ чувствамъ, которыя ее пригопвляють. Помомъ, какъ будто снова почувспвовавъ впечатлѣнія, сдѣланныя на нее Монриво, она вспомнила увѣрипельный видъ, съ копорымъ онъ посмопрѣлъ на часы, и объапая ужасомъ, сама вышла съ бала.

Было уже около полночи. Человѣкъ, копорый дожидался ее, подалъ ей шубу, и пошелъ впередъ, чпобы велѣть подать карету, копорую она разглядѣла очень ясно. Сѣвши въ нее, она погрузилась въ задумчивость, весьма еспественную въ слѣдствіе предреченій Г. де Монриво. Кареша вѣхала на дворъ; она вошла въ сѣни, снаружи совершенно походившія на сѣни ея дома, но вдругъ увидѣла, чпо лѣспница бы-

ла не та. Въ ту минуту, какъ она обернулась кликнувъ своихъ людей, нѣсколько чело-вѣкъ напали на нее, накиннули плапокъ на лице, связали ей руки, ноги, и пощипали. Она кричала изъ всѣхъ силъ.

— Сударыня, намъ приказано васъ убить, если вы будете кричать, сказали ей на ухо.

Ужась ея былъ такъ великъ, что она не могла замѣшпшь, ни гдѣ, ни какъ несли ее. Когда она пришла въ чувство, то увидѣла себя лежащую на канапе, въ комнатѣ холоспаго чело-вѣка, связанную по рукамъ и по ногамъ шел-ковыми снурками. Невольный крикъ вырвался у ней, когда она вспрѣпила глаза Армана де Мон-риво, копорый, сидя спокойно въ креслахъ въ шлафрокѣ, курилъ сигарку.

— Не кричите, Гжа Герцогиня, сказалъ онъ, хладнокровно вынимая сигарку изо рта, у меня мигрень. Впрочемъ, я сей часъ васъ развяжу. Но выслушайте хорошенько, что я имѣю честь сказаць вамъ.

Онъ развязалъ оспорожно снурки, копорыми были связаны ноги Герцогини.

— Къ чему послужагъ ваши крики? Никто не можетъ ихъ слышать. Вы такъ хорошо во-спитаны, что не спанете дѣлать гримасъ по-напрасну. Если вы не будете смирны, если захопите бороться со мною, я оцять свяжу вамъ руки и ноги. Я думаю, разсудивъ хорошень-

ко, вы сполько будете имѣть уваженія къ самой себѣ, что оспанепесь на эпомъ диванъ, какъ бы вы были дома на вашемъ; также холодною пожалуй, если вамъ угодно. . . На эпомъ диванъ вы заспавили пролить меня много слезъ, которыхъ никто не видалъ. . .

Между тѣмъ какъ Монриво говорилъ ей, Герцогиня бросила вокругъ себя погнъ женской взглядъ, которыи украдкою видипть все, хотпя кажется разсѣяннымъ. Еи повривилась очень эпа комнапа, походившая на монашескую келью. Душа и мысль, были въ ней все. Никакое украшеніе не пестрило пуспыхъ спѣнъ, выкрашеныхъ сѣрою краскою. На полу лежалъ зеленый коверъ. Черный диванъ, споль покрыпый бумагами, два большіе кресла, камодъ и на немъ часы съ будильникомъ, низенькая кровать, покрытая краснымъ одѣяломъ, съ черною коймою, все эпо показывало привычки жизни, приведенной къ самому прспѣйшему выраженію. Тройной подсвѣчникъ, споявшій на каминъ, напоминалъ своей Египетской формой безиредѣльность пуспыхъ, но которымъ эпопть человекъ скипался такъ долго. Подлѣ постели между ножкою, выказывавшеюся изъ подъ складокъ одѣяла огромными лапами сфинкса, и одною изъ боковыхъ спѣнъ комнапы, находилась дверь, задернутая зеленою занавѣскою съ красными и черными бахрамами, копорая висѣла на пполспыхъ

кольцахъ. Дверь, черезъ которую вошли незнакомцы, имѣла подобную занавѣску, но она не задергивалась, а поднималась. При послѣднемъ взглядѣ, которъй Герцогиня бросила на эти занавѣски, чѣобы сравнить ихъ, она замѣтила, чѣпо дверь подлѣ постели была опворена. Красноватое зарево пламени, разливавшееся въ соседней комнаѣ, рисовалось подъ бахромой занавѣски. Ея любопытство естественнo должно было возбуждѣться этимъ унылымъ блескомъ, среди коего мелькали во мракѣ какія-то спранные фигуры; но въ эту минушу она не думала объ опасности, которая могла прийтти для ней опшуда, и предпочла удовлетворить другому, болѣе пламенному любопытству.

— Позвольте васъ спросить, сударь, чѣпо вы намѣрены сдѣлать со мною? сказала она съ дерзкою и язвительною насмѣшкою.

Герцогиня думала, чѣпо слова Монриво заключали въ себѣ крайнюю степень любви. Въ самомъ дѣлѣ, чѣобы похитить женщину, не должно ли обожать ее?

— Ничего, сударыня, опвѣчалъ онъ выпуская изо рта послѣдній хлопокъ дыма съ пріятною ловкостію; вы здѣсь весьма не на долго. Сначала, я хочу вамъ изъяснить, чѣпо вы такое были, и чѣпо я пеперь. Когда вы жеманитесь на своемъ диванѣ, въ вашемъ будуарѣ, у меня не доспаетъ словъ для моихъ идей. При шомъ, шамъ,

у васъ, при малѣйшей мысли, которая вамъ не нравилась, вы дергаете за шнурокъ колокольчика, кричите громко, и выпалкиваете за порогъ какъ послѣдняго негодяя. Здѣсь умъ мой на просторѣ. Здѣсь никто не можетъ выкинуть меня за дверь. Здѣсь вы будете моей жертвой на нѣсколько минутокъ, и окажете мнѣ высокую благосклонность меня выслушать. Не бойтесь ничего; я васъ похитилъ не для того, чтобы говорить вамъ грубости, чтобы получить отъ васъ то, чего я не умѣлъ заслужить, чего вы не хотѣли мнѣ отдать добровольно. Это было бы подло. Вы, можете быть, постигаете насиліе, но я нѣтъ.

Онъ бросилъ въ огонь свою сигарку.

— Дымъ васъ вѣрно беспокоитъ, сударыня?

И онъ вспаль, взявъ курильницу, зажегъ ее и очистилъ воздухъ.

Удивленіе Герцогини могло равняться только съ ея униженіемъ; она была во власти этого человѣка, и эпопѣя человѣкъ не хотѣлъ употреблять своей власти во зло. Эти глаза, нѣкогда такъ сверкавшіе любовью, она видѣла теперь спокойными и неподвижными какъ звѣзды. Она запрепепала. Ужасъ, внушенный ей Арманомъ, увеличился еще болѣе однимъ изъ тѣхъ оковывающихъ чувствованій, кои такъ сходны съ волненіями безъ движенія, испытываемыми во снѣ при такъ называемомъ

давленіи домоваго. Ей показалось, что свѣтъ за занавѣскою начали раздувать мѣхомъ; это оцѣпенило ее совершенно. Вдругъ сіяніе, сдѣлавшееся гораздо ярче, освѣтило при замаскированныя фигуры, закутанныя въ красныхъ домино. Но это ужасное зрѣлище исчезло такъ скоро, что она сочла его оппическимъ обманомъ.

— Минуты, сударыня, продолжалъ Арманъ, смотря на нее съ презрительною холодностію, одной минуты доспапочно мнѣ, чтобы доспичь васъ во всякое мгновение вашей жизни, единственной вѣчности, копорюю я могу располагать, ибо я не Богъ.

— Слушайте внимательно, сказалъ онъ, помолчавъ не много, чтобы придать шоржестивенности своей рѣчи.

— Любовь всегда будетъ приходиль по вашей волѣ; вы имѣете надъ людьми безпредѣльную силу. Но вспомните, что вы однажды призвали сами къ себѣ эту любовь; и она явилась къ вамъ, чистая и искренняя, какою только можетъ быть на сей землѣ, сполько же благоговѣйная, сколько бурная, нѣжная какъ преданность женщины, какъ любовь матери къ своему ребенку; наконецъ сполькожъ великая, сколько безумная. Вы наругались этой любовью, вы сдѣлали преступленіе. Всякая женщина имѣетъ право опвергнуть любовь, копорюю чувспвуетъ, что не можетъ раздѣлить. Мущина, копорый любитъ,

безъ взаимной любви, не возбуждаетъ сожалѣнія, не имѣетъ права жаловаться. Но, Гжа Герцогиня, завлечь притворною любовію несчастнаго, не имѣвшаго никакой привязанности, дасть ностигнуть ему блаженство во всей его полнотѣ, чпобы его попомъ похитить, украситъ у него всю его будущность; убить его, не на время, а на всю вѣчность его жизни, оправивъ всѣ его часы и всѣ его мысли; это я называю ужаснѣйшимъ преступленіемъ!

— Но, сударь...

— Я еще не могу позволить вамъ отвѣчать; слушайте далѣе. Я конечно имѣю права на васъ; но не хочу никакихъ другихъ, кромѣ правъ судьи надъ преступникомъ, дабы пробудить вашу совѣсть. Еслибъ у васъ не было уже и совѣсти, ябы не смѣлъ осуждать васъ; но вы еще молоды, вы должны еще чувствоватъ жизнь въ вашемъ сердцѣ, мнѣ пріятно это думать. Если я васъ считаю сполько развратною, чпо вы могли совершить преступленіе; котораго не казнятъ законы, по не могу считать васъ сполько низкой, чпобъ вы не могли понять словъ моихъ. Я продолжаю.

Въ эту минуту Герцогиня услышала глухой шумъ мѣховъ; копорыми мелькнувшія передъ ней фигуры, безъ сомнѣнія, раздували огонь, свѣтившійся сквозь занавѣску; но молніеносный взглядъ Монриво заставилъ ее оспаться, не

сводя съ него глазъ и дрова всѣмъ шѣломъ. Какъ ни велико было ея любопытство, огонь словъ Армана занималъ ее гораздо болѣе, чѣмъ шумъ того таинственнаго огня.

— Сударыня, сказалъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія, когда въ Парижѣ палачъ долженъ поднятъ руку свою на бѣднаго убійцу и положить его на доскѣ, гдѣ законъ повелѣваетъ ему оставить голову... Вы знаете, журналы предвѣдомляютъ о томъ и богатыхъ и бѣдныхъ, дабы одни спали спокойно, а другіе работали, чтобы жить... Вы такъ благочестивы, даже набожны, вамъ надо служить панихиды по эпому человѣку: вы родня ему, только вы принадлежите къ спаршей линіи, копорая можетъ царствовать въ мирѣ, счастливо и безопасно. Увлеченный бѣдноспію или гнѣвомъ, эпопъ капоржный братъ вашъ убилъ только человѣка, а вы!... Вы убили счастье человѣка, его лучшую жизнь, его прекраснѣйшія надежды. Тотъ проспо ждалъ своей жертвы; убилъ ее пропивъ воли, изъ страха; а вы!.. Вы скопили всѣ пресупленія слабости пропивъ невинной силы; вы прирманили сердце вашей жертвы, чтобы вѣрнѣе разперзатъ его; прикормили его своими ласками, не упустили ни одной изъ нихъ, копорая могла заспавить его предполагать, мечтать, жаждать наслажденій любви. Вы требовали опъ него тысячи пожертвованій, чтобы оп-

вергнувъ ихъ всѣ, показали ему столько свѣта, прежде чѣмъ выкололи глаза. Удивительное мужество!.. Такія гнусности конечно роскошь, неизвѣстная мѣщанкамъ, надъ копорыи вы смѣетесь. Онѣ умѣютъ отдавать себя и прощать, умѣютъ любить и спрадать. Онѣ унижаютъ насъ великодушью своей преданности.. Возвышаясь по ступенямъ общества, мы находимъ шуже грязь, что и внизу, только она пверже, опъ того что позолочена. Да! чтобы найти совершенство въ низости, надо прекрасное воспитаніе, знаменитое имя, прекрасную женщину, однимъ словомъ Герцогиню! Чтобы испастъ такъ низко, надо было споятъ такъ высоко! Я не могу хорошо высказать, что у меня на душѣ; я еще слишкомъ спрадаю опъ ранъ, копорыи вы нанесли мнѣ. Не думайте, чтобы я жаловался, о нѣтъ! нѣтъ! Слова мои не выражаютъ никакой надежды, не содержатъ никакого огорченія. Знайте, сударыня, что я васъ прощаю, и это прощеніе такъ полно, что вы вѣрно не будете жалѣть, что пришли за нимъ по неволѣ.. Только вы можете и впередъ обманывать другихъ; съ такимъ же дѣтскимъ сердцемъ, какъ мое, и потому я хочу предупредить ихъ горести. Вы мнѣ внушили мысль Правосудія. Загладьте здѣсь ваше преступленіе: можете быть и Богъ проститъ васъ; я желаю этого, но онъ праведенъ, его судъ васъ постигнетъ.

При сихъ словахъ, глаза эпой женщины, уничиженной, расперзанной, наполнились слезами.

— За чѣмъ плачете вы? Оставайтесь вѣрною вашей природѣ. Вы безчувственно смотрѣли на муки перзаемаго вами сердца. Довольно, сударыня, упѣшьтесь. Я не могу уже болѣе спрадать. Другіе спанупѣ говорятъ вамъ, что вы даете имъ жизнь; я, съ моею спороны, говорю вамъ съ наслажденіемъ, что вы повергли меня въ ничпожество. Можете быти вы угадываете, что я не принадлежу себѣ, что я долженъ жить для моихъ друзей, и что мнѣ надо будетъ переноситъ вмѣстѣ и холодъ смерти и муки жизни. Не ужели вы такъ благосклонны? Не ужели вы тоже, что пугры пуспынь, которые сперва сдѣлаютъ рану, а потомъ лижутъ ее?

Герцогиня заливалась слезами.

— Не прашьте по напрасну эпоихъ слезъ, сударыня! Еслибъ я повѣрилъ имъ, то развѣ для того только, чтобъ ихъ осперегаться. После всѣхъ вашихъ обмановъ, какъ можно подумать, чтобъ въ васъ была какая-нибудь правда? Съ сихъ поръ, вы уже ни чѣмъ меня не ослѣпите. Я сказалъ все.

Гжа де Ланже вспала, съ выраженіемъ благородства и вмѣстѣ смиренія.

— Вы въ правѣ поступать со мной такъ жестоко, сказала она, пропягивая руку этому человѣку, которой онъ не принялъ; слова ваши еще не довольно жестоки, и я заслуживаю это наказаніе.

— Мнѣ васъ наказывать, сударыня? Наказывать развѣ не значитъ еще любить? Не ожидайте опть меня ничего, похожаго на это чувство. Я бы могъ, конечно, быть, въ собственномъ своемъ дѣлѣ, обвинителемъ и судьей, приговоромъ и палачемъ; но, нѣтъ. Я исполню сей часъ долгъ мой, а не чувство мщенія. Жесточайшее мщеніе, по моему, естъ имѣть возможность опмстипть, и пренебречь ею. Кто знаетъ! Можетъ быть, я буду слугою вашихъ удовольствій. Съ сихъ поръ, щеголяя въ зловъщей ливреѣ, въ которую общество одѣваетъ преступниковъ, можетъ быть вы будете по неволѣ имѣть ихъ честность. И тогда вы станете любить!

Герцогиня слушала съ покорностію, въ которой не было ничего припворнаго и лукаваго; она молчала нѣсколько минутъ, и потомъ сказала:

— Мнѣ кажется, что, пропивясь любви, я повиновалась внушеніямъ женской стыдливости; и не вамъ бы упрекать меня за это. Всѣ мои слабости вы обращаете въ пресупленія. Какъ вы не замѣчали, что, когда я увлеклась за пре-

дѣлы моихъ обязанностей любопытствомъ любви, на другой же день, жестоко раскаявалась, что зашла такъ далеко? Ахъ! это былъ грѣхъ невѣденія. Клянусь вамъ, что я также была искренна въ своихъ пропускахъ, какъ и въ угрызеніяхъ. Мои жестокости заключали въ себѣ гораздо больше любви, чѣмъ всѣ мои снисхожденія. И на что вы жалуетесь! Для васъ недоспапочно было моего сердца; вы преобладали звѣрски, чтобы я опдалась вамъ...

— Звѣрски! вскричалъ Г. де Монриво. Но въ пужь пору сказалъ самъ себѣ: я погибъ, если дѣло пойдетъ о словахъ!

— Да, вы пришли ко мнѣ, какъ Богъ вѣспь къ какой женщинѣ, безъ уваженія, безъ всякаго вниманія, неразлучнаго съ любовью. Не имѣла ли я права размыслипъ? Да, я и размыслила. Ваше поведеніе извинительно: любовь была его причиною; дайтежь мнѣ въ эпомъ увѣрипсья и оправдапъ васъ совершенно въ глазахъ моихъ. Да, Арманъ, сегодня вечеромъ, въ пу мину, какъ вы предсказывали мнѣ несчастіе, я вѣрила въ наше счастіе. Я имѣла полную довѣренность къ этому благородному и высокому характеру, котораго дали вы мнѣ сполько доказательствъ...

— И я была вся пвоя, прибавила она, склонясь на ухо къ Монриво. Я имѣла Богъ знаепъ

какое желаніе сдѣлать тебя счастливымъ, тебя пакъ жёспоко искушеннаго несчастіями. Я хопѣла призначь власпелиномъ своимъ, полько пакого великаго челоувѣка, какъ ты. И чѣмъ выше себя чувспвовала, тѣмъ менѣе хопѣла унизипься. Съ полною довѣренностью къ тебѣ, я видѣла предъ собой одну жизнь, жизнь любви, когда ты показывалъ мнѣ смерть... Сила никогда не бываетъ безъ доброты. А ты, другъ мой, ты пакъ силенъ, что не можешь быть злымъ противъ бѣдной женщины, которая тебя любитъ. Если я виновата, то не ужели не могу получить прощенія, не могу загладить вины своей? Раскаяніе есть милосердіе любви. Я хочу быть для тебя милосердой. Какъ мнѣ одной не раздѣлять со всѣми женщинами тѣхъ опасеній, тѣхъ сомнѣній, тѣхъ спраховъ, которые пакъ еспеспвенны, когда привязываешься на всю жизнь, и когда вы пакъ легко сокрушаєте эти узы? Мѣщанки, съ которыми вы меня сравнили, опдаются, но не безъ пропивоборспва; я пропивилась, и теперь...

— Но онъ не слушаепъ, Боже мой! вскричала она, прерывая себя.

— Я люблю тебя! я вся твоя! кричала она, ломая руки.

Она упала на колѣна предъ Арманомъ.

— Вся твоя, мой единспвенный, мой верховный повелипель!

— Сударыня, сказалъ Арманъ, подымая ее, Анпуанеппа уже не можетъ спасти Герцогини де Ланже. Я не вѣрю больше ни въ шу, ни въ другую. Вы опдадитесь мнѣ нынѣ, завтра можетъ бытъ меня отвергнете. Никакая сила не можетъ поручиться мнѣ за нѣжную вѣрность вашей любви. Залоги ея были въ прошедшемъ; но прошедшаго нѣтъ уже для насъ!

Въ эту минуточку, блеснулъ такой яркой свѣтъ, что Герцогиня невольно обернула голову къ занавѣшенной двери, и увидѣла уже ясно прехъ замаскированныхъ людей, одѣтыхъ въ длинныя красныя плащя.

— Арманъ, сказала она, я бы не хотѣла поперяты къ тебѣ уваженіе. За чѣмъ здѣсь эти люди? Что вы хотите со мною дѣлать?...

— Эти люди также будутъ скромны, какъ и я, что бы здѣсь ни случилось, отвѣчалъ онъ. Вы видите въ нихъ мои руки и мое сердце. Одинъ изъ нихъ лѣкарь...

— Лѣкарь, сказала она. Арманъ, другъ мой, неизвѣстность мучительнѣе всѣхъ спраданій. Скажите мнѣ, чего вы хотите? Жизни моей? Я опдамъ ее, но вы не возьмете...

— Спало бытъ, вы меня не поняли? перервалъ Монриво. Не говорилъ ли я вамъ о Правосудіи? Чпобы разсѣять ваши сомнѣнія, примолвилъ онъ холодно, взявши со стола одну

спальную вещь, я сей часъ объясню вамъ, что положено съ вами сдѣлать.

И онъ показаль ей креспъ, придѣланный къ спальной ручкѣ.

— Двое изъ друзей моихъ пеперь раскаливаютъ креспъ, подобный этому. Мы приложимъ его къ вашему лбу, здѣсь, промежь двухъ глазъ, дабы вы не могли прикрыть его никакими брилліанпами и чрезъ то избѣгнуть допросовъ свѣта. И такъ вы будете имѣть на лбу клеймо, подобно какъ ваши братья колодники на плечѣ. Спраданіе вещь пуспая, но я боялся какого-нибудь нервическаго припадка, или сопропивленія...

— Сопропивленія! вскричала она, радоспно сплеснувъ руками. О нѣтъ, нѣтъ! Я бы желала, чтобъ весь свѣтъ былъ пеперь здѣсь. Ахъ! Арманъ, мой единственныи Арманъ! заклеими скорѣ бѣдное сущеспво, которое все принадлежить тебѣ, какъ послѣдняя изъ пвоихъ вещей!.. Ты пребоваль залоговъ моей любви; пеперь всѣ они будутъ въ одномъ! О! я не вижу въ пвоемъ мценіи ничего, кромѣ милоспи и прощенія, кромѣ вѣчнаго моего счастія... Когда ты опмѣпишь меня своею, когда я буду носить на себѣ пвое огненное клеймо... ты уже не можешь никогда меня оспавить... ты будешь мой вѣчно!.. Съ сихъ поръ, я оспанусь одна на землѣ, и ты будешь обязанъ пещись о

моемъ счастьи, ибо иначе будешь подлѣ, а я знаю тебѣя благороднымъ, великимъ... Женщина, копорая любить, всегда клеймитъ сама себя... Войдите, господа, войдите и заклейте, заклейте Герцогиню де Ланже. Она навсегда принадлежить Г. де Монриво. Войдите скорѣе! Лице мое горитъ жарче вашего желѣза.

Арманъ быспро опвернулся, чпобъ не видѣть Герцогиню, всю дрожащую, на колѣнахъ, и сказалъ одно слово, по копорому прое друзей его топчасъ исчезли.

Женщины, привыкшія къ жизни госпиныхъ, знаютъ игру зеркалъ; посему Герцогиня, жадная прочестъ въ сердцѣ Армана, вся превратилась въ глаза. Не осперегаясь ничего, Арманъ выронилъ двѣ слезы, копорыя оперъ быспро. Вся будущность Герцогини заключалась въ этихъ двухъ слезахъ. Когда онъ обернулся, чпобъ поднять Гжу де Ланже, она уже спояла на ногахъ. Она думала еще бытъ любимою. Заблужденіе!

Все шло ея запрѣпемало снова, когда Монриво сказалъ ей съ пою твердостью, копорую она такъ бывало угѣла приниматъ, когда играла имъ.

— Я васъ прощаю, сударыня. Вы можете бытъ увѣрены, что этой сцены, съ сихъ поръ какъ будно вовсе не было. Но здѣсь же и те-

перь, проспимся навсегда другъ съ другомъ: Мнѣ пріятно оспаться въ мысли, что вы были искренны на вашемъ диванѣ въ своихъ кокетствахъ, искренны и здѣсь шеперь въ изліяніяхъ вашего сердца. Прощайте. Я уже не способенъ къ вѣрѣ. Вы спали бы меня опять мучить, вы все останетесь Герцогинею. И... но прощайте, мы никогда не поймемъ другъ друга...

— Что вы хотите шеперь? сказалъ онъ, принимая важный видъ церемоніймейстера. Бѣхаетъ домой, или ворошиться на балъ къ Гжѣ де Серизи? Я употребилъ все свое могущество, чтобъ ваша репутация оспалась неприкосновенною. Ни ваши люди, ни кто-либо въ свѣтѣ, не могутъ знать, что происходило между нами въ эту четверть часа. Люди ваши думаютъ, что вы на балѣ; карета ваша не съѣзжала со двора Гжи де Серизи; она можетъ сей часъ же очутиться у васъ дома, если вы захотите. Что вамъ угодно?

— Вы сами какъ думаете, Арманъ?

— Армана уже нѣтъ, Госпожа Герцогиня. Съ сихъ поръ, мы чужіе другъ для друга.

— Такъ повезите меня на балъ, сказала она, все еще любопытствуя испытать могущество Армана надъ самимъ собою. Бросьте въ шаршаръ свѣта бѣдное созданіе, которое сполько спрадало и должно будетъ продолжати вѣчно спрадали,

если уже нѣтъ для него счастія. О! я люблю тебя, какъ любяптъ ваши мѣщанки; я готова броситься къ тебѣ на шею, на балъ, передъ всѣми, если ты попребуешь. Я молода, но теперь чувствую, еще болѣе помолодѣла. Да! я дѣпя—пвое дѣпя—ты меня создалъ... Не выгоняй же меня изъ прекраснаго рая...

Арманъ сдѣлалъ движеніе.

— Если я должна иппи, по дозвожь мнѣ унести отсюда что - нибудь съ собой, какую-нибудь бездѣлку. Хоть это, чпобы съ сихъ поръ носить на сердцѣ, сказала она, схвативъ шапочку Армана, всю замаранную.

Она завернула ее въ плапокъ и съ наслажденіемъ сжала въ рукѣ.

— Нѣтъ, я не принадлежу къ этому свѣспу разврапныхъ женщинъ. Ты не знаешь свѣспа, и вопъ почему не можешь оцѣнить меня. Ахъ! я желалабъ бытъ проспою мѣщанкою, проспою швейкою, если ты лучше любишь женщину ниже себя, чѣмъ пакую, въ копорой преданность соединяется со всѣми человѣческими преимуществами. Да, Арманъ! между нами есть женщины благородныя, высокія, цѣломудренныя, чистыя, и тогда онѣ восхиппельны. Я бы желала имѣтъ все совершенство, все опличія, чпобъ пожертвовать ими тебѣ. Судьба сдѣлала меня Герцогинею; я бы хотѣла родиться

близь прона! Тогдабъ жерпва моя была еще совершеннѣе...

Монриво слушалъ, смачивая губами сигарки.

— Когда вамъ угодно будетъ опсправитсья, скажите мнѣ...

— Я бы хопѣла еще оспапсья...

— Эпо другое дѣло, продолжалъ онъ хладнокровно.

— А! вопъ эпа не очень хороша! вскричала она схвапивъ одну изъ сигарокъ, и пожирая съ жадностію слѣды, оспавленные на ней губами Армана.

— Ты хочешь куритсья? сказалъ онъ.

— Чего я не сдѣлаю для пвоего удовольствія?

— Спупайпежъ, спупайпе, сударыня...

— Иду, опвѣчала она заплакавъ.

— Надо закрытсья вамъ лице, чпобъ вы не видали дороги.

— Я гопова, сказала она, завязавъ сама себѣ глаза.

— Но вы видитсья?

— О! нѣтъ.

Онъ спалъ предъ ней на колѣна.

— А! я слышу шебя, сказала она, обнаруживъ движеніе нѣжвости, въ надеждѣ, чпо эпа припворная жестпокоспть наконецъ смягчилась.

Онъ сдѣлалъ видъ, что хочеть поцѣловать ея. Герцогиня придвинулась къ нему ближе.

— Вы видите, сударыня?

— Да, я немножко любопытна.

— Спало бышь, вы все еще обманываете меня?

— А! сказала она, съ выраженіемъ негодованія оскорбленнаго благородства: возьмите эпюгъ плапокъ, и ведите меня, сударь; я не открою глазъ.

Арманъ, увѣрившись въ искренности, коей вопль слышался вняпно въ словахъ ея, взялъ и повелъ Герцогиню, копорая, съ своей стороны, вѣрная данному слову, благородно оставалась слѣпою. Держа опечески ея руку, чптобы помогать ей по поднимапшься вверхъ, цю опускапшься внизъ, онъ внимательно изучалъ препепанія, волновавшія сердце эпюй женщины, шакъ внезапно ошуппившей испинную любовь. Гжа де Ланже, счастливая шѣмъ, что могла говорить съ нимъ, изливала предъ нимъ всю свою душу; но онъ былъ непоколебимъ; и, когда рука Герцогини вопрошала его руку, сія послѣдняя оставалась безмолвною.

Прошедши нѣсколько времени шакимъ образомъ, Арманъ предувѣдомилъ ея, чптобы она не испугалась шума колесъ и пружинъ машины. Герцогиня переспала дрожать. Арманъ сказалъ ей, чптобы она шла впередъ; Герцогиня повиновалась,

и въ поожъ время почувспвовала, что онъ прихвaпилъ ея плащье, чтобы оно не обперлось въ отперстїи, чрезъ которое надо было ей пролѣзaтъ, и которое безъ сомнѣнїя было очень узко. Гжа де Ланже была пронута эпой забопливоспью, въ которой изболчалося еще нѣсколькo любви; но эпо было нѣкоторымъ образомъ прощальное движенїе Монриво, ибо онъ въ шу же минушу оставилъ ее, не сказавъ ни слова.

Чувствуя себя въ теплой ампосферѣ, Герцогиня отперла глаза, и увидѣла себя одну передъ каминомъ будуара Графини де Серизи. Ея первая мысль была исправишь беспорядокъ своего шуалета; она потчасъ поправила свое плащье и поэзію головнаго убора.

— Куда ты дѣвалася, милая Антуанетта? Мы тебя ищемъ вездѣ, сказала Графиня, отперяя двери будуара.

— Я пришла сюда отдохнуть, отвѣчала она; въ залахъ нестерпимая духота.

— Думали было, не уѣхали ли вы совсѣмъ; да братъ мой Ронкероль сказалъ, что видѣлъ на дворѣ вашу карешу.

— Я ужасно успала, Клара; дай мнѣ минушку собратъся съ силами.

И Герцогиня сѣла на диванъ своей прїяпельницы.

— Чшо съ побою сдѣмалось? Ты вся дрожишь.

Вошелъ Маркизь де Ронкероль.

— Я боюсь, сударыня, чшобы съ вами не случилось несчастія. Кучеръ вашъ пьянъ, какъ спелька.

Герцогиня ничего не отвѣчала; она смопрѣла на каминъ и въ зеркала, не оспалось ли слѣдовъ ея спраннаго путешествія; попомъ, оцупила необыкновенное волненіе, видя себя перенесенною такъ быспро въ веселый шумъ бала, послѣ ужасной сцены, копорая такъ внезапно превратила все печеніе ея жизни. Ею овладѣлъ конвульсивный препептъ.

— Предсказаніе Г. де Монриво распроило мнѣ нервы. Хопя эшо была и шупка, я хочу однако посмопрѣть, не будетъ ли меня и во снѣ преслѣдовать его Лондонскій попоръ. Прощай, Клара. Прощайте, Г. Маркизь.

Проходя по заламъ, она была безпрестанно оспанавливаема разнощиками комплиментовъ, кои показались ей теперь такъ жалки. Какъ малъ долженъ былъ представиться ей эшоптъ свѣптъ, когда она, споль уничиженная въ собспвенныхъ своихъ глазахъ, была его царицею! Чшо значили всѣ эши люди передъ человѣкомъ, копорого она любила и копорого характеръ принималъ въ глазахъ ея снова исполинскіе размѣры, умень-

шенные было ею на минушу, но въ то время увеличившіеся, можетъ быть, даже чрезъ мѣру!

Она взглянула невольно на того изъ людей своихъ, копорый долженъ былъ сопровождать ее, и увидѣла, что онъ былъ весь заспанъ.

— Ты не уходишь опсюда? спросила она его.

— Никакъ нѣтъ, сударыня.

Садясь въ коляску, она дѣйствительно замѣтила, что кучеръ ея былъ мерзвецки пьянъ. Это во всякомъ другомъ случаѣ могло бы перепугать ее; но великія поспрасенія жизни опнимающъ у спрахъ его обыкновенное пипаніе. Между тѣмъ, она пріѣхала домой благополучно; но нашла себя совершенно перемѣнившееся и преданною въ добычу ощущеніямъ, совершенно новымъ. Теперь, одинъ только человекъ существовалъ для ней въ свѣтѣ, то есть, для него одного только она желала что-нибудь значить.

(до слѣдующей книжки).

ХІІ.

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ.

ПАЛАТА

ЦЕРОВЪ ФРАНЦІИ.

Вы знаете эпопъ дворець, съ массивными флигелями, въ стилѣ Генриха IV и Маріи Медичи, снаружи обшпукатуренными Имперіей; вы бывали въ его комнапахъ, украшенныхъ еще Директоріей, во время праздниковъ Гжъ де Богарне, Тальянь и Рекамье; на эпахъ широкихъ плипахъ, попираемыхъ нѣкорда обнаженными спопами женщинъ, закованными въ кольца изъ прозрачнаго золота, подь древнимъ копурномъ; въ эпахъ залахъ, гдѣ ри-

совались красавицы Палаты Равенства въ Римскихъ пуникахъ, и, межъ ними, гражданинъ Талейранъ, Министръ Внѣшнихъ Дѣлъ Республики. Вамъ знакомы и тѣ внутренніе покои, гдѣ Баррасъ и старый Гойе были такъ славно проведены Бонапартомъ, 18 Брюмера. Теперь, когда вы пройдете черезъ эту большую, парадную лѣстницу, усыпанную по мѣстамъ померанцовыми и другими благовоными деревьями, и оставите вправѣ коллекцію жесткихъ и холодныхъ карпинъ Французской школы, вы найдете узенькую, душную залу, гдѣ засѣдаетъ 120 или 130 человекъ; эта зала украшена креслами, похожими на церковныя сѣдалища, и на этихъ креслахъ головы всѣхъ формъ, обломки всѣхъ системъ, родъ исторической галлерей всѣхъ временъ и всѣхъ перевороповъ.

Сіе помѣщеніе засѣданій Перовъ Франціи такъ неудобно, что еслибы всѣ Перы являлись постоянно, они задохнулись бы отъ тѣсноты; но, послѣ Іюльской Революціи, въ самыхъ порожественныхъ засѣданіяхъ, наличныхъ присутствующихъ не было никогда больше 150. Во время Реставраціи, собранія были многочисленнѣе и тѣснота ощутительнѣе; посему думали о распросраненіи помѣщенія, и даже была мысль перевести совсѣмъ въ Лувръ Палату Перовъ. Въ 1826 году, когда разнесся слухъ о новомъ большомъ производствѣ въ Перы, Г. де

Виллель позвалъ къ себѣ Г. де Семонвиля и сказалъ ему своимъ гнусливымъ голосомъ, подъ которымъ обыкновенно скрывались такіе понкіе взгляды и остроумныя предположенія: » Любезный мой Г. де Семонвиль, вамъ должно быть очень дурно въ такой пышной залѣ; вы должны задыхаться; не лзя ли какъ пораспространить ее? Перамъ Королевспва надо мѣспо поприличіе; не придумаєте ли вы чего-нибудь? « Г. де Семонвиль, не уступавшій въ понкости Г. де Виллелю и знавшій очень хорошо, что Министръ совсѣмъ не имѣлъ причинъ такъ сердобольно заботиться о здоровьѣ Палапы, которая только что отвергла предложенный имъ проэктъ закона, отвѣчалъ ему: » Вы не сполько хлопочете объ насъ, какъ о шѣхъ, которые будутъ засѣдать съ нами; спало бытъ, производспво будетъ большое? « — » О! нѣтъ! возразилъ Г. де Виллель, совсѣмъ нѣтъ! Я говорю единспвенно объ удобствѣ помѣщенія. Палапа не можетъ спаваться на спаромъ мѣспѣ, и если вы ничего не можете придумать, такъ мы переведемъ ее въ Лувръ. « — » Въ Лувръ? перервалъ Г. де Семонвиль: спало, вы хотите поступить съ нами, какъ съ картинами спарой школы? Но развѣ вы забыли, любезный другъ, что Люксембургскій дворецъ отданъ намъ закономъ? « — » Закономъ? вскричалъ Г.

де Виллель: ну, это другое дѣло! Такъ выломать нѣсколько стѣнъ. Право, будетъ лучше. Многие изъ васъ жалуются, что имъ не достаетъ воздуха. « — » И голоса, или лучше голоса!» подхватилъ смѣясь Великій Референдарій Палаты. Черезъ нѣсколько дней явился Королевскій указъ, наименовавшій семьдесятъ шесть новыхъ Перовъ Франціи; имъ нашли мѣсто, и Палата продолжаетъ задыхаться въ пѣрвой и узкой залѣ Директоріи.

Если вы вздумаете побывать въ одномъ изъ засѣданій этой Палаты, вы не найдете въ ней ничего похожаго на шумныя, живописно-драматическія пренія Палаты Депутатовъ. Разсужденія Перовъ всегда важны: они рѣдко позволяютъ себѣ прерывать другъ друга для претребованія объясненій, и дѣль меньше съ личными выходками; говорятъ всегда съ своихъ мѣстъ, а не впеуются, какъ записные ораторы, съ высокой прибоюны; вообще сколько возможно подражаютъ Британской Палатѣ Лордовъ. Перы вообще свѣдущи въ дѣлахъ; и изъ нихъ, кои теперь главами разныхъ општѣнковъ мѣстнѣй, почти всѣ были на поприщѣ администраціи и политики, гдѣ естественнѣе должны были приобрѣсти глубокое познаніе обществельствѣ, вещей и людей. Предложите имъ на обсужденіе какой-нибудь важнѣйшій вопросъ, касающійся дипломатіи.

или финансовъ, какое-нибудь специальное, военное или полипическое дѣло: вы увидите, какой внезапный свѣтъ прольютъ они на обсуживаемый предметъ, какъ превосходно разберутъ его. Если надо обработать какое-нибудь частное положеніе, на примѣръ: морской уставъ, законы полицейскіе, какое-нибудь финансовое или военное учрежденіе, вы найдете въ числѣ ихъ отличныя специальные таланты; таковы: для финансовъ, Гг. Руа (Rou), Мольянъ (Mollien); по части военной, Гг. Ко (Caux), д'Омбрюжакъ, Маршалъ Герцогъ Таренпскій; по морской, старые оспатки эскадръ Средиземнаго Моря и Шельды. Но когда дѣло идетъ о высшихъ, обширнѣйшихъ взглядахъ, касательныхъ общаго механизма цивилизаціи, системъ полиптики или промышленности, эти головы, такъ отлично организованныя для подробностей, показываютъ крайнюю робость, находятъ вездѣ непреодолимая препятствія, вообще дѣйствуютъ весьма оспорожно и держатся охранительной системы.

Говорятъ, что Палапъ Перовъ не достигаетъ большихъ недвижимыхъ измѣнъ, чтобы имѣть полное вліяніе, согласно ея назначенію. И конечно, нѣтъ никакого сравненія между Французскимъ Перепвомъ и колоссальными владельцами, составляющими Брипанскую Палапу Лордовъ: между Церами Франціи нѣтъ ни Герцо-

говъ Веллингтоновъ, ни Графовъ Эбердинъ, Графовъ Лондондерри, съ вассалами, городами, цѣлыми уѣздами; въ ихъ распоряженіи, поддерживаемыхъ въ Нижней Палатѣ меньшинствомъ преданныхъ людей, но людей съ палантами, имѣющихъ сильное вліяніе. Въ числѣ благородныхъ членовъ высокой Французской Палаты, можно указать такихъ, которыхъ жила на чердакѣ, проперши заблаговременно глаза 12,000 франкамъ, получаемымъ ими отъ Короны. Даже былъ примѣръ, что одному изъ нихъ, вписанному собственною рукою Людовика XVIII въ списокъ Деказова производства, надо было выдавать жалованье по денно, дабы онъ имѣлъ возможность завтракать, обѣдать, и находить другой ночлегъ, кромѣ даровой кварширы подъ сводами Сенп-Пелажи. Однако, Гг. д'Алигръ, де Буасси, Лувуа, Руа, и двадцать другихъ Перовъ, которыхъ можно назвать по именамъ, владѣютъ сѣспояніемъ, достаточнымъ для поддержанія носимаго ими достоинства.

По самому свойству политическаго положенія и значенія сей Палаты, она должна представлять гораздо менѣе оппѣнковъ мнѣній, чѣмъ Палата Депутатовъ. При рѣшительной балопировкѣ, въ Палатѣ Перовъ никогда не бывало больше двадцати голосовъ пропивъ балопируемаго предложенія; оппозиціи система-

пической и формальной почпи нѣтъ вовсе. Раздѣленія, существующія въ ней нынѣ, можно разсмѣтривать по двумъ главнымъ отношеніямъ: по направленію политическому, принятому различными членами ея послѣ Іюльскаго поспрясенія, и по порядку ихъ производспва. И съ сей-по двоякой почки зрѣнія мы намѣрены представитъ теперь спатписпическое обозрѣніе нынѣшней Палаты Перовъ.

Въ первомъ ряду спойптъ партія легипимисповъ, поборниковъ законности, враговъ Іюльскаго Революціи. Сія партія очень многочисленна; и если не оппичать легипимисповъ на дѣлѣ, оптъ пѣхъ, которые спакковы только по воспоминаніямъ, спрдечавымъ привязанностямъ и спайнымъ мыслямъ, по къ ней должно оппеспи по крайней мѣрѣ спреть всей Палаты. Я причисляю къ первой категоріи сей партіи пѣхъ членовъ, кои проповѣдуютъ ученіе свое на проломѣ, идя грудью пропивъ началъ и людей Іюльскаго Революціи, и нахожу въ ней спрехъ главныхъ вождей: Гг. де Брезе, де Ноаль и Викомпа Дюбушажъ.

Вторая категорія легипимисповъ, которую можно назвать поріями или партією сохраненія, еще многочисленнѣе. Она держитъ оппозицію наспоящему правительспву, не по неспріязни къ царспвующей динаспіи, а по причинѣ про-

исхожденія нынѣшняго порядка вещей изъ, подъ баррикадъ и развитія въ пылу мятежныхъ спраспей, что считаесть не только пропиво-законнымъ, но и пропивообщественнымъ, разрушительнымъ. Къ ней относятся Гг. Мунье (Moupiet), Руа, и многіе другіе члены такъ называемаго Ришельевского Министерства.

Третья категорія, основанная на тѣхъ же началахъ, тѣснѣе связана съ Министерствомъ. Ея основное правило: искать въ людяхъ, когда ищешь вещей. Вокругъ этой аксіомы группируются характеры изношенныя, одряхлѣвшіе надъ дѣлами, каковы Гг. Симеонъ, Порпалисъ, Барбе-Марбуа, служившіе в Имперіи и Реставраціи, характеры хилые, преклоняющіеся предъ всеми обстоятельствомъ и богопворащіе всякую удачу.

Отсюда недалеко уже до чисто Министерской партіи. Только министеріалисты въ Палатѣ Перовъ имѣютъ весьма разное происхожденіе; одни изъ нихъ остатки Конвента, другіе прежняго Сената, третьи Реставраціонной Палаты Перовъ; и сія странная амальгама цвѣтовъ и мнѣній ни чѣмъ такъ не можесть выразиться, какъ н. п. соединеніемъ Гг. Редера и Герцога де Бриссакъ вокругъ одного Министра и одной системы.

Съ нѣкотораго времени, въ Палатѣ примып-

но желаніе образоватъ родъ средней партіи, хлопочущей о независимости, съ сохраненіемъ выгодныхъ мѣстъ и пенсіоновъ. Вы знаете, что въ каждомъ Парламентѣ бываютъ люди, имѣющіе двойное честолюбіе: занимають доходныя должности, и пользуются народностью; герои жалованья, обитатели гостиныхъ, прибуны кабинета и вечернихъ разговоровъ; люди, ни когда не отдѣляющіеся отъ Министертва, когда дѣло идетъ о житейскихъ потребностяхъ. Въ Палатѣ Перовъ, сія партія олицетворяется въ Г. Вильменъ.

Наконецъ, оппозиція формальная такъ малочисленна и къ помужъ еще такъ слаба палатами, что ее едва можно считать за партію. Что и. п. значатъ Гг. Буасси д'Англа (сынъ), Лемерсье и Понпекуланъ? Крикуны, часто нескладные, коихъ голоса раздаются безплодно!

§ I.

ЛЕГИТИМИСТЫ.

Въ партіи собственно легитимистовъ различаются два главныхъ оппѣнка: одни, которые идутъ прямо противъ настоящаго правительстна Франціи, насадая на его начало, отрицаютъ

законность его происхожденія; однимъ словомъ, рапъ, предводительствуемая Гг. Брезе, де Ноалемъ и Виконтомъ Дюбушажъ; и попомъ, шоріи, или поборники системы сохраненія, вооружающіеся не на людей, а на вещи, представителями коихъ я полагаю Гг. Мунье и Графа Руа.

Виконтъ де Дрё-Брезе еще молодъ. Я думаю, онъ принадлежитъ къ тѣмъ философическимъ началамъ, къ тому религіозно-миспическому направлению, коихъ краснорѣчивымъ органомъ былъ некогда журналъ Будущность (Avenir). Только Г. де Брезе, лично преданный старшей линіи Бурбоновъ, знаетъ очень хорошо, что до существенныхъ результатовъ не дойдешь съ одними теоріями. Философія хороша въ той поэтической часпи жизни человѣческой, которая отрывается отъ земныхъ предметовъ, дабы сосредоточиться въ познаніи самой себя и въ нравственныхъ отношеніяхъ къ ближнимъ; но что значить философія, когда дѣло идетъ о мнѣніяхъ живыхъ, дѣятельныхъ, кипящихъ, которыя бѣгутъ въ слѣдъ за событіями? Посему Г. де Брезе обратилъ свое вниманіе на положительное, на интересы матеріальные; и отсюда его глубокія изученія бюджета и всегдашнее обращеніе мысли на основную цѣль всякой оппозиціи, на реформу системы выборовъ и финан-

совъ. Недоспапокъ Г. де Брезе сослоипъ въ помъ, что онъ не довольно знаетъ собраніе, предъ копорымъ говоритъ: ошсюда его вспыльчивость, его излишняя живость и рѣзкость въ рѣчахъ, что не очень ладится съ духомъ Палапы Перовъ. Конечно, принаровляясь болѣе къ темпераменту своихъ клеветовъ, Г. де Брезе нащель бы къ себѣ гораздо больше соучастія; но всякой слишкомъ громкой шумъ, всякое слишкомъ рѣзкое выраженіе, не по душѣ мирному сословію благородныхъ патрицевъ, ищущихъ опдыха и спокойствія. Къ помужъ извѣстно, что у Г. де Брезе есть свои фамильные привязанности, свои частныя обязательства и личныя виды; и это также опчасни содѣйствуетъ къ тому, что мнѣнія его мало находятъ опзыва. Обладая опличнымъ паланпомъ анализа и сильною логикою, Г. де Брезе не имѣетъ ни въ голосѣ, ни въ пѣлдвиженіяхъ, ничего орапорскаго; его рѣчь иногда очень прудна и тяжела, иногда слишкомъ бурна и порывиста. Сверхъ того, Г. де Брезе говоритъ слишкомъ часто: это натурально вынашивается, испаряетъ палантъ; мудроно не даватъ промаховъ, ежедневно споя на проломъ, защищая систему или мнѣніе. Кто при старшей линіи Бурбоновъ приобрѣлъ себѣ наиболѣе репутаци въ полишическомъ краснорѣчїи и честности? Г.

Ройе-Коларь, о которомъ извѣстно, что онъ говорилъ только въ важныхъ случаяхъ, когда дѣло шло о существенныхъ выгодахъ и жизненныхъ спихяхъ правительства.

Герцогъ де Ноаль говоритъ гораздо крошче, убѣдительнѣе; опъ того и слушающъ его благосклоннѣе. Эта фамилія Ноалеѣ имѣетъ удивительную судьбу. Какъ всѣ старинныя вельможескія фамиліи Франціи, она принаровлялась ко всѣмъ оппѣнкамъ мнѣній, господствовавшихъ въ обществѣ; никогда не была слишкомъ упряма на уступки; одинъ изъ ея предковъ, въ угожденіе Людовику XIV, женился на Дѣвицѣ д'Обиньѣ, племянницѣ Гжи де Менпенонъ. Возмните три фамиліи: де Пуа (Роіх), д'Эйянь (Ауен) и де Ноаль; вы найдете имена ихъ вездѣ. Не есть ли это родъ взаимнаго застрахованья между большими фамиліями? Не знаю; по крайней мѣрѣ, поже самое замѣчается въ фамиліяхъ Монморанси, Ла-Рошфуко, Мортемарь, Талейранъ, Латуръ-Мобуръ. Герцогъ де Ноаль исповѣдуетъ вѣрность не измѣненную неочаспями; это никогда не можетъ весити къ личнымъ выгодамъ, рѣдко соглашается и съ выгодами государственнаго чловѣка; но, во всякомъ случаѣ, дѣлаетъ честь благородству характера; а когда талантъ и вѣрная оцѣнка дѣлъ соединяются съ сею добросовѣстною некорреспностью.

внутреннему убѣжденію, не лзя не возбуждать соучастія, какъ бы ни были предубѣждены служители. Посему Герцогъ де Ноаль находить благосклонное вниманіе къ самымъ крайнимъ своимъ мнѣніямъ; его рѣчь имѣетъ въ себѣ по аристократическое изящество, пу вѣжливостъ и любезностъ, копорья, будучи наследственнымъ достояніемъ большихъ вельможъ, нравятся всѣмъ безъ исключенія. Г. де Ноаль говоритъ мало; но во всѣхъ важныхъ дѣлахъ, особенно при разсужденіи о наследственности Перовъ, производилъ сильный эффектъ въ Палатѣ. Въ сіе-то время партія легитимистовъ раздѣлилась на двѣ стороны. Нѣкоторыя изъ Перовъ сей категоріи признали за необходимое оставить Палату. Они рѣшились осуществить давно положенное ими намѣреніе, покончить съ присягою, несогласною съ ихъ привязанностями и воспоминаніями; таковы были Гг. де Фиц-Джемсъ, Шапобріанъ, и другіе. Но это была одна изъ важнѣйшихъ ошибокъ партіи легитимистовъ: упустили изъ рукъ такой прекрасный случай, такое сильное средство дѣйствованія, чѣмъ прибѣгнуть наконецъ — къ чему же? — къ необходимости явиться черезъ два года кандидатами, въ избирательныхъ коллегіяхъ, на званіе Депутата! Имѣть кафедру споль высокую и споль видную, владѣть голосомъ такъ сильнымъ и вняп-

нымъ, и все это бросить съ такою опрометчивостью! Еслибы двадцать Перовъ, оставившихъ добровольно Палату, занимали еще въ ней мѣста свои, голоса Гг. де Брезе и де Ноаль не раздавались бы теперь въ пустынь, при важныхъ разсужденіяхъ. Талейранъ сравнивалъ поступокъ ихъ съ поступкомъ людей, которые, въ надеждѣ воскреснуть на Спрашномъ Судѣ, вздумали покаместъ убить себя.

Не знаю, говоритъ ли о Г. Дюбушажъ и его вздорномъ, часто безполковомъ крикѣ. Г. Дюбушажъ совсѣмъ не внушаетъ того высокаго политическаго уваженія, какъ его клеветы по образу мыслей. Онъ занимаетъ кресла въ Палатѣ, по праву наслѣдственности, какъ племянникъ Графа Дюбушажъ, того самаго, который на минуточку явился Министромъ Морскихъ Дѣлъ при Людовикѣ XVIII, въ то время какъ во Франціи импровизировали морское управленіе; Министромъ впрочемъ добросовѣстнымъ, даже не безъ талантовъ, но съ предразсудками и воспоминаніями. Г. Викомпу Дюбушажъ не было счастья во всѣхъ спекуляціяхъ его жизни; имя его частенько раздавалось въ трибуналахъ; онъ долго присудствовалъ подъ сводами Сенн-Пелажи, и не однократно Палата, по разнымъ требованіямъ, должна была давать

законное разрѣшеніе на арестованіе и заключеніе Пера Франціи въ особѣ Г. Виконта. Эпо, конечно, были несчастные случаи; но Г. Дюбушажъ не изглаживаетъ пѣни, ими бросаемой, ни существеннымъ талантомъ, ни основательнымъ знаніемъ дѣлъ: вся его дѣятельность ограничивается крикливостью, въ коей видно только личное, мѣлкое, эгоистическое нерасположеніе къ существующему порядку вещей. Но все, что опъзывается личностью и эгоизмомъ, не можетъ внушать къ себѣ участія. Посему Г. Дюбушажъ, больше вредитъ, чѣмъ приноситъ пользы своей партіи въ Палатѣ Перовъ.

Между легипимистами-торіями, главною фигурою рисуется Баронъ Мунье. Его роль заслуживаетъ подробнѣйшаго объясненія. Г. Мунье принадлежитъ къ Реставраціи, хотя началъ жизнь вмѣстѣ съ Имперіей. Секретарь-переводчикъ Наполеона, онъ, еще съ молода, привязался къ политическому поприщу Герцога де Ришельё, которому служилъ при финансовыхъ переговорахъ съ союзниками, и котораго потомъ сопровождалъ на Ахенскій Конгрессъ. Вообще, по характеру своему, Г. Мунье привязанъ ко всякой правильной администраціи. Онъ уменъ, имѣетъ много разнообразныхъ свѣденій; но часто видитъ вещи съ мѣлочной ихъ стороны и рассу-

ждаеть о политическихъ предметахъ съ ограниченной и совершенно матеріальной точки зрѣнія. Можетъ быть, это по старой памяти о своихъ занятіяхъ по части полиціи, которою управлялъ онъ два или три года. Г. Мунье не расположенъ къ вывѣшней системѣ правленія, но выражаеть свои неудовольствія съ чрезвычайною оспорожностію: не въ его напуръ бытъ главой оппозиціи шумной и рѣзкой; онъ хватается только за подробности въ обсуживаемыхъ законахъ и мѣрахъ, и если иногда пускаеть въ оборотъ нѣкоторые начала, то всегда связываетъ ихъ съ воспоминаніями Реставраціи, коей есть живое выраженіе. На трибунѣ, онъ говоритъ свободно и легко, но слишкомъ уже обильно; рѣчь его льется рѣкою, чистой и ясной, только идеи, излагаемая имъ, весьма прости, безъ всякой возвышенности. Г. Мунье не есть человекъ государственный, онъ былъ бы превосходнымъ секретаремъ въ обыкновенной жизни регулярнаго правительсва.

Высокое финансовое положеніе Графа Руа опредѣляетъ мѣсто, занимаемое имъ въ Палатѣ. Не возможно, чтобы одинъ изъ богатѣйшихъ помѣщиковъ Франціи не ладилъ съ правительствомъ, каково бы оно ни было, если только сіе правительсво ограждаетъ право

собственности. Впрочемъ Графъ Руа сохраняетъ въ своемъ образѣ мыслей привязанность къ старому порядку вещей; онъ въ безпрестанной борьбѣ съ нововведеніями, которыя называютъ разрушительными. Подобно Графу де Сен-Крикъ, этому великому изобрѣтателю запретительныхъ и поощрительныхъ системъ, онъ имѣетъ свои твердо установленныя идеи по части промышленности. Вы никогда не заставите его согласиться на какое-бы то ни было измѣненіе, и. п., въ настоящей системѣ таможенныхъ пошлинъ. Владѣя огромными лѣсами и богатѣйшими заводами, онъ естественно долженъ быть противникомъ всякаго проэкта, клонящагося къ свободѣ торговли. Собственность сдѣлалась для него манією; ежегодно прибавляетъ онъ новыя тысячи десятинъ къ своимъ лѣсамъ, коими покрыто уже нѣсколько департаментовъ. Огромность его лѣсныхъ владѣній можно только сравнить развѣ съ владѣніями Маркиза де Лувуа, помѣщика почти всего департамента Йоны. Г. Руа обсуживаетъ съ большою ясностію и точностію предметы, касающіеся до финансовъ, и сіе расположеніе къ ясности и точности сохраняетъ вездѣ, такъ что есть врагъ всякой теоріи, выходящей изъ предѣловъ, дознанныхъ опытностію. Въ рѣчахъ его никогда не замѣтно воспоминаній, тѣмъ болѣе

сожалѣнія о старшей линіи Бурбоновъ; но, при всякомъ случаѣ, онъ защищаепъ съ жаромъ финансовую систему Респавраціи, какъ собственное свое созданіе. То, чѣмъ Г. де Ко служипъ части военной, различные спаписпическіе взгляды и соображенія, Г. Руа дѣлаепъ не рѣдко по части финансовъ, и въ семъ опношеніи оказалъ большія услуги партіи легипимисповъ, вообще ограничивающейся декламаціей и рѣдко углубляющейя въ положипельную сущность дѣлъ.

Я исчислилъ здѣсь главныхъ предспавипелей обоихъ оппѣнковъ партіи легипимисповъ въ Палатѣ. Перехожу ко второй, копорую можно назвапъ среднею партіею (*tiers-parti*).

§ II.

ПАРТІЯ СРЕДНЯЯ.

Г. Вильмень недавно изумилъ до такой степени Палату Перовъ, подпавъ знамя оппозиціи, что Г. Пакъ побоялся даже назначипъ его въ Адресс-Коммисію. Но, по моему мнѣнію, эта оппозиція не можепъ иппи слишкомъ далеко. Г. Вильмень, вѣроятно, хопѣлъ только показатъ, что и онъ не чуждъ рвенія къ усовершенспвованію, что и онъ можепъ имѣтъ собственныя, независимыя мнѣнія; ибо предполагатъ, чпобы

онъ въ самомъ дѣлѣ могъ сдѣлаться государственнымъ человекомъ, значить не имѣть понятія объ его характерѣ и образѣ мыслей. У него есть потребность быть извѣстнымъ, пусть о себѣ славу; какъ императоръ, онъ любитъ блеснуть и надѣлать шуму; но надо отдать ему справедливость, что, во всѣхъ переворотахъ своей жизни, онъ постоянно оспался академикомъ и императоромъ. Онъ не можетъ имѣть претензіи собрать вокругъ себя партію, быть главою мнѣнія твердаго и независимаго; это было бы выше силъ его, и совсѣмъ несовмѣстно съ предидущими, слишкомъ колоритными, обстоятельствомами его политической жизни. Г. Вильмень началъ свое поприще лавровымъ вѣнкомъ, полученнымъ отъ Института въ 1814 году, въ присутствіи трехъ союзныхъ Государей. Дѣло, кажется, шло о похвальномъ словѣ въ честь Монпаня; и, при семъ случаѣ, Г. Вильмень, со всею академическою пышностью проповѣ и фигуръ, изобразилъ поржество Франціи, освободившейся отъ ига Наполеона. Такое неуваженіе къ бѣдствіямъ высокой главы, достигнутой рокомъ, было во вкусѣ тогдашней эпохи; я не виню его за то. Въ 1815 году, Г. Вильмень вступилъ въ службу по Министерству Полиціи при Г. Деказѣ; потомъ, вмѣстѣ съ покровителемъ своимъ, перешелъ въ Мини-

сперство Внутренних Дѣлъ. Г. Вильмень былъ тогда еще молодъ; наполненный воспоминаніями великаго вѣка, идеями о Кольбертовскомъ покровительствѣ паланповъ, и обращеніемъ къ своеволію гласности, онъ имѣлъ свои маленькіе капризы относительно журналовъ, изъ которыхъ одинъ былъ запрещенъ по собственноручно написанной имъ бумагѣ, коей любопытный оригиналъ сохраняется доселѣ въ рукахъ бывшаго директора изданія. Вѣрный привязанности своей къ Г. Деказу, Г. Вильмень вмѣстѣ съ нимъ вышелъ изъ Министерства. Тогда началось его либеральное поприще: явился Кромвель, потомъ Ласкарисъ, произведенія холодныя, поддѣланныя подъ понъ современныхъ политическихъ идей, но не произведенія никакого дѣйствія, поелику все достоинство ихъ заключалось въ красивой обработкѣ и мѣрномъ кадансѣ спила. Г. Вильмень былъ брошенъ снова въ политическую жизнь грубымъ опрѣшеніемъ, коимъ Г. де Корбьеръ почпилъ его вмѣстѣ съ другими Членами Института; онъ потерялъ тогда свое мѣсто Рекетмейстера. Публика приняла съ энтузіазмомъ опалу, коей онъ подвергся. Открыли въ пользу его подписку, и Г. Вильмень обѣщалъ Григорія VII, историческое сочиненіе, котораго духъ, говорясь, значительнo измѣнился въ слѣдствіе раз-

ныхъ перевороповъ судьбы Г. Вильмена. Когда онъ возимѣлъ первую мысль о семь прудѣ, онъ былъ жертвою Конгрегаціи, и ликъ Первосвященника, создавшаго могущеспвенную державу Каполицизма, еспеспвенно предспавлялся ему сквозь призму набожнаго Минисперспва, его поразившаго; Григорій VII какъ будпо подписалъ его отрѣшеніе, и сіе великое историческое лице было преслѣдовано за оскорбленіе Г. Вильмена. Нынѣ Перъ Франціи уже не сполько чуждъ современнаго движенія историческихъ идей, чпобы гнать такимъ образомъ одну изъ величайшихъ физіономій среднихъ вѣковъ; и пакъ всѣ спарыя подмоспки сочиненія сломаны; въ продолженіе пяти лѣтъ, Г. Вильмень передѣлываетъ его на современный манерь. Я не думаю однако, чпобы Г. Вильмень былъ изъ числа тѣхъ людей, кои живутъ въ свѣтѣ репутаціею сочиненія, еще не сдѣланнаго. Г. Вильмень, вѣроятно въ какой-нибудь серьезной работѣ, найдетъ еще нѣсколько блеспокъ славы, которой никогда не дождашься ему опъ политической оппозиціи. Ибо чпо значитъ эта оппозиція? Живое изображеніе средней партіи Г. Дюпена въ Паламѣ Депутаповъ, по есть нѣсколько независимыхъ фразъ въ положеніи самомъ зависимомъ, которе хочепся сохранить во чпобы по ни спало. Г. Вильмень конечно

не захочетъ опказаться опть своего мѣста въ Университетѣ съ жалованьемъ 24,000 Франковъ, такъ какъ Г. Дюпень не откажется опть своего Президентства и мѣста Генерал-Прокурора въ Кассационной Палатѣ. Чпобы имѣть вѣсь и существенное вліяніе на политическомъ поприщѣ, не достаточно фразъ, надо дѣло. И вопъ почему Г. Вильмень остается одинъ въ Палатѣ Церовъ.

(окончаніе слѣдуетъ).

МОСКВА. ВЪ ТИПОГРАФИИ Н. СТЕПАНОВА.

Печатать позволается. Москва, Ноября 30 дня, 1834 года.

Цензоръ А. Болдыревъ.

ТЕЛЕСКОПЪ.

ХІІІ.

Б Р А К Ъ

ВЪ КОНСТАНТИНОПОЛЬ.

(окончаніе).

Возвратимся къ празднеству. Никогда, можетъ быть, на берегахъ Босфора и въ Константинополѣ, не было такого многочисленнаго собранія женщинъ. Мухаммеданки, съ покрытыми лицами, закупанныя въ плащахъ; Армянки обоехъ исповѣданій, также съ покрытыми лицами, хопя и христіянки; Жидовки, съ головой, покрытой бѣлой матеріей, но съ лицомъ обнаженнымъ; наконецъ Гречанки, совершенно открытыя, съ своими длинными, пемными волосами, убранными въ высокую, широкую, прозрачную прическу. Здѣсь почти на

каждомъ шагу вспрѣчаются черты удивительной правильности, чистоты и нѣжности; конечно, не найдете шѣхъ гибкихъ, пчелиныхъ палій, очаровательныхъ шурнюръ, кои восхищаютъ васъ въ Парижѣ; у большей части здѣшнихъ женщинъ, одежда подавляетъ прелести корпуса; прийдомъ сколько имъ вредитъ привычка сидѣть на софѣ и не доспадокъ обыкновенныхъ упражненій; онѣ не умѣютъ ходитъ; онѣ не свободны. Но гдѣ можно найти головки прекраснѣе, по рисунку и по колориту? Не пребуйте опъ ихъ выраженія тонкаго и проницательнаго ума, или высокаго нравственнаго чувства; какъ и пребывать того, чего не позволяеть имѣть ихъ положеніе? Пожалѣйте лишь, и пожалѣйте искренно — вы должны это сдѣлать — что такое чудесное созданіе представляеть собою одинъ только эскизъ. Голосъ ихъ причинитъ вамъ другое разочарованіе: онъ монотоненъ и грубъ; ему не достаетъ той прелести выговора, которая мѣняетъ звукъ и разнообразитъ выраженіе его множествомъ счастливыхъ оппѣнковъ; ихъ голосъ, какъ и лице, не имѣетъ физіономіи; пакоежъ покрывало наброшено и на слова ихъ. Это опъ того, что всѣ женщины Воспока, какого бы ни были въ происовданіи, содержатся ревностью мужчинъ въ рабствѣ и зависимости: Греческая

Армянская церковь, также какъ мечеть, назначаютъ имъ особое мѣсто, даже иногда имѣютъ два отдѣльные припвора, изъ коихъ каждый имѣетъ свой алтарь и свою службу; въ кругу семейства, за споломъ, у женщинъ своя особенная прислуга. Свободнѣе всѣхъ изъ нихъ Гречанки, и это обнаруживается ихъ шумалепомъ, копорый болѣе приближается къ Европейскому, равно большею, по крайней мѣрѣ во внѣшности, легкосипью нравовъ. Но наиболѣе жадны до свободы Музульманки: можно ли не заключать того, видя, съ какимъ рвеніемъ пользуются онѣ правомъ выходить изъ дому, которое дается имъ въ нынѣшній праздникъ, съ какой почтоспью являюся ежедневно на однихъ и тѣхъ же представленіяхъ, не упомляясь однообразною ихъ скудоспью? Значипъ, воздухъ гарема для нихъ пажель; значипъ, домашнее одиночество имъ очень скучно. Да и можетъ ли бытъ иначе, когда за исключеніемъ хозяйственныхъ заботъ, отъ копорыхъ болшей частью избавляютъ ихъ служители, у нихъ нѣтъ, благодаря ихъ совершенному невѣжеству, ни одного изъ тѣхъ занятій, кои созидаюся чпеньемъ, ученіемъ, упражненіемъ въ искусствахъ, или воспитаніемъ дѣтей? Отъ того онѣ и неупомимы такъ на праздникъ. Впрочемъ, онѣ пользуются здѣсь лучшими мѣстами, копорыя для нихъ оставляюп-

ся, и имѣютъ при себѣ спражу, охраняющую ихъ отъ дерзости любопытныхъ. Сохраняя полную справедливость, спѣшимъ объявить, что Турки, съ своей стороны, оказываютъ имъ, болѣе чѣмъ наружную вѣжливость; они съ ними почтительны, хотя, само собой разумѣется, эта почтительность почти поже, что уваженіе владѣльца къ своей собственности. Однакожь праздникъ не весь имъ предоспавленъ: пока солнце бодрствуетъ за мужей, очень хорошо; но какъ скоро оно исчезнетъ, бѣдетъ часть отступленія; прощай фейерверки, прощай иллюминаціи! Маршъ по домамъ! Бѣдныя женщины, какой военной строгости подчинены онѣ, защитѣ штыковъ и дисциплинѣ барабановъ! Но кто знаетъ, можетъ быть эта самая строгость возбудитъ въ нихъ ропотъ противъ столь ужаснаго рабства, подспрекинетъ желаніе свергнуть съ себя иго? Кто знаетъ, не броситъ ли этотъ праздникъ сѣмянъ самаго рѣшительнаго заговора противъ спарыхъ обычаевъ, конхъ такъ упорно держався мужья? И онѣ можетъ быть захотятъ воспользоваться благодѣяніями реформы. Терпѣніе! Увѣряютъ, что Махмудъ уже позволяетъ женамъ своимъ, когда онѣ хотятъ, одѣваться въ гаремѣ по Европейски: Махмудъ есть монархъ обычаевъ, такъ какъ Мегеметъ-Али есть монархъ промышленности; онъ посягнулъ на ту-

адепъ цѣлой Имперіи; мушцины и женщины подверглись реформѣ въ эпомъ опношеніи; эпо деспотъ костюма. И пакъ будемъ надѣяться, чпо покрывало скоро спадетъ съ лица женщины: эпо очень можетъ случиться. Покрывало, набрасываемое рукой мушцины на лице женщины, есть свинцовая маска; опъ эпого покрывала, не далеко до мѣшка, въ который онъ сажаетъ ее, чпобы бросить въ каналъ; пайнспвенность, возлагаемая на женщину мушциной, есть пюрма; ненависпная пайнспвенность! И однакожь, когда женщина накрывается имъ свободно, неизъяснимая прелеспъ заключается въ эпомъ покрывалѣ, которое волнуется и не ппягопиптъ, въ эпомъ легкомъ облакѣ, коимъ звѣзда по своей волѣ облакается, которое по своей волѣ свергаетъ!.. Женщинамъ Запада мало знакома пайнспвенность; онѣ должны были сражаться съ опкрытымъ челомъ, чпобъ завоевать себѣ свободу, и, по неимѣнію еще всей полноты своихъ правъ, можетъ бытъ не спыдяпса своей свободы. Здѣсь женщины имѣютъ все безспыдство рабства; ничпо не сравнится съ дерзоспью ихъ глазъ; онѣ смопряптъ, какъ будто ихъ никто не видитъ. Впрочемъ, онѣ начинаютъ уже явно ппягопиптъся своимъ положеніемъ; прелюбодѣяніе и распущиво вкрадываются въ ихъ нравы; разводъ жадно ими пребуется, и сіи пребованія каждый

разъ выполняющся, какъ скоро согласны съ законами. Чпо Турецкія женщины спрадають, помясь смупною жаждою другой лучшей участи, вопъ чего не лзя оприцаць, смопря на ихъ лица, запечашлѣнныя слѣдами желаній, худо удовольствованнхъ. Нѣкоторые глубокомысленные наблюдатели приписывають это выражеше блѣдности и спраданія, единственню злоупотребленію бань; но мы думаемъ, оно содержитъ въ себѣ предвѣстіе близкаго кризиса.

Однако, мы еще ничего не сказали о новобрачныхъ. Да и чпо сказать о супругѣ? Ея имя: Султанша Салише. Вопъ и все. Безъ сомнѣнія, въ продолженіе сихъ празднествъ, окруженная, въ Императорскомъ гаремѣ, гаремами Пашей и Министровъ, она плаваеть въ морѣ поздравленій и привѣтствій, дышитъ атмосферою благоуханныхъ, ароматическихъ куреній: безъ сомнѣнія, она блиспаеть предъ ослѣпленными взорами, всею пышностью юной супруги, и часенько примѣриваетъ богатые наряды, которые, говорясь, выписаны изъ славнѣйшихъ модныхъ магазиновъ Парижа, улыбаясь, можетъ быть, среди окружающихъ ее дамъ, оспроумисму искусству Европейской цивилизаціи. Чпо касается до насъ, мы къ привѣтствіямъ, конми ее осыпають, присовокупляемъ наше опъ всего сердца: ибо думаемъ, чпо бракъ ея, празднуемый съ такимъ блескомъ и великолѣпиемъ, бу-

депѣ споспѣшествовать къ возвышенію достоинства ея пола. Въ разсужденіи супруга, который при подобномъ бракѣ играетъ второстепенную роль, имя его: Галиль - Паша. Объ немъ говорятъ, что онъ коротко знакомъ съ языками и обычаями Европы, имѣетъ характеръ добрый и любезный. Степень, на которую возшелъ онъ изъ состоянія невольничества, должна бы была предполагать въ немъ заслуги выше посредственности, если бы было извѣстно, что онъ обязанъ своимъ счастьемъ Сераскиру Пашѣ, котораго былъ сыномъ и думеею. Такое усыновленіе, обыкновенное въ Турціи, имѣетъ иногда причины достойныя уваженія; но здѣсь начало его не совсемъ чистое. Общій голосъ говоритъ, что Галиль-Паша, въ своей молодости, составлялъ часть мужскаго гарема Сераскира-Паши. Подобная служба здѣсь очень обыкновенна и часто содѣйствуетъ молодымъ людямъ къ возвышенію по арміи. Эти нравы, надо сказать, суть нравы характеристическіе всѣхъ Музульманскихъ народовъ: Турковъ, Персіянъ, Арабовъ. Предоставляемъ мудрецамъ нашего вѣка рѣшить, не есть ли это результатомъ состоянія женщинъ у сихъ народовъ.

Наконецъ, наступило 15 Іюня. Наканувъ, съ большою церемоніею перевезли во дворецъ Принцессы ея сокровища, подарки, которыми она осылана, и всѣ вещи, назначенныя служить для

ея личнаго упопробленія и для домашняго хозяйства: приданое, бѣлье, шуалепъ, кухонную посуду и проч. Сто муловъ, пять экипажей, двадцать пять фуръ и придцать повозокъ, сопровождаемые двумя эскадронами конницы, упопроблены были для этой пышной перевозки. Въ этотъ же день, передъ полуднемъ, по нарочно сдѣланной дорожкѣ, огороженной съ обеихъ боковъ, поплылись изъ Императорскаго дворца, сперва весь Штабъ войскъ, расположенныхъ по Босфору, Паши, Миниспры въ полу-Европейскомъ костюмѣ; высшіе члены сословія Улемовъ, спрое хранители древняго костюма; великій Муфти, въ бѣломъ пюрбанѣ, украшенномъ широкою золотою повязкою, въ бѣломъ обширномъ плащѣ, и возлѣ него, великій Визирь, оба живыя развалины прежней Оппоманской Имперіи; позади, какъ сокращеніе ихъ могущества, Серакиръ Паша, въ которомъ теперь сосредоточено все правительство, спарецъ восьмидесяти лѣтъ, съ краснымъ лицомъ, бѣлою бородою, энергическимъ здоровьемъ, низкаго роста, полстпый и дородный; попомъ коляски въ шестъ и въ чепыре лошади, коляски на Европейскій манеръ, наполненныя придворными дамами, одѣпыми и покрыпыми по обыкновенію, а у дверецъ ихъ, въ редингопахъ, на Русскій манеръ, съ оципанною талією, въ золотыхъ ожерельяхъ и поясахъ, господа черные евну-

хи, священная милиція, пощаженная реформою. Между семи экипажами красуется карета блестящая золотомъ, подобно древнимъ священнымъ колесницамъ, даръ Императора Николая I союзнику его Императору Махмуду; и за спорами ея скрывается царственная дѣва, юная супруга, можетъ быть вѣрное изображеніе Оптоманской Державы, обхваченной могучими объятіями обширной Русской Монархіи. Наконецъ послѣ длинной цѣпи арабавовъ, тщательно скрытыхъ и также наполненныхъ женщинами, два эскадрона копейщиковъ замыкаютъ шествіе. Этотъ поѣздъ провожаетъ молодую Султаншу до ея дворца, на порогъ коего ожидаетъ ее супругъ; и все кончено.

Въ послѣднихъ дняхъ праздника начали снова поговаривать о близкой блокадѣ Дарданеллъ Англо - Французскимъ флотомъ. Что будетъ дѣлать Турція? Что станеть дѣлать Европа? Вотъ ежеминутные вопросы, здѣсь и вездѣ. По насъ, мы думаемъ, что Западъ также нынѣ тяготеетъ Оптоманской Имперіей, какъ назадъ тому почти чепыреста лѣтъ тяготился Восточной Имперіей. Параллель поразительна! Нынѣ, онъ хочетъ помочь ей, и началъ шѣмъ, что самъ сокрушилъ ея силы. Такъ точно поступалъ онъ и тогда съ Восточной Имперіей. Онъ желаетъ спасти ее

опѣ общаго врага, и изъявляеть ей, въ своемъ покровительствѣ, чувство самой нерѣшимельной симпатіи, безъ вѣры въ успѣхъ своихъ усилій, безъ вѣры въ права ея на его подпору. Такъ точно поступалъ онъ и съ Восточной Имперіей. И Оптоманская Держава напрасно отрекается опъ самой себя и хватается за цивилизацію Запада; напрасно спѣшитъ на скорую руку побрапаться съ Европою; она сама сомнѣвается въ ея помощи, и покоряется, какъ приговору рока, союзничеству исполина, который спорожитъ у воропъ ея. Такъ точно поступала Восточная Имперія въ отношеніи къ Западу. Она старалась облапниться, чпобъ не быть завоеванною; но у воропъ ея бодрствовала другая ужаснѣйшая сила...

Приближаются великія событія. Уже прошло восемь вѣковъ, какъ скипающая орда, изъ глубины степей своихъ, ворвалась въ нѣдра Воспока, промѣняла шапры свои на дворцы и начертала имена своихъ Хановъ возлѣ именъ Кировъ, Александровъ и Конспаншиновъ. Теперь, кажется, эпо племя Тапаръ при послѣднемъ издыханіи. Въ бѣгъ своемъ, оно разбросало могущественныя династїи по пронамъ Самарканды, Гизны, Испагани, Багдада, Дели, Пекина, Иерусалима, Конспаншинополя: опъ спѣнь Киная до Москвы и до рубежей Гермаши, опъ Каира до Гибральтарскаго залива, оно разпространи-

ло свою державу, водворило свое владычество. И вопль, Кипай давно уже свергъ съ своего престола потомковъ Чингиса; Делійскаго Могола Англія сохраняетъ пошько Фантомъ; Египеть и Аравія освободились счастливой дерзостью Мегмепа-Али, копорый чувспвуепть, что могущество его можетъ быпь прочно пошько подъ условіями воплощенія, въ немъ и въ его наслѣдникахъ, древняго генія Арабовъ; Франція лишила владѣній Алжирскаго Дея; надъ Деями Триполя и Туниса плаваепть ипаже судьба; наконецъ Сулпанъ Конспанпинополя и Шахъ Тегерана колеблюпся, и Россія простираепть къ нимъ свои могучія объятія, какъ будпо настала минупа окончипть въковую борьбу ея съ симъ племенемъ и опмсипть за впорженія ордь его въ древніе ея предѣлы, разливъ на обѣ сіи Имперіи свѣпть Европейской цивилизации. Значипть, еспть минупы, когда самыя блиспательнѣйшія поколѣнія рода челоувческаго, чпобъ иппи впередъ, имѣюпть нужду въ чуждомъ вліяніи и управленіи. Шаперъ Оркана началъ сверпываться, и Опшпоманское племя, дабы развернупть элементы своей будущности, должно помѣстипсь подъ шапромъ гораздо обширнѣйшимъ.

Бракъ оқончанъ, оспается оппраздновать другой, болѣе важный. Вдова Конспанпиновъ, послѣ долговременнаго соединенія съ Мухаммедомъ II и Опшпоманскими Сулпанами, шребу-

епъ развода и жаждеть новаго брака. Въ своей благородной гордоспи, она негодуешъ, чпо величество Султановъ ея пажке покрыто, какъ лице дѣвъ ея, чпо ложе ея доспалось въ удѣль симъ эвнухамъ величія и славы. Уже Царь, съ мечемъ въ одной рукѣ и своею безпредѣльною Имперіею въ другой, ласкаешся къ ней и привѣтствуетуешъ, какъ царицу своихъ великолѣпныхъ владѣній. Вспревоженная Европа напрасно медлишъ давапъ свое согласіе: если вѣришъ всѣмъ предзнаменованіямъ, геній Петра Великаго гоповишся сойдти съ своего ледянаго прона, чпобы возсѣсть на берегахъ Босфора, и, можешъ бышъ, скоро возложитъ діадиму Царей на чело Константинополя, копорый, облеченный новою красою, будетъ мирно предсѣдательствовать на общихъ судьбахъ Запада и Востока, соединенныхъ подъ его скипетромъ *... Великъ Богъ!...

(REVUE DES DEUX MONDES).

* Мы сохраняемъ здѣсь сію краснорѣчивую выходку Французскаго энтузіаста, при всей ея полипической неосновательности, единственно для того, чпобы Русскіе видѣли, какое высокое благоговѣніе питаюшъ здравомыслящіе чужестранцы къ могуществу нашего великаго опечества и какихъ блистательныхъ судьбъ ожидаюшъ для него въ будущности. *Изд.*

XVI.

ДРУГОЙ ИЗЪ ТРИНАДЦАТИ.

(продолженіе).

Физиологи могутъ скоро опредѣлять любовь, держась законовъ природы, но моралистамъ гораздо труднѣе объяснить ее, если они захопятъ ее разсмапривать во всѣхъ направленіяхъ, сообщаемыхъ ей обществомъ. Не смотря на то, въ безчисленномъ множествѣ ересей, раздирающихъ царство любви, есть прямая и рѣзкая линія, которой не искривятъ никакіе споры, и которою вѣрно объясняется кризисъ, постигшій Герцогиню де Лавже, по общей участи всѣхъ почти женщинъ. Она не любила, но горѣла спрасьюю.

Любовь и спрасья сушь два различныя со-

споянія души, копорья поэты и свѣтскіе люди, философы и глупцы, безпрестанно смѣшивають.

Любовь допускаетъ взаимность чувствъ, увѣренность въ наслажденіякъ ничѣмъ не возмущаемую, и столь постоянный размѣнъ удовольствій, столь полное сліяніе сердець, что ревности нѣтъ мѣста. Тогда обладаніе бываетъ средствомъ, а не цѣлю; невѣрность заставляеть спрадать, но не разрываетъ любви; душа не воспламеняется и не хладѣетъ, она всегда равно счастлива. Сіе чувство, разлиное божественнымъ дыханіемъ по всей безпредѣльности времени, окрашиваетъ его для насъ въ одинъ цвѣтъ; жизнь становится лазурною, какъ чистое небо.

Спрась есть предчувствіе любви и ея безконечности, коей жаждаютъ всѣ спрадающія души. Спрась есть надежда, копорая иногда можетъ быть обманута. Она есть вмѣстѣ спраданіе и переходъ; спрась кончается, когда надежда умираетъ. Муцины и женщины могутъ имѣть въ жизни не одну спрась, безъ всякаго для себя безчестія; спремленіе къ блаженству такъ естественное; но любить въ жизни можно только однажды.

И такъ всѣ писменные и словесные споры о любви могутъ быть приведены къ симъ двумъ словамъ: спрась это, или любовь?

Такъ какъ любовь не существуетъ безъ пол-

паго испытанія всѣхъ наслажденій, коими она увѣковѣчивается, по Герцогиня находилась еще подъ игомъ спраспи. Она чувствовала всѣ ея пожирающія волненія, невольные расчелпы, изсушающія желанія, однимъ словомъ, все чпо разумѣется подъ именемъ спраспи. Она испинно спрадала. Посреди сихъ душевныхъ смятешій, поднимались не рѣдко вихри, воздвигаемые суетностію, самолюбіемъ, гордоспію, или высокомѣріемъ; ибо всѣ сіи видоизмѣненія эгоизма соприкасаются другъ съ другомъ. Она сказала уже избранному ею чловѣку: я люблю тебѣ, я пвоя! Герцогиня де Ланже могла ли сказать по напрасну сіи слова? Она должна была или бытъ любимою или опречься опъ мѣспа, занимаемаго ею въ обществѣ. Тогда, чувствуя во всей силѣ свое одиночество, она металась въ своей постелѣ, повпоряя: я хочу бытъ любима! И увѣренность, которою она имѣла въ себѣ, внушала ей надежду. Герцогиня была оскорблена, суетная Парижанка была унижена; но испинная женщина, провидѣла блаженство, и ея воображеніе, опмщая за время, поперянное для природы, разжигало предъ ней будущность неугасимыми огнями наслажденій. Она почпи возвышалась до чувствованій любви; ибо, во мракѣ сомнѣнія, находила единственную опраду повпоряшь себѣ: я люблю его! онъ для меня все! И дѣйствительно, Монриво былъ все для ней.

Слѣдующій день она провела въ какомъ — по нравственномъ оцѣпенѣніи, смѣшанномъ съ плѣсными волненіями, которыхъ описать не возможно. Она принималась писать письма и рвала ихъ въ тужь пору, дѣлала тысячу невозможныхъ предположеній. Въ попь часъ, какъ Монриво къ ней прихаживаль, она все ждала его, и это ожиданіе было для ней высочайшимъ наслажденіемъ. Тогда вся жизнь ея сосредоточивалась въ одномъ чувствѣ слуха. Она закрывала иногда глаза и переносилась слухомъ далеко за предѣлы окружающаго ея пространства. Попомъ желалабы имѣть силы уничтожити все препяпствія между ею и ея любовникомъ, чптобы создать вокругъ себя по совершенное безмолвіе, въ которомъ можно слышать малѣйшій шорохъ на безмѣрномъ разстояніи. Въ этомъ напряженіи, спукъ маятника былъ ей ненависпенъ. Онъ казался ей чѣмъ-то зловѣщимъ, и она остановила часы.

Въ госпиной ударило полночь.

— Боже мой! вскричала она про себя: видѣть его здѣсь, все мое блаженство! И было время, когда онъ приходилъ сюда, приходилъ самъ, водимый любовію. Голось его раздавался въ этомъ будуарѣ. А шеперь..

Она вспомнила о сценахъ, которыя съ нимъ играла, и которыя похипили его у ней... Слезы опчаянія долго лились изъ глазъ ея..

— Позвольте доложитъ, сударыня, сказала ей горничная, что уже два часа утра. Вамъ вѣрно не здоровится.

— Да, я хочу спать. Но помни, Сюзешта, примолвила ей Гжа де Ланже, опирая слезы, что я не люблю, когда ходятъ ко мнѣ безъ зову. Я не намѣрена повпорячь это въ другой разъ.

Цѣлую недѣлю Гжа де Ланже ѣздила во всѣ дома, гдѣ надѣялась встрѣпитъ Г. де Монриво. Пропивъ обыкновенія своего, она пріѣзжала очень рано и уѣзжала весьма поздно; переспала вовсе спанцовать, а только играла. Напрасные труды! Она не могла добиться случая увидѣть Армана, и не смѣла произнести его имени. Однако, разъ вечеромъ, въ минупу опчаянія, она рѣшилась сказать Гжѣ де Серизи, со всѣмъ равнодушіемъ, какое только могла принять на себя:

— Вы, вѣрно, поссорились съ Г. де Монриво, я его что-то не вижу здѣсь.

— Да онъ не бываетъ и у тебя, отвѣчала Графиня, смѣясь. Впрочемъ, его не видно нигдѣ; вѣрно, кѣмъ нибудь занятъ.

— Я полагала, продолжала Герцогиня съ пѣмъже спокойствіемъ, что Маркизь де Ронкероль одинъ изъ друзей его...

— Братъ никогда не говорилъ, чтобъ былъ знакомъ съ нимъ.

Гжа де Ланже не отвѣчала ничего. Тогда Графиня де Серизи воспользовалась случаемъ, котораго давно искала, опмспить своей пріятельницѣ за ея скромность, и заговорила сама:

— Такъ ты жалѣешь объ эпомъ чудакъ? Я слышала про него ужаснѣйшія вещи. Оскорби его, онъ не помирится никогда, не проститъ ничего. Люби, онъ прикуетъ тебя на цѣпь. На все, что ни говорила я объ немъ, одинъ изъ пѣхъ, которые превозносятъ его до небесъ, пвердилъ мнѣ одно только: *онъ уѣтитъ любить!* Безпрестанно напѣваютъ мнѣ: Монриво кипепъ все для своего друга, это безпредѣльная душа!.. Ба! экая фигура! Общество не нуждается въ эпихъ великихъ душахъ; такимъ людямъ всего лучше у себя дома; пусть они и живутъ тамъ, а насъ оспавляютъ въ покоѣ съ нашими мѣлочами. Какъ ты объ эпомъ думаешь, Антуанетта?

Не смотря на все свое искусство и привычку къ свѣту, Герцогиня не могла подавить въ себѣ волненія, однако отвѣчала съ такою еспественностію, что обманула Графиню:

— Мнѣ очень жаль, что я его не вижу; я принимала въ немъ большое участіе и хотѣла бы искренно съ нимъ подружиться. Не ужли это смѣшно тебѣ, Клара? Я люблю великія души. Отдавать себя какому-нибудь глуп-

цу, не значить ли явно доказывать, что не имѣешь въ себѣ ничего, кромѣ чувственности?

Гжа де Серизи *отликала* всегда однихъ только офицеровъ, и въ эту пору была любима однимъ прекраснымъ молодымъ Роммиспромъ, Барономъ де Моленкуръ.

Вы догадаетесь, что Герцогиня не долго пробыла въ гостяхъ. По возвращеніи домой, видя нѣкоторый лучъ надежды въ совершенномъ удаленіи Армана отъ свѣта, она поспѣшь написала къ нему самое покорное и нѣжное письмо, которое непременно должно было пронуть его, если онъ любилъ еще ее. Она велѣла отнести это письмо своему камердинеру на другой день утромъ; и когда сей послѣдній воропился, спросила, самому ли Г. Монриво въ руки опдалъ онъ его. Отвѣтъ былъ утвердительный, и Герцогиня не могла удержаться отъ невольнаго чувства радости. Арманъ былъ въ Парижѣ, онъ сидѣлъ дома, одинъ, не являясь въ свѣтъ! Спало, она любима!

Весь этотъ день она ждала отъ него отвѣта, но отвѣтъ не приходилъ. Посреди безпрепятственно возраждавшихся отъ неперенятія кризисовъ, она старалась всячески извинять это замедленіе: Арманъ былъ въ замѣшательствѣ; вѣрно, отвѣтъ прилепился черезъ почту. Но когда насталъ вечеръ, она уже не могла больше обманывать себя. Ужасный день, наполнен-

ный спрдааніями, опть копорыхъ сладко, препаніями, опть копорыхъ захвапыиваетъ духъ, волвеніями, опть копорыхъ жизнь надрывается и пропадаетъ.

На другой день она послала къ Арману за опвѣпомъ.

— Г. Маркизь приказалъ сказать, что онъ будетъ самъ, опвѣчалъ Жюльианъ, воропаясь.

Она убѣжала, чпобъ не дасть замѣшпипъ своего счастья, бросилась на канаве, чпобъ упипись первыми воспоргами блаженства.

— Онъ будетъ самъ!

Эта мысль исперзала ей всю душу. Въ самомъ дѣлѣ, горе шѣмъ сущесствамъ, для копорыхъ ожиданіе не еспъ ужаснѣйшая буря, долженствуюшая оплодопворяшь душу ихъ для сладчайшихъ уптѣхъ; онѣ не имѣли никогда въ себѣ пого пламени, копорое возбуждаешъ образы предметовъ, и какбы двоиптъ природу, привязывая насъ сполькожъ къ чпстой ихъ сущности, какъ и къ маперіальной дѣйствительности. Въ любви, ожиданіе, не значиптъ ли безпреставно прапиптъ и пошреблятъ извѣспное количество надежды, предаваясь ужасному бичу спраспи съ наслажденіемъ, неразочаровываемымъ испиною. Какъ непрерывное изліяніе силы и желаній, ожиданіе не поже для нашей души, чпю для извѣспныхъ цвѣповъ ароматическое благо-

уханіе? Скоро бросаемъ мы бездушную яркость кореопсисовъ и пюльпановъ, и возвращаемся безпрестанно къ сладкому запаху померанцеваго буспа и волькамеріи, двухъ распеній, кои, на ихъ роинахъ, невольно сравниваюпся съ молодыми обрученными, исполненными любви, у копорыхъ прекрасно прошедшее, прекрасно и будущее. Герцогиня предвкушала наслажденія своей новой жизни, ощущая съ нѣкотораго рода упоеніемъ сіи испаяванія любви. Измѣнивъ чувства, она увидѣла другое назначеніе для своей будущности, другой смыслъ всей своей жизни. Она поняла пеперь, что значить изысканность нарядовъ, попеченія самыя мѣлочныя о пѣлѣ, когда управляютъ ими любовь, а не суешность; и бросаясь спремглавъ въ свою уборную, нашла въ приготоовленіяхъ своего туалета средство облегчить для себя медленное печеніе времени. Одѣвшись и воропясь въ будуаръ, она погрузилась снова въ ужасныя волненія; нервы ея содрогались и рвались опъ безпрестаннаго разгрома, приводившаго въ броженіе всѣ ея мысли; соспоаніе, конечно, болѣзненное, но копорого спраданія пріятны!

Герцогиня была совершенно гопова къ двумъ часамъ по полудни, а Г. де Монриво не было еще въ одиннадцатъ съ половиною вечера.

Расказывать муки эпой женщины, копорую можно было назвапъ избалованнымъ ребенкомъ

цивилизаций, значило бы усиливаться объяснять, сколько поэзии душа может сосредоточивать въ одной мысли, домогаться взвѣсить всю силу, издыхаемую сердцемъ при каждомъ звукѣ колокольчика, или вычислить, сколько жизни потребляется опчаяніемъ, производимымъ карещой, коей спукъ продолжается безспанавочно.

— Онъ играетъ мной, сказала она, слыша, что бьютъ полночь.

Она покрылась смертною блѣдностью, зубы ея колопились другъ о друга, она бѣгала, хлопая въ ладоши, по будуару, куда онъ, бывало, являлся безъ всякаго зову. Эта послѣдняя мысль, блеснувъ въ умъ ея, внушила ей рѣшимость покориться своей судьбѣ. Не такъ же ли сама она заставляла его блѣднѣть и мепаться подъ оспирными стрѣлами своей ироніи? Тогда она почувствовала весь ужасъ судьбы женщинъ, кои, лишенные всѣхъ средствъ дѣйствованія, находящіяся въ распоряженіи мужчинъ, осуждены ждать, когда любятъ, Иппи самой на встрѣчу своему любовнику, есть вина, копорую сами мужчины рѣдко умѣютъ прощать. Большая часть изъ нихъ видятъ униженіе въ этомъ самопожертвованіи; но Арманъ имѣлъ великую душу, онъ долженъ былъ принадлежать къ малому числу: пѣхъ людей, кои умѣютъ плакать вѣчною любовью за такую чрезмѣрность любви.

— Очень хорошо, говорила она ворочаясь въ постель и не смыкая глазъ, я пойду къ нему сама, пойду, и подамъ первая руку, это не тяжело мнѣ. Истинный мужчина въ каждомъ шагѣ, сдѣланномъ для него женщиной, видить свидѣтельства любви и поспоянства. Да! ангелы сходятъ сами съ небесъ къ людямъ, и я хочу быть для него ангеломъ.

На другой день, она написала одну изъ тѣхъ записочекъ, въ коихъ блискаетъ умъ десяти тысячъ Севице, считающихся нынѣ въ Парижѣ. Впрочемъ, чтобъ такъ умѣть высказать свои жалобы не унижая себя, лепетъ на обоихъ крыльяхъ и не касаться земли, ропшать не оскорбляя, сердиться съ такой прелестью, прощать не роняя личного своего достоинства, сказать все и ни въ чемъ не признаться, надлежало быть Герцогинею де Ланже, воспитанницею Княгини де Бламонъ-Шоври. Жюльянъ отправился. Эпопѣ бѣдный Жюльянъ, какъ и всѣ камердинеры, былъ жертвою разныхъ маршей и контр-маршей любви.

— Что сказалъ Г. де Монриво? спросила она равнодушно Жюльяна, когда онъ воропился дабы опчетъ въ своемъ посольствѣ.

— Г. Маркизь приказалъ сказать, что очень хорошо.

Ужасный опливъ души къ самой себѣ! Получивъ предъ глазами любопытныхъ свидѣтелей

важнѣйшій для сердца приговоръ, и не смѣть обнаружить ропопа, видѣть себя принужденною къ молчанію.

Цѣлыя при недѣли, Гжа де Ланже ежедневно писала къ Г. де Монриво, и не получала никакого отвѣта. Она кончила пѣсмь, что сказала больною, дабы освободить себя отъ исполненія всѣхъ обязанностей, какъ въ отношеніи къ Принцессѣ, при которой она состояла на службѣ, такъ и въ отношеніи къ свѣту. Она принимала только отца своего Герцога де Наваррейнъ, двоюродную бабу по отцу, Княгиню де монъ-Шоври, спараго Видама де Памье, двоюроднаго дѣда по матери, и дядю своего мужа, Маркиза де Кассанъ. Всѣ они легко повѣрили болѣзни Гжи де Ланже, видя, что она съ каждымъ днемъ спановилась унылѣе, блѣднѣе и хуже. Пламя истинной любви, порывы оскорбленной гордости, непрерывно чувствуемое жало единственнаго презрѣнія, которое могло ее колоть, жажда наслажденій, беспрестанно ожидаемыхъ и все обманываемыхъ, всѣ эти силы, ежеминутно подстрекаемыя, почтили ея удвоенное бытіе. Она выплачивала теперь недоимки своей прежней, фальшивой жизни.

Наконецъ она выѣхала на разводъ, гдѣ долженъ былъ находиться Г. де Монриво. Помѣстясь на балконѣ Тюльери, возлѣ Королевской

фамилии, Герцогиня имѣла для себя одинъ изъ пѣхъ праздниковъ, о копорыхъ памянь долго сохраняется въ душѣ. Томность, разлипая во всѣхъ черпахъ, придавала ей какое-то высокое выраженіе; всѣ взоры привѣпспвовали ее съ восхищеніемъ. Она обмѣнялась нѣсколькими взглядами съ Г. де Монриво, присупспвіе коего сдѣлало ее сполько прекрасною. Генеральъ проходилъ съ своимъ опрядомъ у ея ногъ, во всемъ блескѣ военнаго костюма, эффектъ коего на воображеніе женщинъ не опвергается самыми строгими смиренницами. Для женщины, воспаленной любовью, копорая не видала своего любовника цѣлые два мѣсяца, это быспрое мгновение не должно ли было походить на одно изъ пѣхъ сновидѣній, гдѣ взоръ нашъ бѣгло обнимаепъ природу безъ горизонпа? Посему, сполько женщины и молодые люди, одни могутъ вообразипъ безумную, испупленную жадность, выражавшуюся погда въ глазахъ Герцогини. Что касается до мужчинъ, по, если въ своей молодоспи, въ пароксизмѣ первыхъ спраспей, они испытываютъ подобныя явленія нервическаго напряженія, по въ послѣдствіи забываютъ ихъ до того, что оприцаютъ самое существованіе сихъ роскошныхъ *экстазовъ* духа; единспвенное имя, какое сполько можно дапъ симъ великолѣпнымъ созерцаніямъ. Экспазъ миспическій есть сумасшеспвіе мысли, свергнувшей съ себя

всѣ плѣсныя узы; но въ экстазѣ любви соединяются, сплавливаются, разжигаютъ взаимно другъ друга обѣ стороны нашей двойственной природы.

Когда женщина дѣлается добычею бѣшенства, овладѣвшаго въ сіе время Гжею де Ланже; ея рѣшенія слѣдуютъ другъ за другомъ такъ быстро, что не возможно услѣдить за ними; мысли родятся одна изъ другой и рвутся въ душу, какъ облака, гонимыя вѣтромъ по сѣрой пеленѣ, закрывающей ликъ солнца. И такъ ограничимся событіями.

На другой день послѣ развода, Гжа де Ланже послала свою карету съ полной ливреей, и велѣла ей спояты у воротъ Маркиза де Монриво съ осьми часовъ утра до трехъ по полудни. Арманъ жилъ на улицѣ Сены, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Палаты Перовъ, гдѣ въ этотъ день было засѣданіе. Но еще за долго прежде чѣмъ Перы начали собираться въ Палату, многіе замѣтили карету и ливрею Герцогини. Молодой офицеръ, презрѣнный Гжею де Ланже и подхваченный Гжею де Серизи, Баронъ де Моленкуръ, первый призналъ людей ея. Онъ поспѣшью отправился къ Графинѣ и подъ секретомъ рассказалъ ей это необычайное сумасшествіе. Тотчасъ, новость сія телеграфически распространилась по всѣмъ угламъ Сен-Жерменскаго предместья, дошла до дворца, въ Элизе-Бурбонъ, сдѣлалась

предметомъ всѣхъ дневныхъ разговоровъ, съ полудня до вечера. Почти всѣ женщины отвергали возможность такого поступка, но такъ что другихъ заставляли пѣть болѣе увѣряясь; мужчины охотно вѣрили, изъясняя самое снисходительное участіе въ Гжѣ де Ланже.

— Эпопъ дикарь Монриво вылипъ изъ бронзы, онъ вѣрно попребовалъ самъ такой жершвы, говорили одни, складывая всю вину на Армана.

— Да, говорили другіе, Гжа де Ланже сдѣлала благороднѣйшій просупукъ! Въ глазахъ всего Парижа, опказаться для любовника опъ своего сана, богатства, значности, еспъ блистательнѣйшее поржесство женской природы, какъ опъ ударъ ножа, нанесенный самому себѣ. Англійскимъ парикмахеромъ, который сполько распрогалъ Каннинга предъ уголовнымъ судомъ. Ни одна изъ женщинъ, которыя порицаюпъ теперь Герцогиню, не рѣшилась бы на такой подвигъ, доспойный древнихъ временъ. Гжа де Ланже еспъ героиня. Теперь она уже не можетъ любить никого, кромѣ Монриво. Не запечатлѣвается ли всегда нѣкопорымъ величіемъ женщина, когда она можетъ сказать о себѣ: я буду имѣть только одну спраспъ!

— Но что будепъ съ обществомъ, сударь, когда вы будепе такъ величате порокъ, безъ всякаго уваженія къ добродѣтели? возразила же-

на Президента де Монпильонъ, урожденная Конспеллюкъ, на которую спрашно было взглянуть.

Между тѣмъ какъ дворець, предмѣстіе и Шоссе-д'Аншенъ, полковали о кораблекрушеніи сей вельможной добродѣтели, и усердные кавалеры скакали верхомъ, взглянуть собственными глазами на карешу Герцогини въ улицѣ Сены, дабы увѣрипсья, что она дѣйствительно была у Г. де Монриво; Гжа де Ланже лежала, прелещущая, во глубинѣ своего будуара. Арманъ, который не ночевалъ дома, прохаживался въ Тюльери съ Г. де Марсей. А высокіе родственники Герцогини ѣздили другъ къ другу, назначая у ней часъ свиданія, чпобы вмѣстѣ пожурипсь ее и подумашь о средспвахъ, какъ прекрапипсь соблазнъ, произведенный такимъ поспупкомъ.

Въ три часа, Герцогъ де Наваррейнъ, Видамъ де Памье, старая Княгиня де Бламонъ-Шоври и Маркизь де Кассанъ, собрались въ госпиной Гжи де Ланже, чпобы дождатсья ея возвращенія. Люди сказали имъ, какъ и всѣмъ любопытспвовавшимъ, чпо барыня уѣхала со двора. Герцогиня велѣла объявлять такимъ образомъ всѣмъ безъ исключенія. Сии чепыре особы, принадлежащія къ высшей сферѣ, коей Гопскій Альманахъ ежегодно повѣспвуетъ всѣ измѣненія и переворопы, пребуюпть крапкихъ очер-

ковъ, безъ которыхъ сія картина обществен-
ной жизни не будетъ имѣть полноты.

Княгиня де Блмонъ - Шоври была, въ жен-
скомъ мірѣ Парижа, самый поэпическій обло-
мокъ царствованія Людовика XV, къ коего из-
вѣстному прозвищу *, говорятъ, содѣйствовала
съ своей стороны по силѣ возможности, во время
прекрасныхъ дней своей юности. Изъ всѣхъ спа-
ринныхъ ея пріятностей, теперь оставался
полюбо бойко выдающійся впередъ, поненькій,
изогнутый какъ Турецкая сабля, носъ, состав-
лявшій главное украшеніе ея лица, похожаго на
изношенную бѣлую перчатку, и нѣсколько за-
крученныхъ, испудренныхъ волосъ; шубы съ ка-
блуками, кружевной чепчикъ *à coques*, черныя
мишени, и совершеннѣйшее удовольствіе при
каждомъ словѣ. Но, чтобъ опдасть ей полную
справедливостъ, надо еще прибавить, что
она имѣла шакое высокое понятіе о своихъ
развалинахъ, что по вечерамъ открывала шею,
надѣвала длинныя перчатки и подкрашивала
свои щеки извѣстными классическими румянами
Маршеня.

Ужасная любезностъ ея морщинъ, чудный
огонь взоровъ, глубокое доспоянство напечат-
лѣнное во всей особѣ, демонъ съ пройнымъ

* Людовику XV дано было прозваніе *любимѣйшаго (bien-aimé)*. Изд.

жаломъ на языкѣ, неиспощимая память въ головѣ, всё это дѣлало могущесѣвнѣйшую силу изъ эпохъ спарухи. Въ мозгу ея хранился весь Шарпсрскій архивъ: она знала наизусть родословія всѣхъ Княжескихъ, Герцогскихъ и Графскихъ фамилій въ Европѣ, такъ чпо могла перечесѣть по пальцамъ всѣхъ двоюродныхъ правнуковъ Карла Великаго. Посему никакія злоупотребленія шипула не могли ускользнуть отъ ней.

Молодые люди, копорые искали себѣ дороги въ свѣпшѣ, честполюбцы и молодые женщины, воздавали ей благоговѣйное уваженіе. Госпиная ея была настоящею державою въ Сен-Жерменскомъ предмѣстіи. Слова эпого Талеярана женскаго пола принимались за верховныя опредѣленія. Многіе приходили къ ней за совѣтами въ разсужденіе обычаевъ и этикета, за уроками вкуса. И дѣйствительпо, ни одна спаруха не умѣла, какъ она, пряпая въ карманъ свою шабакерку; сядясь или складывая на креспѣ ноги, она давала своей юпкѣ такое прелеспное, такое живописное положеніе, чпо молодые женщины, самыя ловкія, приходили въ опчаяніе... Голосъ ея, въ продолженіе цѣлой претпи жизни, оставался постоянно въ головѣ, не сходя въ сердце; но въ послѣдствіи она не могла воспрепятсѣствовать ему проникнуть въ перепонки носа, чпо дѣлало ее немножко гнусливою. Опъ огромнаго имѣнія, копорымъ она

владѣла въ спарину, теперь оставалось еще пятьдесятъ тысячъ *лировъ* въ лѣсныхъ дачахъ, возвращенныхъ щедростію Наполеона. И такъ, и лице и имѣніе, все было у ней значительно.

Эта любопытная руина, помѣстясь на креслахъ въ углу камина, бесѣдовала съ Видамомъ де Памье, другимъ современнымъ анпикомъ. То былъ спаринный дворянинъ, бывшій командоръ Мальтійскаго ордена, высокой, длинный и худой; шея у него была всегда такъ спянута, что щеки, слегка перевалившіяся черезъ галсдукъ, обпятивались, и носъ постоянно смотрѣлъ вверхъ; положеніе, выражающее у извѣстныхъ людей совершенное самодовольствіе, которое въ Видамъ опчаспи оправдывалось его Вольперіанскимъ остроуміемъ. Глаза на выкапъ, казалось, на все смотрѣли и, дѣйствительно, все видѣли. Уши были всегда заложены хлопчатой бумагою. Коротко сказать, его особа въ своей цѣлости представляла совершеннѣйшій образчикъ линий Сен-Жерменскаго предмѣспія, линий мѣлкихъ и тонкихъ, извивистыхъ и пріятныхъ, которыми, подобно змѣинымъ, могутъ по произволу сгибаться и распрямляться, свертываться и развертываться.

Герцогъ де Наваррейнъ прохаживался взадъ и впередъ по гостиной съ Маркизомъ де Кассапъ.

Оба они были лѣтъ пятидесяти пяти, спарички еще свѣжіе, полспенькіе и коропенькіе, сытно опкормленные, съ багрянцемъ на щекахъ, глазами посоловѣлыми, нижней губой уже опвалившейся. Безъ красиваго выраженія ихъ языка, ушонченной вѣжливости манеровъ, и вида самодовольства, гоповаго каждую минуту превратиться въ оскорбительную дерзость, поверхностный наблюдапель могъ бы счестъ ихъ за банкировъ. Но никакъ не лзя было ошибиться подобнымъ образомъ, вслушавшись въ ихъ разговоръ, вооруженный спрочайшими предосторожностями съ шѣми, коихъ они боялись; сухой или пуспой съ равными имъ; вѣроломный съ низшими, коихъ придворные и государспвенные люди пакъ умѣютъ приласкать попокомъ нѣжныхъ фразъ и кольнутъ однимъ неожиданнымъ словомъ. Таковы были предспавители спариннаго вельможнаго дворянспва Франци, которе хотѣло умереть или сохранить все, которе заслуживаетъ сполькожъ похвалы, сколько было порицаемо и до шѣхъ поръ не будетъ вполне оцѣнено, пока какой-нибудь поэтъ не изобразитъ его, издыхающимъ подъ сѣкирою Ришельё, съ радостнымъ чувспвомъ повиновения Королю, и презирающимъ гильотину, какъ орудіе низкой, подлой меспи.

Сія чепыре анпика всѣ опличались поневъкимъ, произпительнымъ голоскомъ, совершенно гармонич-

рующимъ съ ихъ идеями и наружностью. Впрочемъ, между ними царствовало совершеннѣйшее равенство. Безъ сомнѣнія, привычка скрывать свои чувствованія, приобрѣтенная при Дворѣ, мѣшала имъ обнаружить неудовольствіе, причиненное выходкой ихъ молодой родственницы.

Чтобы воспрепятствовать крикамъ называть ребячествомъ начало слѣдующей сцены, не излишне будетъ вспомнить анекдотъ, случившійся съ Локкомъ, котораго, находясь однажды въ обществѣ Англійскихъ господъ, славившихся остроуміемъ и опиравшихся сколько манерами свѣпскаго обращенія, сколько и политическою важностью, вздумалъ для забавы записать весь разговоръ ихъ, особеннымъ стенографическимъ способомъ, и уморилъ самихъ ихъ со смѣху, прочитавъ въ пуже пору все записанное, съ вопросомъ, о чемъ они говорили. Въ самомъ дѣлѣ, высшія общества имѣютъ особое нарѣчіе, наполненное мишурою, которая, если вымытъ ее въ липературномъ или философическомъ щелокѣ, при перемѣлкѣ даетъ удивительно какъ мало золота. На всѣхъ ступеняхъ общественной Парижской жизни, кромѣ нѣкоторыхъ госпидныхъ, наблюдатель будетъ находить поплъ же вздоръ, различающійся поплъ большею или меньшею прозрачностью лака. Разговоры дѣльные суиъ весьма рѣдкое исключеніе; пустословіе соспавляетъ единственную забаву всѣхъ эпажей общества.

На высшихъ ступеняхъ, если и принуждаютъ себя говорить много, за то думаютъ мало. Думать есть уже работа, а богачи любятъ, чтобы жизнь ихъ протекала безъ большого усилія. Поэтому, проходя постепенно всю лѣстницу общества, отъ Парижскаго уличнаго мальчишки до Цера Франціи, наблюдатель пойметъ глубину изреченія Талейранова: *» вся сила въ манерахъ! «* которое есть не что иное, какъ красивый переводъ давно извѣстной аксіомы: *» форма важнѣе дѣла. «* Въ глазахъ поэта, преимущество останется за низшими слоями общества, гдѣ къ мыслямъ всегда прикладывается хопя грубая печать поэзіи.

Герцогъ вдругъ остановился, и какъ будто озаренный внезапно свѣтлою мыслию, сказалъ своему сосѣду:

— Такъ вы продали Торнтона?

— О нѣтъ, онъ боленъ. Я боюсь, какъ бы не поперять его; это будетъ мое опчаяніе. Чудеснѣйшая лошадь для охоты? А вы не знаете, какова Гжа де Валиньи?

— Нѣтъ, я не былъ у ней сегодня упрямъ. Я было собирался къ ней, какъ вы пришли ко мнѣ говорить объ Антуанеттѣ. Вчера ей было очень дурно, совсѣмъ потеряли надежду, ужъ и причащали.

— Смерть ея должна переменить состояніе вашего двоюроднаго брата.

— Нисколько, она заживо сдѣлала раздѣлъ и предоставила себѣ только пансіонъ на содержаніе.

— Общество сдѣлаепъ въ ней большую поперю. Она была добрая женщина. Фамилія ея, по крайней мѣрѣ въ ней, имѣла такую особу, коей совѣты и опытность что — нибудь да значили. Между нами, вѣдь она была голова всего дома. Валиныи человекъ любезный, услужливый, умѣепъ поговорить. Онъ пріятень, очень пріятень; о! что до пріятности, никто не будепъ спорить, но... никакого умѣнья веспи себя. Право, это даже чудно; кажется, человекъ бы очень понкой. Разъ какъ — по онъ обѣдалъ въ Серклѣ со всѣми эписи богачами изъ Шоссе-д'Анпень, и вашъ дядюшка (который ходипъ туда по обыкновенію сдѣлаепъ парпю), вашъ дядюшка увидѣлъ его. Удивленный такою встрѣчею, онъ спрашиваетъ его, не ужли онъ принадлежиетъ къ Серклю. — » Да, опвѣчалъ онъ, я ужъ не ѣзжу въ свѣпъ, я живу съ банкирами. « — А знаете, почему, примолвилъ Маркизъ, бросая на Герцога лукавую улыбку.

— Нѣпъ.

— Спраспишка къ эпой новобрачной, ну къ шой, какъ ее... къ Гжѣ Буври, про которую говорятъ, что она въ большой модѣ, у нихъ шамъ, въ эпомъ свѣпѣ.

— Но Антуанеттѣ, кажется, должно быть не скучно, сказалъ старый Видамъ.

— Привязанность къ этой въспреницѣ заставляющъ меня проводить теперь время довольно спрранно, отвѣчала Княгиня, опуская въ карманъ табакерку.

— Милая пепушка, сказалъ Герцогъ оспноваясь, я въ опчаяннн. Только одинъ Бонапарттъ способенъ былъ попребовать опть порядочной женщины пакнхъ неприспойностей. Между нами будь сказано, Антуанеттѣ могла бы брать лучше.

— Другъ мой, возразила Княгиня, фамилія Монриво также спаринная, и въ хорошихъ связяхъ, почти со всѣмъ высшимъ Бургонскимъ дворянствомъ. Если Риводу д'Аркуштъ, изъ рода Дюльмень, вымруштъ въ Галлицн, то Монриво должны наследовать ихъ имѣніе и шнпла; они имъ родня по прапрадѣду.

— Вы это знаете точно...

— Знаю лучше, чѣмъ опецъ этого Монриво, котораго я часто видала и который самъ опть меня узналъ объ помѣ. Чудакъ смѣялся этому родословію, хоня и былъ кавалеръ разныхъ орденовъ. Ну, знаете, былъ энциклопедистъ! За то братъ его въ эмиграціи умѣлъ славно этимъ воспользоваться. Я слышала, что съверные его родспвенники были съ нимъ очень хороши...

— Да, конечно. Графъ де Монриво умеръ въ Пешербургъ, гдѣ я встрѣчался съ нимъ, сказалъ Видамъ. Онъ былъ довольно толстъ, и невѣроятный охотникъ до усприць.

— А сколько съѣдалъ? спросилъ Маркизь де Кассанъ.

— Каждый день, по десяти дюжинъ.

— Безъ вреда?

— Безъ малѣйшаго.

— О! это что-то необыкновенно! Какъ? И не получилъ ни каменной болѣзни, ни подагры, ни чего-нибудь другаго?..

— Совершенно ничего, былъ всегда здоровъ какъ не лъзя лучше, и умеръ скоропоспихно.

— Скоропоспихно! Такъ вѣрно сама напура предписывала ему ѣсть усприць; спало, онъ были для него необходимы. Говоря правду, наши господствующіе вкусы, до нѣкоторой степени, суть условія нашего существованія.

— Я согласна съ вами, сказала Княгиня улыбаясь.

— Вы всегда понимаете вещи въ дурную спорону, сударыня, отвѣчалъ Маркизь.

— Я только хотѣла дать вамъ замѣтить, что молодая женщина могла бы переполковать дурно ваши слова, продолжала Княгиня.

И вдругъ перервавъ рѣчь, воскликнула:

— А моя внучка, моя внучка!

— Любезная пепушка, сказалъ Г. де Наваррейнь, я никакъ еще не могу увѣрипья, чпобъ она дѣйствительнѣ поѣхала къ Монриво.

— Ба!.. отвѣчала Княгиня.

— Вы какъ думаете, Видамъ? спросилъ Маркизь.

— Если Герцогиня добродушна, я думаю...

— Да женщина, которая любитъ, всегда добродушна, дорогой мой Г. де Памье. Вижу, чпо вы спарѣтесь!..

— Чпожъ теперь дѣлать? перервалъ Герцогъ.

— Если внучка моя умна, продолжала Княгиня, пакъ она сегодня вечеромъ поѣдетъ ко Двору, а нынѣжъ, къ счастью понедѣльникъ, день пріемный. Ваше дѣло, окружитъ ее тамъ получше, и разсѣятъ эпошъ нелѣпый слухъ. Есть тысячи средствъ объяснитъ дѣло, и если Маркизь де Монриво порядочный человекъ, по онъ самъ вѣрно на это согласится. Мы вразумимъ какъ-нибудь энихъ дѣпей...

— Но Г. де Монриво прудно взять силою, любезная пепушка; эпо воспитанникъ Бонапарпа, припомъ же онъ занимаетъ такой постъ. Чпо съ нимъ дѣлать! Оно теперь въ ходу, имѣетъ важную команду въ Гвардіи и считается весьма полезнымъ. А между тѣмъ не имѣетъ ни малѣйшаго чеспособія. При первомъ словѣ, которое ему не понравится, онъ въ соспоаніи

сказать Королю: вопль моя просьба въ опасавку, не прогайте меня!

— Спало, образъ его мыслей...

— Очень дурной.

— Право, сказала Княгиня, я вижу, что Король все пошже, какимъ былъ всегда, право, чуть ли самъ не Якобинецъ. Въ пору, покидаю я свѣтъ, все идетъ на выворотъ...

— Все погибло для васъ, дѣпи мои, примолвила она, взглянувъ почти на сполѣпняго Видама. Не ужли поведеніе Анпуанеппы должно разнеспись по городу? Она дурно дѣлаепъ, я не одобряю ея поспупка, бесполезный соблазнъ еепъ неспросиппельная вина; попому-то, я все еще сомнѣваюсь, чпобъ она позволила себъ такое неприличіе; я сама воспитала ее и знаю...

Въ эту мнуну Герцогиня вышла изъ своего будуара. Она узнала голосъ Княгини и услышала имя Монриво. На ней было упреннее дезабилье, и когда она показалась, Маркизь де Кассанъ, безопасно споявшій у окна, увидѣлъ карепу ея, возвращавшуюся безъ ней.

— Милая дочь моя, сказалъ Герцогъ, взявъ ее за голову и поцѣловавъ въ лобъ, спало, пы не знаепъ, что дѣлаепся?

— А что такое, панинька?

— Весь Парижъ думаепъ, что пы у Г. де Монриво.

— Ты не выѣзжала со двора, милая Анпуа-

нешпа, не правда ли? сказала Княгиня, протягивая къ ней руку, копорую Герцогиня почтительно поцѣловала.

— Нѣтъ, маминька, не выѣзжала.

— Но, примолвила она, обращаясь поклонившись. Видаму и Маркизу, я хотѣла, чпобы весь Парижъ считалъ меня у Г. де Монриво. . .

Герцогъ поднялъ къ небу руки, сплеснулъ ими въ опчаяніи, и сложилъ попомъ крестообразно на груди.

— Спало, вы не знаете, сударыня, чпо можеть выйти изъ такоаго поступка? сказалъ онъ наконецъ.

Спарая Княгиня приподнялась на каблукѣ и взглянула въ лицо Герцогинѣ, копорая начала краснѣть и попупила глаза. Но Гжа де Шоври припаянула ее къ себѣ попихоньку и сказала:

— Дай мнѣ поцѣловать себя, ангель мой.

И она поцѣловала ее въ лобъ весьма ласково, пожала ей руку, и продолжала улыбаясь:

— Мы живемъ уже не во времена Валуа, милая дочь моя. Ты подвергаешъ опасности честь своего мужа и собственное свое положеніе въ свѣтѣ; но мы постараемся все поправитъ.

— Бабушка, я не хочу никакихъ поправокъ. Моя воля, чпобъ весь Парижъ зналъ и говорилъ, чпо я сегодня упромъ была у Г. де Монриво. Разрушитъ эту молву, какъ она ни

несправедлива въ самомъ дѣлѣ, значить ужасно повредишь мнѣ.

— Такъ ты рѣшительно хочешь погубить себя и огорчить всю свою фамилію?

— Папилька! Моя фамилія, пожертвовавъ мною своимъ выгодамъ, пропивъ воли обрекла меня на невозвратныя бѣдствія. Вы можете осуждать меня, что я ищу усладить свою судьбу, но вѣрно и пожалѣете обо мнѣ.

— Прошу покорно шеперь хлопотать изъ всѣхъ силъ, какъ приспособить поприличіе судьбу дочерей! проворчалъ Герцогъ Видаму.

— Душа моя, сказала Княгиня, спряхивая пабачныя пылинки съ своего плащя, кто тебѣ мѣшаетъ быть счастливой? Дѣло не о томъ, чтобы возмущать свое счастье, а уладить его какъ-нибудь съ приличіями. Всѣ мы здѣсь, знаемъ, что бракъ вещь тяжелая, копорую надо подслащивать любовью; да развѣ, выбравъ себѣ человѣка, надо сплать себѣ постель на Карусельной Площади? Полно, подумай хорошенько, выслушай насъ.

— Слушаю.

— Госпожа Герцогиня, сказалъ старый Маркизь, еслибы дядя были обязаны сперечь своихъ племянницъ, они бы имѣли званіе въ свѣтѣ; имъ бы надо было давать опличія, награды, жалованье, какъ соспоющимъ въ Королевской службѣ. И пакъ я пріѣхалъ говорить съ вами не въ

пользу моего лемянника, а о вашихъ собственнѣхъ выгодахъ. Сдѣлаемъ маленькій расчѣтъ. Если вы будете поддерживать эпу огласку, я знаю Герцога, я его не люблю, онъ долженъ бытъ моимъ наслѣдникомъ. Ланже человекъ скупой, знаетъ свои выгоды, какъ чорпъ; онъ разведется съ вами, оставитъ у себя ваше соспояніе, пуспитъ васъ по свѣту нищею, слѣдовательно безъ всякаго уваженія. Спо тысячь ливровъ годоваго дохода, копорые dospались вамъ по наслѣдству опъ двоюродной бабушки съ мапервей спороны, будупъ употреблены на удовольствіе его любовницъ, а вы, связанныя по рукамъ и по ногамъ законами, вы должны будете поддакивать всѣмъ этимъ распоряженіямъ. А ну — какъеще Г. Монриво васъ покинетъ!... Боже мой, не будемъ сердиться, милая племянница; конечно, вы не будете оставлены, когда вы такъ молоды и прекрасны; однако, сполько видали мы прелеспныхъ женщинъ, даже изъ княгинь, копорыя были покинуты, что вы позволите сдѣлать мнѣ предположеніе, копорое я самъ считаю невозможнымъ; что вамъ дѣлать тогда безъ мужа? И такъ берегите мужа попому же, почему бережете вы свою красоту; говоря правду, для женщины все таки нѣтъ лучше прикрытія, какъ мужъ? Положимъ, что вы всегда будете счастливы и любимы; пусть не случип-

ся никакого несчастнаго приключенія. И тогда, если, по счастью или по несчастью, у васъ будутъ дѣти? Что вамъ съ ними дѣлать? Вѣдь имъ не лзя будетъ наследовать всего имѣнія ихъ отца. Вы захотите имъ отдать все свое, а онъ все свое. Боже мой, ничего не можетъ быть еспесивеннѣе. Тогда законы спанутъ противъ васъ. Сколько было процессовъ между законными наследниками и дѣтьми любви? Суды завалены ими въ свѣтъ. Положимъ; что вы найдете себѣ повѣреннаго, спрячгаго! Но эптокъ человекъ можетъ васъ обмануть; конечно, правосудіе человеческое не будетъ того знать; а дѣти ваши все таки будутъ разорены. И такъ выбирайте сами! Вы видите, въ какихъ крайностяхъ вы запутаны. Во всякомъ случаѣ, дѣти ваши будутъ жерпвою капризовъ вашего сердца и лишатся своего соспоянія. Боже мой, пока маленькіе, они будутъ прелеспны; но придетъ время, когда они спанутъ винить васъ, что вы больше думали о себѣ, чѣмъ объ нихъ. Мы спарики, мы все это знаемъ; дѣти спановятся людьми, а люди неблагодарны. Я слышалъ, какъ молодой фон-Горнъ, въ Германіи, говорилъ однажды послѣ ужина: «если бъ мать моя была честная женщина, я бы теперь былъ владѣпельнымъ Княземъ.» Но эпто *если*, мы слышали его всю нашу жизнь опъ

просполюдиновъ, опъ него вышла и Революція. Когда люди не могутъ винить ни отца ни матери, они бросающа на судьбу и воюютъ съ нею. Коротко сказать, милая моя, мы собрались сюда вразумить васъ. Я заключаю однимъ словомъ, о копоромъ вамъ надо подуматъ хорошенько: женщина не должна никогда подаватъ повода своему мужу къ разрыву.

— Дядюшка, я сама расчипывала, пока не любила. Тогда и я видѣла, какъ вы, однѣ полько выгоды пматъ, гдѣ теперъ нѣтъ уже для меня ничего, кромѣ чувспвъ....

— Но, милое мое дитя, подхватилъ Видамъ, жизнь естъ сцѣпленіе выгодъ и чувспвъ; и чпобъ быть счастливою, особенно въ такомъ положеніи, какъ вы теперъ, надо спаратъся соглашатъ чувства съ выгодами. Когда гризетка располагаетъ любовью по своимъ капризамъ, это очень понятно; но вы имѣете прекрасное соспаніе, фамилію, санъ, мѣсто при Дворѣ, вамъ не лъзя все это бросить за окно. Чпобы все уладить, чего мы опъ васъ пребуемъ? Искусно принаровипься къ законамъ приличій, вмѣстопого чпобъ оскорблять ихъ такъ явно. Э! Боже мой! мнѣ ужъ скоро будетъ девяносто лѣтъ, а я не помню, чпобъ, при всѣхъ правленіяхъ, копорья я пережилъ, удавалось мнѣ вспрѣчатъ любовь, копорая бы спонла такой дорогой цѣ-

ны, какую вы теперь хотите купить любовь этого счастливица.

Герцогиня заставила замолчать Видама однимъ взглядомъ, и если бы Монриво могъ видѣть эпюпъ взглядъ, онъ бы проспилъ ей все...

— Эпо можетъ сдѣлать прекрасный эффектъ на театрѣ, примолвилъ Маркизь де Кассанъ, но не значить ничего, когда дѣло идетъ о вашемъ имѣніи, состояніи, независимости. Вы неблагодарны, моя милая племянница. Не много найдется семей, гдѣ бы родственники съ такимъ мужествомъ взялись вразумлять своими совѣтами и уроками неопытную молодость. Откажитесь, пожалуй, въ двѣ минуты опятъ вѣчнаго спасенія, если вамъ нравится погубить свою душу; эпо въ вашей волѣ! Но подумайте хорошенько, когда дѣло идетъ о доходахъ. Опятъ бѣдности не лзя освободиться покаяніемъ. Я считаю себя въ правѣ говорить такимъ образомъ; вѣдь, если вы себя погубите, такъ я одинъ могу вамъ предложить убѣжище. Я дядя Герцога, и одинъ могу позволить себѣ сдѣлать эпо, сложивъ вину на него.

— Дочь моя, сказалъ Герцогъ, пробуждаясь опятъ тягостной задумчивости, такъ какъ вы говорите о чувствахъ, то позвольте мнѣ сдѣлать вамъ замѣчаніе, что женщина, носящая ваше имя, должна имѣть уваженіе къ другимъ

чувспвамъ, а не къ пѣмъ, кои свойственны людямъ низшаго разряда. Не ужели вы захопите дасть пищу этимъ вольнодумцамъ, этимъ Роберспьеровскимъ іезуипамъ, копорые съ пакой жадностью мараюпъ насъ? Еспь вещи, копорыхъ ни одна Наваррейпъ не можетъ позволить себѣ, не увлекши за собой всей фамили. Вы не одну себя обезчеспите.

— Ну, перервала Княгиня, вопъ ужъ и безчеспіе. Дыпи мои, къ чему пакой шумъ, за по что пустая карета прокашилась Богъ знаетъ гдѣ? Оспавьте меня одну съ Антуанешпой. Я улажу эти дѣла. Вы мущины ничего не понимаепе, попчасъ ужъ и сердипесь, а я не хочу видѣпъ васъ въ размолвкѣ съ моей милой внучкой. И пакъ сдѣлайте одолженіе, спупайте опсюда.

Три спаричка безъ сомнѣнія угадали намѣренія Княгини. Они раскланялись съ дамами; а Г. де Наваррейпъ поцѣловалъ дочь свою въ лобъ, примолвивъ:

— Ну полноже, дыпя моя, будь умна. Ещепе время не ушло, если пы захочешъ.

— Не ужли мы не найдемъ въ фамилии хорошенъкаго молодца, копорый бы обрубилъ уши эпому Монриво! сказалъ Видамъ, сходя съ лѣспницы.

— Душа моя, сказала Княгиня, сдѣлавъ своей воспитанницѣ знакъ съспъ возлѣ ней на ни-

зенькомъ спульцѣ, когда онѣ оспались однѣ; я не знаю, на что больше клеветали въ здѣшнемъ мірѣ, какъ на осьмнадцатый вѣкъ. Вѣдь, сколько ни перебираю я всѣ воспоминанія моей молодости, не могу никакъ припомнить, чтобы Герцогиня когда-нибудь попопшала до такой степени всѣ приличія, какъ нынѣ. Романисты и бумагомаратели очернили царствование Людовика XV. Не вѣрь имъ. Дюбарри, другъ мой, право стоила вдовы Скарронъ, и была предобрѣйшее созданіе. Въ мое время, женщины, при всѣхъ своихъ дурачествахъ, умѣли сохранять свое достоинство. Нескромность насъ погубила. Вопль отъ чего все зло. Философы, эпи бездѣльники, которыхъ мы впустили въ свои гостиныя, въ награду за нашу благосклонность, были такъ низки и неблагодарны, что сдѣлали опись нашимъ сердцамъ, окричали насъ всѣхъ и порознь, разшумѣлись изъ всѣхъ силъ пропивъ вѣка. Но въ этомъ вѣкѣ, дитя мое, мужчины и женщины также были достопримѣчательны, какъ и въ другія эпохи Монархіи. Ни одинъ изъ вашихъ нынѣшнихъ Вертеровъ, эпи хъ чловѣчковъ, въ желтыхъ перчаткахъ, на курьихъ ножкахъ, которыхъ не скрадешь широкимъ покрѣемъ исподняго плащя, ни одинъ, говорю, изъ нихъ, не пройдетъ вдоль Европу, переодѣвшись въ разнощика, чтобы, подвергая жизнь свою кинжаламъ Герцога Моденскаго,

пробратся въ уборную прекрасной дочери Регента. Кто изъ эпихъ чахопочныхъ сухарей въ черепаховыхъ очкахъ, кто будетъ прятаться цѣлыя шесть недѣль въ шкафъ, какъ Лозюнь, чпобы ободрять свою любовницу во время родовъ? Въ одномъ мизинцѣ Г. де Сокуръ было въ тысячу разъ больше страсти, чѣмъ во всей эпоѣ породъ крикуновъ и спорщиковъ, которые бросятъ всякую женщину ради удовольствія пошумѣть въ какой-нибудь Палатѣ! Найди мнѣ нынѣ пажей, которые допустили искрошить себя въ мѣлкіе куски и зарыть подъ полъ, для удовольствія поцѣловать палецъ какой-нибудь Кенигсмаркъ, и то еще сквозь перчатку! Теперь, право, кажется, все идетъ на выворотъ, роли совершенно переѣнились; ужъ женщины должны жерпвовать собой для мужчинъ. Эпи господа споятъ въ тысячу разъ меньше, а цѣнятъ себя въ тысячу разъ больше. Повѣрь мнѣ, милая моя, всѣ эти приключенія, которыя теперь сдѣлались такъ гласными и которыми недоброжелатели вооружаются противъ добраго Людовика XV, всѣ онѣ были покрыты завѣсою тайны. Безъ эпои сволочи спихоплетовъ, рифмачей, моралистовъ, которые перешепывались съ нашими горничными и писали съ ихъ рѣчей всякія клеветы, эпоха наша въ буквальномъ смыслѣ имѣла бы нравы. Я оправдываю

вѣкъ, а не кромку его. Можетъ быть и была какая-нибудь соння порядочныхъ женщинъ, которыя себя поперяли; но негодяи придумали тысячу, такъ какъ дѣлаютъ газетчики, когда извѣщаютъ о числѣ убитыхъ со стороны побѣжденной. Скажутъ по совѣсти, я не знаю, въ чемъ Революція и Имперія могутъ упрекать насъ передъ собой? Ихъ времена были, и развратны, и грубы, и безъ всякаго смысла; фи! даже гадко вспомнить! Это позорныя пятна нашей исторіи...

— Предисловіе это къ тому, душа мое, продолжала она послѣ маленькой передышки, что, если Монриво тебѣ по нраву, ты власна его любишь сколько душѣ угодно, сколько можешь. Я знаю, по собственному опыту, что — (кромя развѣ запереть тебя, да нынѣ ужъ никого не запираютъ) — что ты сдѣлаешь все; что тебѣ захочется; я сама поже бы сдѣлала въ твои лѣта. Только, душа моя, я бы не отказалась отъ права давать жизнь Герцогамъ де Ланже. Ну, веди же себя пристойно. Видамъ говорилъ правду: мущины не споятъ ни одного изъ тѣхъ пожертвованій, которыми мы имѣемъ глупость плакать за ихъ любовь. И такъ поставь себя въ такое положеніе, чтобы, если когда придется тебѣ раскаяться, найти себя опять женою Г. де Ланже. Будешь спара, право гораздо пріятнѣе слушать объд-

ню при Дворѣ, чѣмъ въ какомъ-нибудь провинціальномъ монастырѣ: вопть въ чемъ все дѣло. Неосторожноспью ничего не выиграешь, кромѣ пансіона, скипальческой жизни, соверпенной зависимости опъ прихопей своего любовника, неприятныхъ оскорбленій со стороны женщинъ, копорья сдѣлають гораздо хуже тебя, да искуснѣ концы схороняпть. Лучшебъ было во спо разъ поѣхать тебѣ самой къ Монриво, вечеромъ, въ фіакрѣ, переодѣпной, чѣмъ посылапть карепу середь бѣла дня. Ты еще дурочка, моя милая; пвоя карета польспила полько его честполюбію, а ты сама овладѣла бы его сердцемъ. Я говорю тебѣ правду, но не виню тебя. Ты опспала опъ меня двумя вѣками, съ своимъ ложнымъ великодушіемъ. Ну, полноже, дай намъ привести въ порядокъ эпо дѣло; мы скажемъ, что Монриво подпоилъ пвоихъ людей, чшобъ удовлетворить своему самолюбію и пустить огласку въ свѣтъ. . .

— Ради Бога, бабушка, вскричала Герцогиня, вспрыгнувъ съ мѣста, ради Бога, не клеветайте на него.

— Ахъ, дитя мое! опвѣчала Княгиня, глаза коей невольпо одушевились: какъ бы я желала видѣть въ тебѣ мечпы, копорья былибъ для тебя безвредны! Но всякая мечта должна кончиться. Ты бы, право, распрогала меня, еслибъ не мои лѣта! Ну, полножь, полно, не

огорчай никого, ни его; ни насъ. Я возьму на себя успокойть всѣхъ. Но обѣщай мнѣ съ сихъ поръ не позволять себѣ никакого поступка, не посовѣтовавшись со мною. Рассказывай мнѣ все, можетъ быть я приведу тебя къ добру...

— Обѣщаю, бабушка...

— Будешь говорить все...

— Все, все — что можно говорить!

— Но, душа моя, я именно по-по и хочу знать, чего говоришь-по не лъзя, пойми меня хорошенько! Дай мнѣ приложить свои изсохшія губы къ моему прекрасному личику. Нѣтъ, нѣтъ, не надо, я запрещаю тебѣ цѣловать мои кости. Спарики позже имѣютъ свою вѣжливость... Поди, проводи меня до кареты...

— Такъ я могу ѣхать къ нему переодѣлая?

— Очень можешь, опъ этого всегда можно оппереться, опвѣчала спаруха.

Изъ всей Княгининой проповѣди, Герцогиня только и поняла ясно лишь эту мысль.

Когда Гжа де Шоври усѣлась въ своей каретѣ, Гжа де Ланже раскланялась съ ней и восторпилась въ восторгъ радости.

— Я сама овладѣла бы его сердцемъ! Княгиня говоритъ правду. Муштина не можетъ опвергнуть прелеспную женщину, когда она будетъ умѣть вся ему опдаваться.

Вечеромъ, въ обществѣ Герцогини Беррійской, Герцогъ де Наваррейнъ, Г. де Памье, Г.

де Марсей и Г. де Кассанъ, побѣдоносно опровергли всѣ оскорбительные слухи, разнесшіеся на счетъ Герцогини де Ланже. Множество офицеровъ и другихъ молодыхъ людей засвидѣтельствовали, что они видѣли Монриво прохаживавшагося въ Тюльери все упрямо, пакъ что наконецъ вся эта глупая исторія была приписана случаю, копорый принимаетъ безопговорочно все, что ни сваливають на него. Такимъ образомъ, на другой день, репутація Герцогини, не смотря на приключеніе кареты, снова вычиспилась и просвѣплѣла, какъ шлемъ Мамбриновъ, опчищенный рукою Санчо-Пансы.

Только въ два часа, въ Булонскомъ лѣсу, Г. де Ронкероль, встрѣясь съ Монриво въ одной пустой аллеѣ, сказалъ ему улыбаясь мимоходомъ:

— Твоя Герцогиня слава Богу!

— Все слава Богу! примолвилъ онъ, хлеснувъ значительно свою лошадь, копорая понеслась спрѣлой.

Спустя два дни послѣ неудачнаго приключенія кареты, Гжа де Ланже написала къ Г. де Монриво письмо, копорое, какъ и прежнія, осталось безъ отвѣта. На эпопъ разъ она взяла свои мѣры, и подкупила Огюста, камердинера Арманова. Вечеромъ, въ восемь часовъ, Огюстъ ввелъ ее въ комнату Армана, совсѣмъ не шу,

гдѣ происходила таинственная сцена. Герцогиня узнала, что Генераль сегодня не воропится домой. Спало, у него были двѣ квартиры? Камердинеръ не опвѣчалъ ей на это. Гжа де Ланже купила у него ключъ отъ комнаты, но не всю вѣрность къ его господину. Оставшись одна, она увидѣла всѣ свои четырнадцать писемъ, лежавшія на старомъ геридонѣ; ни одно изъ нихъ не было помято, не только распечатано; Арманъ не читалъ ихъ.

При семъ видѣ, она упала въ кресла и пробыла съ минутою безъ всякаго чувствія. Опомнясь, она увидѣла Огюста, который давалъ ей нюхачъ укеусу.

— Карешу, скорѣе карешу, вскричала она.

Кареша пріѣхала. Она сбѣжала съ лѣспницы съ конвульсивною быспропой, пріѣхала домой, бросилась въ постель и велѣла всѣмъ опказывашь. Такъ пролежала она цѣлыя сутки, не допуская никого къ себѣ, кромѣ горничной, у которой она просила, время отъ время, чашку померанцевой воды. Сюзеппа подслушала нѣсколько жалобъ, вырвавшихся у ея госпожи, и подмыпила слезы въ ея глазахъ, яркихъ, но ввалившихся въ синіе, глубокіе круги.

На другой день поушру, думавъ и передумававъ въ слезахъ опчаянія, на что рѣшиться, Герцогиня велѣла позвашь своего повѣрнаго по

дѣламъ, долго говорила съ нимъ и безъ сомнѣнія поручила ему сдѣлать нѣкоторыя приготавленія. Потомъ послала за спарымъ Видамомъ де Памье. Въ ожиданіи Командора, она написала письмо къ Г. Монриво. Видамъ явился исправно. Онъ нашель свою молодую кузину блѣдною, убитою, но съ совершенною преданностью судьбы. Было около двухъ часовъ по полудни. Никогда сіе прелестное созданіе не было столько поэпическимъ, какъ въ эпи послѣднія минуты агоніи.

— Любезный мой Видамъ, сказала она, вы обязаны эпимъ свиданіемъ вашимъ девяноста годамъ. О! не улыбайтесь, прошу васъ, не улыбайтесь передъ несчастной, копорая достигла верха бѣдспвій. Вы были въ спарину любезнымъ человекомъ, и приключенія вашей молодости, безъ сомнѣнія, внушили вамъ нѣкоторую снисходительность къ женщинамъ.

— Никакой, отвѣчалъ онъ.

— Право!

— Онъ счастливы всѣмъ.

— А! Очень хорошо! Вы связаны, съ моею фамиліей, вы будепе, можетъ быть, послѣдній родспвенникъ, послѣдній другъ, копораго я пожму руку; и такъ я могу опъ васъ пребопавъ услуги. Окажице мнѣ эту услугу, добрый мой Видамъ, копорой я не могу просить ни опъ моего опца, ни опъ дяди моего Кассана, шѣмъ

болѣ опъ какой-нибудь женщины. Вы должны меня понять. Я умоляю васъ послушаться меня, и забыть, что вы меня послушались, какъ бы ни былъ успѣхъ даннаго вамъ порученія. Дѣло соспоишь въ помѣ, чпобъ вы опправились съ этимъ письмомъ къ Г. де Монриво, увидѣлись съ нимъ, показали ему это письмо, и спросили у него—такъ какъ вы мущины умѣете спрашивать другъ у друга, ибо между собой вы имѣете добросовѣстность и честность, копорья съ нами забываеице—и спросили бы у него, будетъ ли онъ чииаиць это письмо, разумѣеице не въ вашемъ присуспсвѣи: мущины любяиць скрывать извѣстныя чувспсвованія. Я уполномочиваю васъ, чпобъ рѣшииць его на это, если вы сочпете нужнымъ; сказаиць, что дѣло идеиць о моей жизни или смерти. Если онъ удоспоишь...

— Удоспоишь! вскричалъ Коммандоръ.

— Если онъ удоспоишь, продолжала Герцогиня съ важностью, прочитаиць это письмо, сдѣлайице ему слѣдующее послѣднее замѣчаніе. Вы увидице его въ пяиць часовъ; въ это время, я знаю, онъ обыкновенно обѣдаеиць дома; скажиице ему, что вмѣсто всякаго отвѣта, онъ долженъ прѣхатиць увидѣицься со мною. Если черезъ три часа, если въ восемь часовъ вечера онъ не выдеиць со двора, все кончено. Герцогини де Лаше не будетъ въ этомъ свѣпѣ. Я не умру,

мильй мой, нѣтъ; но никакая человѣческая сила не найдетъ меня на сей землѣ. Приходите объдайтъ ко мнѣ; по крайней мѣрѣ, я буду имѣть при себѣ друга въ послѣднiя минуты моего смерпнаго помленiя. Да, сегодня вечеромъ, добрый мой Видамъ, жизнь моя рѣшипся, и, чпобы ни случилось, мнѣ будетъ жарко, очень жарко. Ну, молчите же, я не хочу слышатъ ничего, чпобъ имѣло видъ замѣчанiй, или совѣповъ.

— Будемъ говоритъ, смѣятся, продолжала она, подавая ему руку, копорую Видамъ поцѣловалъ. Будемъ, какъ два спарика философа, копорые умѣютъ наслаждайтъ жизнью до самой минуты ихъ смерти. Я одѣнусь, спану съ вами кокетствоватъ. Вы будете, можетъ бытъ, послѣднимъ человѣкомъ, копорый видитъ Герцогиню де Ланже.

Видамъ не отвѣчалъ ничего, поклонился, взялъ письмо и исправилъ данную ему комиссiю. Въ пять часовъ онъ воропился, и нашелъ свою кухню прекрасно одѣшую, очаровательную. Госпина была убрана цвѣтами, словно для праздника. Обѣдъ былъ превосходный. Для эптого девяноспольпняго спарика, Герцогиня испощила весь блескъ своего ума, была плѣнительнѣе, чѣмъ когда-либо въ жизнь свою!

Коммандоръ сначала хотѣлъ видѣть только женскую шупку во всѣхъ эптихъ пригопвовленiяхъ; но, время опъ времени, ложный блескъ

очарованій, разливаемый Герцогинею вокругъ себя, пускаемъ. То онъ замѣчалъ, что она вздрагивала, какъ будто пораженная внезапнымъ страхомъ; но, казалось ему, вслушивалась приспально въ окружающее ее молчаніе. И когда онъ спрашивалъ ее:

— Что съ вами?

— Тс! отвѣчала она.

Въ семь часовъ, она оставила Видама, и вооружилась скоро назадъ, одѣвая, какъ бы одѣлась ея горничная, собираясь въ дорогу. Она попросила старика дать ей руку и проводить ее, бросилась въ наемную карету, и оба они, безъ четверти въ восемь, были у дверей Г. де Монриво.

Между тѣмъ, Арманъ сидѣлъ и думалъ надъ слѣдующимъ письмомъ:

» Другъ мой! Я провела у васъ нѣсколько минутъ, безъ вашего вѣдома, и взяла назадъ опъ васъ свои письма!... Ахъ, Арманъ! между мною и вами, не можетъ быть равнодушія; а ненависть дѣйствуетъ иначе. Если вы меня любите, бросьте эту жестокою игру. Позже, вы раскаетесь, будете въ опчаяніи, узнавъ, какъ вы были любимы. Если я поняла васъ не такъ, если вы не имѣете ко мнѣ ничего, кромѣ опвращенія, заключающаго въ себѣ и презрѣніе и омерзѣніе, то всякая надежда меня

оставляетъ; эти два чувства въ мущинахъ не проходятъ. Какъ ни ужасна эта мысль, она будетъ мнѣ утѣшеніемъ въ спрдааніяхъ. Вы не будете тогда сожалѣть обо мнѣ. Сожалѣть! ахъ, Арманъ, пусть это останется для меня тайной! Еслибъ я причинила вамъ малѣйшую горестъ? ... Нѣтъ, я не хочу говорить, чегобы мнѣ это стоило. Я буду жить, не имѣя возможности соединиться съ вами, бытьъ вашей женою. Но отдавшись вамъ совершенно душой, кому я могу вручить себя, кромѣ Неба? .. Да! глаза мои, которые нѣкогда вы находили такъ прекрасными, не увидятъ болѣе лица муцины! Я не услышу ничего мужскаго голоса; наслушавшись вашего, прежде столь нѣжнаго; вчера столь ужаснаго, ибо я все еще воображаю себя на другой день послѣ вашей мести! Вы, можете быть, спросите меня, за чѣмъ я иду къ вамъ? О! не сердитесь, что я сохраняю еще тусклый лучъ надежды, бросаю послѣдній вздохъ на счастье моей жизни, прежде чѣмъ навсегда съ нимъ расстанусь. Положеніе мое ужасно. Я нахожу въ себѣ все спокойствіе, внушаемое рѣшимостью на великій подвигъ, и все еще чувствую послѣдніе раскаты бури. Въ этомъ спрашномъ приключеніи, которое меня впервые привязало къ вамъ, вы шли изъ пустыни къ оазису, съ надежнымъ проводникомъ. Я теперь—я влекусь изъ оазиса въ пустыню—и проводникъ мой вы,

проводникъ безжалостный!... При всемъ помъ, вы одни, другъ мой, вы только можете понять грусть послѣднихъ взоровъ, которые обращаю я теперь на счастье моей жизни, и вы одни только, предъ кѣмъ я могу жаловаться, не краснѣя. Если вы услышите меня, я буду счастлива; если останетесь неумолимы, я буду умътъ изгладить свои заблужденія. Не естественно ли женщинѣ желать остаться въ памяти своего возлюбленнаго, облеченною всеми благородными чувствованіями? О, мой единственный, мой безцѣнный! Дозвольте существу, которое все вамъ предано, похоронить себя съ увѣренностью, что вы найдете его великимъ. Ваша жестокость заставила меня много думать, и съ тѣхъ поръ какъ я истинно люблю, я нахожу себя менѣе виновною, чѣмъ вы можете быть считатье. Выслушайте мое оправданіе, я имъ должна вамъ; и вы, который для меня все въ этомъ мірѣ, вы обязаны мнѣ по крайней мѣрѣ одною минутою справедливости. «

» Я узнала, по собственнымъ своимъ оправданіямъ, какъ должны вы были спрятать отъ моего кокетства; но тогда, я была въ совершенномъ невѣденіи любви. Вамъ теперь извѣстны эти пытки души, и вы осуждаете меня переносить ихъ. Въ первые восемь мѣсяцовъ, которые вы посвящали мнѣ, я совсѣмъ не любила васъ. Отъ чего, спро-

сипе вы меня, другъ мой. Я не могу сказать эпого, такъ же какъ не могу объяснить, за что теперь люблю васъ. Да, мнѣ пріятно было видѣть себя предметомъ вашего обожанія, принимать огненные ваши взоры; но я оставалась холодною, безъ желаній. Нѣтъ, я не была женщиной, я не понимала ни преданности, ни блаженства нашего пола. Виновата ли я въ томъ? Не спалили бы сами вы презирая меня, еслибъ я предалась вамъ безъ сердечнаго увлеченія? Можетъ быть, это было бы высокимъ пожертвованіемъ съ моей стороны, еслибъ я опдалась безъ всякаго чувства удовольствія; можетъ быть, вѣтъ и заслуги въ томъ, когда предаюся наслажденіямъ дозволеннымъ, жадно желаемымъ? Ахъ, мой другъ! я могу признаться вамъ, эти мысли приходили мнѣ, когда я съ вами кокетствовала; но я находила васъ такъ великимъ, что не хотѣла награждать васъ собою изъ сожалѣнія. «..

» Какое слово написала я?... О! я взяла назадъ у васъ всѣ свои письма и бросаю ихъ въ огонь! Онѣ горятъ теперь... Ты не узнаешь никогда, сколько было въ нихъ любви, страсти, сумасшествія. «..

» Я умолкаю, Арманъ, останавливаюсь, не хочу ничего больше говорить о своихъ чувствахъ. Если онѣ не были поняты вами, не перешли къ вамъ изъ души въ душу, я не хочу

сама, я — женщина, — вымаливать себя вашу любовь изъ сожалѣнія. Я хочу быть любимой непреодолимо или брошенной безжалостно. Если вы откажетесь прочесть это письмо, оно будетъ сожжено. Еслижъ прочитавъ, не увидитесь со мной, черезъ три часа, чтобъ быть вѣчно моимъ, я не буду стыдиться, что оно останется въ вашихъ рукахъ; гордость моего отказа оградишь душу мою отъ всякой обиды, и конецъ мой будетъ достоинъ моей любви. Вы сами, не встрѣчая меня болѣе на сей землѣ, хотя я буду еще жить — вы сами не въ состояніи будете вспомнить безъ содроганія о женщинѣ, которая, черезъ три часа, будетъ дышать для того только, чтобъ подавлять васъ своей нежностью — о женщинѣ, обрекающей въ жертву любви безнадежной — вѣрной не взаимно разделяемымъ наслажденіямъ, а чувствую непризнаннымъ и отвергнутымъ. Герцогиня де Ла-Вальеръ оплакивала свое погибшее счастье, свою исчезнувшую силу; Герцогиня де Ланже будетъ находить счастье въ слезахъ, и останется навсегда для васъ силою. Да, вы будете жалеть обо мнѣ. Я чувствую, что я не принадлежала никогда къ сему міру, и благодарю васъ, что вы мнѣ это доказали. Прощайте, вы уже не допронесетесь до моего попора; вашъ попоръ былъ попоръ палача, мой попоръ раскаянія и самооп-

верженія; вашъ убиваетъ, мой спасаетъ. Любовь ваша смертна, она не умѣла перенести ни презрѣнія, ни насмѣшки; моя все можетъ терпѣть, не ослабѣвая, она живетъ безсмертно. Да! я испытываю мрачное наслажденіе, подавляя, уничтожая васъ, когда вы считали себя столько великимъ. У васъ были только переходящія, минувныя желанія; но бѣдная монахиня будетъ безпрестанно озарять васъ своими пламенными молитвами, осѣняетъ криками чистоты, небесной любви. Я предчувствую отвѣтъ вашъ, Арманъ; и назначаю вамъ свиданіе тамъ... въ небесахъ. Другъ мой, глуда равно допускающая сила и слабость; и то и другое есть мука. Сія мысль укрощаетъ волненія послѣдняго моего испытанія. И вотъ я теперь такъ спокойна, что могла бы опасаться, не перестала ли уже вовсе тебя любить; если бы не для тебя одного покидала все.»

— Добрый мой другъ, сказала Герцогиня Видаму, когда они остановились у дома Монриво, сдѣлайте милость, справьтесь, дома ли онъ.

Командоръ, повинаясь благоговѣнно, какъ повинувались въ осьмнадцатомъ вѣкѣ, вышелъ изъ кареты и принесъ въ отвѣтъ своей кузинѣ: да, отъ котораго она вся вздрогнула.

При этомъ словѣ, она схватила руку Командора, сжала ее, дала ему поцѣловать себя въ обѣ

щеки, и попросила уйти, не подсматривая за ней и не заботясь объ ея безопасности.

— Но проходяще, сказалъ онъ.

— Никпо не посмѣешь огорчить меня, отвѣчала она.

Это было послѣднее слово свѣтской модной женщины, и герцогини.

Командоръ ушелъ.

Несчастливая женщина ждала десять минутъ, четверть часа; наконецъ эта медленность показалась ей новымъ униженіемъ, и вся въра ея попухла. Она не могла удержатъ восклицанія:

— Боже мой!

И оставила роковой порогъ.

Это было первое слово Кармелинки.

Монриво въ это время имѣлъ совѣщаніе съ нѣкоторыми изъ друзей своихъ. Онъ споропился кончить, но часы были назади, и онъ вышелъ, чтобъ опправиться въ домъ Ланже, когда Герцогиня, объятая холоднымъ бшенствомъ, уже мчалась пѣшкомъ по улицамъ Парижа. Она заплакала, достигнувъ бульвара д'Анферъ. Здѣсь, въ послѣдній разъ взглянула она на Парижъ, этою чадный, шумный хаосъ; покрывшій красною атмосферою ночнаго освѣщенія. Попомъ, бросилась въ одну изъ повозокъ, стоявшихъ на площади, и выѣхала изъ него навсегда.

Маркизь де Монриво пришелъ между стѣмъ въ домъ Ланже и, не нашедши у себя Герцогини, счелъ эпо. за новую комедію. Онъ бросился поспѣшь къ Видаму и заспалъ его въ ту минуту, какъ добрый спарикъ надѣвалъ шлафрокъ, помышляя о блаженствѣ своей прелестной родственницы. Монриво бросилъ на него поспѣшь страшный взглядъ, коего элексприческая сила равно сражала мушинъ и женщинъ.

— Не ужели вы вздумали шупипъ надо мной, сударь? вскричалъ онъ. Я сей часъ опть Гжи де Ланже; мнѣ сказали, что ея нѣтъ дома.

— Стало бытъ, по вашей милости, съ ней приключилось какое-нибудь ужасное несчастіе. Я оставилъ Герцогиню у вашихъ дверей, опвѣчалъ Видамъ.

— Въ копоромъ часу?

— Безъ чепверпи въ восемь.

— Прощайте, вскричалъ Монриво, и спремглавъ кинулся домой спросить у придверника, не видалъ ли онъ вечеромъ какой-нибудь дамы.

— Какъ же, сударь, и очень видѣлъ! Прекрасная женщина, только, должно бытъ, очень разогорченная! Она плакала, какъ Магдалина, безъ всякаго шума, и спояла прямо какъ солдатъ на караулъ. Наконецъ уходя, промолвила: Боже мой! и такъ промолвила, что, съ позволенія вашего, сердце чуть не разорвалось у ме-

ня и у жены; оба мы спояли здѣсь, да она насъ не видала.

Эти слова заспавили поблѣднѣтъ Монриво, не смопря на всю его пвердоспъ. Онъ написаль нѣсколько спрочекъ къ Г. де Ронкероль, опослаль въ шужъ пору, и опсправилсь въ свою комнапу.

Около полуночи, Маркизь де Ронкероль явилсь.

— Чпо съ побой, другъ мой? сказаль онъ, увидѣвъ Генерала.

Арманъ подаль ему письмо Герцогини.

— Ну чпожь? спросиль Ронкероль, прочипавши.

— Въ восемь часовъ она была здѣсь у моихъ дверей, а въ восемь часовъ съ чепверпью исчезла. Я ее поперялъ, и я люблю ее! . . . Ахъ! еслибъ жизнь моя принадлежала мнѣ, я бы разможжилъ себѣ голову! . . .

— Ба! ба! сказаль Ронкероль, успокойсь. Герцогини не ласпочки, онѣ не лепаютъ. Ей не сдѣлапъ больше прехъ мѣ въ часъ, а а мы завпра будемъ дѣлапъ по шеспи.

— Чорпъ возми! продолжалъ онъ. Гжа де Ланже не изъ обыкновенныхъ женцинъ. Завпра мы всѣ будемъ на коняхъ. Днемъ, мы узнаемъ черезъ полицю, куда она опсправилась. Въдъ ей надобна-жь была карепа; эти ангельшки безъ

крыльевъ. Въ дорогъ ли она, или скрывается гдѣ-нибудь въ Парижѣ, непременно опыщемъ. Развѣ нѣтъ у насъ пеллеграфа, чѣмъ остановить ее безъ всякой погони? Ты будешь счастливъ. Только, брагъ, ты сдѣлалъ большой промахъ, въ которомъ больше или меньше виноваты всѣ люди твоей энергіи. Они судятъ другихъ по себѣ и не знаютъ, гдѣ лопается человѣчество, напягивая его спруны. Чѣмъ ты не сказалъ мнѣ раньше ни слова? Я бы тебѣ шеннулъ: будь исправенъ! « . .

— И такъ до завтра, прибавилъ онъ, сжавъ руку Монриво, который оставался безмолвенъ. Спи, если можешь.

Но напрасно были употреблены самыя огромныя средства, какими когда-либо могли располагать люди государственные, министры, банкиры, однимъ словомъ всѣ человѣческія власти. Ни Монриво, ни друзья его, не могли открыть слѣдовъ Герцогини. Явно, что она должна была заключиться въ какомъ-нибудь монастырѣ. Монриво рѣшился обыскать или заставить обыскать всѣ монашескія обители въ свѣщѣ. Ему надо было достать Герцогиню, хотябы это должно было стоить жизни цѣлому городу.

Чтобъ отдать полную справедливость этому необыкновенному человѣку, надо сказать,

что бѣшенство его спраспи воспламеѣялось поспоянно съ каждымъ днемъ, и эпо продолжалось цѣлые пять лѣтъ.

Уже въ 1829 году, Герцогъ де Наваррейнъ узналъ случайно, что дочь его опправилась въ Испанію, въ качествѣ горничной при Леди Джюліи Гопвудъ, и оставила сію даму въ Кадиксѣ, погда какъ сія послѣдняя и не помышляла, что Дѣвица Каролина, находящаяся у ней въ услугахъ, была знаменипая Герцогиня, коей внезапная пропажа занимала собой все высшее Парижское общество.

Теперь чувства, одушевлявшія сихъ двухъ любовниковъ при встрѣчѣ у рѣшетки Кармелипскаго монастыря въ присупствіи Игуменни, должны бытъ понятны во всей ихъ обширности, и сила, съ коей онѣ пробудились съ пойд и съ другой стороны, изъяснитъ развязку всей эпои исторіи.

(окончаніе слѣдуетъ).

XV.

ПАЛАТА ПЕРОВЪ ФРАНЦІИ.

(окончаніе).

§ III.

МИНИСТЕРІАЛИСТЫ.

Министерская партія въ Палатѣ Перовъ представляетъ удивительное смѣшеніе разнообразнѣйшихъ элементовъ: но она такъ плотна и сильна, что закидаетъ бѣлыми шарами всякую оппозицію. Это очень естественно. Не много такихъ привилегированныхъ людей, которые до конца полипического своего поприща сохраняютъ столько энергіи и силы, чтобъ оспаваться поспоян-

но независимыми и самобытными въ своихъ мнѣніяхъ. Подъ исходъ жизни, когда силы упомяются и слабѣютъ, весьма охотно предаются сладкому *far niente* мнѣнію, уже готоваго, которое споить только привясть, надъ которымъ не нужно задумываться и работать; тогда любятъ, чѣшобъ другіе за васъ думали, дѣйствовали и рѣшали. Припомъ, какъ соспавилась Палата Перовъ? Чѣо давало поводъ къ большей части эпихъ огромныхъ производствъ, которыми безпрестанно передѣлывалось ея большинство? Возьмемъ исторію Палаты съ самага ея начала.

Респаврація произведена была подъ непосредственнымъ вліяніемъ Г. де Талейрана; она заспала безмолвнѣй Сенатъ, который, позорно пресмыкаясь во время Имперіи, теперь опрясалъ надъ главой поспигнутаго рокомъ властелина свое пятнадцатилѣтнее рабство. Предполагалось возобновить старыя понятія о Перствѣ, пріобщивъ къ нему новое дворянство Имперіи, маршаловъ и военную часть націи: такимъ образомъ сто пятьдесятъ чепыре Пера облечены были симъ званіемъ на всю жизнь. Всѣ старинные Перы, начиная съ Архіепископа Реймскаго, и Герцоговъ д'Узесь, д'Эльбѣфъ, де Монбазонъ, до Герцоговъ де Полиньякъ, де Леви и де Малье; одиннадцать Маршаловъ, во-

семьдесятъ Сенаторовъ, нѣсколько Генераловъ Имперіи, Графы Бельяръ и Кюриаль: вопъ Перы сего перваго производства, созданія Людовика XVIII, Г. де Талейрана и Г. Беньо. Въ 1814 году, не было никакихъ производствъ. Насупили Спю Дней: Наполеонъ, по какой-то неизъяснимой маніи подражанія, создалъ свою Палату Перовъ, почно такъ же какъ удержалъ возстановленныя вновь старинныя пипла военныхъ чиновъ, вмѣсто тѣхъ, кои сполько прославились подъ его знаменами. Нѣсколько Перовъ изъ прежняго Сената засѣдали въ сей новой Палатѣ. Но когда, послѣ другаго оборота фортуны, Спю Дней успутили мѣспю впорой реакціи 1815 года, Г. де Талейранъ исключилъ изъ сословія Перовъ всѣхъ, кои соспаляли Палату Наполеона. Мнѣ удалось видѣть оригиналь этого исключенія, написанный собственною рукою спараго дипломапа. Г. де Сегюръ сначала бмыъ вымаранъ, потомъ вписанъ опять мѣленькимъ почеркомъ самого Людовика XVIII. Число исключенныхъ Перовъ проспиралось до придцати; между ними находились: Архіепископъ, Графъ Барраль, и многія старинныя имена Монархіи, каковы: Сегюры, Монпескю, Понпекуланы, Праслени, Латур-Мобуры. Въ замѣну ихъ, спю новыхъ Перовъ, изъ эмигрантовъ, опличавшихся наиболь-

шею преданностію къ Бурбонамъ, облечены были званіемъ Перовъ.

Августа 17, 1815 года, Перство объявлено было наследственнымъ. Въ повелѣніи Короля, скрѣпленномъ подписью Князя Талейрана, было изображено, что, »ничто столько не содѣйствуетъ къ утвержденію государствъ, какъ сія наследственность чувствъ, соединяющаяся въ фамиліяхъ съ наследственностію высшихъ государственныхъ должностей и образующая такимъ образомъ непрерывный рядъ вѣрныхъ подданныхъ.« Октября 6, Принцы Крови облечены были властію присуживать въ Палатѣ Перовъ. Тогда начался печальный процессъ Маршала Нея. Вообще Палата въ сіе время увлеклась вполне духомъ реакціи. Это усилилось наконецъ до такой степени, что, при Министерствѣ Деказа, признано за необходимое самимъ Правительствомъ, для измѣненія большинства, сдѣлать новое производство. Марта 5, 1818 года, наименовано было шестьдесятъ новыхъ Перовъ Франціи. Въ числѣ ихъ было нѣсколько старинныхъ именъ, какъ н. п. Герцогъ д'Эклиньякъ, Маркизы д'Арагонъ и д'Арамонъ, Раймонъ де Берацже, Сен-Симонъ, Талюз, Ла-Вильгонтье; но вообще списокъ былъ составленъ, по духу тогдашняго Министерства, изъ большей части Перовъ, исключенныхъ въ 1815

году, и потомъ изъ именъ, пріобрѣтшихъ народную славу по своимъ военнымъ или гражданскимъ достоинствамъ, каковы н. п. Раппъ, Рюппи, Рейль, и Графы Мольянъ, де Сюсси, Дежанъ, Дарю, Ласепедъ.

Съ паденіемъ Деказа перемѣнилась снова система Министерства. Г. де Виллель, съ своею проницательностью, скоро увидѣлъ, что его предположенія не будутъ имѣть никакого успѣха при настоящемъ положеніи большинства въ Палатѣ Перовъ. И вопль, повелѣніемъ 31 Октября 1822 года, двери Палаты отворились для Епископовъ: восемь Прелатовъ, Архіепископы Турскій, Санскій, Реймскій, потомъ Г. де Келень, де Булонъ, Лапиль, де Круа' и Фрейсинусъ, были посвящены въ Перы Франціи. Потомъ сдѣланы новыя производсва въ слѣдствіе распущенія Палаты Депутатовъ въ 1823 году; шѣ изъ Депутатовъ, которые слишкомъ надоѣдали Виллелю, какъ н. п. Г. Лене, или слишкомъ горячо шумѣли, какъ н. п. Гг. де Марселлюсъ, де Бональдъ и Флоріанъ де Кергорлей, были сдѣланы Перами. Спустя нѣсколько мѣсяцовъ, симъ достоинствомъ вознаграждены были военныя заслуги Испанской экспедиціи, и Графъ Лагардъ, хранишель шайнъ Г. де Виллеля относительно важнаго вопроса о Кортесахъ. Въ 1827 году, новый наборъ Перовъ

усилилъ до такой степени духъ Г. Виллеля, что, когда мѣсто его было занято Г. де Марпиньякомъ, сей послѣдній не могъ ступить шагу, подавляемый большинствомъ, коимъ управляли Гг. Форбенъ дес-Иссаръ, Пейроне, и подъ рукою самъ Г. де Виллель, облеченный званіемъ Пера. Г. де Марпиньякъ опважился было на нѣсколько личныхъ производствъ, прежде чѣмъ успунилъ постъ свой Г. де Полиньяку. Известно, что сей послѣдній и всѣ его распоряженія сдѣлались жертвою Іюльской Революціи.

Изъ подъ баррикады Палапа Перовъ вышла расперянною, опустошенною, и, что всего несчастнѣе, съ ея собственнаго согласія. Всѣ Перы, наименованные Карломъ X, были исключены. Помомъ возникъ важный вопросъ о наслѣдственности, и Палапа сама подписала свой приговоръ: это споило ей многихъ членовъ, кои, какъ упомянуто выше, добровольно сложили съ себя званіе Перовъ. Тогда сдѣланъ былъ новый наборъ, въ духъ доктринеровъ, въ силу коего облечены въ сіе высшее государственное званіе: Г. Руссо, добродушный Парижскій мѣщанинъ, и Г. Кузень, славный своими философскими мудрствованіями; первый какъ высшій представитель гражданства, второй какъ отличнейшій политическій палантъ. Такова нынѣшняя Палапа Перовъ. И пакъ мудрено ли,

чтѣ партіія Министерская имѣеть въ ней рѣшительное большинство?

Я различаю въ сей партіи при особенныя скамьи: Ученую, Военную и Административную.

Скамья Ученая. Безъ сомнѣнія, мысль дать наукѣ право на пріобрѣтеніе высшаго государственнаго званія, каково Перское, была мысль благородная. Наполеонъ сдѣлалъ Сенаторами Гг. Шапшала и Ла-Пласа; Реставрація сохранила ихъ; и нынѣшняя Палата Перовъ можетъ справедливо гордиться, считая между своими членами споль достойнаго мужа, какъ Г. де Саси. Не такъ очевидна справедливостъ подобнаго вознагражденія учености Перспвомъ, въ лицѣ Гг. Тенара и Кузеня. Такъ ли высоко споятъ или далеко подвинулись они въ жизни общественной и политической, чпобы заслужить споль важное опличіе? Безъ сомнѣнія, оно дано имъ въ награду за другія заслуги. Пракпическая жизнь Г. Кузеня, эта жизнь, имѣющая въ себѣ такъ мало философскаго, жизнь переднихъ и госпидныхъ, гдѣ онъ полчется безпрестанно, эта жажда блеска, почестей и мягкихъ каннапе, которая такъ худо ладится съ пѣтнями Академіи, съ опшельническою жизнію Канпа, съ киновіей и опголосками всемірной гармоніи Пивагора, да нѣсколько домашнихъ порученій на счетъ свадебныхъ связей въ Германіи,

которыя приняты были со всѣмъ усердіемъ и готовностію: вопль безъ сомнѣнія заслуги, приобрѣтшія Г. Кузеню права на патриціанское достоинство, носильнѣе скромныхъ изысканій о человѣческомъ я, о любви и сладостяхъ мудрости. Но отдавая справедливостъ счастливой мысли возводить ученые паланты въ высшія государственныя достоинства, можетъ быть надо сдѣлать замѣчаніе, оправдываемое испоріею ученыхъ людей не въ одной Франціи. Вездѣ всѣ они, въ важныхъ политическихъ дѣлахъ, почти никогда не имѣли своего мнѣнія. Извѣстна политическая жизнь Кювье; возьмите въ Англіи Гиббона, Гольдсмита; во время Наполеона, Берполе, Шаппаля. И нынѣ всѣ они, за исключеніемъ развѣ Г. Араго, почиваютъ спокойно въ своихъ креслахъ, закрываясь ученостію, какъ непроницаемымъ щипомъ, отъ всякаго шума. Въ самомъ дѣлѣ, въ теоретическихъ занятіяхъ науками есть что-то, внушающее отвращеніе и презрѣніе ко всякой дѣятельности, не отъ нихъ происходящей. Парламентскія пренія безпокойны, раздражительно; гораздо пріятнѣе мирное наслажденіе выгодами, сопряженными съ спокойнымъ засѣданіемъ на пожалованныхъ мѣстахъ. Когда ученостъ спарѣется, она чувствуетъ потребность въ нѣкоторыхъ удобствахъ жизни; надо присмотрѣть

дѣпей, позабопипься о будущности родспвенниковъ; не рѣдко скупосп примѣшивается къ мудроспи; и какъ слава ученаго доспачно вознаграждаетъ самолюбіе, по и нѣсп желанія опваживапья за новою славой на прибюнѣ. Вотъ почему Ученая Скамья въ Палатѣ Перовъ поспоянно принадлежиптъ къ партіи Минисперспва.

Ц. Скамья Военная. Трудно опредѣлиптъ въ почноспи мнѣніе Генераловъ, принадлежащихъ къ Палатѣ Перовъ, эпихъ веперановъ, упомленныхъ бипвами и походами. Чеспособіе, надо правду сказаптъ, не смущаетъ ихъ. Маршалы, обломки Имперіи, эпип живые памянники великихъ побѣдъ, пресыщены славой и богатспвами; имъ больше нечего желать. Нѣкопорые изъ нихъ, какъ н. п. Удино, дуюпся еще на революцію; но Макдональдъ, Молиторъ, Мортъе, прилѣпились къ ней опъ чистаго сердца, и при концѣ своего поприща всѣми силами поддерживаютъ Минисперспво. Должно однакожъ замѣнптъ, что это производится съ должною умѣренностію, а не спакъ какъ въ Палатѣ Депутатовъ, гдѣ военный минисперіализмъ дышетъ какою — по свирѣпою меспью и фанатическимъ неисповспвомъ. Было и здѣсь покушеніе ввести подобный понъ бивуаковъ и казармъ; но Генераль Дюшальи оспался пеперь

одинъ; его не слушаютъ въ Палатѣ, коей духъ и привычки имъ не постигнуты.

III. Скамья Административная. Въ Палатѣ Перовъ мало людей должностныхъ, состоящихъ въ дѣйствительной службѣ и получающихъ за оную жалованье; но есть люди, которые всѣми привычками жизни своей привязаны къ общей администраціи государства. А какъ въ административной іерархіи дѣла и порядокъ всего есть безусловное повиновеніе, то сіи люди естественно расположены не мѣшать ни въ чемъ Министерству, какъ органу распоряженій Правительства. Таковъ н. п. Герцогъ Де-Гаэтъ; онъ числосердечно убѣжденъ, что конспиративная система есть необходимое зло, которому должно покоряться по нуждѣ, стараясь извлечь изъ него всевозможныя выгоды. Посему Министерство, въ немъ и ему подобныхъ, находятъ вѣрныхъ содѣлывателей всѣмъ своимъ предначертаніямъ.

§ IV.

О П П О З И Ц І Я .

Я сказалъ уже, что оппозиціи, въ духѣ Одильон-Барро и Могеня, нѣтъ и не можетъ быть въ Палатѣ Перовъ. Есть однако въ ней нѣ-

сколько группъ, кои можно назвать частными неудовольствіями прошивъ Минисперства и настоящаго Правительства Франціи. Я раздѣляю сіи неудовольствія на чепыре отдѣльныя группы, по числу главныхъ представителей, къ которымъ онѣ примыкаются.

I. Неудовольствие Бассано. Герцогъ де Бассано, преждебывшій Гражданинъ Марселя, весьма недавно включенъ въ Палату Перовъ, и съ первой минутой вступленія возимѣлъ честолюбіе сославить себѣ партію. Это человекъ съ умомъ почнымъ и образованнымъ, съ наружною гостинностью, привязанный къ преданіямъ Имперіи, но къ сожалѣнію не постигшій высокой судьбы генія, въ ней предсѣдательствовавшаго; одинъ изъ тѣхъ людей, копорые, по прекрасному выраженію Галейрана, жили въ рубашкѣ у Наполеона, не видя и не понимая его. До Революціи Іюльской, Герцогъ де Бассано всячески выслуживался предъ Реставраціей; ему хотѣлось попасть въ Перы Франціи. Кпо не запомнитъ его въ пріемные дни въ Тюльери, съ прическою *ailes de pigeon*, бархапномъ фракѣ небесно-голубаго цвѣта, спальною шпагою *à la Française*, привѣщенной поперекъ; настоящимъ волпижеромъ временъ Людовика XIV, надъ копорыми сполько издѣвалась партія Имперская! Много ходило слуховъ о какой-то за-

пискѣ, копорую Гражданинъ Маре представлялъ будпо бы Карлу X на счетъ полиптическаго состоянія Франціи, и гдѣ, говорятъ, преданія Имперіи Бонапарта были часто приводимы для упвѣрженія династіи С. Людовика. Не думаю однако, чпобы Герцогъ де Бассано соопвѣтспивоваль высокой роли, копорую хочептъ себѣ дасть, и посту, копорого домогается. Говорятъ, что возвышеніе его на степень Президентна Совѣта удовлетворило бы партію Имперіалистовъ; но что значитъ теперь партія Имперская? Обвѣщала въ своихъ началахъ, обвѣщала въ людяхъ, она принадлежишь уже къ области исторіи.

II. Неудовольствіе Моле. Г. Моле былъ Миниспромъ Иноспранныхъ Дѣлъ послѣ Іюльской Революціи. Извѣстны его услуги въ то время, когда въ Европѣ господспивовала такая спущанность инпересовъ. Онъ оспановиль однимъ словомъ предполагаемое занятіе Бельгіи. Извѣстно также, почему онъ удамился опъ дѣлъ. Лордъ Гранвиль открьлъ ему сущеспвование особой переписки между Г. де Талейраномъ и Королемъ, чрезъ посредство Принцессы де Водмонъ. Г. Моле объявилъ, что не лзя бытъ двумъ Миниспрамъ Иноспранныхъ Дѣлъ, одному въ Лондонѣ, другому въ Парижѣ, подалъ въ опспавку, и получилъ ее. Съ тѣхъ поръ, въ Память, онъ

поставилъ себя въ такое положеніе, которое не есть прямо оппозиція, но и не уклоняется отъ ней. Онъ не нападаетъ на Министерство громко и горячо, но за то и не поддерживаетъ его своимъ кредитомъ.

III. Неудовольствіе Деказа. Оппозиція и Министерство равно были несправедливы къ Г. Деказу. Это человекъ, который среди разныхъ переворотовъ приобрѣлъ себѣ такую мягкость, такую гибкость, что можетъ держаться межъ двухъ партій, не чуждаясь ни одной изъ нихъ, ни шѣломъ, ни душой. Привлекательныя манеры, образованный умъ и пріятный разговоръ даютъ ему большое вліяніе надъ пѣми, кои не имѣютъ сколько пвердоспи, чпобъ принять рѣшипельно ту или другую сторону. Стоя на границѣ всѣхъ мнѣній, онъ ласкаетъ ихъ всѣ, и желалъ бы смягчить все, что ни есть въ нихъ жеспкаго, дабы покорить одному началу. Шумъ свѣта ему нравился, онъ любитъ блескъ славы, окружающей власпъ, любитъ оказывать услуги друзьямъ своимъ. Но онъ не можетъ быть главою партіи, ибо слишкомъ терпѣливо сноситъ немилоспи и вѣроломспва, избѣгая всякаго рѣзкаго, рѣшипельнаго разрыва.

IV. Неудовольствіе Броли. Г. де Броли оставилъ Министерство въ слѣдствіе оскорбленія,

нанесеннаго ему отказомъ Палаты Депутатовъ. Глубоко уязвленный въроломствомъ своихъ поварищей, подведшихъ инпригу, коей онъ сдѣлался жертвою, Г. де Брольи не высказываетъ явно своего огорченія на прибуиѣ, но старается разсѣять оное въ пупешеспвіяхъ и открываетъ только въ часпныхъ, искреннихъ бесѣдахъ. Подобно Г. Моле, онъ не составилъ особой партіи, но конечно будетъ благопріятспвовавъ всякому движенію пропивъ измѣнившаго ему Минисперства. Дружба его съ Г. Гизо не прекратилась; и попому доктпринеры будутъ имѣшь въ немъ постоянный органъ своей сиспемы въ Палатѣ.

Изложивъ всѣ сіи неудовольспвія, мы видимъ ясно, что онѣ не составляютъ спройной, сиспематической оппозиціи, и повтораемъ снова, что такой оппозиціи не можетъ быть въ Палатѣ Перовъ. Званіе дѣль, упомленіе настоящимъ, сожалѣніе о прошедшемъ, боязнь будущаго, необходимоспъ утвердиль власпъ для сохранения спокойспвія, вопъ опличипельныя свойства сей Палаты, долженспвующей, по назначенію своему, обуздывать и сокращать буйныя движенія Палаты Депутатовъ. И сіи свойства, кажется, олицетворены въ Президентѣ ея, Г. Пакье, копорый вполне владеетъ и искусствомъ представлять вещи ясно и увлекатель-

но, распоряжають преніями, давають направленіе общему мнѣнію, и вырываютъ рѣшеніе даже тогда, когда оно еще не пвердо успановилось между партіями.

ПЕРЪ ФРАНЦІИ.

МОСКВА. ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. СТЕПАНОВА.

Печатать позволяется. Москва, Декабря 7 дня, 1854. года.
Ценсоръ А. Болдыревъ.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

ТЕЛЕСКОПЪ,

ЖУРНАЛЪ

СОВРЕМЕННОГО ПРОСВѢЩЕНІЯ,

будеть издаваться и на слѣдующій 1835 годъ, въ числѣ *двадцати четырехъ* книжекъ, выходящихъ по два раза въ мѣсяцъ и заключающихъ въ себѣ отъ 10 до 12 печатныхъ листовъ. При немъ

МОЛВА,

ГАЗЕТА

МОДЪ И НОВОСТЕЙ,

будеть выходить, по прежнему, въ числѣ *пятидесяти двухъ* печатныхъ листовъ, раздаю-

щихся еженедѣльно въ субботу. При каждомъ листѣ будетъ прилагаться одна или двѣ картин-ки модъ, съ объясненіями.

Подписка на журналъ и на газету принимается вмѣстѣ, неразрывно. Цѣна въ Москвѣ 45 р., съ пересылкою во всѣ прочіе города 50 р. асс.

Только для подписавшихся у самаго Издателя, живущаго у *Тверскихъ Воротъ, противъ Страстнаго Монастыря, въ домъ Римскаго-Корсакова*, редакція принимаетъ вѣрность пересылки на свою отвѣтственность.

Н. Надеждинъ.

ТЕЛЕСКОПЪ.

XVI.

ДРУГОЙ ИЗЪ ТРИНАДЦАТИ.

§ IV.

ЧЕЛОВѢКЪ ПРЕДПОЛАГАЕТЪ, ВОГЪ РАСПОЛАГАЕТЪ.

И такъ въ 1823 году, Герцога де Ланже не сущеспвовало, и жена его была свободна. Анпуанеппа де Наваррейнъ жила, пожираемая любовью на скалъ Средиземнаго Моря. Но Папа могъ уничтожить объшы Сѣстры Терезы. После сполькихъ спраданій, блаженство могло еще просіять для любовниковъ.

Сія мысли заспавили Моприво перелештъпъ изъ Кадикса въ Марсель, изъ Марсели въ Парижъ.

Черезъ два мѣсяца послѣ прибытія его во Францію, купеческій бригъ, вооруженный по военному, вышелъ изъ Марсельской пристани направляя путь къ Испаніи. Это судно было нанято обществомъ значительныхъ людей, почти всѣхъ изъ Французовъ, кои, влюбясь въ Воспокъ, хотѣли похитить его. По своимъ обширнымъ свѣденіямъ о нравахъ и обычаяхъ сихъ странъ, Монриво былъ драгоценный спутникъ въ подобномъ путешествіи; почему общество сіе обратилось къ нему съ просьбою ѣхать съ ними, на что онъ и согласился. Министерство Военныхъ Дѣлъ произвело его Генерал-Лейтенантомъ и причислило къ Комиссупу Артиллеріи, дабы облегчить ему средства доставить себѣ это удовольствіе.

Спустя двадцать четыре часа послѣ отбытія изъ пристани, бригъ остановился у сѣверо-западной оконечности оспровка, въ виду береговъ Испаніи. Судно было выбрано нарочно такое легкое и мѣлководное, что могло безопасно бросить якорь въ полумилѣ отъ подводныхъ камней, кои съ сей стороны составляли неприспущную ограду оспрова. Еслибъ жителямъ и примѣтили судно въ такомъ близкомъ распояніи, то во первыхъ это не могло подать повода ни къ какому безпокойству, во вторыхъ легко было дать причины, за чѣмъ оно здѣсь остановилось.

Прежде чѣмъ могли завидѣть его съ острова, Монриво велѣлъ поднять флагъ Соединенныхъ Штатовъ. Матросы, служившіе на бригѣ, въ самомъ дѣлѣ были Американцы, и говорили только по Англійски. Одинъ изъ спутниковъ Г. де Монриво высадилъ всѣхъ ихъ въ шлюбку и отвезъ въ гостиницу городка, гдѣ ихъ такъ велѣлъ поить, чпобъ языкъ на силу ворочался. Потомъ сказалъ имъ, чпо на бригѣ ѣдутъ искатели сокровищъ, люди извѣстные въ Соединенныхъ Штатахъ по ихъ фанатизму, коихъ исторію написалъ одинъ изъ ихъ соопечесвенниковъ.

Такимъ образомъ, присутствіе брига среди подводныхъ камней было объяснено доспапочно. По увѣренію мнимаго подшкипера матросовъ, арматоры и пассажиры судна искали здѣсь обломковъ Испанскаго галіона, преперпѣвшаго кораблекрушеніе въ 1778 году, съ сокровищами, кои везъ онъ изъ Мексики. Трактирщики и мѣстное начальство больше не спрашивали.

Арманъ и вѣрные друзья, помогавшіе ему въ семь прудномъ предпріятіи, увидѣли съ перваго раза, чпо ни хитростію, ни силою не лзя и думать освободить Сеспру Терезу со спорны городка. Тогда съ общаго согласія положено было атаковать буйвола съ роговъ; эпи

дерзкіе люди рѣшились проложитъ себѣ дорогу къ монастырю чрезъ пѣ мѣста, кои казались самыми неприспуживѣйшими, и побѣдиль природу какъ побѣдиль ее Генераль Ламаркъ при взятіи Капреи. Въ настоящемъ случаѣ, гранитныя скалы, опоясывавшія островъ, представляли несравненно менѣе удобства, чѣмъ скалы Капреи, при невѣроятной осадѣ конхъ находился Монриво, и монахини казались ему гораздо страшнѣе самаго Сира Гудзона-Лова.

Похищиль Герцогиню съ шумомъ, покрыло бы ихъ стыдомъ. Въ такомъ случаѣ, лучше было взять приступомъ городъ, монастырь, и не оставиль ни одного свидѣтеля своей побѣды, подобно пиратамъ.

И такъ, остались только два способа привести въ исполненіе ихъ намѣреніе. Или какой-нибудь пожаръ, какой-нибудь насильственный поступокъ, который бы ужаснулъ Европу, оставя ее въ неизвѣстности о виновникахъ пресупленія. Или какое нибудь похищеніе, таинственное, воздушное, которое бы заставило монахинь подумать, что самъ дьяволъ былъ въ гостяхъ у нихъ. Сіе послѣднее средство воспоржествовало въ тайномъ совѣтѣ, держанномъ при отъѣздѣ изъ Парижа. Все было обдуманно для успѣха эпого предпріятія, которое, для сихъ пресыщенныхъ удовольствіями Парижа людей, было истиннымъ наслажденіемъ.

Большая лодка опмѣнной легкости, сдѣланная въ Марсели по образцу Малайской пироги, проникла между подводныхъ камней, до пѣхъ мѣсптъ, гдѣ они спановяпся совершенно неприступны. Для перехода со скалы на скалу служиле мостами, какъ въ Китаѣ, двѣ свипыя изъ проволокъ веревки, пропханушыя параллельно на разстоянїи нѣсколькихъ фузовъ между собою, по которымъ спускались корзинки, сплетенныя также изъ проволокъ. Такимъ образомъ улесы соединены были межъ собой непрерывной системою веревокъ и корзины, подобной выпямъ, по коимъ пупешествуюптъ пауки съ одной вѣтви дерева на другую; копия, снятая съ работы сихъ насѣкомыхъ, по инстинкту, Китайцами, этимъ народомъ по преимуществу подражательнымъ. Прихопи морскихъ волнъ не могли распроиптъ эту паупинную пкань. Проволочныя веревки изгибались надъ поверхностью моря въ направленїи кривой линїи, угаданной Кошенемъ, безсмерпнымъ пворцемъ Шербургскаго порпа; линїи, за которой прекращаепся сила разъяренныхъ волнъ и коей кривизна слѣдуетъ таинственному закону, похищенному изъ иѣдръ природы генїемъ наблюдательности, который и есть почти весь генїй человѣческій.

Спутники Г. де Монриво оставалиеь одни на суднѣ. Глазь человѣческій не достигалъ до нихъ.

Лучшія зрипельныя прубы, наводимыя съ палубъ проходившихъ кораблей, не могли открытъ ни веревокъ, перявшихся между упесами, ни людей, запавшихъ за скалы.

Прошло одиннадцать дней въ пригоповипельныхъ работахъ, и эпи двѣнадцать демоновъ въ человѣческомъ образѣ добрались до подошвы мыса, возвышавшагося пуазовъ на придцать сверхъ моря и представлявшаго упесъ, на который также прудно было взобратъя человѣку, какъ прудно мыши вскарабкаетъя по гладкой внупренности глубокой фарфоровой вазы. По счастію эпа гранитная стѣна имѣла разсѣлину. Въ этой разсѣлинѣ, коей зѣвъ съ обѣихъ сторонъ представлялъ двѣ прямыя параллельныя линіи, ухипрились набить толстыхъ деревянныхъ клинѣвъ, на футъ другъ опъ друга, въ кои вколопили большія желѣзныя скобы; а въ эпихъ скобахъ упвердили сосновыя спуненьки, копорыя связали съ мачпою, выщиной равнявшейся упесу, упвержденною въ нижнемъ слоѣ каменнаго берега.

Съ ловкостью, достойною споль рѣшипельныхъ людей, одинъ изъ нихъ, искусный мапематикъ, опредѣлилъ на поспавленной такимъ образомъ мачпѣ почку, съ коей идущія вверхъ спуненьки, раскидываясь вѣромъ, доходили наконецъ до вершины скалы, тогда какъ

идуція внизъ представляли ту же фигуру, только въ обратномъ положеніи. Эта чудная лѣстница, соединявшая съ необыкновенною легкостью совершеннѣйшую прочность, сповла двадцати двухъ дней работы. Фосфорическое огниво, ночь, бурень моря — и слѣды ея на вѣкъ исчезли...

Такимъ образомъ, ничто не могло измѣнить пайнѣ, и никакое преслѣдованіе пропивъ оскорбителей святыни монастыря не могло имѣть успѣха.

На вершинѣ утеса находилась площадка, окруженная со всѣхъ сторонъ пропастями. Двѣнадцать незнакомцевъ, обозрѣвъ ее въ зрительныя трубы съ марса своего корабля, удостоверились, что, не смотря на ея обрывы, они могли добраться до садовъ монастыря, гдѣ довольно густая пѣнь деревьевъ представляла имъ надежное убѣжище. Тамъ положили они рѣшиться на дальнѣйшія мѣры для совершенія замышленнаго похищенія.

Послѣ столькихъ усилій, имъ не хотѣлось подвергнуть опасности успѣхъ своего предпріятія, не обезпечивъ прежде себя отъ всякаго случая, который бы могъ опкрыть ихъ; почему рѣшено было дождаться, пока кончится послѣдняя четверть луны.

Монриво провелъ цѣлыя двѣ ночи на утесѣ, закутавшись въ свой плащъ. Вечернее и уп-

реннее пѣніе монахинь, доставляло ему неизъяснимое наслажденіе. Онъ доходилъ до самыхъ спѣвъ монастыря, чтобы разслушать музыку органовъ, и напрягалъ все свои силы, дабы въ массѣ поющихъ голосовъ различить одинъ божественный голосъ. Но, не смотря на царствовавшее вокругъ безмолвіе, опдаленность распоянія дозволяла доходить до него только смутному гулу музыки. Это была сладоспѣйшая гармонія, въ коей недоспѣнки исполненія не могли быть чувствуемы; мысль, вырываясь во всей своей чистотѣ, общалась прямо душѣ, не пребуя опгъ ней ни усилій вниманія, ни работы ума. Воспоминанія, ужасныя для Армана, любовь коего оживала вся снова подъ эпимъ благодатнымъ вѣянiемъ музыки, въ коей чудились ему воздушныя пѣни блаженства!

На другой день послѣ впорой ночи, онъ воропился уже по восхожденіи солнца, проведши нѣсколько часовъ съ глазами прикованными къ окну одной кельи, не переплетенному рѣшеткой. Рѣшетокъ не нужно было надъ эпими пропасьями. Въ эпомъ окнѣ онъ видѣлъ всю ночь огонекъ. И эпопъ инспинкпъ сердца, который такъ часто обманывается, но часто и говоритъ истину, безпреспанно шеппаль ему: эпо она!

— Да! эпо она! и завпра я буду владѣшь

ею!.. сказалъ онъ, сопровождая радостными бѣшеніями сердца медленный звонъ колокола.

Удивительная странность души человѣческой! Онъ любилъ пеперь монахиню, изможденную спраданіями любви, изнуренную слезами, бдѣніемъ, поспомъ и молишвою, женщину двадцати девяти лѣтъ, прошедшую споль ужаснаго испытанія, любилъ пламеннѣе, чѣмъ нѣкогда юную, легкую, воздушную сильфиду двадцати чепырехъ лѣтъ. Но люди съ сильною душою имѣютъ особенное расположеніе къ высокимъ выраженіямъ, начерпываемымъ благородными бдѣствіями или бурными порывами мысли на лицѣ женщины. Красота, запечатлѣнная уныніемъ спраданія, не есть ли самая привлекательнѣйшая для мужчинъ, находящихъ въ сердцѣ своемъ неиспощимое сокровище нѣжныхъ упѣшеній для сущесіва, въ коемъ слабость есть прелестъ и котораго силу должно составлять одно чувствво? Красота свѣжая, цвѣтущая, полная, однимъ словомъ та, что называютъ *миленькою*, плѣняетъ только посредственность.

Монриво долженъ былъ любить эти лица, въ коихъ любовь возникаетъ изъ подъ морщинъ горести, изъ подъ руинъ меланхоліи. Тогда любовникъ, голосомъ своихъ могучихъ желаній, не воззываетъ ли къ жизни существо совершенно новое, юное, препенущее, которое ради одного

лишь его разрываетъ свою оболочку, для свѣта погибшую, для него все еще прекрасную? Не обладаетъ ли онъ тогда вдругъ двумя женщинами: одной, которая прочимъ кажется блѣдною, увядшею, унылою; другой, которой никто не видитъ, которая, подобно ангелу, понимаетъ лишь чувствомъ и является во всей славе только на торжественный праздникъ любви?

Прежде чѣмъ оставилъ свой постъ, Генералъ услышалъ изъ этой кельи слабые аккорды, тихіе голоса, исполненные нѣжности. Воротясь подъ упесь, гдѣ находились его друзья, онъ рассказалъ имъ въ нѣсколькихъ словахъ, проникнутыхъ пою скромною общительностью спраши, коей величественное выраженіе возбуждаетъ невольное уваженіе, что никогда въ жизнь свою не испытывалъ еще подобнаго блаженства.

На другой день вечеромъ, одиннадцать преданныхъ поварицей поднялись во мракъ на высоту скалъ, каждый запасшись кинжаломъ, провизіею шоколада и всѣми орудіями, принадлежащими къ ремеслу воровъ. Доспигши до стѣнъ монастыря, они перелѣзли черезъ нихъ посредствомъ заранѣе приготовленныхъ лѣспницъ, и очутились на монастырскомъ кладбищѣ. Монриво призналъ и длинную галерею подъ сводами, гдѣ некогда вели его въ пріемную залу, и окна этой залы. Въ ту же минуту, онъ соспа-

вилъ планъ, копорый и былъ единогласно принятъ.

Влѣзть въ окошко, освѣщавшее ту часть залы, копорая назначена для Кармелинокъ; проникнуть оптуда въ корридоры; рассмотреть, не написаны ли имена монахинь на дверяхъ келей; отправиться попомъ къ кельѣ Сестры Терезы; схватить ее сонную, лишить возможности кричать, связать и унести: вся эта программа не предспавляла никакихъ затрудненій для людей, копорые, съ ловкостью колодниковъ, соединяли всѣ знанія, свойственныя людямъ свѣтскимъ, и для копорыхъ ничего не значилъ ударъ кинжала, если имъ нужно было купить молчаніе.

Рѣшетка окна была перепилена въ два часа. Трое спали на часахъ снаружи, двое другихъ въ приѣмной залѣ. Остальные, босикомъ, расположились, въ нѣкопоромъ распояніи другъ опъ друга, по монастырскому зданію, во внутренность коего углубился Монриво, спрятавшись за однимъ человѣкомъ, самымъ ловкимъ изъ всѣхъ, по имени Генрихомъ де Марсей, копорый, для предоспорожности, одѣлся въ платье Кармелинки, совершенно спакое, какъ носили въ монастырѣ.

На часахъ ударило три, когда ложная Кармелинка и Монриво проникли въ дортуарь. Они попчасть распознали положеніе келей. Попомъ,

не слыша никакого шума, при помощи поплаеннаго фонаря, увидѣли имена, написанныя по счастью на каждахъ дверяхъ, съ различными мистическими девизами, порпременами свяпыхъ пружениковъ или пруженицъ, кои каждая монахиня изображала въ формѣ эпиграфа на новомъ свипкѣ своей жизни, эпиграфа высказывающаго послѣднюю ея мысль.

Доспигши до кельи сесипры Терезы, Монриво прочипалъ слѣдующую надпись:

» SUR INVOCATIONE SANCTAE MATRIS THERESAE! «

Девизъ былъ:

» ADOREMUS IN AETERNUM! «

Вдругъ спупникъ его положилъ ему руку на плечо; и указалъ яркій блескъ, освѣщавшій плипы корридора чрезъ скважину двери.

Въ эпю минупу присоединился къ нимъ Г. де Ронкероль.

— Монахини всѣ въ церкви, сказалъ онъ; онъ приготопвляются оппѣваипъ усопшую.

— Я оспанусь здѣсь, опвѣчалъ Монриво; а вы воропитесь въ пріемную залу и заприпне дверь корридора.

Онъ вошелъ быспро въ келью, предшеспвующей ложною монахиней, съ опущеннымъ покрываломъ.

Тогда, въ передней кельи, они увидѣли Герцогиню мерпвую, лежавшую на полу, на доскѣ

служившей ей въ жизни постелью, среди двухъ зажженныхъ свѣчей.

Ни Монриво, ни де Марсей, не сказали другъ другу ни слова, не испустили ни малѣйшаго крика, только взглянули другъ на друга. Потомъ, Генераль сдѣлалъ движеніе, которое означало:

— Возьмемъ ее.

— Спасайтесь, закричалъ Ронкероль, процессія выходитъ изъ церкви, васъ здѣсь застанутъ.

Съ магической быстротой, сообщаемой дѣйствіемъ напряженною волею, мертвую перенесли въ пріемную, спустили въ окошко и были уже у подошвы стѣны, когда Игуменя, въ сопровожденіи монахинь, пришла за пѣломъ Сеспры Терезы.

Сестра, коей поручено было сперечь мертвую, имѣла неосторожность заняться обыскомъ ея кельи, чпобъ узнать ея тайны, и такъ погрузилась въ сіе занятіе, что не слышала ничего и вышла на встрѣчу процессіи съ ужасомъ, не нашедши ввѣреннаго ей пѣла.

Прежде чѣмъ изумленныя монахини пришли въ себя, Герцогиня была уже спущена на веревкахъ къ подножію скалы и спутники Монриво принялись разрушать свою работу.

Въ девять часовъ утра не оставалось и слѣ-

да ни лѣствицы, ни проволочныхъ мостовъ; нѣло Сеспры Терезы находилось на бригѣ, котораго, захвативъ въ пристань за мапросами, исчезъ въ продолженіе дня.

Монриво оспавался одинъ въ каютѣ съ Антуанеттою де Наваррейнъ, лице коей, нѣсколько часовъ, сіяло для него шюю высокою прелестію, которую покой смертный напечатлѣваетъ на нашихъ бранныхъ оспаткахъ.

— Да! сказалъ Ронкероль Монриво, когда сей послѣдній вышелъ на палубу: это была женщнна!.. Теперь опть ней не оспалось ничего. Привяжемъ по ядру къ ногамъ ея и бросимъ въ море... А ты думай объ ней, какъ думаешь о книгѣ, которую читали мы въ нашемъ дѣнствѣ... Гм?..

— Да! отвѣчалъ Монриво.

— На силу спалъ умень. Съ сихъ поръ, имѣй, пожалуй, спрасти; но любовь... Фи...

— Это дурачество! примолвилъ Генрихъ де Марсей. Мы не должны доускать се въ нашъ кругъ. Лучше читай Капта, Фихте, Шеллинга или Гегеля...

— Вошь шакъ человекъ! вскричалъ Ронкероль, хлопнувъ по плечу Генриха.

— Да, это была для меня поэма! сказалъ Мон-

риво, когда послѣдніе круги вспрепенувшейся воды исчезли подъ бригомъ.

— Твоя поэма при тебѣ, изъ списхожденія къ тому, что еще остается въ тебѣ изъ слабостей человѣческихъ, пріятель! сказалъ де Марсей, пуская изо рта дымъ своей сигарки. Я зналъ твою Герцогиню... Она не споила моей Дѣвушки съ Золотыми Глазами. И однако я преспокойно вышелъ вечеромъ со двора, чтобы вонзить ей кинжалъ въ сердце. Ты еще не былъ тогда нашимъ!..

— Ронкероль, примолвилъ онъ обращаясь къ Маркизу, расскажи ему эпю испорію, * чтобы раз-

* Заключая сей второй эпизодъ Исторіи Тринадцати, Бальзакъ говоритъ:

» Въ этихъ двухъ эпизодахъ, могущество Тринадцати не встрѣсило другихъ препонъ, кромѣ той, которою природа уничтожаетъ все замыслы человѣскіе: Смерти. Невольный повѣренный тайнъ сихъ любопытныхъ лицъ дозволяетъ себѣ издать претпій эпизодъ, описывающій приключеніе совершенно Парижское съ Дѣвушкой съ Золотыми Глазами, гдѣ Тринадцать также должны были увидѣть силу свою сокрушенною, мечь обманутою, но на этотъ разъ уже не Смертью, а ужаснѣйшею спрасвѣю опъ которой содрогнется вся наша литература, хотя она и не очень пуглива. «

Этого претпьяго эпизода мы имѣемъ только первый отрывокъ, подъ названіемъ: Парижскія Физиономіи, судя по коему можно предполагать, что эпизодъ сей занима-

съянь его. Ты лучше меня умѣешь даць занимапельность всѣмъ ея подробностямъ.

Женсва, Пре-Левекъ, 26 Января, 1834.

пельностью, едва ли не превзойдетъ оба первые. Какъ скоро онъ выдетъ вполнѣ, мы считаемъ себя обязанными предложить его нашимъ чипапелямъ, для полнопы всей Исторіи Тринадцати. *Изд.*

XVII.

ИТАЛІЯНСКІЕ ИМПРОВИЗАТОРЫ.

Племя Италіянскихъ импровизаторовъ, нѣкогда споль обильное, въ настоящее время со дня на день оскудѣваетъ. Какая бы ни была пому причина, упомненіе ли умовъ, или расположеніе къ болѣе серьезнымъ занятіямъ, или наконецъ спѣшенное соспояніе, въ коемъ теперь находится Италія и которое не даетъ простора никакому свободному изліянію духа, только нынѣ уже не видно прежнихъ народныхъ поэтовъ, кои бывало сберупъ вокругъ себя шолпу, выпросятъ себѣ пему, призадумаются на мнупку, попомъ, съ сверкающими глазами, съ одушевленнымъ челомъ, какъ древніе барды, хлынутъ попокомъ мыслей, чувспвованій и

карпинъ, изливающимся въ безчисленныхъ спруяхъ звучныхъ, гармоническихъ стиховъ. Поэпическая импровизація, эпопъ роскошный цвѣпъ юга, копорый могъ развипься только подъ благодатнымъ небомъ Рима и Флоренціи *, вянепъ, умираепъ. И можепъ быпъ, пеперь настоящая пора, бросипъ на нее внимательный взглядъ, дапъ опчепъ себѣ, жалѣпъ ли объ ней или оставапъся равнодушными къ ея паденію, и такимъ образомъ проспипъся съ эпопъ наивной, дикораспущей (если можно пакъ сказать) поэзіей, копорая переносила насъ въ пѣ минувшія времена, когда языкъ боговъ былъ вдохновеніемъ, а не ремесломъ, какъ нынѣ.

Если вѣрипъ преданію, первые импровизаторы были современники Пепрарки, копорый научилъ ихъ сопровождапъ свои пѣсни звуками гитары, по примѣру Прованскихъ Трубадууровъ. Тогда употребляли они въ своихъ импровиза-

* Замѣчательно, что всѣ почти импровизаторы были родомъ изъ Тосканы или изъ Венеціанскихъ владѣній, преимущественно изъ Сіены или изъ Вероны. Въ наши времена были опыты импровизаціи и въ другихъ спранахъ Европы. Въ Германіи первый началъ импровизировать публично (1824) Вольфъ, родомъ изъ Альпены, нынѣ знаменитый Профессоръ Новѣйшихъ Языковъ и Литературъ. Во Франціи (1825 и 1829) Евгеній Прадель давалъ импровизаторскіе вечера, на копорыхъ однажды импровизировалъ цѣлую трагедію, взяпую изъ повѣйшей Русской Исторіи. *Изд.*

ціяхъ языкъ Лапинскій, единственный, коимъ говорили ученые и поэты; и конечно, слыша, какъ въ устахъ ихъ оживало угасшее воспоминаніе и величіе Рима на языкъ Лукреціевъ, Virgilіевъ и Капулловъ, можно было подумать, что, на гласъ сихъ новыхъ Амфіоновъ, древній Римъ Цезарей возсоздастся на развалинахъ Рима С. Пепра. Древнѣйшій изъ импровизаторовъ былъ Серафино д'Аквила (+ 1500), состязавшійся славою съ самимъ Петраркой. Христофоро Флорентинскій, прозванный *высшреннѣйшимъ* (*altissimo*), Сорди, Аврелио Брандолини и братъ его Рафаэлло (всѣ прѣе слѣпые), наконецъ Бернардо Аккольпи, прозванный *единственнымъ* (*unico*), принадлежатъ къ помуже періоду *. Когда Аккольпи намѣревался импровизировать публично, лавки запирались, дѣла останавливались, народъ валилъ, пѣшій и конный, изъ сосѣднихъ деревень и городовъ, и тѣснился вокругъ поэта, сначала безмолвный, неподвижный, потомъ съ глухимъ ропотомъ, какъ море, колеблемое вѣтромъ.

По паденіи Греческой Имперіи, ученые, избѣгая пожара Константинополя и меча Мухамме-

* Въ концѣ XV и въ началѣ XVI вѣка упоминаются еще: Николо Леоничено, Маріо Филельзо, Памфило Засси, Инполито Феррарскій, Банпшста Спроцци, Перо, Николо Франціошти, Чезаре да Фано. Изд.

да II, со всѣхъ споронъ спекались въ Ипалію и, въ заплапу за оказанное имъ гостепріимство, распроспраняли вкусъ къ ихъ языку, липературѣ и нѣкоторымъ обычаямъ, между коими преимущественно былъ обычай украшати празднества пѣніемъ и импровизаціями. Левъ X, охотникъ до пировъ и умспвенныхъ наслажденій, скоро принялъ сію моду, и держалъ поспоянно при Дворѣ своемъ одного, по имени Кверно, остроумнаго шута и оплічнаго пѣяницу, который на каждый спаканъ вина, ему предлагаемый, долженъ былъ отвѣчать по крайней мѣрѣ двуспишемъ, и всякой разъ повиненъ былъ осушати большой спаканъ воды, если двуспишіе было не по вкусу Папы. Левъ называлъ его въ шупку *архипозтомъ*. Но наспояцій импровизаторъ былъ любимецъ его, знаменипый въ свое время, Андреа Мароне. По смерпи Льва X, импровизаторы бросили Латинскій языкъ и приняли народный, освященный уже образцовыми произведеніями Боккачіо и Данте. Эпа перемѣна языка еспеспвенно должна была увеличити число ихъ: мы упомянемъ здѣсь только замѣчательнѣйшихъ между ними.

Первый по времени, а можетъ быти и по уму, былъ Сильвіо Антоніано, родившійся (1540) въ Римѣ опъ бѣдныхъ родипелей и возвысившійся своими талантами до Кардинальскаго

доспоинспва. Онъ былъ ученый знапокъ древнихъ языковъ, и славился свѣденіями во всѣхъ погдашнихъ наукахъ *. Расказываютъ, что разъ вечеромъ онъ импровизировалъ въ деревнѣ предъ многочисленнымъ обществомъ, и соловей, привлеченный мелодіей его голоса, перепархивая съ вѣтки на вѣтку, сълъ наконецъ на самое ближайшее дерево, чптобы соспязался съ нимъ въ гармоніи. Это одушевило поэта новымъ энтузіазмомъ; онъ бросилъ пему, на которую импровизировалъ, обратился къ своему пернапому сопернику и изобразилъ пѣніе соловья въ такихъ очаровательныхъ, гармоническихъ стихахъ, чпто предстоящіе были провупы до слезъ, чувспвуя себя перенесенными въ баснословный міръ древности, сею чудною борьбой соловья и поэта.

Преемникъ его былъ Кавалеръ Перфешпи (+ 1747), обладавшій опличнымъ вкусомъ и чудесною памятью, пакъ чпто могъ говорить о каждомъ предметѣ приличнымъ языкомъ и импровизовать опъ пяти до шести сотъ стиховъ, опличавшихся красотою и силой. Во время импровизаціи онъ имѣлъ видъ вдохновеннаго, и обыкновенно при концѣ падалъ безъ чувспвъ, полумертвый. Любимѣйшій мепрь его была окпава; онъ обыкновенно пѣлъ свои стихи, чптобъ имѣть возмжноспь сбираться съ мыс-

Современники за импровизаторскій палантъ прозвали его *Ройіно*. Изд.

лями и вѣрнѣе соблюдать мѣру, при чемъ аккомпанировали ему на гитарѣ. Венедиктъ XIII удостоилъ его чести пріумфа, который въ то время не былъ еще обезславленъ незаслуженнымъ обращеніемъ на людей недоспойныхъ; ибо лавръ Капитолія украшалъ полько чело Петрарки и гробъ Тасса. Вмѣстѣ съ пѣмъ получилъ онъ право Римскаго гражданства и дозволеніе прибавить лавровый вѣнокъ къ своему гербу.

Мепаспазіо, въ своей юности, прежде чѣмъ посвятилъ себя оперѣ, показалъ опыты рѣдкаго паланпа импровизаціи; но они споили ему чрезвычайнаго напряженія и почти сверхъестественныхъ усилій. Черезъ нѣсколько минутъ, онъ впадалъ въ совершенное изнеможеніе; надо было приводить его въ чувство сильнѣйшими средствами, и онъ возвращалъ свои силы не прежде, какъ проведя въ покоѣ цѣлыя сутки. Чтобы сохранить жизнь свою, онъ долженъ былъ бросить это опасное искусство.

До селѣ исчисляли мы полько муштинъ отличавшихся искусствомъ импровизаціи; но оно въ равной степени было удѣломъ и женщинъ *, коихъ гибкій органъ и чувствительная душа какъ будто нарочно созданы для него. Италія

* Квадріо упоминаетъ о трехъ древнѣйшихъ импровизаторахъ: Чечилии Микели изъ Венеціи, Джіованнѣ де Санпи, и одной монахинѣ Барбарѣ Корреджіо. *Изд.*

съ гордостію повторають имена Кориллы *, Бандеппини **, Фантаспичи, Маццеи; послѣдняя превосходила всѣхъ гармоніею стиховъ и невѣроятною плодотворностію воображенія. Въ новѣйшія времена славятся Зукко, Джіанни и Згриччи ***, кой, подобно духамъ-пришельцамъ другихъ вѣковъ и другаго міра, изумляютъ свою опчизну, но уже находятъ въ ней болѣе дивящихся, чѣмъ подражающихъ; какъ послѣдніе жрецы священнаго огня, они щцаются всѣми силами сберечь умирающія

* Кориллою Олимпическою прозвана была, въ Аркадской Академіи, Мадалена Марелли Фернандезъ, родившаяся въ Писпоѣ. Талантъ ея открылся весьма рано; и слава ея, изумлявшая Италію, распространилась до того, что Императоръ Францъ I вызывалъ ее въ Вѣну, гдѣ она была принята съ опличною благосклонностію. Императрица Екатерина II приглашала ее въ Петербургъ, но Корилла испугалась сѣверной зимы. Академія Аркадская приняла ее въ свои члены, а Сенатъ Римскій (1776) увѣчалъ ее торжественно и наименовалъ *благородною гражданкою* (*nobile cittadina*). *Изд.*

** Тереза Бандеппини (1756), родомъ изъ Лукки. Она импровизировала оду на победы Суворова въ Италіи, копорая съ двумя другими, напечатана въ Луккѣ (1814). Ее называли *Этрусскою Амариллою*. *Изд.*

*** Томмасо Згриччи, родомъ изъ Ареццо, вышелъ на сцену во Флоренціи (1816). Въ Парижѣ онъ импровизировалъ съ большимъ успѣхомъ трагедію: Миссолунги (1826). Но еще прежде (1823) спенографъ Дельцино издалъ импровизированную имъ въ Туринѣ трагедію: Гекторъ. Въ послѣдствіи импровизировалъ онъ во Флоренціи трагедію же: СМЕРТЬ МАРИИ СТЮАРТЪ, за что возведенъ въ дворянское достоинство. *Изд.*

его искры, кои съ смертію ихъ вѣроятно должны угаснуть, по недоспапкѣ пипанія.

Оспановимся здѣсь; довольно эпихъ славныхъ именъ, кои носятся по Ипаліи изъ конца въ конецъ! Ихъ счастливые владѣльцы надѣялись бытъ безсмертными: и однако я боюсь, что ихъ чуждые звуки въ первый разъ касающія пеперь слуха моихъ чипапелей. Сравнивая мракъ, въ коемъ онѣ погружены пеперь, съ тѣмъ блескомъ, коимъ онѣ нѣкогда окружались, не лзя не пожалѣть о непрочности ихъ славы. Тысячи импровизаторовъ слѣдовали другъ за другомъ въ Ипаліи послѣ возрожденія наукъ; и безпамятная, неблагодарная опчизна, не сохранила ни одного изъ ихъ произведеній. Впрочемъ импровизаторы сами признаются, что ихъ творенія не заслуживаютъ печати и чпенія *, и вооруженная анапомическимъ ножемъ крипика не имѣетъ никакой силы надъ сими легкими созданіями, кои, подобно мыльнымъ пузырямъ, сверкаютъ яркими, песпрыми цвѣтами, но разлепаются при малѣйшемъ прикосновеніи. Они имѣютъ нужду въ слушапеляхъ съ спрадапельно напряженнымъ вниманіемъ, копорые, подобно имъ самимъ, овладѣвались бы и увлекались, копорые сами бы спѣшили на вспрѣчу мыслямъ и чувспвованіямъ, имъ

* Таково было мнѣніе Перфешпи. *Изд.*

сообщаемымъ. Каждое слово ихъ должно, какъ электрическая искра, передаваясь вдругъ десятку тысячъ слушателей, и, чтобы произвести все свое дѣйствіе, имѣеть необходимую нужду въ единодушно выражаемомъ одобреніи; мгновенномъ одушевленіи, игрѣ физиономіи и жестикуляціи, живомъ очарованіи голоса. Опнимите у нихъ сіи матеріальныя средства: вы увидите весь ихъ геній.

Только недоспапокъ паланпа бываетъ причиною того, что импровизаторы дѣлаются импровизаторами: они импровизируютъ, потому что не могутъ быть поэтами *. Этого мало: по моему мнѣнію, истинный поэтъ, увлекаясь по легкомыслію къ импровизаціи, отрекается отъ своего достоинства, отъ высокаго призванія поэта, дабы пѣшить публику въ качествѣ проспаго лицедѣя. Импровизаторъ превращаетъ поэзію въ шарлатанство, является передъ полпой, кричитъ, ломается; и все это для того, чтобы прикрыть блистательнымъ облакомъ, блѣдность своего одушевленія, жерпвы, къ коимъ принуждаетъ его рюмъ, услуги, конхъ пребуешъ онъ въ это время отъ памя-

* Извѣстно изреченіе Монпи объ импровизаторѣ Джіанни, любимцѣ Наполеона, получившемъ отъ него шипло Императорскаго Импровизатора: »Напура сдѣлала все, чтобы изъ него вышелъ великій поэтъ; но Джіанни не хотѣлъ выполняшь ея цѣли!« *Изд.*

пи. Поэпъ подобенъ воину, которъй сначала покоенъ, но мало по малу возвышается къ одушевленію и, схватываясь въ рукопашный бой съ опасностью, приобретаетъ въ самой борьбѣ, силу продолжать ее; импровизаторъ есть Азіяпецъ, возбуждаемый къ бою туманомъ опиума. Поэпу внимають его опечесство и весь свѣтъ, его вѣкъ и вся будущность; на импровизатора дивятся, какъ на жирафа или какъ на ученую собаку, изумляясь легкостью, съ которой онъ подбираетъ рѣшмы, такъ какъ изумляются армоночному фиглярю, когда онъ выкидываетъ разные фокус-покусы.

Что остается отъ самыхъ знаменитыхъ лицедѣевъ? Одно имя, нѣсколько пусклыхъ преданій, которые съ годами больше и больше пемнѣють; проблематическая слава, похожая на гіероглифы пирамидъ, кои, послѣ начерпавшихъ оныя, остаются вѣчно неизгладимыми, но никто не разуметъ ихъ смысла; Лицедѣй подобенъ маскѣ, которою закрывали лице на древнемъ театрѣ; *маска падаетъ, человѣкъ остается*; и эпопъ человѣкъ въ настоящемъ случаѣ есть поэпъ, котораго безсмертное созданіе переживаетъ своего полмача, заставлявшаго плакать или смѣяться надъ нимъ силою своего искусства. Поэпъ можетъ занимать насъ и въ тишинѣ уединеннаго кабинета, ровно какъ на шумныхъ подмосккахъ сцены;

его слова, чтобы прогнать и восхищать, не имѣюпъ нужды проходить чрезъ чужія успа, часпо невѣрныя и обманчивыя. Но импровизаторъ хочеть бытъ вмѣстѣ и поэпомъ и лицедѣемъ, и человѣкомъ и маскою, неплѣнною бронзою, копорая служипъ моделью, и хрупкимъ гипсомъ, копорый лѣпится по эпной модели; хочеть, и остаестья только формой, копорая спадаесть и разбиваестья. Отсюда слѣдуесть, что судьба импровизаціи весьма мало имѣесть вліянія на испинную поэзію; ибо первая превращаесть человѣка въ предметъ любопытства и спекуляціи, вторая въ предметъ удивленія и благоговѣнія; та можесть разлишь вокругъ себя безплоднѣй, скоропреходящій блескъ, но только сей послѣдней предоставлено обосновывашь прочно липературную славу націи; импровизація можесть погибнуть, не препятствуя поэзіи разширяшь полетъ свой и возносишья къ небесамъ.

ХVIII.

Х — А Я Б Ы Л Ь.

(Посвящено И. М. Осипову).

Въ книгѣ жизни часпо встрѣчаются страницы разсѣянныя, измятыя, орошенныя слезами и кровью. Чпобы изобразить бѣдствіе болѣе полное, болѣе существенное, возбуждающее гнѣвъ и омерзѣніе, но пѣмъ не менѣе достойное всего нашего сожалѣнія, другъ человѣчества по необходимости долженъ вырывать эти страницы, какъ они еспь.

Въ вихрь общественной жизни, всего чаще видимъ мы жертвою эпохи бѣдствія существо

слабое, безпомощное, однимъ словомъ женщину, рожденную для того, чптобы блиспаать, украшаать жизнь нашу всѣми прїяпноспями души чпсой и вѣжной, чптобъ быать помощницею и спупницею мужа во всѣхъ его печаляхъ и радоспяхъ, но жеспокими обспояпельспвами или бурео сильныхъ нравспвенныхъ поспрасевїй оїпспоргнуспую опъ среды семейспва, низринуспую на послѣдную спепень бытїя. Я говору о порочномъ споргѣ собою, копорый, обезображивая эпо лучшее созданїе Божїе, низводптъ его до соспоянїа безсловесной пвари.

Заглянемъ тольоко, минуя лучшїя частп нашихъ большихъ городовъ, въ темные, смрадные ихъ закоулки, обпкновеннїя обппалища немощной бѣдности, гдѣ кипптъ послѣднее выраженїе эпого недуга, въ помъ видѣ, какъ онъ вырабопывается и разливаепся по свѣту испорченностїю общеспвенныхъ нравовъ. Пронпцательные конечно угадаюптъ, чпо я разумью здѣсь пѣ гнусныя гнѣздилища спаящагося во мракѣ разврапа, копорыя давно уже спрого пресплѣдуюпся законами. Скольоко жерпвъ поглощаепся ими въ цвѣтущей молодоспїи, красопѣ и силѣ! Скольоко жерпвъ, достпойныхъ лучшаго жребїя, но изможденныхъ, исперзанныхъ эпимъ недугомъ, сопровождаемыхъ въ жизни презрѣнїемъ, прокляпїями, нисходяптъ такимъ образомъ

во мракъ могилы, безъ слезы участія, безъ сожалѣнія!

Слѣдующая сцена есть только отрывокъ изъ сей мрачной карпіны, отрывокъ поучительный своимъ ужасомъ. Мѣсто ея не украшенная причудами роскоши госпинная; не великолѣбныя палаты, прельщающія своими формами снаружи и пакъ заманчиво зазывающія воображеніе внутрь стѣнъ своихъ; нѣтъ! это просто напросто старый, почти развалившійся домъ, уединенный, въ одной изъ опдаленнѣйшихъ и малообитаемыхъ часпей большаго города, населенный сущесвами, споль же жалкими и презрѣнными, сколько цѣль, для которой онъ еще дышали; имѣвшій всѣ приманки обольщенія для неопытныхъ, покупающихъ трудовымъ достояніемъ запрещенныя забавы, съ упрямой здоровья и добрыхъ нравовъ, и, какъ корабль, быстро несшій своихъ пассажировъ по волнамъ разврата въ пучину гибели.

И пакъ дѣйствіе въ эпомъ домѣ...

Быль Августъ, время ярмончнаго съѣзда въ помъ городъ, гдѣ случилось описываемое нами произшествіе. Госпинницы, часпные дома, были бипкомъ набины пріѣзжими. Улицы—аристократки представляли взору чудную смѣсь

бандеролей и вывѣсокъ, начиная отъ копа, смотрящаго въ лакированный сапогъ надъ входомъ въ кварширу сапожника, до изображенія альбиноса, и пестрѣли разнообразіемъ торговаго народа.

Жиды, Греки, Армяне, Персы, важные Турки, опущенные по уши въ свои широкіе шильвары; и между ними кропопливые Европейцы: пробочные Французики, разрисованные по послѣдней карпинкѣ Ретит Courrier; загорѣлые отъ лучей полуденнаго солнца » сыны степей « Цыганы; толстонозики Нѣмцы, на курьихъ ножкахъ, съ тяжелыми мейн-гопами и эластическими Нѣмочками; длинно-бородые Русскіе купцы, ихъ приземистые лавочники изъ Вязьмы въ долгополыхъ серпукахъ, съ узкими въ обтяжку рукавами, отъ чего руки ихъ казались переломленными оглоблями, симметрически привѣшенными, для парада, къ вздернутымъ плечамъ; гордые Польскіе и Малороссійскіе паны; военные, Фрачки; съ усами длиннѣе и вычурнѣе киповыхъ, безъ усовъ съ баккенбардами, занятыми на прокатъ въ сапожномъ ряду; и множество всякаго другаго народа, разныхъ вѣръ, разныхъ націй, въ своихъ нарядахъ по вкусу и времени, съ женами, дѣтьми и всякимъ хламомъ; пѣшкомъ, верхомъ, на грязныхъ пелегахъ, въ прадѣдовскихъ рыдванахъ въ Польскихъ бричкахъ, въ щегольскихъ дрож-

какъ, въ каретахъ: все это было перепутано, перемѣшано между собою, вилось, плянулось, пымло, мелькало, почь въ почь, какъ въ маскарадѣ или на свяпочномъ представленіи.

Здѣсь спорили объ изящномъ въ подковкѣ гусиныхъ лапокъ, о высокомъ въ кваканьѣ лягушекъ. Тамъ раздавались громомъ споль выразипельныя для всѣхъ націй, сугубыя и обоюдоспрыя Русскія непечатныя поговорки, перебующія поспоронисья. Тупь заѣзжій фигляръ, механикъ и оптикъ, словно Оукидидъ на древнихъ игрищахъ, собравъ вокругъ себя толпу любопытныхъ съ опворенными наспежъ ртами, въ надеждѣ сладоспныхъ похвалъ и еще сладоспнѣйшей плапы, свисталь и щелкаль соловьемъ, кувыркался ракомъ, выдѣлываль прудные анпраща, зѣваль по собачьи, бился о земь и вспрыгиваль къ верху воланомъ. . . Извоцики сновали между всего этого какъ угорѣлые. Мѣнялы, кандиперы, продавцы апельсиновъ, слѣдныхъ пирожковъ и всякой всячины, громко выкликали желающихъ, перебивая ихъ другъ у друга въ слипомъ говорѣ.

Короче сказать: здѣсь сполько представлялось взору и мысли смѣшнаго и серьезнаго, занимательнаго и незанимательнаго, что для романпического наблюдателя спало бы съ из-

быпкомъ на цѣлую книгу песпрыхъ фанпаспическихъ расказовъ всѣхъ цвѣповъ.

Подъ вечеръ, эпа живая панорама народной дѣятельности перемѣнилась: одни ѣхали поблиспаать въ собраніи; другіе спѣшили свезпть свою скуку въ теапръ; претпы, сѣвъ на лихаго извощѣка...

Поспавимъ здѣсь: *вѣрно съ подлиннымъ*, и начнемъ съ эпихъ *третьихъ*...

Нѣсколькo офицеровъ, возвращавшихся изъ счаспливо совершеннаго похода, уединясь подъ шумокъ разгула въ описанный нами выше домъ, праздновали въ немъ близкую разлуку шумною оргією.

То было созвѣдіе друзей, молодые люди, сжившіеся душа въ душу среди военныхъ опасностей, окуренные пороховымъ дымомъ на вѣчную дружбу. Слава повѣла уже лаврами юныхъ рапниковъ, мечпы улемѣвали ихъ юность, жизнь кипѣла надеждами. Окончивъ кампанію, каждый изъ нихъ спѣшилъ на свою родину; у каждаго было въ предметъ обрадовать своимъ возвращапомъ мать, оцца, брапьевъ, сеспрѣ, или шу, копорая не выходила изъ его памяти даже въ пылу битвы, шу, копорой одно имя бы-

ло лозунгомъ славы и побѣдъ. Доселѣ всѣ они ѣхали вмѣстѣ; но теперь каждому предлежалъ особенный путь, и минушу распаванья, споль птяжкую для сердца сослуживцевъ, они хопѣли провесѣ какъ можно веселѣе. . .

— Молодость шаловлива : она не жалѣетъ средствъ, не разбираетъ ни времени, ни мѣста, когда ей весело; она льется поэзіей, превращается въ дивирамбъ, когда есть радости!

И вопѣ, не по тому чптобы чистое чувство ихъ шускиѣло уже опѣ знакомства съ порокѣмъ. . . нѣтъ! душа и сердце ихъ были свѣпмѣ клинка Дагестанской сабли. . . но изъ одной шолько шалости, споль понятной для пѣхъ, кому еще не измѣнили обѣпты жизни, вробки хюпали, шампанское кипѣло, переполняя шипучею пѣною края кубковъ, въ обществѣ не доспойномъ свѣшлыхъ восторговъ юношей.

Прелестницы, въ родѣ Пале-Рояльскихъ гризетокъ благодашнаго Парижа, разряженныя à la Nipon, ласкались къ нимъ, обвивали ихъ своими объятіями, вшивались въ нихъ поцѣлуями. Богиня спыдливости, казалось, въ полглаза глядѣла на нескромныя продѣлки шаловливаго сына Киприды между Цирцеями.

Между шѣмъ подруги, менѣе счастливыя въ выборѣ, ласкались къ кошелькамъ гостей, брошеннымъ съ небрежностію на споль, успа-

вленный. Вакховою бапареею — бутылками ; сами расчипывались за ихъ угощеніе съ распорпнымъ буфепчикомъ , предупредипельнымъ Ганимедомъ эпого Олимпа, и опть прикосновенія ихъ вѣсь кошельковъ уменшался, а ридикюли красавицъ ошупипельно ппажелѣли.

Подобный поступокъ во всякомъ другомъ мѣспѣ могъ бы приняпть быпть за воровспво; но здѣсь онъ показывалъ только ловкую намепанность въ дѣлахъ подобнаго рода, успановленную обычаемъ. И, Боже сохрани, если бы кпо вздумалъ найпни его безчеспнымъ и, признавъ въ покраденномъ свою собспвенность, поппребовать ее настояптельно! Тогда Граци, населявшія это жилище, преврапились бы въ Медузъ, а Мегера, завѣдывающая эпимъ чиспилицемъ, не умедлила бы подпяпть шумъ, привлечь къ себѣ полицію и выдапть ей веселящихся на позоръ общеспвенный.

Но молодые люди мало заботились о помѣ, глядѣли на все сквозь пальцы и, слѣдспвенно были сполько безопасны, сколько можно быпть безопаснымъ въ мѣспѣ, лишенномъ покровипельспва законовъ и находящемся внѣ всякихъ условій.

Вскоръ частпя возліанія перешли въ общую вакханалию. Къ ней присоединились еще ппри купца, копорые до того оставались какъ

бы въ полу-свѣпѣ, незамѣченными, и съ робоспю выжидали удобнаго случая, чптобы улизнуть опѣ опасныхъ весельчаковъ, или, смопря по обстояпельспвамъ, приспапъ къ ихъ компани.

Одинъ изъ купцовъ, украшенный окладиспою бородою, въ длиннополой сибиркѣ, казавшійся постарше, побогаче и посмѣлѣе прочихъ, долго и въ нерѣшимости смопрѣлъ на разгуль юности; наконецъ, увѣрясь, что молодые люди не имѣли въ виду ничего болѣе, кромѣ желанія повеселипсья, вдругъ какъ бы одушевленный наипіемъ вдохновенія, приосамился, подвинулъ спуль свой къ веселящимся и, охорашиваясь при каждомъ выразипельномъ, по его мнѣнію, словѣ, обратился къ нимъ съ слѣдующею рѣчью:

— Позвольте-сь — имени и опщества вашего не имѣемъ чести знапъ-сь — позвольте-сь имѣпъ, примѣромъ сказапъ, осчаспливленную честь вмѣспѣ, по еспъ ради компанспва раздѣлипъ-сь такое удовольспвенное купно-сообщеніе-сь. Мы, по еспъ, и сами, примѣромъ будучи сказапъ, люди дорожные-сь, и любимъ малую-полику повеселипсья-сь; а также, если милоспи вашей не пропивно, предложипъ и свое угощеніе-сь.

— Хорошо, хорошо борода! вскричали ему проказники, оглядывая его съ ногъ до головы!

Если ты также рѣчишь на угощенье, какъ щедръ на слова, то мы съ удовольствіемъ принимаемъ тебя и твоихъ поварихъ въ собушльники.

— Благодареніе приносимъ! отвѣчалъ съ низкимъ поклономъ довольный своею выходкою смѣльчакъ купецъ. Пухлое матовое лице его при этомъ оживилось черповски лихою улыбкою, глаза заблестали, а отворенный настежь ротъ весьма наивно изобразилъ собой отверстіе укуснаго боченка, изъ котораго исходили звуки, похожіе на звонъ мѣлкой мѣдной монеты при скупой сдачѣ.

— Гей малой! шампанскаго! воскликнулъ онъ гусинымъ пѣноромъ вслѣдъ за пѣмъ.

Этотъ купецъ принадлежалъ къ числу тѣхъ добрыхъ спаричковъ, которые, закупорясь въ своей семьѣ за каменными стѣнами и придевятию замками, круглый годъ живутъ, какъ говорятъ они, по уславамъ Святыхъ Опцовъ: то есть спорого наблюдающъ посты, сверхъ того поспялся по понедѣльникамъ, средамъ и пятницамъ; считаютъ богоотступнымъ дѣломъ курить и нюхать табакъ, называя его проклятымъ зельемъ; пьютъ чай въ дни разрѣшенія вина и еля; даже не въ прикуску съ сахаромъ, чпобы не опоганить успъ своихъ, а съ медкомъ; но вмѣстѣ съ пѣмъ не сочтутъ за грѣхъ, при удобномъ случаѣ, напянуть лишній вершокъ на

аршинъ, обсчитавъ прощачка при сдачѣ, и спустилъ ему залежавшійся поваръ за новый. А лишь шагъ за домашній порогъ— другіе люди! Маска сброшена: скряга, окончивъ торговля дѣла свои въ чужомъ городѣ, и находясь далеко отъ лицъ, предъ копорыми привыкъ припворствовать, вдругъ превращается въ сибарита. Совлекаетъ вепхаго челоуѣка съ рамень своихъ, забываетъ тяжестъ убѣлившихъ его годовъ, и, жалѣя до того копѣйки на дѣло доброе, пеперь соритъ тысячами, удомлеворя не рѣдко безсильное уже сладостраспіе.

Два другіе купца, моложе, съ фizioноміями до того плоско-глупыми, что самая цѣпкая эпиграмма опскакивала отъ нихъ, по народному выраженію, какъ отъ спѣны горохъ, вפורили во всемъ первому; они, казалось, были его задушевные друзья и, выказывая всеми возможными знаками эту дружбу, копорую, какъ болопную, исполненную незамѣтныхъ глазу апопическихъ гадовъ, каплю, слѣдовало размаспривать въ микроскопъ опыта, спарались на перерывъ угодить своему патрону. Одинъ изъ нихъ въ серпукѣ, съ бородою, былъ разбогатѣвшій казенный поспавщикъ, копорому нужна была, при случаѣ, его порука. Другой поже въ серпукѣ, но безъ бороды, повѣренный по опкупамъ, извлекавшій свои выгоды только изъ

того, что могло перепасъ на его долю опъ беззавѣшнаго моповспва спараго гуляки.

Драгоценная влага Кликко, живое подобіе мя-
пущейся гражданспвенности, шипя и пѣнясь,
удвоенными приѣмами вмигъ уравнила оба сосло-
вія: Марсово и Меркуріево. Заздравные постпы,
разгульные пѣсни, одушевили всѣхъ однимъ во-
споргомъ, одною мыслію. Оспропы высѣкались
и осѣкались при общемъ хохопѣ. Водевильные
куплепы въ родѣ слѣдующаго:

Всѣмъ красавица она:
И эфирна, и шомна,
И похмѣлье подѣ глазами,
И супругъ ея съ рогами!

ВЛЕ

Сердечной впраспью очарованъ.
N. N. вступашъ въ бракъ,
Что въ переводѣ значить шакъ:
Онъ скоро будешъ забракованъ!

куплепы, споявпіе ихъ сочинителямъ цѣлыхъ
ночей, проведенныхъ безъ сна, безъ нищи, въ
непопленомъ чердакѣ и пропѣные въ псапрѣ
изъ сосраданія къ цѣховому пруженичеспву
авпоровъ, новшорались кспаша и некспаша.

Въ довершеніе спекпаля, спранспвующій
цыганъ подыгрываль на шарманкѣ, одна изъ
дѣвъ вшорла ему на разбишыхъ цимбалахъ,

какой-то канцеляристъ Земскаго Суда бречалъ на гитарѣ, и всѣ пѣли, шумѣли, кто во что гораздъ, словно на шабашѣ вѣдьмъ. Разгулъ крушилъ вихремъ. Съ нимъ гармонировали: крикъ, гвалтъ, дикое ликованье опчянныхъ сердець.

Но, въ этой пустынѣ Гоморры, взоръ менѣе опьянѣлый встрѣчалъ еще два опрадныя оазиса. Это были: юная дѣвушка, изъ числа тѣхъ же самыхъ лицъ, по видимому еще несовершенно освоившаяся съ эпою жизнію, и молодой юноша арпиллеристъ.

Не принимая участія въ шумной веселости прочихъ, онѣ, казалось, внимательнѣе вглядывались другъ въ друга, какъ бы что-то припоминавая.

Есть существа милья, вѣжныя, кропкія; одно приближеніе къ нимъ, составляетъ уже блаженство! Подобно завѣшнымъ цвѣтамъ, онѣ шаятся, цвѣшутъ и опцвѣшаютъ, невидимыя ниѣтъмъ, въ глуши, въ уединеніи, или поражаютъ взоръ вашъ вдругъ, неожиданно, всею силою прелести, красоты и очарованія. И тогда если въ ясномъ зеркалѣ вашего сердца, ничья улыбка не оставила еще памятнаго слѣда, если въ душѣ вашей также тихо, какъ въ безграничномъ морѣ во время безвѣтрія, и умъ вашъ, нехотя, проситъ, жаждетъ бури, чпобъ

освѣжиться нравственно, тогда встрѣча съ подобнымъ существомъ превращается въ роковую! Такова была эша дѣвушка.

Въ лицѣ ея просвѣчивало что-то знакомое юношѣ. Оно показывало происхожденіе гораздо высшее и не принадлежало къ числу тѣхъ, которыя развратъ явно уже оппѣнилъ клеймомъ безстыдства: порокъ не провелъ еще на немъ ужасныхъ чертъ, опдѣляющихъ его опъ міра нравственного. Спраданія душевныя, выражавшіяся въ грустной улыбкѣ, въ тяжеломъ вздохѣ, ясно высказывали, что причиною споль глубокаго паденія была какая-то грозная необходимость. Бѣдняжка, замѣпно, гнушалась сообществомъ, въ коемъ находилась, и какъ бы нехотя слѣдовала его привычкамъ. Это опражалось даже въ ея одеждѣ и поступкахъ. Румяна и бѣлила, обыкновенное пособіе блеклыхъ кокепокъ, не безобразили ея блѣднаго, но не лишеннаго еще красоты, лица. Розовой разрѣзной пеньюаръ, щегольски обрисовывавшій ея стройный станъ, прическа и прочій уборъ, пакъ же пріемы, въ коихъ проглядывалъ оспапокъ какого-то благородства, свидѣтельствовали болѣе образованный вкусъ, нежели жеманную изысканность. Опъ вниманія ея наблюдателя не скрылось пакже, что корысполюбивая Мегера, гнусная хозяйка этого заведенія, замѣцая, что она почпи опказывающа опъ

участія въ наглоѣ веселости своихъ подругъ, нѣсколько разъ, съ сердитымъ видомъ, шептала о помъ ей на ухо, и даже въ слухъ совѣтовала бытъ обходительнѣе съ любезными госпями, общая, въ противномъ случаѣ, безъ дальнихъ церемоній вышолкапъ ее за порогъ. Среди эпихъ Фурій, она была живое подобіе прелестной Пери Востока, лишенной свѣтлой своей отчизны за просупокъ и осужденной влачить гореспную жизнь между мрачными Дивами.

Черпы юноши, наблюдаващаго ее, казались ей также знакомыми. При всякомъ взглядѣ на него, на длинныхъ рѣсницахъ ея показывались слезы; но она, казалось, старалась подавить воспоминаніе ее птягопившее и, скрывая печаль свою, отворачивалась, чпобы не выказатъ своего смущенія...

— Ваше здоровье! воскликнулъ купецъ, ударивши дружески по плечу задумавшагося арпиллериста и поднося ко рту, напѣненный шампанскимъ, бокаль.

Гнѣвный, исполненный презрѣнія взглядъ его, былъ опвѣсомъ на эпота паетпическій пюспъ. Обезоруженный имъ купецъ, думая поправить свою, какъ онъ выражался, » конфузію«, обратился къ занимавшей мысли арпиллериста красавицѣ.

— Ну, такъ швое здоровье, сударушка!... Малой! Дай еще бокаль... Выпей же и пы съ

нами за его здоровье! Да приласкай къ себѣ его милоспѣ-по. Видишь, какой онъ угрюмой—изволили о чемъ-по задуматься...

Тупь онъ съ ласкою гоповился попрепаше ее по щекѣ; но громовой голось арпиллериспа заставилъ его снова оспановиписья.

— Прочь, болванъ! вскричалъ онъ, и сжатый судорожно кулакъ, казалось, гошовъ былъ обрушиписья на спаромъ селадонѣ.

— Чпо пы? въ умѣ ли, пріятель! зашумѣли пупь въ голось изумленные его поспупкомъ поварищи. Ужъ не думаешь ли ссориписья? Развъ забылъ, гдѣ пы?—Здѣсь всѣ равны...

Красавица младая

Равно всѣмъ общая, какъ чаша круговая.

Арпиллериспъ быспро вспаль съ своего мѣспа, окинулъ всѣхъ взглядомъ, выражавшимъ вмѣспѣ и запальчивоспѣ юноши, и чувспиво собспвеннаго доспoinспва, и попомъ сѣлъ снова.

— Друзья, сказалъ онъ, вы меня знаете и попому, надѣюсь, не обратите словъ моихъ въ шупку... Эпа дѣвушка...

Тупь онъ еще разъ бросилъ вокругъ себя испыпующій взглядъ.

— Чшо? чшо пакое? говори скорѣ! вскричали всѣ съ неперпѣніемъ.

— А вопъ, чшо! продолжалъ онъ: я рассказывалъ вамъ случившуюся, въ мое опсуспствіе, исторію, о внезапной поперѣ бѣдной моей сеспры. Много успекло времени, какъ я распался съ нею. Богъ въспъ, какая судьба ея? чшо она? гдѣ она? Черпы ея могли измѣнипъся, изгладипъся... и предспавыпъ! Лице эпой дѣвушки наводитпъ меня на ужасный намекъ... Оно... напоминаепъ мнѣ...

— Ужъ не сеспру ли? Ха, ха, ха!... Ты ряхнулся, Гремивъ!

— Гремивъ?... воскликнула съ ужасомъ дѣвушка, приспально вглядываясь въ его черпы... Володинька!... Брапецъ!...

— Лидинька! Возможно ли?...

Жертва обольщенія, въ пылу заблужденія, она скрылась изъ дому родипельскаго съ своимъ обольспипелемъ и была покинута имъ въ незнакомомъ городѣ, безъ денегъ, безъ приспаница, безъ способовъ къ сущеспвовапію. Спрахъ подпсппъ гнѣву родипелей воспрепспспсвовалъ ей возврапипъся къ нимъ. Ложный спыдъ подвергнупъся бѣдноспп увлекъ ее на спезю порока.

Небесная прелесть, споль глубоко унижен-
ная — бѣдный, падшій ангелъ — она уже не су-
ществуепъ болѣе. . .

Заклучимъ словами нашего безсмертнаго по-
эпа И. И. Дмипріева:

Розыль дышупъ надъ могилой,
Иль полынь на ней распепъ?
Все равно, о другъ мой милой!
Въ прахъ чувспвія ужъ нѣпъ. . .

ПУСТЫННИКЪ ЗАЛОПАНСКІЙ.

Харьковъ.

XIX.

ПОСЪЩЕНІЕ МАТЕРИ НАПОЛЕОНА.

(МЕРИ).

Святая Недѣля 1834 года будетъ достопамятна въ Римѣ.

Никогда, послѣ Бренна, Римъ не видалъ въ спѣнахъ своихъ столько Галловъ: нарѣчія береговъ Сены, Луары, Роны, Дюрансы, мѣшались другъ съ другомъ опъ моспа Эліева до гробницы Крассовой. Въ Капитоліи собаки и гуси смолрѣли на насъ дружески, когда мы проходили по плап-формѣ, гдѣ бодрспвуютъ еще Касторъ и Поллуксъ. Правда, въ эпошъ разъ,

мы шли не за пѣмъ, чптобы сжечь храмъ Юпитера Капитолійскаго, умерпвить Сенапоровъ на ихъ курульныхъ сѣдалищахъ, или возмупипъ покой могилъ Ромула и Нумы. Мирными и набожными пилигримами, безъ желѣзнаго кольца и Франциски древнихъ Галловъ, шли мы въ Римъ, никѣмъ не предводительспвуемые, не помышляя о завоеваніяхъ, не помня даже о священномъ знамени, нашихъ предковъ съ парящимъ пѣптухомъ; шли безоружными центуріями, съ неслыханнымъ скрипомъ колесъ и попопомъ лошадей, по дорогъ Анкура, чрезъ Тразименское озеро, Эпрурійскія ущелья, древнія владѣнія Порсенны, переплывъ Тирренское море на галерахъ съ колесами, копорыя дымились, подобно волканамъ. Спеченіе было несмѣльное, словно на Олимпійскіе праздники. Казалось цѣлый міръ приглашенъ былъ Римомъ для освященія новаго цирка, опкрытія новой навмахіи или новаго гроба. Госпинницы были набипы варварами; лошадямъ не доспавало спойль; бѣднѣйшіе изъ эпихъ всемірныхъ пилигримовъ, пріюпили своихъ глиняныхъ пенашовъ подъ порпиками боговъ.

Въ топъ день, какъ я прибылъ въ Римъ съ двумя лучшими моими друзьями, для насъ не нашлось ни одной кровати; и это возбудило во мнѣ сладкое чувспвованіе: мнѣ пріятно было думать, что я не осквернилъ своего пріезда

въ Римъ ничтожными заботами о споль и ночлегъ. Припомъ же, квартиры въ Римъ на каждомъ шагу; рядъ спаленъ на десяць миль шянепся подъ сводаи водопровода. Это ночлегъ, радушно опкрытый для каждаго пришельца; обширный караванъ-сарай, коего вешкія руины гораздо прочнѣе всѣхъ нынѣшнихъ зданій. И такъ я не заботился о приюфтѣ. Если цысячи домовъ, о копорыхъ говоритъ Овидій, опказывали мнѣ въ гостепріимномъ кровѣ, намѣреніе мое было рѣшено; я могъ лечь подъ плющевымъ одѣяломъ на граничномъ мапрасѣ какой-нибудь развалины, или взобрапсь на Капполій, закутапсья памъ въ свой плащъ, подобно Цезарю, и уснупъ, гораздо счастливѣе его, не смотря на иды Марша, въ нѣсколькихъ шагахъ опъ спатуи Помпея, подъ альковомъ, копорый построилъ для меня Микель-Анжело.

Было очень поздно, и я прогуливался по Риму, какъ будто бы прожилъ въ немъ всю жизнь свою; сполько былъ знакомъ мнѣ эпотъ городъ. Я оставилъ свой скромный, дорожный багажъ, подъ периспилемъ Антонина Кропкаго. Проспи, великая пѣнь! пвоя базилика сдѣдалась паможнею. На мнѣ остался одинъ плащъ: ибо ночь была свѣжа. Перебираясь изъ улицы въ улицу, я пришелъ на Венеціанскую площадь, къ подножію Капполія. Здѣсь наконецъ опановился.

— Вопь, сказалъ я самъ себѣ, должна быть улица Сан-Ромоальдо, ведущая къ Французскому посольству; вопь Венеціанскій дворець, огромное зданіе, выспроенное изъ опсѣка Коллизея; и вопь... да, я не обманываюсь... здѣсь на углу Корсо и площади... вопь жилище матери Наполеона...

И я принялся разсмапривать дивную пѣмницу, гдѣ спала теперь знаменитѣйшая изъ маперей, эта женщина, копорую смерпь, какъ будпо, забыла, эта живая развалина, споль величественная въ сеѣ обипели развалинѣ! Площадь была пуста; луна наполняла ее своимъ очаровательнымъ свѣпомъ: Венеціанскій дворець, одна половина коего была въ пѣни, а другая серебрилась луною, съ своей суровой архипекпурой, мрачными спѣнами въ видѣ валовъ замка, и пюремнымъ карнизомъ, предспавлялъ удивительный контраспъ съ Испаліанскимъ изящеспвомъ другихъ зданій. Ничпо такъ не походило на мой Римъ, какъ эта декорація площади. Звонъ колокола доспигъ до меня съ вершины башни; то былъ колоколь Капитолія. Гуль мѣди капился нѣсколькo времени вдоль спѣнъ Венеціанскаго дворца, попомъ воцарилось споржеспвенное безмолвіе. Но въ эту первую ночь, споль желанную, ни величіе эпого безмолвія, ни колоколь, напоминавшій мнѣ о Капитоліи, ни

опдаленный шумъ водъ, напаяющихъ Римъ, ни полная луна, любимица вѣчнаго града, свѣпило, которое, кажется, нарочно для него создано, ничто, не погружало меня въ эти мечпанія о древности, въ эти пламенные восторги, къ которымъ я приготоовлялся всю мою жизнь: я думалъ только о женщинѣ произведшей Наполеона. Съ чувствомъ нѣкоторой гордости повпорялъ я про себя: въ эту ночь, я единственный человекъ, произносящій имя сей женщины, передъ домомъ, гдѣ она спитъ, въ поспъ часъ, когда, можетъ быть, свидѣніе представляеть ей въ живыхъ ея сына и внука, злополучнаго юношу, котораго колоколь Капитолія привѣстивовалъ своимъ Королемъ вмѣстѣ съ пушкою Инвалидовъ. По временамъ, когда лучи мѣсяца не играли на спеклахъ дворца, я слѣдилъ за движеніями внутренняго свѣпа, который внезапно освѣщаль какую-нибудь величественную залу, блестящую сполярную работоу, широкую раму карпины, или заспавлялъ выпся на пополкъ пѣнь лѣспницы въ величественной нагопѣ огромнаго крыльца. Много было прелести для меня въ этомъ дѣпскомъ любопытствѣ; я былъ такъ счастливъ моимъ шпионствомъ, что боялся, не открылось бы вдругъ широкое окно и какой-нибудь фанпаспическій мажордомъ не закричалъ бы по Испаліянски: *perge viat* (по-

шоль далье)! Я боялся также сбировъ; мнѣ сполько наговорили объ нихъ; мое споянье на одномъ мѣстѣ въ неурочный часъ могло показаться подозрительнымъ; но сбиры не показывались. Римская свобода позволила мнѣ промечпать всю ночь на площади Венеціанской. Благородное бдѣніе, приготовавшее меня къ упреннему посѣщенію!

Въ поштъ день, какъ я оспавлялъ Флоренцію, Принцъ де Монпфорпъ *, далъ мнѣ рекомендапельное письмо къ Кавалеру Болю, въ Римъ. Это письмо было для меня очень драгоцѣнно, ибо я могъ надѣяться, что оно доставитъ мнѣ доступъ къ мапери Императора. И такъ я поспѣшилъ немедленно къ Г. Болю, и нашель въ немъ самое искреннее радушіе. Онъ предложилъ мнѣ всѣ услуги, какихъ шолько я могъ просить опъ него.

— Я бы могъ васъ упруждать просьбою вчера, сказалъ я ему, но было очень поздно. Я нашель Римъ, зашолоненный міромъ, слѣвно въ опплашу за то, что міръ прежде былъ зашолоненъ имъ; это было причиною, что я не нашель въ немъ гостепрїимства и провелъ всю ночь въ прогулкѣ. Нынѣ, мои друзья и сопупники успѣли опыскапъ что-то похожее на кварпширу; они условились за двадцать франковъ въ

* Геронимъ Бонапарпъ.

день. Я съ удовольствіемъ принялъ бы ваше благосклонное гостепрїимство; но не могу различиться съ моими друзьями. Теперь другой милоспи ожидаю отъ васъ. Принцъ де Монпфортъ, споль снисходительный, споль добрый ко всеъмъ Французамъ, прїѣзжающимъ во Флоренцію, далъ мнѣ, право надѣяться, что я могу бытъ предспавленъ матери Императора.

— О! сказалъ мнѣ съ жаромъ Боль: въ эпомъ случаѣ я готовъ служить вамъ съ удовольствіемъ! Вы увидите мать Императора пожалуй хопъ сегодня... сегодня... или нѣтъ... лучше завпра... завпра, вы можете вѣрно надѣяться; я приду къ вамъ поутру; дайте мнѣ вашъ адресъ....

Боль сдержалъ свое слово.

Идучи къ Венеціанской площади, онъ разсказалъ мнѣ очень прогашельное для меня обстоятельство, которымъ я всегда буду гордиться, какъ Французъ.

— Въ Римѣ, сказалъ онъ мнѣ, теперь съѣхалась вся путешествующая аристокрапія Пруссїи, Англїи, Германїи; каждый день люди значительнѣйшихъ фамилій добиваются бытъ предспавленными хопя на минуту матери Наполеона; но при слабомъ состоянїи, въ которомъ она находится, согласитесь сами, эпн посѣщенїя, по большей части внушаемая однимъ любопытсп-

вомъ, были бы для ней обременительны. Поэтому она рѣшилась не принимать никого; но когда я произнесъ ваше имя, имя Француза, она потчасъ дала мнѣ знать, что приметъ васъ съ большимъ удовольствіемъ.

Мы пришли на Венеціанскую площадь.

Входя во дворецъ, я былъ пораженъ молчаніемъ, которое царствовало въ этомъ великолѣпномъ жилищѣ. На крыльцѣ не было ни кого; я шель по пустымъ галлереймъ и комнатамъ. Г. Боль отворилъ одну дверь, и произнеши мое имя, ввелъ меня въ великолѣпную залу, всю облитую лучами солнца; въ углу у камина лежала въ длинныхъ креслахъ женщина: это была мать Наполеона! Улыбка озаряла ея величественную фигуру; она повпорила мое имя, и указала мнѣ кресла по лѣвую ея спорону. Я сѣлъ.

— Вы приѣхали изъ Флоренціи? сказала она мнѣ; вы видѣли тамъ моихъ дѣтей; я это знаю. Людвигъ былъ боленъ: какъ онъ теперь?

— Графъ де Сен-Лё * мнѣ показался слава Богу; я имѣлъ честь видѣть его только одинъ разъ.

— А Юлія?

— Графиня де Сюрвилле ** спрадаетъ; семейство ея пакъ недавно поражено прауромъ.

* Людвигъ Бонапартъ.

** Жена Іосифа Бонапарта.

— Ахъ! да! бѣдная Шарлопа въ такихъ молодыхъ лѣтахъ овдовѣла... А Жеромъ, а Каролина?

— Принцъ де Монпфорпъ съ семействомъ и Графиня де Липона наслаждаются совершеннымъ здоровьемъ. Во Флоренціи нѣтъ домовъ пріятнѣе и госпепрѣимнѣе для Французовъ.

— Знаю, знаю. Долго ли вы надѣетесь пробыть въ Римѣ?

— Увы! не долго; только двѣ или три недѣли; я спѣшу въ Неаполь; это пупешесствіе предпринялъ я для одной книги, которую сочиняю.

— Пребываніе въ Римѣ вамъ очень бы понравилось... Здѣсь живутъ долго, какъ вы видите... Ужъ двадцать лѣтъ, какъ я живу здѣсь.

Я не могъ удержаться опъ восклицанія, какъ будто не зналъ великой испорической эпохи паденія нашей Имперіи.

— Двадцать лѣтъ! повпорилъ я съ удивленнымъ видомъ.

— Да, милоспивый государь, двадцать лѣтъ!

И она потрясла головой съ выраженіемъ грустнаго воспоминанія.

Слѣдоваль промежутокъ довольно продолжительнаго молчанія, котораго я не осмѣлился

прервать, занявшись между тѣмъ наблюденіемъ окружающихъ меня подробностей.

Одна компаньонка находилась подлѣ мапери Императора; она занималась шипьемъ. Заль былъ украшенъ прекрасными картинами, представляющими семейство Наполеона; онѣ были написаны знаменитѣйшими живописцами и принадлежали галлереемъ Императорскихъ столицъ. Ничего не можетъ быть прогапельнѣе, какъ эта знаменитая мать, лишенная своихъ дѣтей, окруженная ихъ портретами. Недвижимая въ своихъ креслахъ, она казалась мнѣ спрадающею: спрадающею физическими немощами, дряхлостію, воспоминаніями; но мужеспвенно переносящею сія спраданія. Плащье, весьма узко спянутое, показывало въ ней чрезвычайную удобу; руки были сухія, пресухія; на лицѣ оставалась только блѣдная, обпьянувшаяся кожа; глаза, вполне открытые, смутно бродили, но не казались лишенными зрѣнія. Съ мѣста, которое я занималъ, мнѣ видны были въ одно время: и неподвижная голова мапери Наполеона, и высокая башня Капитолія. Какое спеченіе именъ! Величіе неодушевленнаго зданія боролось съ величіемъ издыхающей женщины. Этому Капитолію и эпой женщинѣ доставалась въ удѣлъ самая высшая степень могущества, какое только можетъ производить не опъ Бога; и судьба, игра-

ющая всѣми дѣлами рукъ человѣческихъ, привела эту женщину сидѣть подѣ пѣнью эпого памятника, передо мной, бѣднымъ пилигримомъ, не получившимъ отъ ней ничего, кромѣ глазъ, способныхъ плакать предѣ споль великимъ зрѣлищемъ, и сердца, способнаго чувствоватъ сіе величіе.

Когда уста ея снова открылись съ усиленіемъ, она произнесла имя Франціи и имя своего сына. До сей минуты эпо была обыкновенная женщина, мать, обремененная лѣтами, спрашивающая у путешественника о новостяхъ своего отсутствующаго семейства. Но теперь, въ ея рѣчахъ, пѣлодвиженіяхъ, въ чудной энергіи, копорая, какъ будто гальваническимъ дѣйствіемъ, попрысала въ одно мгновеніе эпопѣ женскій скелетъ, я призналъ мать Наполеона. Одну минуту особенно, она была дивно величественна. Нѣпѣтъ, никогда не удался другому человѣку слышатъ то, что было сказано женщиною, разрушенною лѣтами, горестію, изгнаніемъ, и сказано голосомъ такъ пвердымъ, въ выраженіяхъ такъ счастливыхъ и сопровождаемыхъ такою силою движеній, копорыя изумили бы въ двадцатилѣтней героинѣ. Я не ослаблю этихъ словъ, повѣривъ ихъ письму; холодныя буквы умертвятъ ихъ величіе, и сверхъ того

я не имѣю ни права, ни порученія ихъ обнаруживать. Если слова сіи были произнесены съ шѣмъ, чпобы оспапъся впайнѣ, я не забуду, чпо слышалъ ихъ въ нѣсколькихъ шагахъ опъ храма, гдѣ Римъ поспавиль спапую, держащую на устахъ перспъ указательный.

Я чувспвовалъ необходимость обрапипъ разговоръ на какія-нибудь частности; ибо все, чпо ни слышалъ я историческаго изъ успъ женщины, подъ сердцемъ коей воплопилась испорія, причиняло мнѣ гореспъ. У меня не доспавало силъ переводипъ на слова впечапльнія, раждавшіяся во мнѣ, когда она говорила о своемъ сынѣ, входила въ мѣльчайшія подробности частной его жизни, домашнихъ анекдотовъ, о копорыхъ молчапъ важныя испорія, и копорые по сему самому имѣютъ сполько прелести. О! безъ сомнѣнія климапъ Корсики опливаепъ изъ бронзы кожу своихъ дѣпей и шѣмъ даепъ имъ возможность сохрапъ умспвенныя силы до послѣдняго смерпнаго часа; ибо въ эпомъ женскомъ осповѣ, гдѣ маперіяльный механизмъ движенія, по видимому уже оспановился, кипипъ еще сполько горячей крови, сполько нравспвенной высокой силы! Мускулы давно уже ослабли, нервы обпянулись, шѣло рушилось, ибо пружины физической организаціи дѣйспвуютъ сполько опредѣленное время; но духъ сверкаетъ еще

своею силою на развалинахъ матеріи, дряхлоспъ юнѣспъ подѣ могущеспвеннымъ дѣспвіемъ идей, чувспвованій, воспомнаній. Эпа женщина, она перепыпала въ своей жизни все, чѣспмъ сожигается жизнь! Какъ препенала она за своихъ дѣспей, когда всѣ пули Европы направлены были на нихъ въ эту вѣчну ю бапалію ппнадцати лѣсп Имперіи! Не прошла ли она всю лѣспвицу пожирающихъ волненій, несмыханыхъ до ней въ лѣспписяхъ маперинспва, опѣ пушечнаго грома Императорскаго муропомазанія, опѣ *Te Deum* въ Парижскомъ Соборѣ, до *Dies Irae* Ватерлоо и Святой Елены? Еще не пакъ давно, она должна была распочить послѣдній оспапокъ чувспвъ своихъ на прекраснѣйшаго юношу, сына своего сына; она узница на Тибрѣ, онѣ на Дунаѣ! Каждое упру посыпала она свои прамаперинскіе поцѣлуи къ Королю Римскому, съ вѣспромѣдующимъ съ Капитолія. Ей не дано было счастья, споль утѣшипельнаго для угрюмой староспи дѣдовъ, счастья обняпъ хоппа одинъ разъ своего внука. Ей говорили объ немъ на ухо, говорили часпо, и она препенала опѣ радости, бѣдна я женщина! Въ одинъ день переспали ей говорить... и тогда-то она могла воскликнуть: *«о вы, милоходящіе по сѣму печальному пути, скажите: есть ли скорбь равная*

моей скорби! « Ниоба; Рахиль, всѣ неуспѣшныя маперы, вопль ея подруги: и она не изнемогла подъ бременемъ горести! Мужественнѣе, чѣмъ сынъ ея на утесѣ Св. Елены, она уцѣпилась за Тарпейскую скалу; опчаяніе ни низвергло ее; она имѣла волю и рѣшимость жить долго съ вѣнцемъ злополучія на чель, жить и бороться съ вѣчными развалинами, покоящимися по ту сторону горы. Тѣло разрушилось, но жизнь нашла убѣжище въ духѣ. Каждый день геній испребитель, идя дасть косою своею новый ударъ колоннѣ Фоки, проходишь предъ окномъ ея и смиренно преклоняешься. Для эпои женщины, Римская осень не имѣетъ горячекъ, Понпійскія болопа изсохли. Какъ будто Римъ окружаетъ всѣмъ своимъ могущесвомъ мапъ, производшую послѣдняго изъ полубоговъ!

Я слушалъ ее подъ властію сихъ идей; онѣ раждались во мнѣ, не по одиначкѣ, не постепенно, а всѣ вмѣстѣ, вдругъ, какъ пламя, вспыхивающее тысячью огнями. И я спрашивалъ самъ у себя, по какому счастью я нахожусь здѣсь повѣреннымъ послѣднихъ завѣпныхъ думъ эпои женщины; по какому праву сижу по лѣвую руку ея, какъ наперсникъ, между тѣмъ какъ мосповая площади спонепъ подъ неумолкающимъ громомъ блиспапельныхъ экипажей, кои имѣютъ право вездѣ въ Римѣ оспановипься, кромѣ поро-

га эпихъ палапть? Послѣ нѣсколькихъ часовъ бесѣды; я счелъ мое посѣщеніе поступкомъ выходящихъ изъ предѣловъ приличія, и вспалъ, чпобъ проспипься.

— Вы ужъ уходите, сказала она мнѣ голосомъ, исполненнымъ добродушія; вѣрно идете въ церковь.

— Да, сударыня, въ Сикспинскую часовню.

— Видѣли вы Феша?

— Еще не имѣлъ чести.

— Ахъ, я вамъ совѣшую сходить къ нему; вамъ пріятно будетъ съ нимъ познакомиться; онъ покажетъ вамъ свою прекрасную картинную галерею. Надѣетесь ли вы застать мѣсто въ Сикспинской часовнѣ?

— Я постараюсь прийти прежде всѣхъ.

— Если бы вы имѣли время увидѣться съ Фешемъ, онъ бы вамъ доставилъ мѣсто. Онъ однако не здоровъ; я даже думаю, поидетъ ли къ службѣ.

— Я почту за долгъ явиться къ Кардиналу послѣ праздниковъ Пасхи.

— Да, да, тогда онъ будетъ имѣть больше досуга.

Она проспилась со мною рукой; я поклонился, пробормошавъ въ благодарносшь нѣсколько

несвязныхъ словъ. Секретарь ея, Г. Робальи, очень умный и ловкій Французскій офицеръ, вошедшій въ залу въ срединѣ нашего разговора, проводилъ меня до дверей, и сказалъ: Ну, что! Какъ вы нашли? Я отвѣчалъ только знаками, выражающими удивленіе и воспоргъ.

Упоенный блаженствомъ, которое сдѣлалось для меня уже пягоспно, сполько слабъ я къ перенесенію подобныхъ кризисовъ, медленно возвращался я по улицѣ Корсо, едва передвигая ноги. Случайно взглянувши на уголь переулка Мурапова, я увидѣлъ объявленіе о спектаклѣ. Оно извѣщало о имѣющемъ бытъ открытіи театра Valle, оперою Эликсиръ Любви Доницетти. Въ первый разъ въ жизни, я былъ нечувствителенъ къ объявленію о первомъ представленіи новой оперы. Другое зрѣлище, другой театръ былъ мнѣ нуженъ! Излучиспыми улицами, которыми идутъ опть *Агонале*, я направлялъ стопы свои ко храму Св. Петра. День былъ самый приличный гореспнымъ чувствованіямъ; Римъ носилъ глубокой прауръ; тѣсячи колоколовъ его безмолвствовали, народъ спѣшилъ въ церкви; была Великая Пятница. Когда я вошелъ въ храмъ Св. Петра, жалобный звукъ органа какъ будто отвѣчалъ на пѣсившія меня мысли; въ хорѣ пѣлъ

Одинъ голосъ, и, въ уныломъ спонѣ звучнаго
Лапидскаго гимна, капившагося подѣ сводами,
я различилъ печальныйъ стихъ: *» она плачетъ,
и никто нейдетъ утѣшить ее! «*

(REVUE DE PARIS).

МОСКВА. ВЪ ТИПОГРАФИИ Н. СТЕПАНОВА.

Печатать позволяется. Москва, Декабря 14 дня, 1834. года.
Ценсоръ А. Болдыревъ.

ТЕЛЕСКОПЪ.

XX.

О

ДРЕВНОСТЯХЪ ЕВРОПЕЙСКАГО ТЕАТРА.

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ ЛЕКЦІЯ

КАРЛА МАНЬЕНЯ *.

Призванный довѣренностию и дружбою Г. Форіеля занявъ, въ эпопу годъ, мѣсто его на сей кафедрѣ, гдѣ онъ основаль, съ такимъ успѣхомъ, ученіе еще новое во Франціи,

* Адъюнкта, которій на нынѣшній годъ будетъ читать лекціи въ Словесномъ Факультетѣ, въ Парижѣ, вмѣсто знаменитаго Профессора Форіеля. *Изд.*

предложивъ удивленному вниманію нашему сполько образцовъ ученыхъ разсужденій, напишанныхъ самою глубокою, самою остроумною и самою вѣрною криптикой, я знаю всѣ трудности поприща, предспоящаго мнѣ послѣ такого наставника. Не менѣе живо чувствую, какъ опасно для меня сосѣдство ученыхъ и краснорѣчивыхъ мужей, ежедневно здѣсь проповѣдующихъ; для меня, изъ мирной пищи уединенныхъ занятій, въ первый разъ являющагося въ подобномъ мѣспѣ, такъ поздно, и почпи безъ всякаго навыка въ преподаваніи, безъ таланта говорить краснорѣчиво. Одна только мысль меня ободряетъ. Профессорство не есть какая-нибудь гимнастика, какой - нибудь академической шурниръ, конкурсъ умственной ловкости и дара слова: это званіе предполагаетъ цѣль гораздо спепеннѣе и важнѣе. Юношество, собирающееся вокругъ сей кафедры, привосиптъ съ собою не суетный духъ привязчивой криптики, одушевляющій праздныхъ слушапелей Апеллея; оно ходиптъ сюда не за тѣмъ, чпобъ изъ любопытства взвѣшиваптъ личное достоинство преподавателей; оно ходиптъ записываптъ факты, собираптъ идеи, сравниваптъ методы, приобрѣтаптъ знаніе; и если будетъ находиптъ здѣсь то, чего въ правѣ ожиданъ и требовать, добросовѣстное пригопвление, изслѣдованія направленные должнымъ образомъ, изложение ясное, то и до-

вольно. А на эпо, надѣюсь, меня доспанепъ. Еслибъ я составилъ себѣ другое понятіе объ обязанностяхъ сей кафедры, еслибъ возшелъ на нее съ видами болѣе честолобивыми, я бы конечно долженъ былъ просить къ себѣ благосклоннаго снисхожденія; но какъ я не приношу другихъ претензій, кромѣ надежды, смѣю даже сказать увѣренности, не быть совершенно бесполезнымъ для юныхъ слушателей, кои захопятъ слѣдовать за моимъ преподаваніемъ, по и ограничиваюсь просто порученіемъ себя ихъ благосклонному вниманію.

При семъ первомъ нашемъ свиданіи, я намѣренъ изложитъ вамъ, ММ. ГГ. во первыхъ предметъ моего курса, во вторыхъ способъ изложенія, копорого я намѣренъ держаться.

Вы уже знаете, что предметомъ выбралъ я *древности Европейскаго театра*.

Можетъ быть вы ожидаете, что я, собравъ вмѣстѣ разные изданные уже докуменпы о Брагствахъ Спраспей и другихъ подобныхъ обществахъ, составившихся около XIII вѣка въ Италіи и вскорѣ перешедшихъ въ прочія страны Европы, удовольствуюсь тѣмъ, что введу васъ въ эпопъ периспиль Европейскаго театра и раскажу вамъ исторію сихъ непосредственныхъ предшественниковъ Хилей Висенте, Бибиень, Лопе де Руэдъ, Гарди, Ганс-Заховъ и Марлоу? Нѣтъ, ММ. ГГ. эпоха дра-

магическихъ общинъ, эта любопытная сторона новѣйшаго театра, будетъ только вспавкою, эпизодомъ, отдѣленіемъ, и припомъ самымъ послѣднимъ, даже смѣю предувѣдомить васъ, наименѣе любопытнымъ, тѣмъ менѣе новымъ, въ историческомъ кругѣ, который я намѣренъ пробѣжать съ вами. Прежде, задолго прежде учрежденія Братствъ Спираспей, этихъ набожныхъ повариществъ, составленныхъ изъ мірянъ или полу-мірянъ, другія древнѣйшія общества подвизались на томъ же поприщѣ; другая драматическая система совершила свой кругъ для удовлетворенія народной фанпазіи, всегда жадной до зрѣлищъ и сценическихъ эффектовъ. Мистеріи (*mysterès*), нравоченія (*moralitès*), фарсы (*sotties*), кои представлялись, цеховыми гильдіями или приказно-служительскими и компаніями, на площадяхъ и въ рапушахъ, составляютъ одну изъ позднѣйшихъ формъ театральнаго искусства, и слѣдовательно не въ нихъ надо искать прямаго и непосредстаго происхожденія театра, какъ мы его видимъ.

Вообще думаютъ, что драматическій геній, послѣ семи или осьми сотъ лѣтъ усыпленія, въ XIII или XIV вѣкѣ, вдругъ пробудился въ одинъ извѣстный день, гдѣ раньше, гдѣ позже. Каждый народъ съ дѣпскимъ самолюбіемъ усиливается присвоить себѣ славу первенства въ этомъ мни-

момъ пробужденіи. Каждый испорикъ испощаетъ всѣ усилія, чтобы опредѣлить часъ, когда именно совершился эпопѣй переворотъ въ способностяхъ человѣческихъ. Я не намѣренъ возобновлять подобныя покушенія. Не ожидайте отъ меня доказательствъ въ пользу того или другаго пункта времени, болѣе или менѣе сомнительнаго. Я не вѣрю ни въ усыпленіе, ни въ пробужденіе способностей человѣческихъ; я вѣрю въ ихъ непрерывное продолженіе, сопровождаемое безпреспанными превращеніями, особенно въ ихъ постепенную усовершенность и образованіе. И надѣюсь доказать неопровержимыми доводами, что есть памятниками и текстами, что способность драматическая, столько же естественная челоѣку, какъ, на примѣръ, способность лирическая, никогда не переставала существовать и дѣйствовать. Да, ММ. ГГ. въ эпопѣй длинный промежутокъ разсозданія и возсозданія общественности, который я какъ и всѣ, долженъ называть средними вѣками, пока не узнаюпъ его столько, что можно будетъ дать ему имя не столько неопредѣленное, во весь эпопѣй длинный промежутокъ, геній драматическій не былъ совершенно чуждъ для рода челоѣческаго; только критикъ весьма трудно угадать и распознать его подъ новыми формами, въ кои онъ облакался, подъ тѣмъ густымъ слоемъ варварства, который скрывалъ и подавлялъ его.

И такъ начала Европейскаго театра должно относить не къ эпохѣ мистерій, нравоученій и фарсовъ, въ XIII, XIV и XV столѣтіяхъ. Надо взять исторію гораздо выше и перенестись къ началу Христіанской эры, эпохой общей почки отправленія всѣхъ искусствъ, всѣхъ идей, всей цивилизаціи Европейской; надо въ особенности, по совершенномъ испребленіи языческаго театра въ V и VI вѣкахъ, изучить спранныя формы, - подѣ коими въ по время суждено было явиться, не говорю драмѣ, а новому духу драмы.

Однимъ словомъ, MM. ГГ., исторія различныхъ превращеній, коимъ мимическая фанпазія подвергалась въ Европѣ, съ паденія и уничтоженія древняго театра, до учрежденія правильныхъ зрѣлищъ, кои мы теперь видимъ, и которыя можетъ быть уже готовы въ свою очередь подвергнуться новому превращенію: вопѣ предметъ наспоющаго моего курса.

Но, можетъ быть, скажутъ, былъ ли дѣйстви-тельно театръ съ V до XII столѣтія? Понятно, что, въ эпоху желѣзномъ вѣкѣ, во дни перемирія бывали пѣлесныя игры, турниры, панцы, нѣмыя фиглярскія лицедѣйства; но у сихъ народовъ, соединявшихся въ общество только силою и властію Церкви, были ли драмы писанныя, зрѣлища сопровождаемыя рѣчами? Да,

ММ. ГГ., съ V до XII вѣка, были писаныя драмы, какъ на Воспокѣ на Греческомъ языкѣ такъ и на Западѣ на языкахъ Латинскомъ и Романскомъ. И эпихъ драмъ, я не только могу представитъ вамъ слова, но, еслибъ эпо не выходило изъ круга нашихъ занятій, могъ бы даже показатъ музыку, положенную на ноты, по системѣ гораздо древнѣйшей системы Гюя д'Ареццо, которыя, благодаря новѣйшимъ розысканіямъ, можно легко читатъ и слышатъ.

Безъ сомнѣнія, если вы отъ сихъ отдаленныхъ вѣковъ потребуете зрѣлищъ, совершенно похожихъ на шѣ, кои теперь у васъ предъ глазами, или въ которыхъ производились бы со всей точностью драматическія представленія Афинъ и Рима; если слово театръ будете приниматъ въ томъ истинномъ и частномъ смыслѣ, который оно нынѣ имѣетъ; если станете искапъ въ среднихъ вѣкахъ спектаклей правильныхъ, постоянныхъ, ежедневныхъ, съ рѣшетчатыми ложами, бенуарами, люспрой и каюпкой суффлера; если въ Аупессіодурумъ, Лундиніумъ, Гарвизіумъ, захотите найти Оперу, Французскій Театръ или даже Бульварные Театры нашего времени: вы жестоко обманетесь. Безъ сомнѣнія, въ томъ истинномъ и строгомъ значеніи, какое принимаемъ мы теперь, *театръ* не существовалъ въ среднихъ вѣкахъ. Посему,

не исторію театра, ММ. ГГ., а исторію театральныхъ древностей, или лучше исторію постепеннаго развитія драматической фантазіи, съ начала Христіанской эры до XVI вѣка, я намѣренъ теперь развернуть предъ вами.

Не безъ намѣренія произнесъ я теперь имена Оперы, Французскаго Театра и Театровъ Бульварныхъ. Сіи три рода зрѣлищъ, подъ копорыми всѣ виды драматическихъ зрѣлищъ могутъ размѣститься съ большею или меньшею легкостью, имѣли начала, хотя близкія, но различныя, копорыя изучать должно опдѣльно. Каждый изъ сихъ театровъ представляетъ послѣднюю форму и самое крайнее выраженіе прехъ родовъ драмы, копорыя существовали вмѣстѣ въ среднихъ вѣкахъ и копорыя можно даже распознать въ Греко-Римской древности, хотя ученость досель не умѣла ихъ ясно различать другъ отъ друга.

Опера, то есть геній драматическій во всей полнотѣ и могуществѣ, поддерживаемый всею вышностію спектакля, всеми вспомогательными искусствами, всѣмъ, что можетъ дѣйствовать на воображеніе; Опера, копорая живетъ только чудесами, вымыслами, волшебствами, преданіями мифологическими, баснословными, сверхъестественными; Опера, копорая сопровождается всегда упоеніемъ музыки и танцевъ: въ той

спранѣ, гдѣ была самородною, по есть въ Италіи, заступила мѣсто представлений самыхъ благочестивыхъ. Она есть непосредственное продолженіе пѣхъ драмъ, кои, опъ XIII до XIV вѣка, не переставали даваться на площадяхъ Рима, Неаполя, Толедо и другихъ Европейскихъ городовъ, полу-духовными и полу-мірскими общинами; драмъ, кои въ свою очередь заступили мѣсто другихъ, гораздо важнѣйшихъ и порже-спвеннѣйшихъ драмъ, освященныхъ благословеніемъ Папъ и Соборовъ, внесенныхъ въ Каполическіе молишвенники и служебники, игравныхъ и пѣмыхъ въ церквахъ, при процессіяхъ, и составлявшихъ необходимую, существенную часть духовныхъ обрядовъ Каполицизма.

Театръ Французскій, по есть собспвенно прагическая и комическая сцена, имѣетъ происхождение равно сацердопальное. Но у него есть и другое начало, которое не должно упускать изъ виду, слѣды коего остаются еще повнынѣ. На афишкахъ Французской Комедіи ежедневно печатаются слова, кои, конечно, давно уже суть только звуки, сохраняющіеся по преданію: *» сего дня вечеромъ ординарные Королевскіе комедіанты. «* . . Ординарные Королевскіе комедіанты, замѣтите это, ММ. ГГ! . . Въ самомъ дѣлѣ, эти комедіанты, копорыхъ нынѣ публика считаетъ уже своими, и не безъ основанія, сдѣлались нашими чрезъ уступку, дол-

го бывъ исключительными комедіантами Королевскими. Государи долго имѣли у себя придворныхъ комедіантовъ и поэтовъ, такъ какъ нынѣ имѣютъ еще придворныхъ музыкантовъ и капельмейстеровъ. Мольеръ, который написалъ своихъ Кропотуновъ по заказу Фуке для праздниковъ замка Во, Принцессу Элидскую и Жоржа Данденя для праздниковъ Версальскихъ, Психею и Насильственный Бракъ для праздниковъ Лувра и Тюльери, Господина де Пурсоньяка и Мъщанина во Дворянствѣ для праздниковъ Шамбора, Великолѣпныхъ Любовниковъ и Графиню д'Эскарбаньяръ для праздниковъ Сен-Жерменскихъ; Мольеръ, который приобщалъ свое перо по къ перу Корнеля, по къ перу Бенсерада, для сочиненія балетовъ и диверписмановъ, въ коихъ могъ танцовать Людовикъ XIV; самъ Корнель, который нѣсколько времени былъ поэтомъ Кардинала де Ришелье, прежде чѣмъ Сидъ сдѣлалъ его поэтомъ Франціи; Расинъ, написавшій для рекреаций Сен-Сирскихъ пансіонерокъ Гжи де Менпенонъ свою Эсфирь и Говолію; Шекспиръ, который былъ любимымъ поэтомъ Елисаветы и Иакова I; Макиавелли, соспрянавшій свою Мандрагору для упонченнаго эпикуреизма Льва X; Расинъ, Корнель, Мольеръ, Шекспиръ и Макиавелли, эти первые драматисты своихъ опечесивъ, были вмѣстѣ послѣдними, или почти послѣдними поэтами, работав-

шими, по долгу службы, для забавы вельможъ и государей. Сии безсмертныя имена, слава своихъ вѣковъ и народовъ, заключающъ собой, и правду сказасть совсѣмъ неожиданно, длинный рядъ бардовъ, менеспрелей, фигляровъ, балепчиковъ, учредителей праздниковъ, придворныхъ шуповъ, коихъ мы обязаны изложить печальную и вмѣстѣ каррикатурную исторію, начиная съ выбрипыхъ на голо макушекъ, вооруженныхъ дурацкими побрякушками, до безсмертнаго создателя Мнимаго Больнаго и Мъщанина во Дворянствѣ.

Но не одно духовенство и государи, проспой народъ также во всѣ времена показывалъ ненасытную жадность къ сценическимъ забавамъ. Не въ соспоянїи имѣлъ собспвенныхъ комедіаншовъ, снѣ дѣлался самъ для себя комедіанпомъ и буффономъ. Напрасно Каполическая Церковь, снисходя къ его мимическимъ наклонностямъ, спаралась удовлетворять ихъ представленіями опчаспи важными, опчаспи и шуповскими, исполненными странныхъ фанпазій; напрасно допускала чернь имѣть участіе и брашь роли въ священныхъ церемоніяхъ, терпѣла Рождеспвенскіе спихи и славленья (poëls) на проспонародномъ языкѣ въ самыхъ спѣнахъ храмовъ: внѣ ея, оспавался всегда неудовлетворенный избыпокъ спраспи къ мимическимъ игрищамъ, въ слѣдспвіе коего, не смотря на всѣ запрещенія, на перекреспкахъ и площадяхъ, дер-

жались поспоянно вапаги шуповъ и гаеровъ. То, что мы называемъ нынѣ Бульварными Театрами, есть не что иное, какъ ихъ кочующіе балаганы, получившіе осѣдлость. Нѣкоторые изъ присущствующихъ здѣсь могутъ припомнить, какъ предъ ихъ глазами игравались пьесы Италіянской Комедіи и фарсы Николе, на полу-номадныхъ еще театрахъ ярманокъ Сен-Жерменской и Сен-Лоранской. Тому не больше сорока лѣтъ, какъ эти подвижныя сцены утвердились на эпою вѣчной ярманкѣ, которую мы называемъ *Бульварами*. Сен-Жерменская и Сен-Лоранская ярманки, продолжавшіяся по нѣскольку мѣсяцовъ, положили первое основаніе осѣдлости *балатроновъ* и *циркуляторовъ* (такъ называли ихъ прежде), до шѣхъ поръ скитавшихся безиріюбно.

И такъ, ММ. ГГ., наблюдая съ нѣкоторою внимательностью наспоющее или весьма недавнее состояніе нашихъ спектаклей, нельзя не согласиться, что изученіе древностей Европейскаго театра, дабы быть полнымъ, должно восходить къ премъ раздѣльнымъ фамиліямъ драмъ, хотя онѣ въ нѣкоторыхъ пунктахъ соприкасаются и сливаются: 1) драмъ чудесной, фантазмагорической, сверхъестественной, которая во все продолженіе среднихъ вѣковъ была существенно церковною, религіозною, саццердотальною; 2) драмъ аристократической

и придворной, которая, съ первыхъ временъ завоеванія, во дни праздниковъ и пиршествъ, веселила угрюмые замки бароновъ и пышные дворы королей; наконецъ 3) драмъ народной и площадной, которая никогда не переставала, на рынкахъ и перекресткахъ, подъ открытымъ небомъ, пѣшить крапковременные досуги рабочей черни, этому неисребимому театру, который, въ наши дни, оживаетъ снова въ шумныхъ науличныхъ парадахъ Дюбюро, театру, котораго я не счелъ бы достойнымъ вашего вниманія, ММ. ГГ., еслибъ онъ не былъ именно звеномъ, связующимъ древнюю сцену съ новою, и еслибъ ученая наблюдательность не находила эпитимъ фокусникамъ, гаерамъ и фарсерамъ, коихъ средніе вѣка называли *joculatores, delusores, goliardi*, не находила, говорю, самыхъ достопочтенныхъ предковъ въ опдаленнѣйшей древности Греческой, Римской, Оской, Элрусской, Сицилійской, Азіятской, начиная съ Эзопа, мудраго Фригійскаго горбуна, до Макка, весельчака и урода Калабрійскаго, героя древнихъ Аппелланскихъ фарсовъ, превратившагося попомъ, на улицахъ Неаполя, чрезъ проспой переводъ имени, въ забавнаго Полишинеля.

Такимъ образомъ, чтобы представить исторію новѣйшаго театра во всей ея полнотѣ, мы должны раздѣлить всѣ сценическія игры на три класса или, какъ я сказалъ сей часъ, на три фа-

мили, коихъ начала должно будетъ изучать отдѣльно: 1) театръ религиозный, чудесный, еоокрапическій, великій театръ, имѣвшій сценою своею, въ среднихъ вѣкахъ базилики С. Софіи и С. Маріи Maggiore, соборы Стразбургскій, Реймскій, Руанскій, Камбрейскій, монастыри Корбійскій, Св. Марціала, Гандесреймскій, Св. Альбана; 2) театръ вельможескій и королевскій, блиспавшій въ черпогахъ Герцоговъ Прованса, Норманціи, Брешани, Аквитаніи, въ замкахъ Графовъ Шампанскихъ, Сировъ де Куси, на праздникахъ Королей Франціи и Англии, при дворѣ Имперапора, на пиршествахъ Королей Сициліи и Аррагоніи; 3) театръ народный и ярмоночный, копорый, въ извѣстные дни, при буйномъ шумѣ веселой полпы, ставили и ломали на площадяхъ Флоренціи, на набережныхъ и каналахъ Венеціи, на перекресткахъ Лондона и Парижа.

Сии три рода драмъ, духовный, аристокрапическій и проспонародный, сущеспвовали и въ древности Греческой и Римской, какъ мы увидимъ. Опъ того, что ихъ доселѣ можетъ бытъ не различали достапочнымъ образомъ, исключительно ограничиваясь изслѣдованіемъ театра оффициального, опъ того вообще мы такъ мало приготовлены къ уразумѣнію древностей нашего отечественнаго театра. Я очень хорошо знаю, ММ. ГГ., что искусные

наставники, посвящающіе васъ въ таинства образцовыхъ созданий древнихъ литературы, не оставили васъ въ невѣденіи, что возлѣ общественнаго, національнаго, пуржественнаго театра Акціевъ и Софокловъ, Ариэпифановъ и Теренціевъ, въ Афинахъ и въ Римѣ существовали театры частныя, балеты межъ четырехъ стѣнъ, маленькія домашнія представленія безъ копурновъ и маскъ, обыкновенное дополненіе всѣхъ великолѣпныхъ праздниковъ. Мурапори, Монфоконъ, Флегель, Буланже, Беппигеръ, собрали множество документовъ о такъ называемыхъ въ Римѣ *stolidi* и *moriones*, глупыхъ и уродливыхъ карликахъ, кои служили застольною утѣхой для богачей, игрушками для гинеевъ, и были предками и предтечами нашихъ придворныхъ шуповъ, *fous de cours*. Что касается до театра народнаго, то карпины и бронзы Геркуланума, мозаики, барельефы, рѣзные камни, памятники всякаго рода свидѣльствуютъ, что древняя чернь, кромѣ кровавыхъ побоищъ амфитеатра и большихъ сценическихъ игръ, не менѣе нашей, любила разнаго рода плясуновъ, фокусниковъ, фигляровъ, кривлякъ, паяцовъ, балансеровъ, ученыхъ звѣрей и импровизаторовъ на открытомъ воздухѣ. Въ платьѣ, головномъ уборѣ и прыжкахъ ихъ *саніоновъ* (*saniones*) и *мимовъ* (*mimi*), не лзя не признавъ первообраза *занни* (*zanni*), буффона по-

вѣйшей Европы по преимуществу, однимъ словомъ прадѣда нынѣшняго арлекина.

Но эпопѣ маленькій псеапръ, какъ народный, такъ и аристокрапическій, въ коемъ перяепся и гибнепъ древній великій псеапръ, эпопѣ псеапръ гостинныхъ и будуаровъ, какъ бы сказа-ли нынѣ, о копоромъ имѣемъ мы сполько любопытныхъ современныхъ извѣспій въ Симпосіонѣ и Возвращеніи Ксенофонпа, въ Золотомъ Ослѣ Апулея, въ Разговорахъ Лукіана, особенно въ Пирахъ Аеенея, и копораго, поискавъ приспальнѣ памъ и сямъ, можно найпи еще нѣсколько драгоцѣнныхъ образчиковъ, эпопѣ, говорю маленькій псеапръ, имѣепъ весьма мало занимапельности и важность совершенно впороспепенную для Профессоровъ, кой призваны знакомипъ васъ съ неисчерпаемыми богатспвами Греческаго и Римскаго псеапра. Для насъ, напропивъ, эпопѣ изсякающій испочникъ, эпопѣ хрящъ смѣшанный съ землей, эппа драматическая пина, въ коей появляюпся первые зародыши и какбы первые апомы новѣйшаго псеапра, имѣюпъ важность самую вышшую, цѣну несравненную.

(окончаніе слѣдуетъ).

XXI.

ХУДОЖНИКЪ.

СЛУЧАЙ.

(Гусшава Друино).

— » Вотъ уже десять лѣтъ, какъ я оставилъ домъ отца моего; мнѣ было тогда шестнадцатый годъ. Съ того времени я путешествовалъ по Испаніи и Германіи, недовольный всѣмъ, грустный, разочарованный, углубленный въ мое искусство, которое не удовлетворяетъ однакоже требованіямъ души моей. Идеальное въ искусствѣ и чувствованіяхъ сдѣлалось врагомъ моимъ, оно преслѣдуетъ и перзаемъ меня. Я желалъ бы создать что-нибудь безсмертное

рафаелическое, возвышенное, и испощаются въ щепныхъ усиляхъ. Окончу ли я карпину, всѣ восхищаются ей; а я вдругъ замѣчаю всѣ ея недоспапки, смѣло объявляю ихъ, мечтаю о твореніи совершеннѣйшемъ. Я размышляю между тѣмъ, какъ соперники мои дѣйствуютъ и различными происками похищаютъ у меня первенство. Тогда я прихожу въ опчаяніе, жалуясь на несправедливость, какъ будтобы она была не врожденная въ людяхъ. Одна глубокая, сильная привязанность, могла бы утѣшить меня; я ищу ее и не находя снова впадаю въ поодиночество, которое чувствую въ кругу людей.»

Говорившій эпо молодой человекъ, велъ подъ руку пожилую даму. Онъ былъ высокаго роста и строенъ, длинные волосы упали на гордое чело его, нѣсколько открытое на вискахъ.

Онъ наслаждался свѣжимъ дыханіемъ вечерней прохлады, споль пріятной послѣ дѣтняго дня; лице его было упомлено и блѣдно; на немъ проглядывало уже нѣсколько морщинъ, но въ сверкающемъ взорѣ отражалось внутреннее пламя его пожирившее.

Пожилая дама сильно опиралась на его руку и, казалось, съ участіемъ слушала слова его.

Близъ него шла въ молчаніи молодая прекрасная женщина. Гибкій, стройный станъ ея

рисовался подъ легкой одеждой, каждое движеніе дышало прелестью. Ваятель нашелъ бы, можетъ быть, нѣсколько неправильнымъ лице ея, не заимствовавшее ничего опъ тѣхъ древнихъ моделей, кои посредственные живописцы и писатели безпрестанно представляють глазамъ нашимъ; но гармоническія черпы лица ея, прелесть формъ, по которымъ глазъ скользилъ съ упоеніемъ, живая, оспроумная физиономія, нѣчто роковое, напечатлѣнное на прекрасномъ челѣ, душа нѣжная, чуждая свѣта, скрытая подъ робкою наружностью, все дѣлало ее существомъ необыкновеннымъ, упоительнымъ для взора, сладостнымъ, очаровательнымъ, мелодическимъ, первобытнымъ. Она шла наклонивъ нѣсколько голову.

Вдали тянулась тяжелая почтовая карета, копорую лошади съ прудомъ тащили въ крушую гору, съ коей открывались прекрасныя поля Саксоніи, усѣянныя холмами, и необъятность ландшафта, украшеннаго развалинами, зеленью и косвенными лучами солнца, заходившаго межъ двухъ грядъ багряныхъ облаковъ.

— Я всей душей жалю объ васъ, отвѣчала ему пожилая дама.

Молодая женщина слегка опустила вуаль, развѣваемый въпрямь.

— Мнѣ часто случается не выходить по цѣлымъ мѣсяцамъ и жить съ вымыслами моей

киспи; погда, по крайней мѣрѣ я счастливъ; я окружаю себя существами созданными моимъ сердцемъ; я люблю какъ самъ люблю. Въ обществѣ знаюшъ, какъ я впечатлителенъ, какъ легко огорчить меня однимъ словомъ, и попому я не понимаю, какъ можно оскорблять такого миролюбиваго человѣка, какъ я. Однакожь я одаренъ твердостью и силою характера, и ненавижу всякое приписаніе; погда слова мои раздражаются, онѣ внезапны, живописны, едки, спремительны; воображеніе мое, отражая нападеніе, приводитъ насмѣшниковъ въ замѣшательство. О! здѣсь бьется сердце, жаждущее любви, сердце богатое чувствами сладостными, глубокими, пламенными, неизчерпаемыми!

Онъ сильно ударилъ себя въ грудь.

— И вы оставляете Вѣну? спросила пожилая дама.

— Я ѣду въ Веймаръ; у отца моего недалеко отсюда помѣстье. Въпъ уже десять лѣтъ, какъ я не видался съ нимъ. Я возвращаюсь изъ Рима и только десять дней пробылъ въ Вѣнѣ. Семейство мое чуждается меня, попому что я хочу быть художникомъ; меня стыдящся и не пишущъ ко мнѣ. Я живу въ одиночествѣ, которое раздражаетъ угнетенное дарованіе, и хочу броситься въ объятія отца. Но, не знаю почему, чѣмъ ближе я спановлюсь къ Веймару, тѣмъ болѣе грусть давитъ мое сердце. Мо-

жесть бытъ несчастіе, всюду меня преслѣдующее, ожидаетъ меня и у порога дома родительскаго; можетъ бытъ переступивъ его, я столкнусь съ новымъ несчастіемъ, которое споймъ памъ и спережетъ меня, грозное, неумолимое!

— Разгоните эти черныя мысли; вы имѣете дарованіе, и семейство ваше вѣрно проститъ васъ.

Молодая женщина, не говоря ни слова, совершенно опустила вуаль.

Послѣдніе лучи заходящаго солнца лежали блѣдно-золотою пиканью на зелени полей. Путешественники остановились и смопрѣли на эту величественную карпину, запечатлѣнную спокойствіемъ и тишиною.

— Очаровательный видъ! сказалъ молодой человекъ; какъ все безмѣрно и просто въ природѣ! Она вѣчное опчаяніе для художника. Здѣсь безпредѣльность! . . Здѣсь Богъ! . . Мы плѣнны, все что мы творимъ слабо, несовершенно! . . Сама душа презираетъ то, что создаетъ посредствомъ недостопочныхъ для ней самой органовъ. Но любовь, въ душахъ чистыхъ, есть залогъ безсмертія! Любовь приближаетъ къ Богу!

Молодая женщина посмотрѣла, не подѣхаль ли дилижансъ.

Они сѣли въ карету, которую занимали одни. Пожилая дама заснула, и художникъ шщеп-

но спарался начать разговоръ съ молодой женщиной, которая скоро также задремала.

Луна взошла на небосклонъ ; мерцающій свѣтъ ея, проникая въ окна карепы, освѣщаль эпо очаровательное лице. Молодой человекъ не смѣлъ разбудить ея, а до Веймара оставалось только двѣ мили! Нѣсколько часовъ лишь они были вмѣстѣ, но онъ уже съ воспоргомъ смотрѣлъ на нее; онъ пререпалъ... плакалъ... Она отпраплялась въ небольшой городокъ, въ тридцати миляхъ отъ Веймара. Онъ хотѣлъ по-видаться съ семействомъ и послѣ лепты въ слѣдъ за нею. Какъ рѣшиться не видать ея болѣе, споль обворожительную, споль прекрасную! Надо непременно слѣдовать за ней!.. Ему показалось, что во время сна двѣ слезы сканились по щекамъ ея. Онъ ободрился и съ пререшущимъ сердцемъ, въ сильномъ смущеніи пропѣлъ въ полголоса нѣсколько меланхолическихъ и прогапельныхъ спансовъ.

Онъ взялъ одну изъ рукъ ея, которая, казалось, дрожали, и медленно, съ оспорожностью снялъ съ руки ея золотое кольцо; она сдѣлала движеніе, но не проснулась: по крайней мѣрѣ не открыла глазъ. Тогда, въ упоеніи надѣлъ онъ ей на руку простое свое кольцо, почпи одинакое съ пѣмъ, которое нохитилъ или которое она отдала ему посредствомъ этого продолжительнаго, непрерываемаго сна.

— Души наши обручены! сказалъ онъ, наклонясь къ ней.

Она содрогнулась во снѣ и тяжкій вздохъ вылетѣлъ изъ груди ея; карета съ шумомъ капилась уже по Веймарской мостовой.

Дилижансъ остановился на нѣсколько часовъ на почтовой станціи. Обѣ его спутницы простились съ нимъ и удалились въ опведенную имъ комнату; пайное волненіе отражалось въ прощаніи молодой женщины.

Художникъ спалъ у окна, выходящаго на дворъ съ твердой рѣшимостью слѣдовать за шой, съ копіюю соединился тайнственнымъ обрученіемъ.

— Никакая сила человѣческая не разлучитъ насъ, думалъ онъ: между нами заключенъ святой союзъ, души наши сочепались!..

Спукъ коляски, запряженной въ чепыре лошади, вывелъ его изъ задумчивости. Изъ ней вышли двое мушкетъ; чрезъ нѣсколько минутъ они возвратились въ сопровожденіи двухъ дамъ и сѣли вмѣстѣ въ коляску. Она ли это?.. да!.. точно!.. Ему показалась, что она, блѣдная и печальная наклонилась изъ коляски и послѣ исчезла въ темнотѣ ночи.

Онъ оспался одинъ; о! совершенно одинъ! Никогда не ощущалъ онъ подобной горести, никогда привычное ему одиночество не было

для него споль пнягостпнымъ, споль мрачнымъ! Ему казалось, что жизнь оставила его.

На другой день съѣлъ онъ на лошадь и во весь опоръ поскакалъ въ помѣстье своего опца. Но оно мѣсяца за три до того было имъ продано, и новый помѣщикъ не могъ сказать ему мѣста жительства прежняго владѣльца. Художникъ не прежде вечера возвратился въ Веймаръ, ибо онъ былъ опъ него въ шестипи миляхъ.

На другой день, одинъ изъ его пріятелей, встрѣпившись съ нимъ, назвалъ ему городъ, въ которомъ жилъ опецъ его. При этомъ названіи онъ содрогнулся.

Въ этомъ названіи была цѣлая пайна, цѣлое несчастье, цѣлая судьба!..

— Ты пріѣхалъ къ сватьбѣ? спросилъ его пріятель.

— Какой сватьбѣ?

— Опецъ пвой недѣли двѣ уже какъ обрученъ.

— Обрученъ!

— Да, можетъ быть ужъ и женатъ!

— Женатъ?

— Онъ пріѣзжаетъ сюда на встрѣчу къ своей невѣстѣ.

— Когда?

— Вчера.

— Въ два часа ночи?

— Въ коляскѣ запряженной чепырьмя лошадьми?

— Точно такъ.

— О! несчастный!..

Онъ бросился какъ безумный. Въ ночь опѣзжала почповая карета. Онъ кинулся въ ней, и въ ужасномъ волненіи, въ опчаяніи, изнеможенный тѣломъ и душой, пріѣхалъ наконецъ въ назначенный ему городъ.

Опець его въ деревнѣ. Скорѣе лошадь! Онъ лепишъ на встрѣчу своему несчастію и шпорами раздираешъ бока лошади. Пріѣзжаешъ. Спарый слуга едва можетъ узнать его.

— Гдѣ бапюшка?

— Онъ женился.

— Сегодня упромъ?

Такъ говорили они на крыльцѣ.

Вдругъ открылось окно; къ нему подошла женщина и облокопилась на него.

— Кто это? спросилъ онъ.

— Ваша мачиха.

Онъ испустилъ дикій крикъ, вспрыгнулъ на лошадь, и пустился во весь опоръ.

Художникъ никогда уже не переступалъ за порогъ дома родительскаго.

XXII.

ЗНАМЕНИТЫЕ СОВРЕМЕННОКИ.

БАЛЬЗАКЪ.

Въ галереѣ современныхъ представителей и вождей литературнаго движенія будетъ важный пропускъ безъ портрета самаго обильнѣйшаго, самаго извѣстнѣйшаго изъ нынѣшнихъ романистовъ, романиста настоящей минуты по преимуществу, въ коемъ соединяется столько достоинствъ и недочетковъ, скорости, плодовитости, занимательности, случайности и магическаго очарованія, нераздѣльных съ пипломъ писателя повѣстей и романовъ. Не болѣе чепырехъ лѣтъ, какъ Бальзакъ сдѣлался какъ знаменитымъ. Последний Шуанъ, изданный имъ

въ 1829 году, въ первый разъ обратилъ на него вниманіе, но еще не извлекъ его изъ толпы. Физиология Супружества пріобрѣла ему славу оспроумнаго человѣка, и съ тѣмъ вмѣстѣ наблюдателя не спѣсняемаго разборчивостію и приличіями въ своихъ изслѣдованіяхъ. Но только съ изданія Шагриновой Кожы, Бальзакъ ворвался со всего размаха въ публику и, если не завоевалъ всей ей, то по крайней мѣрѣ взволновалъ, возмутилъ ее во всѣхъ направленіяхъ, удивилъ, изумилъ, раздражилъ и взбунтовалъ тысячью манерами. И надо признасться, что въ этомъ необыкновенно быспромѣ успѣхъ, кромѣ шрубныхъ звуковъ сначала при выпускѣ въ продажу Шагриновой Кожы, Парижская журналистика не слишкомъ горячо помогала Бальзаку: онъ самъ создалъ себѣ шумную молву и благосклонный пріемъ у чипапеллей, своею неупомимою дѣятельностью и изобрѣтательностью, каждымъ новымъ своимъ созданиемъ, такъ сказать, подкрѣпляя предыдущее и извѣщая о послѣдующемъ. Особенно, съ самаго начала, онъ позаботился привлечь на свою сторону цѣлую половину публики, самую важнѣйшую и существеннѣйшую въ подобныхъ случаяхъ, половину женскую, коей такъ умѣлъ овладѣть, лаская съ чуднымъ искусствомъ сокровеннѣйшія ея фибры. » Женщина, сказалъ гдѣ-то Жанень, принадлежитъ Бальзаку: она вся его, въ своихъ нарядахъ, въ неглиже, въ

самыхъ мѣлчайшихъ подробностяхъ своего внутреннего быта; онъ одѣваетъ и раздѣваетъ ее. « Пустивъ въ дѣло свои свѣденія по части Физиологии Супружества, какъ романистъ и повѣствователь, Бальзакъ представилъ себя прекрасному полу въ качествѣ повѣреннаго утѣшителя, духовника разумѣющаго отчасти и медицинское искусство; онъ знаетъ много женскихъ вещей, знаетъ ихъ секреты, чувствительные и чувственные; въ своихъ рассказахъ предлагаетъ имъ вопросы смѣлые, откровенные, фамилярные, опзывающиеся вольностью дружескаго, короткаго обращенія. Подобно молоденькому доктору, имѣющему свободный входъ въ будуаръ и альковъ, онъ взялъ себѣ право говорить полу-словами о сокровеннѣйшихъ подробностяхъ женскаго быта, кои смущаютъ и вмѣстѣ нравятся самымъ цѣломудреннѣйшимъ красавицамъ. По счастью, онъ попалъ съ своими повѣстями и романами въ ту минуту, какъ воображеніе женщинъ во Франціи было возбуждено до высшей степени картинами и прореченіями Сен-Симонизма. Не лзя не согласиться, что, послѣ Іюльской Революціи, произошелъ нѣкопорый переломъ въ этикетѣ, и состояніе женщинъ пропивъ прежняго нѣсколько измѣнилось. Перемясія относится не къ самымъ нравамъ, а къ выраженію нравовъ: сущность осталась таже, но говорить стали гораздо откровеннѣе; и Бальзакъ

сдѣлался органомъ сей переменны, вмѣстѣ съ знаменитою Французскою писательницею, скрывающеюся подѣ именемъ Жоржа Сандъ. Въ провинціяхъ особенно, гдѣ женщины больше страдаютъ, больше чахнутъ, и задыхаются; чѣмъ въ Парижскомъ цвѣтѣ, гдѣ несогласіе супружеской жизни давитъ сильнѣе и предсавляетъ гораздо меньше средствъ къ облегченію и вознагражденію, Бальзакъ возбудилъ къ себѣ живѣйшій энтузіазмъ и нѣжнѣйшее сочувствіе: тамъ такъ много женщинъ отъ двадцати восьми до тридцати пяти лѣтъ, коимъ онъ расказалъ ихъ собственныя тайны, которыя поставляютъ себѣ въ обязанность и славу любить Бальзака, толкуютъ объ его геніи и, съ перомъ въ рукѣ, пробуютъ сами въ свою очередь узорить и разнообразить неиспощимую тему его очаровательныхъ повѣстей; Женщина Тридцати Лѣтъ, Женщина Несчастная, Женщина Покинутая: вопль ея публика, публика прелестная, не смотря на ея маленькія глупости, публика, въ которой конечно всякой ему позавидуетъ. Младшій Кребильонъ, въ свое время, имѣлъ также власпъ надъ воображеніемъ нѣкоторыхъ женщинъ, и до такой степени, что одна молодая Англичанка, прочитавъ, не помню какой — то, изъ его романовъ, говорящъ, влюбилась въ него до безумія и прискакала нарочно съ пѣмъ; чпобъ вышли за него за мужъ. Конечно, и съ Бальзакомъ приключилось бы что-

нибудь подобное, еслибъ женщины, на копорыхъ онъ преимущественно дѣйствуетъ, не были уже за мужемъ, и при томъ несчастныя, разочарованныя супружесвомъ. Одной изъ причинъ, содѣйствовавшихъ сподъ быспрому распроспраненію славы Бальзака во Франціи, было еще и то, что онъ такъ искусно умѣетъ выбирать мѣста, гдѣ помѣщаетъ сцену своихъ рассказовъ. На улицахъ Сомюра путешественнику показывають домъ Евгени Гранде; равнымъ образомъ въ Дуэ, въ рояпно, извѣстенъ уже домъ Клаэса. Съ какой гордостью улыбается, при всей своей безпечности, Туренецъ, владѣтельница Гренадьеры? Это лестное предпочтеніе автора завоевываешь ему въ полное подданство каждый городъ, гдѣ онъ помѣщаетъ свои лица; въ другихъ городкахъ, еще неизвѣстныхъ, надежда видѣть себя скоро описанными въ какомънибудь новомъ романѣ предрасполагаетъ къ нему весь мѣстныя липературныя сердца. Онъ не гордъ, по крайней мѣрѣ! онъ не исключительно Парижанинъ, жипель своего Шоссе д'Анпень! онъ не гнушается и нашими улицами и хупорами! Такимъ образомъ, не болѣе какъ въ при года, огромное знамя съ именемъ Бальзака явилось раскинутымъ на всѣхъ колокольняхъ, на Сѣверѣ и на Югѣ, по обѣимъ споронамъ родной Луары, по всему проспранству Турени, составляющей центръ его поэпическихъ странствованій и любимое мѣсто возвращенія.

Въ Парижѣ напротивъ, успѣхъ его былъ гораздо менѣе; здѣсь, хопя участіе, возбуждаемое имъ, все еще очень живо, много на него и нападковъ. Какъ поэтъ, какъ арписистъ, какъ писатель, онъ подвергался часто упрекамъ; у него оспаривали чувство, порицали его манеру. Ему трудно было подняться выше обыкновенной молвы и, не смотря на удвоенныя усилія таланта, не смотря на удивительную упорность наблюдательности, заняты во мнѣніи многихъ степень сколько-нибудь важную. Предшествовавшія обспоятельства его литературной жизни, неудачныя и неславныя, выспавлялись въ опроверженіе дѣйствительности его настоящаго усовершенствованія. На всѣ сіи упреки, болѣе или менѣе основательныя, на всѣ сіи выраженія отвращенія и презрѣнія, часто не совсѣмъ безполковыя, Бальзакъ отвѣчалъ безпрестанно возрастающею самоувѣренностью въ своемъ воображеніи и удивительною плодovitиостью твореній, изъ коихъ нѣкоторыя приобрѣли благосклонность у всѣхъ и заслужили ему полное поржество. Талантъ авпора Луи Ламбера и Евгени Гранде уже выше всякаго сомнѣнія и спора. Мы посипараемся разобранъ теперь его съ нѣкоторою подробностью и въ самыхъ строжайшихъ сужденіяхъ, сохранимъ все вниманіе, должное писателю споль дѣятельному, споль неупомимому, посипоянно

мечтающему о совершенствѣ и усиливающемуся достигъ его, писателю, который доставлялъ намъ столько наслажденій, и въ которомъ по многимъ отношеніямъ охотно признаемъ высокое природное дарованіе.

Г. Гонорэ де Бальзакъ, разсмаптываемый во всѣхъ неровностяхъ разнообразной своей жизни, въ привычкахъ и капризахъ, въ разговорахъ и въ сочиненіяхъ, представляетъ одну изъ одушевленнѣйшихъ и вмѣстѣ неправильнѣйшихъ лице-рапурныхъ фizioномій нашего времени, такъ что выразить ее вполне, со всеми ея оригинальностями и контрастами, могъ бы развѣ какой-нибудь любопытный собиратель анекдотовъ и сказочекъ, какой-нибудь Тальманъ де Рео, охотникъ болтать всякую всячину. И въ самомъ дѣлѣ, если говоря о лирикѣ Малербѣ, особенно о другомъ старинномъ Бальзакѣ, поэтѣ впрочемъ весьма поржеспивенномъ и мастерѣ на громкія слова, добрый Тальманъ умѣлъ собрать такую кучу занимательныхъ характеристикъ анекдотовъ, записать столько неоспорожныхъ промовокъ языка, столько памятниковъ пышнаго авторскаго суетврія и добродушнаго хвастовства, то какую обильную жатву нашелъ бы онъ нынѣ вокругъ нашихъ писателей? Но мы обратимъ наше вниманіе на Бальзака только съ тѣхъ споронъ, кои имѣютъ ближайшее отношеніе къ его сочи-

неніямъ, подлежащимъ нашему суду. Онъ родился въ Турѣ, 20 Мая 1799 года. Чипая и слушая его, подумаешь, что его колыбель должна быть еще южнѣе, ближе къ Ангулему и къ родинѣ его знаменипаго соименника. Но въ одной изъ своихъ прекрасныхъ сказокъ, описавъ такъ очаровательно свою роскошную и сладоспраспную Турень, это абатство Телемы, какъ онъ ее называетъ, эпю Турцію Франціи, онъ имѣлъ предосторожность замѣтитъ, что вывезенный изъ своей родины Туренецъ часто обнаруживаетъ въ себѣ самыя дѣяпельныя качества, и приводитъ въ примѣръ Рабле и Декарпа, Бераальда де Вервиль и Поля-Луи Курье. И такъ Бальзакъ вывезенъ изъ своей родины рано; вѣроятно однако не прежде, какъ окончивъ свое первоначальное ученье въ Коллегіи Вандомской; ибо какъ — по пріятно вѣритъ, что его рассказъ о Луи Ламберъ совсѣмъ не еспъ вымысль и что онъ самъ былъ эпимъ неоплучнымъ другомъ бѣднаго и высокаго експапического ребенка. Въ эпомъ случаѣ дѣтство и первая молодость Бальзака въ Коллегіи удивительно какъ согласуются: воображеніе дѣяпельное, оспроумное; кипучая рѣзвость, безпорядокъ, лѣность; жадность чипать, безъ связи, не во время; любовь къ чудесному; небреженіе уроковъ; плохой и непослушный ученикъ, *sempre aliad agens*, котораго учипели вѣчно наказыва-

юптъ, а товарищи въ насмѣшку прозвали *по-этомъ*.

Описывая необычайныя способности своего юнаго друга Ламбера, Бальзакъ говоритъ: » Я долго не зналъ поэзіи и всѣхъ сокровищъ, павшихся въ сердце и подъ челомъ моего поварища. Надо было, чпобъ я достигъ тридцати лѣтъ, чпобы наблюденія мои созрѣли и укрѣпились, чпобы лучъ свѣта еще разъ озарилъ ихъ, дабы я прицель въ состояніе понять всю важность явленій, коихъ былъ допольшъ невѣжественнымъ свидѣтелемъ. « Можесть быть для самаго Бальзака, чпобы пробудить и воскресить Ламбера въ немъ погребеннаго, нуженъ былъ эпопъ свѣтъ блеснувшій съ чела Гебала, благороднаго собрата поѣ же фамиліи. Какъ бы то ни было, но по, въ чемъ Бальзакъ исповѣдуется въ разсужденіи воспоминаній своихъ о Ламберѣ, справедливъ въ отношеніи ко всѣмъ счастливымъ воспоминаніямъ, коими питается и живетъ теперь его воображеніе. Онъ долженъ былъ прожить болѣе тридцати лѣтъ, чпобы открыть богатый рудникъ, заключавшійся въ душѣ его безъ его вѣдома, свои дълскія впечатлѣнія вывезенныя изъ Турени, провинціальныхъ чудаковъ, холоспяковъ, канониковъ, лукаваго Вуврейскаго красильщика въ Годиссаръ; все это спало и скрывалось прежде Богъ вѣсть гдѣ. Вдругъ дитя Ламберъ

вскричалъ однажды передъ нимъ, ударивъ себя по лбу: » Я буду знаменитъ! — И ты также, присовокупилъ попомъ съ живоспью; мы будемъ алхимистами мысли! « .. Это восклицаніе Ламбера есть ключъ къ твореніямъ Бальзака. Въ самомъ дѣлѣ, мнѣ онъ кажется магнепизеромъ, алхимиспомъ мысли, владѣтелемъ сокровеннаго вѣденія, хопя еще двусмысленнаго не смотря на всѣ предспавляемыя доказательспва, паланпомъ часпо очаровательнымъ и обольспипельнымъ, но съ тѣмъ вмѣспѣ не рѣдко сомнипельнымъ, обманчивымъ. Подобно алхимиспамъ, онъ провелъ многіе годы, идя ощупью, сквозь дымъ и пепель, роясь въ изгари и въ опсѣдахъ, прежде чѣмъ дошелъ до желаннаго превращенія: посему, какъ законна была его радость и какъ безумно упоеніе, когда онъ увидѣлъ наконецъ, что въ плавильномъ горшкѣ его ршупъ спѣдается въ золото!

Съ 1821 по 1829 годъ, эпоху, когда Бальзакъ впервые обратплъ на себя вниманіе изданіемъ Последняго Шуана, что онъ дѣлалъ? что издавалъ? какіе были его первые литературные опыты и многочисленныя неудачныя пробы, о которыхъ спарые друзья его сполько шолкуютъ, съ тѣхъ поръ какъ онъ сдѣлался знаменитымъ? У Бальзака, говорятъ, есть полная коллекція всѣхъ первыхъ его рома-

новъ, соспавляющая не менѣе тридцати по-
мовъ; онъ хранилъ ихъ въ великолѣпномъ пе-
реплетѣ, какъ паспухъ, сдѣлавшійся мини-
спромъ, хранилъ въ драгоцѣнномъ ящикѣ
свой посохъ и гудокъ, и называетъ ихъ своими
учебными опытами (études). Какъ бы по ни
было, онъ бы поступилъ очень несправедливо,
еслибъ спыдился эспихъ останковъ прежней
своей дѣятельности; ибо въ нихъ содержится
очевидное доказательство, до чего могутъ до-
вести поспоянство, работа и упорная довѣ-
ренность къ средспвамъ своего воображенія. При-
шомъ, издавая сіи претпеспепенныя произведе-
нія, въ коихъ не рѣдко принималъ участіе только
сопрудническое и копорымъ никогда не давалъ
своего имени, Бальзакъ не слишкомъ много ду-
малъ самъ о ихъ достоинствѣ и нашедши одна-
жды въ рукахъ пріятеля одинъ изъ своихъ ро-
мановъ, только что вышедшій, сказалъ ему: »Не
читайте; у меня въ головѣ много романовъ, ко-
порые, думаю, будутъ хороши; только не
знаю, когда они выдутъ опсюда!« Мы имѣ-
ли любопытство опыскавъ и перелиспить
большую часть эспихъ забытыхъ романовъ,
надѣясь опкрытъ въ нихъ какіе-нибудь слѣды
нынѣшняго знаменитаго автора. И признаемся,
не мало трудовъ спойло намъ пробираться по
эспому лабиринту псевдонимовъ, слѣдишь вдоль
эспихъ испочниковъ, довольно мушныхъ, перя-

ющихъ или мѣняющихъ имя на каждомъ шагу. Съ Библиотекою Романовъ въ рукахъ, мы скипались, переходя опъ Г. Горація де Сенп-Обень, Баккалавра Свободныхъ Наукъ, къ Г. де Виллергле, опъ Г. де Виллергле де Сенп-Альмъ къ Лорду Р'Гунъ. Наконецъ имѣли удовольствіе соспавипъ сколько возможно полное родословіе его произведеній, хопя все еще чувспвуемъ, чпо въ немъ должно быпъ много промежутковъ: Два Гектора и Столѣтній, 1821; Арденскій Викарій, 1822; и въ шомъ же году: Шарль Пуавтель, Бирагская Наслѣдница, Жанъ-Луи, Возвращеніе Изгнанника, Клотильда де Лузиньянъ; въ 1823, Послѣдняя Фея, Мишель и Христина, Анонимъ; въ 1824, Анетта и Преступникъ; въ 1825, Ваннъ-Хлоръ; въ 1827, Развратитель; опсюда не далеко уже до Послѣдняго Шуана и до 1825 года, эпохи, когда липературная жизнь Бальзака сдѣлалась гласною. Скажемъ по правдѣ, мы были худо заплачены за эти нескромные поиски, пробѣжавъ кипу шомовъ, украшенныхъ именемъ Г. де Виллергле, которья Зеркало шого времени сравнивало, по выбору сюжетовъ, съ романами Пиго и Репифа, а книгопродавецъ Пигаро опносилъ къ *веселымъ романамъ* въ пропивоположность *романамъ чернымъ*, опзывающимъ разбойниковъ и привидѣнія. Это все, чпо можно было сказать объ нихъ наилучшаго. Меня поразило, въ предисловіи къ Арденскому Викарию, рѣшипель-

ное извѣщеніе, коимъ авторъ предувѣдомляетъ публику, что они долго будутъ выдаваться другъ съ другомъ и познакомятся очень коротко, ибо, говоритъ онъ, въ слѣдъ за симъ романомъ пойдутъ придцать другихъ въ непрерывномъ порядкѣ. Это замѣчательная черта въ характерѣ Бальзака, что онъ, написавъ первую страницу одной книги, уже имѣетъ въ головѣ придцать новыхъ и такимъ образомъ мечтаетъ о безконечныхъ рядахъ помовъ, кои, совокупно, должны составить огромное твореніе. Впрочемъ, не смотря на сіе обѣщаніе придцати книгъ, сдержанное въ послѣдствіи авторомъ Викарія, въ самомъ дѣлѣ у него не было въ мысли никакого цѣльнаго плана: онъ писалъ по случайному вдохновенію, что попадало подъ руку, безъ всякой цѣли, безъ всякой литературной заботы. Конечно, Ванъ-Хлоръ опличается опъ предшествовавшихъ его твореній болѣе выдержаннымъ пономъ и болѣе обработанными нравами; но все это, что еще значить! Въ Последнемъ Шуанѣ въ первый разъ встрѣчается живопись, драматическая занимательность, характеры истинные, діалогъ счастливый; но и здѣсь, по несчастію, слишкомъ очевидно подражаніе Вольперу Скопту и Куперу. Авторъ счелъ романъ сей достойнымъ пересмотра и изданія подъ своимъ, именемъ; съ тѣхъ поръ поприще его сдѣлалось гласнымъ.

Около 1825 года, я читалъ, въ Романтическихъ Лѣтописяхъ того времени, списки подписанные именемъ Бальзака; списки гармоническіе и съ риемомъ, приближающіеся къ стихопворной манерѣ Лапуша. Въ это время Бальзакъ не довольствовался ремесломъ писателя; его предпримчивый духъ увлекъ его въ операциі книгопечатанія и книжной торговли; я думаю, что Романтическія Лѣтописи, въ коихъ находятся помянутые списки, были имъ самимъ печатаны; сверхъ того онъ выдалъ новое изданіе Ла-Фонпена съ присовокупленіемъ историческаго предисловія. Но неудачи его спекулятивныхъ попытокъ возвратили его скоро къ литературѣ, только уже на другой ногѣ, чѣмъ прежде. » Печатанье, говорилъ онъ, поглотило у меня много капитала; надо, чтобъ оно возвратило мнѣ его! « И удвоивъ свою дѣятельность, напрягши свой талантъ, онъ сдержалъ слово. Заклучая наше понятіе о первомъ почтп пайномъ періодѣ его литературнаго существованія, сдѣлавшагося нынѣ споль гласнымъ, вопъ что мы думаемъ: Бальзакъ, въ юности своей, сошедши съ школьной скамейки Баккалавромъ Свободныхъ Наукъ, вель, какъ признается самъ въ Ламберѣ, жизнь безпечную и удалую. Частію по нуждѣ, частію по склонности, изъ-полу съ веселыми товарищами, онъ предался этой легкой снп выдумыванъ и писанъ, копорая въ по

время обходилась такъ дешево авторамъ низшаго слоя литературы, и такимъ образомъ сбывъ нѣкоторую часть лихорадочнаго жара, которымъ молодость его должна кипѣть больше, чѣмъ чья-либо. Г. де Лапушъ, человекъ умный, знавшій его погда и помогавшій не рѣдко своими совѣтами, одинъ могъ бы, еслибъ захопѣлъ безъ излишней ироніи, рассказать и объяснить подробно эти современныя древности, которыя уже перяются во мракъ: онъ могъ бы оживить характеристическими анекдотами всю закулисную пьму литературной мастерской того времени. Что касается до насъ, принужденныхъ пройти губкою по этимъ произведеніямъ неизвѣстнымъ, сомнительнымъ, не признаваемымъ самимъ авторомъ, мы беремъ Бальзака, когда онъ пробудился однажды упромъ, зная столько о свѣтѣ и о женщинахъ, умѣя такъ мастерски схватывать ихъ нѣжности и дурачества, и началъ на скорую руку приводить въ порядокъ въ себѣ то, чего самъ не подозрѣвалъ дополъ.

Физиологія Супружества есть родъ маседуаны, сладкой до припорной ѣдкости, во вкусѣ дролапическомъ: она изобличаетъ опытнаго соотечественника Рабле или по крайней мѣрѣ Бераальда де Вервиль. Авторъ подмолодилъ въ немъ старый, испертый сюжетъ, примѣняясь

къ новѣйшему вкусу: но ему не всегда удавалось избѣгать выражений и шупочекъ, сдѣлавшихся уже пошлыми. Спрогая мораль исключена изъ ней, съ самаго заглавія; объ эпомъ нечего и говорить. Нѣкоторыхъ нѣжныхъ и чувствительныхъ споронъ можнобъ было коснуться искусно; но авпоръ, чистый эпикуреецъ, еще не дошелъ до того. Уже гораздо позже, въ своей повѣспи: Свиданіе (RENDEZ-VOUS), Бальзакъ будетъ описывать вамъ Юлію д'Эгльмонъ возвращающуюся съ того блиспапельнаго вечера, гдѣ она силою кокепспва завоевала на минупу скоропреходящій, причудливый вкусъ своего мужа; попомъ представитъ ее уступающею въ послѣдній разъ, по добротѣ и по расчету, эгоистической благосклонности, коею почтитъ ее Г. д'Эгльмонъ; за симъ, какъ скоро она приходитъ въ себя, мы видимъ ее мрачною, привспавшею на супружескомъ ложѣ, подлѣ заснуваго мужа, краснѣющею и оплакивающею, какъ преспуленіе, эпупу расчипанную профанацію, коей она себя подвергла; вопъ спраница, исполненная испины и скорби. Въспо сихъ живыхъ карпинъ, въ Физиологіи Супружества вы находите *теорію постели, двухъ постель-близнецовъ, отдѣльныхъ комнатъ болповню*, копорой ничпо не облагороживаетъ и не выкупаепъ. Шагриновая Кожа, изданная въ 1831 году, открываепъ собой новый и на-

спояцій рядъ романовъ Бальзака. Начало ея очень живо, естественнo, увлекательно; но занимательность скоро перяется въ хаосъ фантастическихъ сумасбродствъ и буйныхъ оргій. Авторъ, очевидно находился подъ преобладающимъ вліяніемъ Гофмана, который въ то время явился во Франціи. Однако характеръ Федоры, эпой Женщины безъ Сердца, показываетъ уже мастера полу-посвященнаго въ тайны живописи. Весь вполнѣ Бальзакъ долженъ былъ явиться въ своихъ сценахъ Домашней Жизни.

Бальзакъ имѣетъ весьма глубокое, весьма тонкое чувство домашней жизни, простирающейся часто до мѣлочной подробности, до суетвѣрія: онъ умѣетъ васъ пронуть и взволновать прослымъ описаніемъ аллеи, столовой залы, мебели. У него множество бѣглыхъ замѣтокъ на счетъ спарыхъ дѣвушекъ, спарыхъ женщинъ, дѣвушекъ обиженныхъ природою, молодыхъ женщинъ увядшихъ и болѣзненныхъ, любовницъ преданныхъ и отвергнутыхъ, на счетъ холостяковъ, скупцовъ, расповщиковъ; невольно спрашиваешь, гдѣ онъ могъ собрать, подмѣпить все это, съ своимъ дѣпски неугомоннымъ воображеніемъ. Правду скажемъ и то, что онъ не всегда попадаетъ вѣрно, и что въ безчисленныхъ его произведеніяхъ, изъ которыхъ многія кажутся намъ удивительными,

по крайней мѣрѣ весьма прогапельными и плѣнительными, исполненными остроумія и тонкой наблюдательности, господствуемъ ужасный сбродъ всякой всячины. Выкиньте изъ его повѣстей Женщину Тридцати Лѣтъ, Женщину Покинутую, Гренадѣру, Холостяковъ; выкиньте изъ романовъ Ирию Луи Ламбера и Евгению Гранде, превосходнѣйшее изъ его созданій: какое еще множество помовъ, какая пуча повѣстей, романовъ всякаго рода, драматическихъ, философскихъ, экономическихъ, магнетическихъ и теософическихъ! Не смѣю хвалиться, что мнѣ удалось прочесть всѣ ихъ. Безъ сомнѣнія, въ каждомъ его созданіи есть что-нибудь хорошенькое: но за то сколько должно быть и пустаго, излишняго! Въ изобрѣненіи содержанія, равно какъ въ подробностяхъ стиля, перо Бальзака очень бѣгло, и потому неровно, измѣнчиво: онъ опирается, идетъ тихимъ шагомъ, скачетъ рысью, въ галопъ, и вдругъ падаетъ, для того чтобы встать и упасть снова. Начала у него большею частію очаровательны; но концы обыкновенно порпяты или впадаютъ въ излишество. Выпадаютъ минуты, есть почки, гдѣ онъ невольно увлекается. Тогда онъ перяетъ хладнокровіе наблюдателя; мозгъ его, какъ будто, срывается съ курка и спрѣляется заключеніями на сонни миль. Случай играетъ большую роль въ лучшихъ его произведеніяхъ. У него есть

своя манера, но манера шапкая, безпокойная, копорая часто ищепть сама себя. Видно, очень видно, что это человекъ, копорый написалъ тридцать томовъ, прежде чѣмъ попалъ въ наспоющую колею: а чего пакъ долго не находишь, о томъ трудно оспаться увѣреннымъ, что сохранишь навсегда. Сегодня онъ раскрасилъ вамъ сказку во вкусъ Рабле, завтра выведетъ Деревенскаго Врача. Возвращаясь къ прежнему сравненію Бальзака съ алхимиспомъ, я скажу, что, даже послѣ найденнаго имъ способа превращенія, этопъ алхимиспъ, не имѣющій полнаго свѣденія о этомъ чудесномъ способѣ, часто опспушаетъ назадъ и возвращается къ прежнимъ своимъ пробамъ, принимается опяпъ за спарую изгарь, впадетъ въ бесполезные издержки; что, во многихъ случаяхъ, добываемое имъ золото весьма нечисто и фальшиво. Впрочемъ съ Бальзакомъ должно примириться на этопъ счетъ и не спорить съ его натурою и привычками. Не надо совѣповать ему быть разборчивѣе, умѣреннѣе; пусть онъ идетъ все впередъ; количество его выкупить. Онъ похожъ немножко на пѣхъ генераловъ, копорые не иначе могутъ овладѣть малѣйшей позиціей, какъ поперявъ бездну людей, исправивъ море крови (Бальзакъ, по счастью, прапилъ только чернила). И хотя бережливость въ средспвахъ должна иппи въ

расчепть, главное соспоипть въ помь, чптобы достигнуть цѣли; а Бальзакъ весьма часпо еспть и оспаеися побѣдипелемь.

Таковъ онъ преимущеспвенно въ Евгени Гранде! Не многого не достаесть, чптобъ эпопть прелеспный романъ былъ совершеннѣйшимъ образцомъ; да, образцомъ, который можесть занять мѣспо на ряду со всѣмъ, чпо полько еспть лучшаго между романами въ одномъ помикѣ. Надобъ было полько пообрѣзати его въ нѣкопорыхъ мѣспахъ, поукоропипть описанія, поуменьшипть нѣсколко въ концѣ богатспво спарика Гранде и пѣ несмѣпные милліоны, копорыми онъ ворочаетъ для погашенія дѣлъ своего брата; когдабъ эпо семейное несчастіе сдѣлало его немножко побѣднѣе, вѣрояпность расказа гораздобъ больше опъ пого выиграла. Обыкновеннымъ заключеніемъ и рѣшеніемъ всѣхъ романическихъ спупанноспей, въ кои Бальзакъ заводипть своихъ героевъ, бпваетъ неиспоцимый рудникъ золопа, коимъ онъ имѣетъ даръ обогащати ихъ: пакъ въ его Абсолютъ, пакъ въ Евгени Гранде, пакъ въ повѣспи Балъ въ Мѣстечкѣ Со *, гдѣ деньги Г. Лонгевиля составляютъ магическую пружину. Смпоря на груды золопа, копорыми Бальзакъ пакъ свободно

* Повѣспъ эта была напечатана въ Телескопѣ 1831 года подъ именемъ Невѣсты-Аристократки. *Изд.*

располагаетъ въ своихъ романахъ, можно называть его, какъ называли Венеціане Марка-Поло по возвращеніи его изъ Китая: *Messer Miglione* (Г. Милліонъ). Надобъ было еще въ Евгеніи Гранде поуменьшичь бесполезную жестокость эгоизма въ молодомъ Карлѣ по возвращеніи его изъ Америки: онъ ужъ слишкомъ подлъ въ отношеніи къ своей кузинѣ, и вмѣстѣ слишкомъ простъ, не догадываясь объ огромномъ богатствѣ своего дяди. При бѣльшей умѣренности, результапъ былъ бы не менѣе полонъ, и прелестное лице Евгеніи не поперяло бы ничего ни въ смерпной блѣдности, ни въ глубокой, задушевной чувствительности, ни въ самоопроверженіи. Еслибъ въ эпоѣ картинъ умѣрили нѣкоторыя слишкомъ уже рѣзкія краски, и иное посперши, иное вовсе исключивши, дапъ ей спонъ ровнѣе и согласнѣе, вышла бы превосходная семейная картина.

Я хочу здѣсь войти въ нѣкоторыя подробности касательно стиля и выраженія; ибо Бальзакъ, при всей своей плодовитости и неровности, не только не пренебрегаетъ наружностью своихъ созданий, напротивъ слишкомъ ужъ ею занимается. Онъ не можетъ похвалиться, чпобы рисунокъ фразы его былъ чистъ, простъ, почень и опредѣленъ; онъ безпрестанно выводитъ его контуры, и опъ того впадаетъ въ излишество; у него свой особенный словарь,

несвязный, беспорядочный, гдѣ слова какъ будто кипятъ и выкипаютъ совершенно случайно, физиологическая фразеологія, пехническіе термины наукъ, всѣ роды спранныхъ, всевозможная песпропа. Такъ н. п. на первой спралицѣ Евгеніи Гранде вы читаете слѣдующую фразу: »Если естъ поэзія въ атмосферѣ Парижа, гдѣ бушуетъ *силунъ*, уносящій сердца, то развѣ нѣтъ ея и въ медленномъ дѣйствіи *сирокко* провинціальной атмосферы, который обезоруживаетъ самую мужественную бодрость, ослабляетъ фибры и лишаетъ спрапи ихъ *остроты* (*acutesse*).« Въ другомъ мѣстѣ, въ Луи Ламберѣ, возлѣ проспыхъ и огненныхъ писемъ молодого человѣка, вы находите выраженія: *денежная линемотехнія*; *ребенокъ, котораго я раздѣлялъ идиосинкрасію*, и п. п.; въ Холостякахъ читаете: *коэффиціентная причина произшествій*; фразы *выбрасываемыя волосяными трубками великаго собора самокъ*, и пр. и пр. Часто эта гибкая фразіологія, копорю онъ такъ забавляется, увлекаетъ его, и онъ нижетъ вамъ длинные періоды безъ запятыхъ, надъ копорыми надсадишь грудь и задохнешься; порокъ, въ копоромъ можно упрекнуть иногда и учено-забавное перо Карла Нодье. Часто также, и можетъ быть иногда безъ его вѣдома, у него срываются съ языка выраженія сладоспрапи-

ныя, карпины слишкомъ чувственныя и мапериальныя. Голосъ цѣломудреннаго дидяпи Луи Ламбера онъ сравнитъ вамъ съ *голосомъ, произносящимъ слово любви, по утру, на ложь сладострастія*; изображая Гжу Клаэсъ, онъ будетъ пвердитъ вамъ о *влажныхъ образахъ, рисующихся въ ея взорахъ*. Наконецъ есть у него одна нестерпимая ошибка проивъ Французскаго языка, которую онъ повтораепъ безпреспанно, какъ будпо по сиспемъ: это упопреленіе мѣспоименія *en* вмѣспо *son, sa* и *ses*. Онъ находитъ какую-то особенную прелеспъ въ эпомъ *en*, и часпо спавипъ его памъ, гдѣ оно не имѣепъ никакого смысла. Такъ н. п. гдѣ должно сказать: *il y va de la vie*, онъ говоритъ всегда: *il s' y en va de la vie*. Мы привязываемся къ эпимъ мѣлочамъ по увѣренности, что наши замѣчанія не пропадутъ для Бальзака; ибо, не смотря на сіи промахи и неисправности, онъ весьма заботипся о своемъ слогѣ, холипъ и вычищаепъ его безпреспанно, пребуепъ опъ семи до осьми корректуръ изъ типографіи для поправокъ, передѣлываетъ впопрья и препья изданія, коротко сказать чувспвуепъ похвальную потребность усовершенія почти химерическаго. Случается иногда, что онъ своими поправками, такъ по крайней мѣрѣ мы думаемъ, портитъ мѣста, которья прежде были гораздо проще и выразипельнѣе.

Но за по во многихъ случаяхъ передѣлки его весьма удачны. Такъ н. п. въ первомъ изданіи Женщины Покинутой, напечатанномъ въ REVUE DE PARIS, была прелестная страница, копорая, съ нѣкопорыми переправками, въ слѣдующемъ изданіи сдѣлалась превосходною и образцовою во всѣхъ опношеніяхъ. Выписываемъ здѣсь эту страницу, чпобы вознаградишь чипапелей за мѣлочныя привязки къ языку, копорыми занимали мы ихъ вниманіе. Дѣло идетъ о смятеніи Г. де Нейль, при первомъ посѣщеніи, сдѣланномъ Гжѣ Боссанъ. » Въ двадцать при года, говоритъ Бальзакъ, мущина всегда почти находилъ подъ преобладаніемъ чувства скромности. Онъ боилъ худо выразишь свою любовь; видилъ полько препяпствія и пугаелъ ихъ; спрашилъ не понравилъ: онъ былъ бы смѣлѣ, еслибъ не столько любилъ. Чѣмъ болѣе чувствуетъ онъ нѣну блаженства, тѣмъ менѣе увѣренъ, чпо оно ему достанетъ. Если по несчастію кумиръ его слишкомъ высокъ, онъ поклоняелъ ему впайнѣ, издали; и если не будетъ угаданъ, любовь его издыхаелъ. Но часно эта юная спрастъ, умершая въ юномъ сердцѣ, оспавляелъ въ немъ блестящую спрую призраковъ. И кпо не имѣелъ подобныхъ дѣвшвенныхъ воспоминаній, кои въ послѣдствіи пробуждаюелъ все прелестнѣе и прелестнѣе, принося съ собой карпину со-

вершеннѣйшаго блаженства; воспоминаній, похожихъ на дѣпей, поперянныхъ во цвѣтѣ нѣжнѣйшей юности, коихъ однѣ только улыбки знали родители! «

(окончаніе слѣдуетъ).

XXIII.

РЕКРИТИКА.

ОТВѢТЪ ДОКТОРА ПРАВДОДУМКИ

НА АНТИКРИТИКУ

ДОКТОРА ВРАЗУМКИ.

(Телеск. 1834. N. 42.)

М. Г! Сущность вашей антикриптики состоитъ:

А) Въ жалобѣ: 1) для чего я часто употребляю восклицанія; 2) для чего я укоряю Г. Бѣлявскаго въ хвасповствѣ; 3) будто бы я оскор-

*

бляю личность Г. Директора Искусственных Минеральных Водъ; 4) будто я самъ не соблюлъ порядка, послѣдовательности въ изложеніи моихъ понятій; 5) будто бы я предписываю автору число страницъ; 6) будто бы критика моя пристрастна; 7) будто бы она состоитъ изъ однихъ приговоровъ, безъ доказательствъ удовлетворительныхъ; 8) будто бы я говорю, что сравненія Крейсига ничтожны и познанія въ Медицинѣ вовсе ложны; 9) будто однимъ почеркомъ пера лишаю Крейсига здравомыслія; 10) будто бы я самопроизвольно разбираю значеніе словъ; 11) будто я вражду не только противъ здраваго разсудка, но и противъ общественной пользы.

В) Въ укоризнахъ: 1) будто бы я смѣло излагаю двусмысленныя предположенія; 2) будто бы я не имѣю надлежащаго понятія о современномъ просвѣщеніи; 3) будто бы прикрываю опусканіе истины вымыслами и оскорбленіями личности.

С) Въ несправедливыхъ слѣдующихъ мнѣніяхъ: 1) можно ли употреблять средства, не зная дѣйствія оныхъ на человѣческое тѣло; 2) совершенное раздѣленіе или вѣрное систематическое описаніе минеральныхъ водъ возможно только при совершенныхъ геологическихъ и физико-химическихъ свѣденіяхъ; 3) для показанія процесса

зарожденія водъ въ землѣ слѣдовало доказатъ сѣ соспавленіемъ водъ искусспвенныхъ, при пѣхъ же условіяхъ, хопя въ маломъ машпабѣ; 4) если бы искусспвенныя воды не имѣли пѣхъ же физико-химическихъ качеспвъ, по не могло бы бытъ между ними и еспественными водами никакого сходспва; 5) почему совѣтъ врачебный не у мѣста? 6) только на однихъ геологическихъ условіяхъ можно будетъ основатъ испинное, непоколебимое раздѣленіе минеральныхъ водъ; 7) теорія происхожденія хроническихъ болѣзней еспъ испинная по тому, что она есптъ сочиненіе Крейсига, что сочиненіе сѣ при самомъ появленіи своемъ въ свѣтъ было переведено на Французской, Италіанской и Англійской языки и что по настоящее время писнено на всѣхъ оныхъ языкахъ уже претпимъ изданіемъ; 8) замѣчаніе сѣ соспало въ неоспоримыхъ доказательспвахъ послѣдовапельнаго вреда отъ смѣшенія разнородныхъ водъ между собою; 9) отвѣтъ былъ видимый, несообразный съ здравымъ разсудкомъ.

Скажемъ о каждомъ пунктѣ порознь.

1) *Для чего я часто употребляю восклицанія?*

Чтобы изъяслять удивленіе, которое не можетъ не сопровождать восклицаніемъ въ разговорѣ, а на письмѣ восклицапельнымъ знакомъ.

2) *Для чего я укоряю Г. Бѣлявскаго въ хвастовствѣ?*

Это совершенно несправедливо: нигдѣ въ моей криптикѣ не сказано, что *Г. Бѣлявскій хвастается*. Вы, Г. Вразумко, не хорошо выразумѣваете, а еще хуже полкуете мою криптику. Слова автора: » не излишнимъ считаю присокупить и то, что у иностранцевъ по сіе время въ практическомъ отношеніи нѣтъ ни одного спользнаго сочиненія о всѣхъ родахъ водъ, « приведены мною не для улики его въ хвастовствѣ, а въ причину, почему сочиненіе его заслуживаетъ особое вниманіе. Это въ моей криптикѣ, тотчасъ по приведеніи упомянутыхъ словъ автора, выражено въ слѣдующихъ словахъ: » сочиненію, по изчисленнымъ причинамъ заслуживающему особенное вниманіе, не лзя не воздасть должной чести. « Гдѣ же я укоряю Г. Бѣлявскаго въ хвастовствѣ? Мнѣ это и на умъ не приходило. Разбирая сочиненіе, я смотрѣлъ только на то, что предлагается въ немъ, а не на намѣреніе, съ копорымъ, и не на лицо, къ которому предлагается. И пакъ М. Г. на ваши слова: будто я укоряю Г. Бѣлявскаго въ хвастовствѣ, отвѣчаю коропко: это пакъ вамъ показалось.

3) *Будто бы я оскорбляю личность Г. Директора Искусственныхъ Минеральныхъ Водъ.*

Слова мои: » а Г. Директора онъ разумѣетъ лицомъ ученымъ «, ведутъ не къ оскорбленію

личности Г. Директора, а къ обращенію вниманія автора на то, что между учеными и пишущими есть большая разница; да и самыя ученые различаются другъ отъ друга степенями, для обозначенія которыхъ имѣются особенныя названія. Какъ въ предидущемъ случаѣ упрекомъ вашимъ о хвасповствѣ Г. Бѣлявскаго, вы защищая, невольнымъ образомъ обидѣли его; такъ и въ послѣднемъ, вступаясь за честь Г. Директора, вы прямо обижаете его, сказавъ, что » у Г. Директора нѣтъ диплома Россійскаго«, тогда какъ въ Россіи никто изъ иностранныхъ врачей не можетъ производить практики, не подвергнувшись установленному закономъ испытанію; и я совершенно увѣренъ, что Г. Директоръ имѣетъ дипломъ Россійскій на какое-либо изъ медицинскихъ званій. Но это до дѣла не относится. Теперь поговоримъ вообще о названіи, не касаясь лицъ. Титло ученаго принадлежитъ исключительно тому, кто посвятилъ себя наукамъ, слѣдитъ за ихъ ходомъ, изучилъ нѣ изъ нихъ, которыми преимущественно занимается, какъ въ отношеніи историческомъ, такъ и философическомъ. Въ семъ смыслѣ ученый можетъ имѣть Докторскую степень, можетъ и не имѣть по собственному произволу. Но того, кто ищетъ сей степени и не получаетъ, оказавши недоспадокъ свѣденій, ни коимъ образомъ не лзя называть

ученымъ, развѣ только по дружбѣ, лести или проспо по произволу. Что не лъзя каждаго Докпора, получившаго сію степень изъ того же Университета, изъ котораго получилъ оную Крейсигъ, считатъ ученымъ, это я вамъ докажу многими фактами. Сколько разъ пріѣзжающіе къ намъ иностранные Докторы Медицины, даже Докторы Медицины и Хирургіи, подвергаясь испытанію въ нашихъ Академіяхъ и Университетахъ, часпо едва едва получаютъ степень Лекаря впрочемъ или претрѣяго опдѣленія! Бывали и такіе случаи, что удостоенные у насъ Лекарями впрочемъ опдѣленія въ одинъ годъ получали въ иностранныхъ Университетахъ дипломы на степень Доктора Медицины и Хирургіи. Эти факты, безъ всякаго сомнѣнія, поставили Россійское Правительство въ необходимость подвергать всѣхъ иностранныхъ врачей, желающихъ производить въ Россіи практику, законному испытанію. Эти факты всѣмъ нашимъ врачамъ, особенно споличнымъ, извѣстны; слѣдовательно и вы не можете опозваться незнаніемъ ихъ. Послѣ сего, теперь мною сказаннаго, имѣющаго своимъ непреложнымъ основаніемъ факты, если бы и въ самомъ дѣлѣ слова мои: »а Г. Директора онъ разумѣеть можемъ ученымъ,« я принималъ въ помъ смыслъ, какъ угодно было вамъ ихъ выразумѣть; но и въ такомъ случаѣ вы не имѣ-

еще ни малѣйшаго права вопрошати: »Какъ прикажете понимать сію выходку? Не ясно ли обнаруживается здѣсь личность? « При семъ случаѣ я долженъ вамъ сказать прямо, что вы, спавя на одной доскѣ Крейсига съ Г. Директоромъ, выказываете явное приспастіе къ послѣднему. Я увѣренъ, что Г. Директоръ и самъ не захочетъ равняться съ знаменитымъ Профессоромъ и будетъ спыдидиться вапего и г. авпора льспиваго, объ немъ опзыва. Скажу вамъ еще и по, что вы не право судите, говоря: »всѣмъ иноспраннымъ ученымъ слѣдовало бы опказати въ dospoinспвахъ и спепеняхъ; попому что они не имѣютъ дипломовъ Россійскаго Государства.« Не правда, нимало не слѣдуетъ; и у насъ ни одному еще иноспранному ученому не полько не опказывали въ dospoinспвахъ, но всегда принимали и принимаютъ ихъ съ великими почестями. Русскіе никогда не были неблагодарны. Испинно ученый вездѣ признается паковымъ. Опказывали и опказываютъ полько лжеученымъ, п. е. пѣмъ, копорые прѣзжаютъ къ намъ съ одними Докпорскими дипломами, безъ Докпорскихъ знаній; въ слѣдспвіе сего послѣдняго обспояпельспва и получаютъ у насъ, вмѣсто Докпора, званіе Лекаря, а иногда, по совершенному недоспапку свѣденій, и совсѣмъ не получаютъ никакого. Подумайтежь сами, Г. Вразумко! Можно ли и должно

ли называють того Доктора ученымъ, копорый едва удостоивается или и совсѣмъ не удостоивается даже Лекарскаго званія? Вы, М. Г. говорите: »какая кому надобность до чужихъ дипломовъ!» Кому? Всѣмъ и каждому, кто живеть въ обществѣ и сохраняетъ постановленія онаго. Иначе всякой бы могъ назвасть себя, какъ кто захощеть. Всякой долженъ носить званіе, данное ему опъ общества, въ копоромъ онъ живеть и числится членомъ; и всякой, кто присвоиваетъ себѣ или не приписываетъ другому законно какое-либо званіе, заслуживаетъ по всей справедливости названіе шарлапана. Заклучу спашью сію о названіи *ученый* пѣтъ, чѣмъ она начаша, только вмѣсто наспоющаго времени употреблю прошедшее: *мы говорили вообще, не касаясь лицъ*. Оговорка сія для меня необходима: ибо я имѣю дѣло съ человекомъ чрезвычайно привязчивымъ, копорый попчасъ, все мною сказанное *вообще*, почпешъ за личное оскорбленіе.

4) *Будто бы я самъ не соблюлъ порядка послѣдовательности въ изложеніи моихъ понятій.*

Въ доказательство сего, вы приводите слѣдующія мои слова: »изложитъ сей предметъ сообразно законамъ мышленія и способу, коимъ пріобрѣтающа познанія о физическихъ предметахъ, значить разсуждашь вопервыхъ о бытности минеральныхъ водъ; во вто-

рыхъ о пѣхъ мѣспныхъ геологическихъ условіяхъ, при коихъ онѣ образуются; въ претпыхъ о физическихъ и химическихъ качествахъ; въ четверпыхъ о способѣ употребленія; въ пяпыхъ о дѣйспвіи ихъ на человѣческое пѣло. « Въ сихъ словахъ вы, М. Г. находите беспорядокъ, и именно въ томъ, что сказанное здѣсь *въ четверпыхъ* должно бы поставитъ послѣ *въ пяпыхъ*. Должно ли, не знаю; а можно, въ этомъ совершенно согласенъ, хотя вы держипесь совсѣмъ пропивнаго мнѣнія, говоря: можно ли употреблять средства, не зная дѣйспвія оныхъ на человѣческое пѣло? Съ эпимъ я не согласенъ. Упверждаю, что можно. Подкрѣпляю свое мнѣніе тѣмъ, что не лзя узнать дѣйспвія средствъ на человѣческое пѣло безъ предварительнаго ихъ употребленія; слѣдовательно употребленіе средствъ предшествуептъ знанію ихъ дѣйспвія. А если пакъ, то въ изложеніи моихъ поняпій наблюденъ почный, еспеспвенный порядокъ, и послѣдовательность, въ каковой пріобрѣтаются свѣденія. Вы же, Г. Вразумко, вопрошаете: гдѣ жъ тутъ порядокъ, послѣдовательность? Перечпите хорошенько мною сказанное, и вы найдете порядокъ, послѣдовательность.

5) *Будто бы я предписываю автору число страницъ.*

Опять неправда. Слова мои: » вѣспо 64

спраниць, съ такимъ жаромъ написанныхъ, могло и должно бы, въ видѣ афористическомъ, изложено бытъ на прехъ, много на чепырехъ спраницахъ, « ни мало не выражаютъ предписанія автору о числѣ спраницъ. Смыслъ ихъ очевиденъ и соспоиптъ въ помъ, что изъ всего того, что написано на 64 спраницахъ, можно выбрапъ дѣльнаго не болѣе, какъ на три, много на чепыре спраницы. Слѣдовательно дѣло идепъ не о предписаніи автору числа спраницъ, а о томъ, что онъ написалъ много ненужнаго и бесполезнаго.

6) *Будто бы критика моя пристрастна.*

Вы, Г. Вразумко, доказываепе это въ разныхъ мѣстахъ своей антикрипики разнообразно. Такъ на пр. » Что это за образцовая крипника? только что повпоряются рѣшителныые приговоры — Крипника ипребуепъ доказательспвъ и доводовъ удовлетворительныхъ, а не восклицаній; это ли называется безприспрастною крипикою? — Приспрастпный разборъ Описанія М. Водъ. «

Начнемъ съ послѣдняго. М. Г. Вы не хопите продолжатъ вашъ опвѣпъ на мой, называемый вами приспрастпнымъ, разборъ, попому что помѣщенныя въ немъ замѣчанія касаются болѣшею частію сочиненія Крейсига, копорый самъ можетъ поспопятъ за себя. Изъ сихъ вашихъ словъ и изъ послѣдующихъ за оными ясно видно, что вы защищаете только Г. Бѣлявскаго, копорый, какъ

будто, не можетъ постоять самъ за себя. Но, М. Г.! мои замѣчанія не касаются никого и ничего, кроме сочиненія Г. Бѣлявскаго, который долженъ и отвѣчать за оное вполне. Не отвѣчать на мои замѣчанія, потому что онъ касается сочиненія Крейсига, и этимъ исключить Г. Бѣлявскаго отъ всякой отвѣтственности въ сочиненіи, поличныхъ трудовъ ему спойвшемъ, значитъ, что не должно совсѣмъ отвѣчать на мою крипику. Ибо Описание Водъ, если разобратъ его по мѣлкимъ частямъ, принадлежитъ разнымъ писателямъ, такъ что Г. Бѣлявскому ничего не останется. Слѣдовательно моя крипика не противъ сочиненія Г. Бѣлявскаго, а противъ тѣхъ сочиненій, изъ которыхъ оно составлено. А если такъ, то для чего вы вступились за Г. Бѣлявскаго, который въ Описаніи Минеральныхъ Водъ участвуетъ только одною спорною механическою или спрадасельною?

Нѣтъ, въ этомъ я съ вами не согласенъ. Г. Бѣлявскій долженъ отвѣчать за свое сочиненіе во всѣхъ отношеніяхъ; если онъ передаетъ чужое, совершенно соглашаясь съ нимъ, то онъ непременно долженъ въ этомъ вполне быть убѣжденъ не знаменитостію писателя, а истинною самаго ученія. И потому, Г. Вразумко, напрасно выставляете вы имя Крейсига, какъ будто могущее защитить то, что мною обнаружено. Точно ли это взято изъ сочиненій Крей-

сига, или другаго, я не знаю и не могу сдѣлать выправку по неимѣнію пеперьъ подѣ руками сихъ сочиненій. Впрочемъ это было бы совершенно излишнимъ, бесполезнымъ трудомъ. Я пеперьъ буду имѣть дѣло съ вами, Г. Вразумко, однимъ, объявившимъ себя присяжнымъ адвокатомъ Г. Бѣлявскаго.

Извольте, М. Г. отвѣчать мнѣ, и отвѣчать порознь на каждое изъ мнѣній, взятыхъ мною изъ сочиненія Г. Бѣлявскаго, которыхъ неосновательность въ моей криптикѣ доказана до очевидной ясности.

I. »Воды сія (п. е. искусственныя) можно пересылать и сохранять цѣлые годы безъ разложенія оныхъ на составныя части; чего нельзя избѣгнутьъ при пересылкѣ и сохраненіи естественныхъ водъ (стр. LXXXVI).

Мнѣніе сіе, *повторяю*, или просто ложное, или пристрастно ложное, находится въ совершенномъ противорѣчій съ сущностію самаго дѣла. Если искусственныя минеральныя воды по составу своему пождесивенны съ естественными; то какъ можетъ быть, что бы однѣ изъ нихъ, при равнымъ условіяхъ, порпились, а другія не претерпѣвали никакого измѣненія? Поистиннѣ дѣло чудное! Сверхъ сего упомянутое мнѣніе противорѣчитъ самымъ фактамъ, доказывающимъ, что привозимыя изъ далекихъ

спранъ воды бывають гораздо лучше искусственныхъ, непосредственно въ заведеніи упопребляемыхъ. Кому угодно сравнить естественную Маріенбадскую воду нынѣшняго привоза съ здѣшнею искусственною Маріенбадскою водою, топъ увидитъ великое пріимущество первой предъ послѣднею: ибо недавній многократный опытъ показалъ, что здѣшнюю воду больные не переносятъ по причинѣ чрезвычайной ея остроты, причиняющей мучительную колику; между тѣмъ какъ тѣже самыя больные выписную воду пьютъ съ большою пользою. Впрочемъ изъ сего факта (замѣтите Г. Вразумко), мы никакъ не намѣрены выводитъ заключенія, будто искусственныя минеральныя воды всегда хуже привозимыхъ естественныхъ; а говоримъ только, что это *бываетъ*; поже самое случается и съ привозимыми, (прошу и это замѣтитъ), по причинѣ или худой закупки, или опъ долгаго времени нахождения ихъ въ бутылкахъ. Слѣдовательно сужденіе наше объ искусственныхъ водахъ гораздо безприсраспнѣ, снисходительнѣ, нежели сужденіе автора о естественныхъ. (Извольте слышать, Г. Вразумко?) При томъ, можно ли приводить въ доказательство неминуемой порчи выпиcываемыхъ водъ то, что » безъ предспорожностей, наполненіе бутылочъ, безъ вліянія кислотвора, окружающаго воздуха, не возможно? « (Г. Вразумко, об-

рашите на это ваше вниманіе). Не ужели возможно, при наполненіи бутылокъ искусственными водами, не соблюдая *предосторожностей*, избавиться опть вліянія окружающаго воздуха? Развъ авпоръ думаетъ, что предоспорожности, необходимо нужныя при наполненіи бутылокъ минеральною водою, могутъ быть единственно и исключительно при искусственныхъ водахъ, и напропивъ не возможны при водахъ естественныхъ? (Почипеннѣйшій Г. Вразумко, прошу васъ доказать сію невозможность). Но такая *дума* его совершенно несправедлива. Въ слѣдствіе сего, выщеприведенное мнѣніе есть мнѣніе не проспозложное, а очевидно приспозпозложное.

Въ семъ видѣ изложилъ я свое мнѣніе опноспительно пересылки и сохранияемости водъ.

Вы же, М. Г., прочитавши часпичку сего мнѣнія и дошедши до моего восклицанія: » поспинъ дѣло чудное! « сами не удержались опть восклицновенія: » опять удивленіе съ восклицаніемъ! « Чудный вы, Г. Вразумко, человекъ; хопите даже, чптобы удивленіе было безъ восклицанія. Вы доказываете возможность пересылки и сохрания цѣлые годы искусственныхъ водъ и невозможность пересылки и сохрания водъ естественныхъ штъмъ, чпто въ заведеніи искусственныхъ водъ есть аппаратъ, изобрѣпенный

Докпоромъ Шпруве, для наполненія бупылокъ. Да развѣ эпо доказательство? Вы Докпоръ, и я Докпоръ. Положимъ, вы Докпоръ - искусственныя воды, а я Докпоръ - естественныя воды. Вы Докпоръ - искусственныя воды ѣздите въ экипажъ; а я Докпоръ - естественныя воды, по вашему мнѣнiю, не могу ѣздить въ экипажъ. Да почемуже? Потому, вы скажете, что у васъ есть аппаратъ — экипажъ. Подумайте хорошенько, не ужели я, Докпоръ - естественныя воды, не могу также имѣть аппарата — экипажа? Но если вамъ непременно хочется употребить ваше доказательство въ опроверженiе моего мнѣнiя и въ защиту вашихъ кліентовъ; то вамъ надобно бы пакъ выразиться: аппаратъ, изобрѣщенный Докпоромъ Шпруве, находится при однихъ только заведенiяхъ искусственныхъ водъ; а при водахъ естественныхъ сего аппарата нѣтъ. Я подаль вамъ мечъ пропивъ себя самага. Но предувѣдомляю васъ, что меч сей обоюдоострый; слѣдовательно пребуешь искусства съ нимъ обхожденiя. Вы его можете употребить только тогда, когда вы совершенно увѣрены, что наполненiе бупылокъ естественными минеральными водами производится совсѣмъ инымъ образомъ, нежели въ заведенiяхъ водъ искусственныхъ.

II. » Болѣзнь, свергая человека въ противоположное состоянiе его естественному бытiю,

силился разрушить гармоническое устройство плъснаго его состава; но природа, возбуждая силы живопаго организма къ пропиводействію, по общему своему закону, сохраняя цълость невредимую, преодолаваепъ и истребляепъ шаковое зло, ш. е. болъзнъ « (с. 33).

Въ семъ періодъ, *повторяю*, довольно не *кру-гломъ*, что ни мысль, по ошибка. Болъзнъ и природа представляюпся какъ два самоспояпельные антагониста, изъ копорыхъ одинъ дъйствуетъ пропивъ челоука, а другой за него. Такое понятіе о болъзни и природъ нимало не объясняепъ сущности ни шой, ни другой, и, какъ ни къ чему не ведущее, давно оставлено врачебною наукою. Върно авторъ забылъ, что мы живемъ не въ XVI или XV столъпіяхъ, а въ 1834 году. Далъе, если природа *преодолаваепъ и истребляепъ болъзнъ*, по къ чемуужъ врачебная наука? И для чего авторъ напрасно упошребилъ семъ лъпъ для своего сочиненія?

О семъ моемъ мнѣніи вы, Г. Вразумко, ни слова не сказали, справедливо ли оно, или нѣпъ. Взяли изъ него только одну мысль, копорою я напоминалъ автору, что мы живемъ въ 1834 году, а не въ XVI или XV столъпіяхъ, и напоминалъ попому, что онъ излагаепъ понятія спарья, давно оставленные. А вы, почпенный Г. Вразумко, повпоряепе по два раза на спрани-

цахъ 356 и 363 вашей ампкриптики мою мысль, для напоминанія мнѣ, что » мало того, чтобы только помнить, по словамъ вашимъ, что мы живемъ не въ XVI и XI (извините, объ XI столѣтіи я ни слова не говорилъ), а въ 1834 году; но надо сверхъ того и умственно ощущать это и слѣдовать за просвѣщеніемъ XIX столѣтія « (Телеск. N 42, с. 363). И чѣмъ же изволили доказывать мое неслѣдованіе за просвѣщеніемъ XIX столѣтія? Тѣмъ, будто я не зналъ досель, что находится особый аппаратъ для наполненія бутылокъ искусственными минеральными водами. Да съ чего жъ вы это взяли? Развѣ въ своей криптикѣ я сказалъ, что въ заведеніи искусственныхъ водъ нѣтъ аппарата? На слова автора: » безъ предосторожностей наполненіе бутылокъ, безъ вліянія кислотофора, окружающаго воздуха, не возможно,« копорыми онъ силится доказать, что искусственныя воды могутъ быть долго сохраняемы, а естественныя нѣтъ, я только сдѣлалъ два слѣдующіе вопроса: не ужели возможно, при наполненіи бутылокъ искусственными водами, не наблюдая *предосторожностей*, избавишься отъ вліянія окружающаго воздуха? и развѣ авторъ думаетъ, что предосторожности, необходимо нужныя при наполненіи бутылокъ минеральною водою, могутъ быть единственно и исключительно при искусственныхъ водахъ,

*

напротивъ не возможны при водахъ естественныхъ? Вамъ бы слѣдовало отвергнуть сіи вопросы и доказать ихъ ложность, а не повторять чужой мысли съ пою уловкою, которую дѣши употребляютъ, когда другъ друга дразнятъ.

III. » Болѣзнь есть вредная и вмѣстѣ гибельная для цѣлости его (т. е. человѣка) бытія причина. «

Если и допустить, *повторяю*, такое опредѣленіе болѣзни, оно все оспается ложнымъ: ибо великое множество болѣзней не *гибельны* для человѣка. Но допустить сего опредѣленія никакимъ образомъ не лзя. Понятіе *болѣзнь* противоположно понятію *здоровья*; здоровье же состоитъ въ цѣлости бытія. По сему можно ли дать слѣдующее опредѣленіе: *здоровье есть полезная и вмѣстѣ не гибельная причина цѣлости бытія человѣка?*..

Г. Вразумко, извольте разобрать хорошенько сіе мнѣніе и доказать онаго несправедливость, а не просто *дивиться* моей логикѣ.

IV. » Никакой человѣкъ въ мірѣ не можетъ обрѣсти спокойствія, счастья, радости и здоровья въ уединеніи « (стр. 58).

Сіе мнѣніе, *повторяю*, противорѣчитъ сказанному авторомъ выше (стр. 34): » съ перемѣною патриархальнаго естественнаго образа

жизни человека на жизнь цивилизованную умножились скорби и болѣзни. « Но и сіе мнѣніе не безошибочно. Что значитъ выраженіе: *патріархальный естественный*? Оно можетъ быть понимаемо двоякимъ образомъ: или *патріархальный естественный*, какъ противоположный патріархальному искусственному; но такъ понимать не лзя, потому что такого раздѣленія патріархальнаго образа жизни фактически не возможно: или какъ противоположный *цивилизованной жизни*. Въ семъ послѣднемъ смыслѣ авторомъ дѣйствительно и употреблено вышесказанное выраженіе; а въ этомъ-то смыслѣ и кроется главная и важная ошибка. Здѣсь видимымъ образомъ авторъ возстае противъ жизни гражданственной, какъ несправедливой. Въ этомъ отношеніи авторъ опчасти сходствуетъ съ Барономъ Брамбеусомъ, укоряющимъ Руссо за то, что имъ самимъ, п. е. Его Баронствомъ одобренія. Бѣдная медицинская наука! Не ужели въ ней должны появляться свои Брамбеусы?

Г. Вразумко! Я требую отъ васъ доказательства противъ изложеннаго теперь мною сужденія. Слова ваши: » это уже слишкомъ ничтожно и не заслуживаетъ отвѣта, « нимало не доказываютъ несправедливости моего сужденія. И слѣдующія ваши слова: » я думаю болѣе, что это мысль Крейсига, которому вѣрно не

нужна защита пропивъ всѣхъ Правдодумокъ на свѣпѣ, « также ни мало не избавляетъ васъ отъ доказательствъ. Вы эту мысль одобряете, защищаете; но непременно, кому бы она первоначально ни принадлежала, вы должны представить причины, по которымъ вы ее одобряете.

V. »Благодѣтельная сила природы распоргаетъ въ пайнѣ узлы болѣзни« (с. 140).

Скажите по чести, Г. Вразумко, хорошо ли это выраженіе? Если находите оное правильнымъ; то докажите, что сказанное о семъ выраженіи въ моей криптикѣ несправедливо.

VI. »Вредныя матеріи усстраняюся изъ пѣла, кромѣ другихъ способовъ, исходящими изъ крови и соковъ жизненными процессами« (спр. 141).

Ума не приложимъ, *повторяю*, что значатъ сіи жизненные процессы.

Г. Вразумко, вамъ это слѣдуетъ объяснить, и вы не можете отказать, потому что приняли на себя обязанность *вразумлять* другихъ.

VII. »Лучь воды различной толщины.«

Сіе выраженіе, *сказалъ я* и теперь *говорю*, слишкомъ смѣло и весьма неспешивно.

Поброуйте доказать противное, Г. Вразумко.

VIII. »Вдыханія газа должно избѣгать съ опасеніемъ, потому что оно можетъ вредить жизни« (с. 175).

По причинѣ, авторомъ данной, *повторяю* должно избѣгать вдыханія газа не только съ опасеніемъ, а напропивъ, *безъ* всякаго опасенія, *непрелмьнно*, должно избѣгать.

На это, какъ не споль важное, можете Г. Вразумко, и не опвѣчать.

IX. » Тѣло съ его живыми соками. «

А развѣ естъ еще, *повторяю*, мершвые въ живомъ пѣлѣ соки?

Эту спашейкѣ прошу не оспавить безъ опвѣта.

X. » Пропивится врачеванію и цѣлипельной силѣ минеральной воды упорство болѣзни, которое, подобно дереву, не упадающему по первому удару топора, шребуешъ повпоренныхъ опыповъ (с. 189).

Какое прекрасное, *повторяю*, уподобленіе! Видно, что авторъ знакомъ съ пропами и фигурами, коими, очень замѣпно, любитъ щеголять.

Хороша ли уподобленіе, или нехорошо, эпювамъ располкуютъ рипоры. Сами не шрудитесь.

XI. » Тщешно спараешся онъ (шопъ) преодолѣшь пѣлесныя мученія свои, если онъ (кпо) не въ состояніи смягчить внутреннюю причину оныхъ, спокойствіе души. « (с. 191).

Какъ поняшь, *снова вопрошаю*, смыслъ этихъ словъ? Иначе не лзя, какъ приведеніемъ ихъ въ

слѣдующій правильный грамматическій порядокъ: внутренняя причина пѣлесныхъ мученій есть спокойствіе души. Неумолимая Грамматика! Недаромъ многіе писатели счипають тебя своимъ заклятымъ непріателемъ! Ты открыла въ словахъ автора смыслъ, которій имѣеть совершенное сходство съ безсмысліемъ. Дѣйствительно, какъ можетъ статься, чтобы спокойствіе души могло быть внутреннею причиною пѣлесныхъ мученій, или на оборотъ, чтобы пѣлесныя мученія могли быть причиною спокойствія души? Ужъ не въ этомъ ли состоитъ » свѣтъ Германскаго просвѣщенія, всѣ изъясненія великихъ умовъ и долговременный опытъ многихъ тысячъ геніальныхъ мужей? « Избави насъ Господи отъ такога Германскаго свѣта! Онъ гораздо хуже Русской тьмы. Жаль бѣднаго автора, которій такъ прельстился симъ свѣтомъ, что, вѣроятно въ энтузіазмѣ, счелъ и себя самаго Нѣмцемъ; къ сему послѣднему заключенію привели насъ слова автора (стр. 48, ч. I): » нашего Гауга, сего Горация Германіи. « Теперь и мы можемъ похвалиться геніальностію Русскаго ума, которій сумѣлъ открыть причину, почему авторъ превозноситъ Германцевъ, кто бы они и гдѣ бы они ни были.

Священнымъ именемъ науки пребую отъ васъ, Г. Вразумко, чтобы вы доказали ложность

моего сужденія. Слова ваши: »напрасно кришикъ такъ часпо заботится о репутаціи, свѣденіяхъ и искусствѣ автора сей спатъи Дра Крейсига, « никакъ не могушь доказать, что миѣніе, въ которомъ открыта мною совершенная безсмыслица, содержитъ въ себѣ здравый смыслъ.

ХII. »По волѣ врачей полпа многолюдства (!!) проводятъ время при минеральныхъ водахъ, почно какъ при священной купели. « (с. 192).

Авторъ, *повторяю*, весьма ошибается. Больные ѣздятъ къ минеральнымъ водамъ по причинѣ своихъ болѣзней и по собственнѣйшей волѣ, а не по волѣ врачей! Врачъ въ семъ случаѣ участвуетъ совсѣмъ не волею, а однимъ своимъ совѣпомъ, которому не рѣдко воля больныхъ и не слѣдуетъ.

Подумайте, Г. Вразумко, объ этомъ хорошенько.

ХIII. »(Истинная слабость) не составляетъ первоначальной и существенной причины ни одной болѣзни. « (Ч. II, стр. 27).

Мы, *повторяю*, совершенно увѣрены въ пропивномъ, и припомъ такъ, что истинная слабость и сама есть болѣзнь и служитъ причиною многихъ болѣзней.

Г. Докторъ! Честь вашего Докторства обязываетъ васъ разсмотрѣть это дѣло со все-

возможною почностію и доказапъ пропивное мною утверждаемому.

XIV. » Дѣчипъ значипъ воспановляпъ согласіе между жизнію цѣлаго тѣла и его самого, иля жизнію нѣкопорыхъ органовъ въ особенностп. « (с. 27).

Жизнь цѣлаго тѣла, повпоряю, жизнь сама, жизнь нѣкоторыхъ органовъ! Несогласіе всѣхъ снхъ жнзней еспъ болѣзнь! Съ такимъ опредѣленіемъ болѣзни далеко не уѣдешъ, какъ говорпся. Сверхъ сего, жизнь цѣлаго тѣла и жизнь нѣкоторыхъ органовъ—эпо еще можно поняпъ. Но что значипъ жизнь сама?..

Прибѣгаю къ вамъ, Г. Вразумко! вразумпте и научпте.

XV. » Дѣченіе болѣзней соспоипъ въ направленіи дѣяпельностп природы къ испочнику болѣзни. Такъ мы поддерживаемъ бандажемъ часпн, выпѣсненныя изъ своего мѣспа, когда онѣ производяпъ спазмы « (с. 27).

Повторяю. Разберемъ сей примѣръ. Часпн выпѣсненныя изъ своего мѣспа, когда онѣ производяпъ спазмы, супъ испочникъ болѣзни; спазмы еспъ самая болѣзнь; а поддерживаніе часпей бандажемъ еспъ направленіе дѣяпельностп природы къ испочнику болѣзни. Одынъ эпопъ примѣръ показываепъ; какъ силенъ авторъ во врачебной наукѣ, какъ искусенъ въ вы-

боръ примѣровъ для доказательства своихъ мнѣній и какъ у него чиста и свѣпла логика!

Г. Вразумко не забудьте и эпого.

XVI » Лѣченіе состоитъ въ приведеніи пѣла въ гармонію съ нимъ самимъ « (с. 28).

Эпого располковавъ, *повторяю*, мы никакъ не можемъ. Гармонія и дисгармонія, въ собственномъ смыслѣ, могутъ быть только между нѣсколькими различными звуками, а въ переносномъ, между различными дѣйствіями. Одинъ же звукъ никакъ не можетъ быть въ дисгармоніи съ самимъ собою. Должно сказать по же самое о гармоніи и дисгармоніи и въ переносномъ значеніи.

Вспомните и эпо, Г. Вразумко.

Сверхъ того вамъ должно отвѣчать на сдѣланные мною слѣдующіе вопросы: Скажите, кпо доказаль *живой составъ водъ*? Возможно ли излѣчивавъ *неизлѣчимыя* болѣзни? Могутъ ли воды естественныя, какого бы рода онѣ ни были и въ какой бы степени болѣзни ни употреблялись, производить *удотворенія*? Кпо доказаль, чпо сѣра имѣетъ качество *раздражимое*, и кпо ее когда-либо раздражалъ? Кпо доказаль, чпо чесоточная зараза бываетъ *мертвая и живая*? Кпо изъ носологовъ называетъ хроническій ревмапизмъ *простудною лихорадкою, кашлемъ и насморкомъ, простуднымъ и носомъ*? Кпо переводиль апогехія ху-

дълъ аппетитомъ, а dysorexia совершенного потерю онаго? Кто различалъ пѣлосложеніе черножелчное опть. темпераментна меланхолическаго (п. е. черножелчнаго) и называлъ caries ossium разстроєніемъ костей? На сіи вопросы, говорю вамъ, должно отвѣчать и отвѣчать утвердительно, п. е. пропивоположно моему объ нихъ мнѣнію.

7) Будто бы критика моя состоитъ изъ однихъ приговоровъ, безъ удовлетворительныхъ доказательствъ.

Я не знаю, право, что сдѣлалось съ вами, Г. Вразумко. Приведенныя мною шестнадцать мѣстъ изъ сочиненія Г. Бѣлявскаго, съ дипломатическою точностію, ясно показываютъ, что критика моя не состоитъ изъ однихъ приговоровъ. Какъ вы можете говорить, что критика моя безъ удовлетворительныхъ доказательствъ, тогда какъ вы ни одного изъ приведенныхъ мною доказательствъ не разбирали? Счастъ что-либо неудовлетворительнымъ, надобно имѣть достаточную для сего причину. Представьте сію причину, я оцль васъ пребую.

8) Будто бы я говорю, что сравненія Дра Крейѣига ничтожны и познанія въ Медицину ложны.

Этого въ моей критикѣ ни гдѣ не сказано; и попому я имѣю полное право рѣшительно

вамъ сказаць: вы, сударь, на меня взводите напраслину. Слова мои: » что это за теорія! Боже упаси! « въ вашей антикрипикѣ повторенныя при, если не четыре раза, конечно нѣсколько жестки; не менѣе того сія теорія, не смотря на знаменитую ученость ея автора, имѣеть большіе недостатки. Объ этомъ я буду имѣть честь представить особое сужденіе, которое, по причинѣ обширности своей, въ теперешнемъ моемъ оповѣствѣ изложено быть не можетъ.

9) *Будто бы я однимъ почеркомъ пера лишаю Крейсига здравомыслія.*

Это еще большая напраслина. Слова мои: » *извольте судить о логикѣ автора,* « совсѣмъ не значать, что авторъ не имѣеть здравомыслія. Сими словами я только опказываюсь опъ сужденія о логикѣ автора, а предоставляю другимъ: » *извольте судить.* « При томъ мнѣніе, относительного котораго я сказалъ: » *извольте сами судить о логикѣ автора,* « взято изъ прешней главы I части, о которой Г. Бѣлявскій не сказалъ, что она вся принадлежитъ также Крейсигу. Слѣдовательно, если бы слова мои: » *извольте судить о логикѣ автора,* « заключали даже въ себѣ смыслъ, что авторъ не имѣеть здравомыслія, чего однако, по вышеприведенной мною причинѣ подъ ними разумѣть не лзя: то и тогда ихъ не лзя отнести къ Крейсигу, а къ кому-либо другому.

10) *Будто бы я самопроизвольно разбираю значеніе словъ.*

Извольте, Г. Вразумко, доказать эпю самопроизвольность, и доказать сообразно этимологическому происхожденію и общепринятому значенію словъ.

11) *Будто я враждую не только противъ здраваго разсудка, но и противъ общественной пользы.*

Въ доказательство сего вашего мнѣнія, вы, Г. Вразумко, приводите мои слова: » доказывають пользу водъ минеральныхъ, и припомъ врачамъ, значить доказывають пользу врачебной науки и пр.« Нѣтъ, М. Г. » И проч.« .. Симъ сужденіе мое не оканчивается. Вамъ вѣрно недосугъ было прочесть далѣе; извольте я вамъ покажу. Въспомо »и проч.« должно читать: » А доказывають пользу сей послѣдней, значить доказывають, что дважды два четыре, а не три. Дополъ можно сомнѣваться въ полезности водъ, пока не опкрываютъ ихъ составъ. Ежели же врачъ знаетъ физико-химическія свойства той или другой минеральной воды; по напередъ уже можетъ опредѣлить ея дѣйствіе: ибо минеральныя частицы, содержащіяся растворенными въ минеральныхъ источникахъ, съ давнихъ временъ извѣстны во врачебной наукѣ. Желѣзо, щелочь, соли, сѣра, употребляемыя сполько вѣковъ, и одѣ и въ

соединеніи съ другими лечебными веществами, оказывали и теперь оказываютъ поже дѣйствіе, каковое дѣйствіе ихъ обнаруживается и въ минеральныхъ желѣзистыхъ, щелочистыхъ, соляныхъ и сѣрныхъ водахъ; только дѣйствіе сихъ веществъ, по причинѣ упорченности, въ минеральныхъ водахъ гораздо проникательнѣе. Впрочемъ, не смотря на несомнѣнную, видимую пользу минеральныхъ водъ, можно разсуждать объ ихъ пользѣ, п. е. можно изчислять пѣ выгоды, которыя отъ ихъ употребленія происходятъ. « Вотъ въ моей криптикѣ что сказано; и сверхъ сего, въ короткихъ словахъ, изложено все содержаніе III главы, въ которой относительно пользы минеральныхъ водъ сказано только: *» минеральныя воды полезны, или излѣчиваются многія болѣзни; цѣль употребленія ихъ есть излѣченіе, или уменьшеніе болѣзни. «*

Минеральныя воды полезны. Говоря о пользѣ водъ этого мало сказать. Также недоспапочно если прибавимъ: *или излѣчиваются многія болѣзни.* Автору можно, какъ я сказалъ, а теперь скажу, должно было изчислить пѣ выгоды, которыя отъ ихъ употребленія происходятъ; этого-то онъ и не сдѣлалъ. Также разсуждая о цѣли употребленія минеральныхъ водъ, авторъ сказалъ только: *» цѣль употребленія ихъ есть излѣченіе или уменьшеніе бо-*

лѣзни. « Да развѣ можетъ быть другая какая-либо цѣль употребленія врачебнаго вещества въ болѣзняхъ, кромѣ излѣченія или уменьшенія ихъ?»

Гдѣ же, М. Г., враждованіе мое пропивъ здраваго разсудка и пропивъ общественной пользы?

(окончаніе слѣдуетъ).

МОСКВА. ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. СТЕПАНОВА.

Печатать позволяется, Москва, Декабря 21 дня, 1834 года.

Ценсоръ А. Болдыревъ.

ТЕЛЕСКОПЪ.

XXIV.

ЗНАМЕНИТЫЕ СОВРЕМЕННОИКИ.

БАЛЬЗАКЪ.

(окончаніе).

ИСКАНІЕ АБСОЛЮТА (RECHERCHE DE L'ABSOLUT), послѣднее произведеніе Бальзака, не естъ лучшій изъ его романовъ: но, при всей баснословности и невѣроятности обшояпельствъ, эта исторія имѣетъ въ себѣ много движенія, инпереса, и въ ней особенно можно изучать манеру авпора, его характеръ и недоспапки. Г. Балпазаръ Клаэсъ, соединяющій богатства спарин-

ТЕЛЕСК. XXIV. 43

ной Фландріи съ высшимъ Испанскимъ дворянствомъ, живешъ въ Дуэ, въ домѣ, гдѣ накоплены всѣ наслѣдственныя чудеса спарыхъ капиталныхъ домовъ. Будучи молодъ, онъ пріѣхалъ въ Парижъ, около 1783 года, гдѣ былъ введенъ въ лучшія общества, къ Гжѣ д'Эгмонъ, къ Гельвецію, котораго, замѣтимъ мимоходомъ, въ то время давно ужъ не было на свѣтѣ; но что за нужды до анахронизма? Онъ даже учился Химіи у Лавуазье, и удалился опъ вихря свѣта полько для того, чпобъ жениться на Дѣвицѣ де Темненкѣ, съ коей наслаждался продолжительнымъ, невозмущаемымъ счастіемъ. Но съ 1809 года, образъ жизни Балпазара началъ постепенно измѣняться; какая-то тайная сипраспъ овладѣваешъ имъ и вскорѣ опрываетъ его опъ всего, опъ общества, опъ шюльпановъ, даже опъ наслажденій семейственныхъ, копорыми упивался онъ съ такимъ добродушіемъ. Онъ дѣлаешъ химикомъ; его прежнія занятія у Лавуазье получаютъ для него снова всю прелесть; одинъ Польскій офицеръ, проѣзжавшій черезъ Дуэ и имѣвшій случай поговорить съ Балпазаромъ, произвелъ въ немъ эпю внезапную перемѣну. Бальзакъ, кажется, думаешъ, что опъ уроковъ Лавуазье до приспраспія къ алхиміи одинъ лишь шагъ, погда какъ между ними цѣлая пропасть; эпю тоже, что сдѣлаешъ аспрологомъ, бывъ ученикомъ Лапласа. Какъ

бы по ни было, Клаэсъ, съ эпой минушы, пускается опыскивать *абсолютъ* по еспъ пайну превращенія мепалмовъ въ золото; спрасъ его доходитъ до оспервенѣнїя; онъ убиваетъ съ печали свою жену; раззоряется, или по крайней мѣрѣ подвергается опасности раззориться, еслибъ воображеніе романиста не пополняло безпрестанно его сокровищъ, переплавливаемыхъ въ химическомъ горну, и еслибъ старшая дочь Клаэса не являлась вѣ время къ нему на помощь, при каждомъ бѣдспвіи, подобно благодѣтельной феѣ. Впрочемъ эпопѣ *домъ Клаэсовъ* настоящій золотой рудникъ, и авпоръ, съ самага начала, собралъ въ немъ всѣ сокровища, которыми такъ щедро посыпаетъ въ прочихъ своихъ романахъ. Если, въ Балъ въ Мѣстечкѣ Со, милліонныя наслѣдства ему ни по чемъ; если, въ Холостякахъ, драгоценныя карпины Валентина и Лебрѣня оказываются такъ кспапи межъ имущесствомъ Каноника Шаплу, чптобы пособить развязкѣ; все эпо бездѣлка и пуспяки въ сравненіи съ несмѣпными сокровищами эпихъ палатъ, достойныхъ Тысячи Одной Ночи, эпого дома Клаэсовъ. Здѣсь собрано все: и карпины знаменитыхъ художниковъ, и рѣдкіе драгоценные цвѣпты, и мебель изъ чернаго дерева, и рѣзба достойная Соломона. Въ самыхъ брусьяхъ и балкахъ скрывается золото: золото *плыпится и кипитъ* въ

эпомъ домѣ, по выраженію упоеннаго романиста, такъ какъ кружево *кипитъ* вокругъ длинной пелеринки Гжи Клаэсъ. Посреди эпихъ сокровищъ, безразсудно превращаемыхъ въ дымъ и пепель, Балпазаръ Клаэсъ, увѣренный, что, преслѣдуя таинственную цѣль Николая Фламеля и Арнольда де Вильнёвъ, идетъ на равнѣ съ современнымъ ходомъ знанія, ежеминутно провозглашается гениальнымъ человекомъ, и его безразсудные поступки, сопровождаемые безжалостною жестокостью къ своему семейству, выспавляюся какъ неизбежныя слѣдствія раздора, въ коемъ всякой высокой умъ находится со всѣмъ его окружающимъ. Бальзакъ также распочипеленъ на пшутулы генія для своихъ лицъ, какъ и на сокровища, коими ихъ надѣляетъ: у него нѣтъ середины между геніемъ и соединеніемъ всѣхъ недоспапковъ. Весьма часто встрѣчаюся у него сентенціи въ родѣ слѣдующей, высказанной въ *Холостякахъ*: »Только гениальный человекъ или инпригантъ можетъ сказать себѣ: я поступилъ не такъ!« Въ *Искани Абсолюта*, съ первыхъ главъ, говоритъся о Клаэсъ: »Люди умные переменчивы, какъ барометры; одинъ геній существенно хорошъ.« Но надо сознаваться, что между всѣми эпими химерами алхимика и романиста, которыя кажется соспавляюптъ одно, замѣчательнѣйшее зрѣлище представляетъ

ненасыпная жадность адепта, эта огненная, неизлѣчимая горячка, поддерживаемая какимъ-то заколдованнымъ суевѣріемъ. Слыша похвалы его генію, невольно выходишь изъ терпѣнія; это просто сумасшедшій; опъ сердца винишь слабость его домашнихъ, за чѣмъ они не запруть его; дрожишь, когда старшая дочь, дабы опорвать его отъ лабораторіи, выхлопотала ему мѣсто главнаго казначея въ Брепани; мнешь спранию въ рукахъ, и снова возвращаешься къ несчастному; чувствуешь себя невольно провупымъ, увлеченнымъ, невольно наклоняешься и заглядываешь съ участіемъ въ сію ненасыпную бездну. Какая спранныя и противорѣчащая смѣсь этихъ сценъ невѣроятнаго сумасшества и бѣшенства, съ семейными, часпо такъ умѣлипельными, сценами! Гжа Клаэсъ есть одна изъ тѣхъ женщинъ, къ коимъ романисты имѣють особенное предрасположеніе: дурная, почпи уродливая, и между тѣмъ очаровательная, сороколѣпная женщина, которая все молодѣеть, все спановится любезнѣе и любезнѣе. Сколько чистпельницъ, любуясь на этопъ порптретъ, чувствуюптъ пайное самодовольствіе, какъ будпо магнетизируются авпоромъ! Это лице Гжи Клаэсъ, въ коемъ Бальзакъ также небережно соринетъ *магнетическими изліянїями и влажными фигурами, рисующимися во взорахъ, какъ въ порптретѣ Балпазара пожирающими идея-*

ми, дистиллирующимися въ плъшивомъ лбѣ, объясняетъ для меня порпременный спиль Ванлоо и другихъ живописцевъ, у которыхъ прелесныя и исполненныя понкости подробности соединяются съ несносно-яркою манерою, не имѣющею ни почности, ни твердости, ни скромности.» Женщины, обиженныя наружносью, но одаренныя умомъ или прекрасною душою, говоритъ Бальзакъ по поводу своей безобразной героини, обнаруживающъ отличнй вкусъ въ своемъ туалетѣ. Онѣ или одѣваются просто, понимая, что ихъ прелестъ должна быть вся нравственная; или умѣютъ заспавить позабыть неправильность своихъ пропорцій особымъ изяществомъ подробностей костюма, который приятно улаждаетъ взоръ и занимаетъ душу.» Не возможно сдѣлать деликатнѣе замѣчанія и высказать его лучше. Гжа Клаэсъ спановится прогательною съ тѣхъ поръ, когда, видя, что мужъ ее оставляетъ, и не понимая тому причины, ожидаетъ возвращенія его привязанности и каждый вечеръ говоритъ сама себѣ: это вѣрно будетъ завтра! считая свое счастье какъ будто отсутствующимъ.» Но съ тѣмъ вмѣстѣ невольно оскорбляютъ безпрестанно повторяемые, слишкомъ уже прямые намеки на пайны алькова и на брачныя подробности, довольно непрятныя, напоминающія теоретика Физіологіи Супружества.

Послѣдній романъ Бальзака подалъ намъ поводъ прочесть одну брошюрку, копорой предметъ пошъ же самый, но копорая содержишь въ себѣ исторію справедливую и весьма недавнюю. Нѣтъ сомнѣнія, что еслибъ Бальзакъ зналъ напередъ это маленькое сочиненьице, онъ бы поостерегся класить на свою книгу шпемпель дѣйствительности, копорой именно не достаесть ей, и не спалъ бы ручаться за достоверность многихъ *погми*, копорыя совершенно ложны. Одинъ алхимикъ нашихъ дней (ибо въ наши дни естъ еще порядочное количество алхимиковъ, скрывающихся памъ и сямъ), одинъ алхимикъ, говорю, въ 1832 году, напечаталъ у Феликса Локеня, на улицѣ Нотр-Дамъ-де-Викшуаръ, рассказъ о претерпѣнныхъ имъ бѣдспвіяхъ и объ открытіи вознаградившемъ его за оныя, подъ именемъ Открытаго Гермеса (HERMÈS DÉVOILÉ). Авпоръ, копорый не называесть себя по имени, очевидно человекъ добрый, чувствительный, простодушный, искренній, проникнутый истиною того, что рассказы-ваесть. Вотъ начало его повѣспвованія: » Небо допустило меня найти философскій камень, копорого я искалъ тридцать семь лѣтъ проводя безъ сна по крайней мѣрѣ полторы тысячи ночей, испытавъ безчисленныя бѣдспвія и невознаградимыя потери, и я считаю долгомъ представить юношесству, надеждѣ своего опечесства,

раздирающую карпину моей жизни, дабы она послужила для него урокомъ и вмѣстѣ отвратила его отъ искусства, « и пр. Въ самомъ дѣлѣ, добродушный алхимикъ, хопя и нашелъ вождельнную пайну, въ самомъ поржеспвѣ своемъ сохраняетъ споль глубокое чувство своихъ прошедшихъ страданій, что отъ всей души желаетъ отвратить молодыхъ людей отъ опасностей сей герметической мудрости, излагая весьма темно ея таинства. Опыты его, бѣднаго, были такъ горьки: Бернаръ де Палисси въ свое время не испыталъ плачевнѣе бѣдствій. Въ молодости женись и сдѣлавшись отцомъ многочисленнаго семейства, алхимикъ, называющій себя злополучнымъ Си***, распочаетъ приданое своей жены, видипть всѣхъ дѣтей своихъ умирающими отъ нищеты и горя; но во всѣхъ сихъ бѣдствіяхъ, окружающихъ его, принимаетъ участіе гораздо нѣжнѣе и дѣяпельнѣе, чѣмъ Клаэсъ; и это чувство благорасположенія къ людямъ, это чувство сосипраданія и приверженности къ своимъ, соединенное съ споль упорнымъ исканельствомъ, есть весьма характерисническая и натуральная черпа, которая не была угадана Бальзакомъ. Каждая спрочка эпой брошюрки показываетъ пруженика, долго заключеннаго въ совершенномъ опшельничествѣ отъ свѣта, въ прѣстодушномъ невѣденіи обо всемъ, что дѣлается

вокругъ его, въ нѣкопоромахъ родѣ дѣтства. Самое прогапельное и самое неподражаемое мѣсто его сказа естъ то, гдѣ онъ повѣствуетъ о своемъ откритіи и описываетъ неслыханныя ощущенія, возмывавшія его въ ту мину-ту, какъ ртуть, въ глазахъ его, блеснула чистымъ золопомъ. » О какъ жива, какъ велика
» была моя радость! Я былъ внѣ себя, какъ
» Пигмаліонъ, бросился на колѣна, чтобы со-
» зерцать свое произведеніе и благодарить Пре-
» вѣчнаго. Попокъ слезъ хлынулъ изъ глазъ
» моихъ: о какъ сладки были эти слезы! какъ
» облегчили онѣ мое сердце! Не лзя изобра-
» зить все, что я тогда чувствовалъ, положеніе,
» въ копоромъ я находился. Множество мыслей
» помпилось у меня въ головѣ: одна влекла
» меня явиться немедленно къ Королю и сооб-
» общить о сдѣланномъ откритіи; другая, надѣ-
» лась столько золопа, чтобы учредить разные
» заведенія въ городѣ, гдѣ я родился; третья, вы-
» дала въ попь же день столько дѣвушекъ за
» мужъ, сколько въ Парижѣ кварпаловъ; чет-
» вертая, доставляла свѣденія о несчастныхъ, ко-
» рые стыдяпся своего злополучія, и иппи са-
» мому въ жилища ихъ съ нужными пособіями.
» Наконецъ я спалъ бояться, чтобы не сойти
» съ ума отъ радости. Я почувствовалъ необ-
» ходимость сдѣлать себѣ насиліе и успокоить
» себя продолжительнымъ движеніемъ, прогули-

» ваясь по полю, что и дѣлалъ въ продолженіе
» осьми дней сряду. Мало проходило часовъ,
» чтобъ я не снималъ шляпу, и поднося
» глаза къ небу, не возсылалъ благодареній
» за ниспосланное благодѣяніе, проливая
» обильныя слезы. Наконецъ успѣлъ я успокоить
» себя и почувствовалъ, какой опасности
» подвергнутъ меня всѣ подобныя поступки. Почему,
» размысливъ зрѣло, рѣшился жить въ
» прежней неизвѣстности и ограничить свое честолюбіе
» тайными благопвореніями, не выказывая себя.»
Открытіе сдѣлано было алхимикомъ въ великій четвергъ 1831 года, въ десять часовъ семь минутъ утра; онъ замѣтилъ этотъ день и часъ, какъ Пепаркъ и Дантъ замѣтили благословенныя мгновенія, когда явились имъ кумиры души ихъ; страница, написанная нами теперь изъ рассказа добраго алхимика, напоминаетъ своимъ просподушнымъ упоеніемъ извѣстныя мѣста изъ *Vita Nuova*. Алхимикъ опложилъ пробу своего открытія передъ женой до понедѣльника Пасхи; онъ запасся лавровой вѣткой и спелемъ иммортели, чтобы достойно возвѣститъ ей свое счастье; все это заключеніе представляетъ семейственную сцену, исполненную умилительной проспоты; дѣйствительность торжествуетъ надъ романомъ. Обладатель дивнаго секрета жилъ не долго, разливая впайнѣ благодѣянія и

памятуя о доперпѣнныхъ имъ бѣдствіяхъ. Какой прекрасный урокъ для всѣхъ нашихъ поэтовъ, романистовъ и людей! Счастливъ, кпо, посреди шажкихъ прудовъ своей жизни, во глубинѣ ихъ, успѣлъ произвести нѣсколько чистаго золота! Пусть онъ удовольствуется своимъ жребіемъ и возсылаетъ къ небу искреннія благодаренія!

(REVUE DE DEUX MONDES)_a

XXV.

ПАВЕЛЪ ГЮБЕРЪ.

БЫЛЬ.

(Евгенія Гино.)

Гапской дилижансъ вѣзжалъ въ Маноку. Кондукпоръ обращался къ двумъ своимъ лошадямъ со всею распочительностію энергическихъ поговорокъ, копорая такъ свойственна жипелямъ полудня; свиспъ его бича дѣлалъ согласный аккомпаниментъ съ его бранью, и лошади тащили экипажъ съ опчаянною покорностію своей судьбѣ. Бѣдныя твари, испощенныя усталоспію, облипшыя потомъ, бѣжали повѣсивъ голову; ихъ сухощавые бока были покрыпы слоемъ пыли, по которому удары кнуша нарѣзали многочисленныя полосы. Эпо было жалкое зрѣлище,

но вѣроятно не для кондуктора, прекращавшаго свою музыку и краснорѣчіе только для того, чтобы посмотреть на огромные серебряные часы, запряпанные въ карманѣ его бархатнаго жилета и прицѣпленные къ шеѣ понкой косичкой изъ темныхъ волосъ. Такая чувствительная эмблема странно противорѣчила жесткимъ приемамъ и всей грубой наружности Провансальца. Однакожъ, каковъ онъ ни былъ, съ своей взбитой, курчавой головой, смуглымъ лицомъ и толстой шеей, кондукторъ Клавдій Бонпу, слывъ за молодого человѣка, которому прекрасный полъ гостинницъ не могъ пропивиться; вся страна отъ Марсели до Бріансона была полна славою его любовныхъ приключеній. Море и Альпы могли одни только ограничить собою поприще счастливыхъ походовъ Г. Клавдія. И такъ намъ позволено предположить, что не даромъ и не для одного удовольствія загнать своихъ клячь, онъ заспавлялъ ихъ бѣжапіи рысью съ такою поразительною непреклонностью. Любовь конечно была въ часпіи въ послѣдності кондуктора. Когда при поворотѣ дороги показались первые домики мѣстечка, лице Клавдія, сморщенное неперпѣніемъ, расправилось; его африканскія губы распустились на подобіе улыбки; онъ просвисталъ нѣсколько веселыхъ нотъ и бичъ его шумно прорѣзалъ воздухъ. Лошади, почуявъ жилье, уско-

рили бѣгъ безъ понужденія, и, повернувъ на лѣво сами собою, по инстинкту эгоизма, остановились, задыхаясь, у дверейъ гостинницы.

Городокъ Манока выстроены на холмикѣ подлѣ Дюрансы. Стѣны, его опоясывающія, открыты съ чепырехъ споронъ зубчатыми воротами; онѣ какъ бесполезное, старое оружіе нынѣ заброшены, но еще напоминаютъ собой военную жизнь Маноки, которую Римляне поставили часовымъ у подножія Лоберона, чтобы окликалъ Аллобруговъ. Не одинъ разъ Манока подавала тревогу легионамъ, охранявшимъ Секстія въ теплицахъ Ахеа. Позже, она имѣла дѣло съ Сарацинами, которые ее опустошили, и послѣ того часно подвергалась разоренію во время мелкихъ междоусобныхъ войнъ, изъ коихъ сохранила вся исторія среднихъ вѣковъ. Нынѣ мирная и незначительная, она даже не заботится подбирать камни, кои время вырываетъ изъ ея пояса; ея отворенныя и беззащитныя ворота сперегнутся одними полицейскими: она содержитъ гарнизонъ только для взиманія косвенныхъ налоговъ.

Но возвратимся къ нашему дилижансу, остановившемуся у гостинницы предмѣстія Маноки, лучшей во всей окрестности, хотя построенной и внѣ стѣнъ города. Эпопъ домикъ, полугородскій и полу-деревенскій, скромно возвы-

шался въ два эпажа, съ фасадомъ выкрашеннымъ желпою краскою съ черными шахматными полосками; остальныя части его не разнорѣчили съ цѣлымъ; крышка кирпичная, спавни зеленые, широкая дверь съ пыльнымъ порогомъ и прекрасныя шелковичныя деревья, служащія для ней словно навѣсомъ, покрывавшія своей пѣнью двѣ скамьи, на коихъ опдыхаютъ прохожіе немѣющіе возможности заходить въ гостиницу; ибо этотъ домикъ гостепріименъ также внупри какъ и внѣ, для богатаго, равно какъ для бѣднаго. Надъ дверью деревянная вывѣска выспавлена какъ знамя. Много гостиницъ въ Провансѣ, копорыя вмѣсто вывѣски имѣютъ какую-нибудь старую церковную картину, писанную, можетъ быть, самимъ Королемъ Рене, врододушныя произведенія живониси, возбуждающія набожность богомольцевъ. Здѣсь картина представляла мученичество Св. Лаврентія. Краски на ней почти сперлись; свяпый совершенно исчезъ, и видѣлась одна только раскаленная рѣшетка, и палачъ, раздувающій огонь, съ мѣхомъ въ рукахъ.

Тракирщикъ гостиницы Св. Лаврентія вышелъ изъ дома при спукѣ кареты; какъ скоро она показалаь, его взглядъ погрузился въ нее, и когда лошади, ее тащившія, остановились и кондукторъ спрыгнулъ съ козелъ, онъ съ поспѣшностію подбѣжалъ къ опворившейся двер-

цѣ, и сперва пропустилъ нѣсколько кресьянъ одѣтыхъ въ блузы, у которыхъ весь багажъ подъ мышкой, потомъ путешественниковъ скромныхъ и дѣловыхъ, ѣдущихъ на торгъ или по дѣламъ къ прокурору, и не останавливающихся въ гостинницѣ Св. Лавренція, которая для нихъ слишкомъ дорога. Всѣ эти добрые люди были изъ окрестности и ласково кланялись практицику, который охотно обошелся бы безъ этихъ вѣжливостей и съ удовольствіемъ промѣнялъ бы всѣ ихъ на нахальство какого-нибудь важнаго путешественника, грубо пребывающаго ужина и ночлега. И такъ практицикъ дѣлалъ жалкую мину, стоя передъ путешественниками выходящими изъ дилижанса, какъ молодой человекъ, одѣтый франтовски и хорошей собою, вышелъ послѣдній, перепрыгнулъ подножку, помогъ Клавдію взять полсѣтый чемоданъ и вошелъ въ гостинницу, напѣвая пѣсню.

Первая комната въ гостинницѣ была кухня. Люблю я книги безъ предисловія, гдѣ съ перваго скачка видишь себя прямо въ сердцѣ предмета, и ничего не знаю плѣнительнѣе и любезнѣе кухни въ гостинницѣ, съ длиннымъ посрединѣ споломъ, кругомъ обставленную буфетами и полками, гдѣ блещетъ олово и фаянсъ окрашенный голубою краскою; потомъ въ углубленіи, каминъ съ широкимъ успѣемъ, гдѣ такъ сладко сидѣть, положивъ ноги въ золу,

передъ сверкающимъ и переливнымъ пламенемъ хвороста; эпопѣ каминь составляетъ всегда родъ музеума въ домѣ; на немъ благоговѣнно выставляють все, что кочующія искусства заносятъ въ окошечко; вы всегда найдете на немъ разные бюсты и попугаевъ изъ гипса, численько расписанныхъ, равно коллекцію картинокъ, представляющихъ *Наполеона* или *Женевьеву Брабантскую*, окруженныхъ поэпическими легендами, простонародные сюжеты, рисованные и гравированные на деревѣ Монбельярскими Жоанно и Томсонами.

Полицейскій жандармъ вошелъ въ гостиницу вмѣстѣ съ путешественникомъ. Это неизбежный призракъ, который всегда является въ самую лучшую минуру разрушить прелесть, путешествія; онъ омрачаетъ ландшафтъ дороги, опниваетъ у деревни ея простодушіе, у гостиницы ея поэзію. Появленіе его производитъ спасительное дѣйствіе на бродягъ и на жипелей большихъ дорогъ, у которыхъ совѣсть тяжелѣе чемодана. Но и самый мирный, самый порядочный человекъ не можетъ защититься при видѣ его отъ какого-то неопредѣленнаго опасенія. Двусмысленно поклонясь, онъ подошелъ къ путешественнику и ставъ пропивъ него вопросительнымъ знакомъ, пропянулъ руку, бормоча сквозь зубы слова не очень вняпныя, но шѣмъ не менѣе очень поняпныя; ибо одно

присутствіе полицейскаго уже есть рѣчь, коей смыслъ ясно выражается его положеніемъ. Молодой человекъ поспѣлъ полѣзъ въ карманъ и подалъ свой паспортъ жандарму, который прочиталъ въ немъ слѣдующія подробности:

— »Павель Гюберъ — владѣлецъ — двадцати шести лѣтъ.«

Нечего было возражать на это. Павель Гюберъ, владѣлецъ: это было очень возможно; двадцать шесть лѣтъ: по видимому таковы были лѣта пупешесивенника. Означенныя примѣшны были также совершенно сходны: роспу одинъ мепръ семдесятъ пять санпимепровъ; волосы черныя; лобъ средній; носъ обыкновенный; глаза голубыя; ротъ средній; подбородокъ круглый; лице продолговатое; румянецъ на щекахъ; особыхъ примѣшъ не имѣется.

Это было поразительно! Есть простые приказныя, которые пишутъ портреты не хуже Г. Энгра или Гжи Мирбель. Жандармъ сдѣлалъ на право кругомъ, и пошелъ въ другое мѣсто искать поживы. Павель спрягалъ паспортъ, и спросилъ у практирщика, какъ скоро будетъ готовъ ужинъ.

— Черезъ часъ, а вы межъ пѣтъ можете осмапрѣтъ наше мѣспечко.

— Да что здѣсь примѣчательнаго?

— По правдѣ, ничего.

— О! такъ надожь поспѣшить! сказалъ Павелъ, и разсмѣявшись вышелъ.

Павелъ Гюберъ былъ веселый малой, и не очень заботился о рѣдкостяхъ мѣспечка. Онъ не былъ изъ тѣхъ путешественниковъ съ альбомами и записными книжками, копорые на каждой станціи оспанавливаются снимать виды или дѣлать примѣчанія: путешественниковъ ученыхъ, спранствующихъ для бопаники, спаниспики, археологій или полипической экономіи; путешественниковъ академическихъ, спранствующихъ изъ любви къ добродѣтели для полученія Монпюновской награды; путешественниковъ липературныхъ, живописныхъ, ироническихъ, спранствующихъ для какого-нибудь журнала, копорый плапипъ имъ поспранично. Онъ не принадлежалъ ни къ одному виду эпого рода, копорый во всѣхъ направленіяхъ топчепъ пеперь наши большія дороги. Павелъ былъ проспой, обыкновенный путешеспивенникъ, безъ всякаго особаго порученія, ѣхавшій по своей волѣ и для себя одного, не записывая ничего, не спрашивая никого, во всю дорогу не выставляя головы изъ карепы. Онъ ѣздилъ въ Ембрюнь по дѣламъ, и окончивъ ихъ, весело возвращался назадъ, въ свой сельской домикъ. Счастливыый владѣлецъ!.. Очень нужно было ему заботипься о спаниспикѣ и минералогіи — ну ихъ!.. Голова его была дѣвспенна и свѣжа опъ эпихъ глупыхъ наукъ, копорыя

*

испощаютъ и пожираютъ жизнь. Родившись богатымъ, онъ не нуждался въ наукахъ, чпобы ими жить, а склонности къ нимъ не получилъ отъ природы. Поперявъ, какъ и всь, семь лѣтъ въ коллегіи, господинъ самъ себѣ и своему имѣнію, онъ воропился къ домашнему очагу, въ свой сельскій веселый домикъ подлѣ Безье, въ самомъ цвѣтущемъ и плодоносномъ уголкѣ Лангедока. Тамъ онъ жилъ счастливо, беззаботно, дома у себя, на всемъ проспорѣ, занимаясь только охотою, веселясь и волочась за молодыми дѣвушками: чудная жизнь, и единственно приличная молодому человѣку съ 8,000 ливровъ годоваго дохода и сангвиническимъ темпераментомъ! Такъ прожилъ Павелъ девять лѣтъ, какъ почувствовалъ наконецъ потребность успокоенія. Лѣта умѣрили его горячность. Двадцать шесть лѣтъ! это лѣта разсудка и размышленія. Періодъ дурачества, безопасности и горячки страстей, копорый природа даетъ своимъ любимцамъ, обыкновенно прекращается въ эти годы. Тогда-то, среди живыхъ и быспрыхъ молодецкихъ похожденій, коими Павелъ игралъ каждый день, сердце его вошло въ часть въ первые: Павелъ полюбилъ во всей обширности и глубинѣ этого слова. Предметъ любви его по счастью не была ни акприса, ни коровница, ни принцесса; Провидѣніе, посылая ему эту любовь, восхопѣло, чпобы она не имѣла ни препятствій, ни бурь,

ни бѣдспвій, и дошла бы легкимъ, непрямѣтнымъ образомъ до общей и законной цѣли всѣхъ приспойныхъ привязанностей. Цецилія была, также какъ и Павелъ, сирота и немного побогаче его; ихъ владѣнія были смежны, такъ что, по благоразумному замѣчанію ея опекуна, ихъ бракомъ засыпался ровъ, уничтожалась загородка, и изъ двухъ хорошенькихъ владѣній соспавлялось одно прекраснѣйшее помѣстье во всей окрестности. Но совсѣмъ не это обспоятельство заставило Цецилію рѣшиться; ибо, когда достойный опекунъ предложилъ ей сіе на разсмотрѣніе, она уже была согласна. Она любила Павла. Павелъ былъ малой видной; его живые и открытые приемы были не безъ пріятности; умъ, хопя и мало обработанный; имѣлъ въ себѣ нѣчто оригинальное; и хопя онъ не былъ ученъ, его находили очень любезнымъ, особенно женщины. Цецилія была очень мила; свѣженькая, розовенькая, бѣлокурая, съ прекрасными глазами, съ лицомъ вмѣстѣ добрымъ и приманчивымъ. Ея двѣ тетки описывали ее почъ въ почъ, говоря, что она была *прекрасна какъ алуръ*. Она только что вышла изъ пансіона, когда Павелъ увидѣлъ ее въ первый разъ. Опекунъ, бредившій симъ бракомъ, былъ въ восторгѣ, видя ихъ взаимную склонность. Однако онъ хопѣлъ дождашься совершеннолѣтія своей воспитанницы; но воспитанница возспала пропивъ, и Павелъ поже. Влюблен-

ные и въ Лангедокѣ неперпѣливы; почему опекунъ, какъ человекъ умный, рассудилъ, что неблаго-разумно воздерживать спраспъ, которую сосѣдство дѣлало споль опасной, спраспъ, которой споймо только перелѣзпъ черезъ загородку и перепрыгнувъ черезъ ровъ.

И такъ время свашьбы назначено было въ скоромъ времени. Важное дѣло взысканія по большому векселю призывало Павла въ Ембрюнъ; было положено опспраздновать свашьбу въ самый день его возврапа, и онъ поѣхалъ, подписавъ контракпъ. Во время его опспуспвїя, пригопвляли домъ, доканчивали приданое невѣспы, сдѣмали претпье объявленіе въ церкви, такъ что, выйдя изъ карепты, ему оставалось только прямо къ Меру, да въ церковь. Все это было прекрасно. Теперь спрашиваю, могъ ли Павелъ заботипься о рѣдкостяхъ Манокки? У него въ головѣ было много кой-чего лучше; онъ былъ весь съ своимъ спаспемъ, съ образомъ Цециліи, съ своей женишьбой черезъ при дни. Эти мысли сопровождали его въ продолженіе всей дороги; онъ былъ увѣренъ, что съ ними прогулка будетъ для него занимательна, и часъ пролетипъ скоро. И такъ онъ весело опсправился, куда глаза глядяпъ, вздернувъ носъ, распѣвая пѣсни, говоря вслухъ, смѣясь, по шагомъ, по бѣгомъ, опспанавливаясь иногда бросипъ камень въ дерево, и даже

не повпоряя удара, если не попадалъ въ цѣль, шакъ мало все эпо значило для его самолюбія. Такимъ образомъ сдѣлалъ онъ большою кругъ около города: его прогулка была одна изъ пѣхъ, гдѣ всегда чпо нибудь да выиграешь, опъ которой шакъ сладко опдохнуть, пропянувъ ноги подъ споль и положивъ локпи на скапертъ, хопя бы вамъ подали одну куропапку, убишую наканунѣ, да бупылку Ронскаго вина, забышаго лѣшъ десять.

Ночь наступила, когда Павелъ воропился въ гостинницу, весь покрытый пылью. Тракпирщикъ споялъ на порогъ и курилъ трубку съ Клавдіемъ. Онъ сказалъ ему:

— Пожалуйте въ залу, сударь; споль накрытъ, сей часъ подадутъ кушанье.

— Сей часъ! повпорилъ Павелъ, и побѣжалъ по лѣстницѣ, прыгая вдругъ черезъ чешыре спупеньки. Только чпо онъ усѣлся, какъ первое кушанье его ужина было поставлено передъ нимъ служанкою: не дѣвкой полспой, съ полными лоснящими щеками и большими круглыми глазами на выкаптъ, а дѣвушкой, какими изобилуетъ Провансъ, даже въ гостинницахъ послѣдняго мѣспечка; дѣвушкой миніапюрной и блѣдной, съ черными глазами и греческимъ носомъ; ибо подъ эпимъ небомъ вездѣ поэзія, даже въ служанкахъ гостинницъ; и эпa, кошорая въ другомъ мѣспѣ называ-

лась бы Жаннетой или Марипорной, здѣсь звалась Розиной, ни больше ни меньше какой нибудь Испанской героини. Удовлетворяя своему аппетиту, Павелъ посмапривалъ съ удовольствіемъ на молодую дѣвушку, коей красота, совершенно южная, еще больше выигрывала при блескѣ свѣчь; онъ любовался ея живымъ цвѣтомъ, блестящими глазами, бѣлыми зубами и черными волосами, кои распускались на лбу какъ два воронова крыла, прелесно подерживая собой кружева чепчика. Физиономія Розины, опть природы суровая, смягчилась взглядами Павла; разговоръ начался комплиментомъ, на который опвѣчали пѣмъ-же; мало по малу какая-то короткосць водворилась между молодыми людьми, и въ ту минуцу, можетъ быть Павелъ вовсе не думалъ о Цециліи, которая примѣривала погда свое покрывало и брачный вѣнокъ. Какъ-бы по ни было, но окончивъ ужинъ, онъ опполкнулъ парелку, допилъ спаканъ, бросилъ на споль скомканную салфетку, вспалъ и, подойдя прямо къ Розинѣ, схватилъ ее въ объятія и поцѣловалъ съ живосцію, исполненною пріятности и упоенія. Молодая дѣвушка не имѣла времени воспропивитсья этому быспрому и нечаянному нападенію; шолько краска разлилась по лицу ея, она сдѣлала гнѣвное восклицаніе и спала въ оборонительное положеніе, защищаясь опть другой подобной выходки. Па-

вель хопѣлъ было сдѣлашь повпореніе, какъ одинъ голосъ просвиспалъ за нимъ:

— Очень хорошо!

Розина и онъ обернули головы, и увидѣли у двери Клавдія Бонпу, неподвижно споявшаго, сложа руки, съ сверкающими глазами, словно Опелло.

— Я не виновата, сказала Дездемона, собирая шарелки и выходя съ ними изъ комнашы. Клавдій, поспоронясь пропустишь ее, оспался попомъ, прислонясь къ двери, и раздраженнымъ взглядомъ мѣрилъ Павла съ головы до ногъ.

— Эпо сеспра пвоя? спросилъ Павелъ.

— Нѣшь.

— Такъ жена?

— Нѣшь еще. Я женюсь на ней въ день Св. Марпина.

— А! Такъ извини.

— Еслибъ вы не были баринъ, эпобъ даромъ не прошло вамъ. Но не зачинайте снова.

— Хорошо. Не сердись же! Полно. Спаканъ рому — хочешь?

— Благодарю.

— Въ копоромъ часу мы завпра поѣдемъ?

— Въ девять.

— Я пойду спашь.

— Покойной ночи.

Есть шемпераменшы, на копорые самое легкое волненіе имѣеть величайшее вліяніе; ма-

лѣйшее движеніе души можетъ расположить пѣло къ самымъ ужаснымъ переворопамъ, къ самымъ спраннымъ измѣненіямъ; посему эпи подроности, копорья съ перваго взгляда могутъ показаться жалкими и незначущими, соспавляютъ необходимое предисловіе къ непостижимому и спранныму случаю, заключившему эпотъ вечеръ.

Розина проводила Павла только до конца лѣспницы, и воропилась назадъ, указавъ ему рукою дверь комнапы. Хопя полученный ею поцѣлуй и заспавиль забицья сердце ея, но она была дѣвка смышленная, и знала цѣну мужа. Къ помужъ она рѣшилась ждашь Св. Марпына. Павелъ съ своей спороны нисколько не желалъ снова возбуждать ревность Кладія. Припомъ у него въ головѣ была своя сватъба. И пакъ онъ проспился очень равнодушно съ дѣвушкой, и вошелъ въ свою комнапу. Это былъ скромный покоецъ. Главную мебель соспавляла въ немъ кровати съ балдахиномъ и широкими занавѣсками, на копорыхъ были набины два эпизода изъ приключеній Робинзона Крузе; споль съ переломленными ножками, два стула и гописческое кресло, доканчивали убранство комнапы. Единственное украшеніе камина соспавляли двѣ спекляння голубья вазы, гдѣ помились наканунѣ сорванные цвѣты. Мѣсто зеркала было пусто и служило альбомомъ для

путешественниковъ; на бѣломъ и полированномъ гипсѣ были начерчены числа, имена, воспоминанія, бѣглыя мысли, инвалидные списки. Павелъ, улыбаясь, подумалъ о своей брачной комнатѣ, такъ мило опдѣланной, попомъ вынулъ изъ порпфейля письмо Цециліи. Цѣлую недѣлю оно соспавляло для него вечернюю молитву, послѣднюю мысль, копорой онъ ввѣрять покой и сны ночи; въ первый разъ онъ не дочель его нынѣ; на впорой страницѣ онъ почувспвовалъ какое-то круженіе, голова его опяжелѣла, облако налепѣло на глаза и помѣшало продолжатъ чпеніе. Эпо нездоровье нисколько не испугало Павла, испытавшаго уже нѣсколько разъ подобныя припадки; онъ приписалъ эпо успалоспи и думалъ, что сонъ разгонитъ его.

Въ полночь онъ проснулся. Ужасные сны и спрашныя муки испомили его; голова его и шѣло горѣли, члены были всѣ разбины; онъ вспалъ съ поспели и долго искалъ башмаковъ на полу; попомъ желая узнать, сколько времени продолжался его тяжкой сонъ, пошелъ ощупью къ камину, взялъ часы и пожалъ пружинку: но они издали слабый звукъ, не пробивъ часу; онъ забылъ завести ихъ. Тогда онъ подошелъ къ окну и отккрылъ его. Ночь была темная, черныя шучи заволокли небо: не было ни луны, ни звѣздъ, ни малѣйшаго сіянія; атмосфера была

мрачная и тяжелая, какъ свинець; изрѣдка подуваль дождливый вѣтеръ. Павелъ, облокопясь на окно, скоро почувствовалъ большую слабость, его колѣна подгибались, дыханіе было шжело и прерывисто. Желая призвать къ себѣ на помощь, онъ опправился къ спѣнѣ искать колокольчика; но руки его скользили по обоямъ, не находя сурка. Онъ хопѣль кричать, голосъ изсякъ; хопѣль допаципсь до чемодана, взявъ пистолеты и выспрѣлипсь, чпобы позвать людей, но силъ у него не стало; онъ упаль навзничъ на свою постель. Ему казалось, чпо пошолокъ обрушился на грудь его и раздавилъ ее; онъ глухо проспоналъ и лишился чувствъ.

День занимался, когда Павелъ пришелъ въ себя. Голова и корпусъ его были на постелѣ, ноги свисли. Онъ едва могъ подняпсь. Опъ ужасныхъ мукъ ночи, у него оспалась большая слабость и какое-то ошупѣніе. Онъ чувствовалъ себя изнеможеннымъ, обезпамятѣвшимъ, мысли его были смѣшаны, въ ухахъ звенѣло, въ душѣ какая-то неизъяснимая и глубокая по-ска. Когда онъ спаль одѣвапсь, ему показалоь, чпо онъ очень похудѣль, чпо руки и ноги его сдѣлались какъ спички; онъ спаль искать зеркала посмопрѣпсь, но зеркала не было; попомъ глаза его обрапились на постель; она была вся покрыпа попомъ и замарана въ нѣкопорыхъ

мѣстахъ кровью. Онѣмѣніе, въ которомъ погружено было его воображеніе, не дозволило ему обезпокоиться этими знаками и переменною, происшедшею съ нимъ. Свѣжій упренный воздухъ привлекъ его къ распворенному окну: гроза прошла, небо было ясно, воздухъ чистъ; листья тихо колыхались; поле развертывалось передъ нимъ, веселое и спокойное, все покрытое лавровыми и миндальными деревьями; вдали шуманъ распушывалъ ландшафтъ и обвивалъ своими сѣрыми волнами подошву горъ, возвышавшихся на концѣ горизонта. Это зрѣлище его одушевило, онъ ощутилъ сильное желаніе пробѣжать по полю. Окно было только на шесть футовъ отъ земли, онъ прыгнулъ въ него и упалъ на правую на четвереньки. Потомъ вспалъ и пустился бѣжать. Подлѣ самаго дому увидѣлъ онъ Розину и сдѣлалъ ей знакъ рукою, но Розина ослѣбѣла и уронила изъ рукъ свой фаршукъ, наполненный щавелемъ. За двѣсти или приспа шаговъ отъ себя увидѣлъ онъ крестьянина, который началъ дѣлать спранныя движенія и говорить что-то вслухъ, но онъ не обратилъ на то вниманія и побѣжалъ что есть духу.

Черезъ четверть часа скорого, безумнаго бѣга, онъ уснулъ и бросился въ изнеможеніи на правую, на берегу Дюрансы. Здѣсь, пробылъ онъ около двухъ часовъ, полу-лежа, бросивъ шляпу

къ ногамъ и нюхая въпску пѣмина. Ужасное и мучительное побрясеніе, имъ испытанное, еще не улеглось въ головѣ его, и процессъ мысли совершался въ немъ медленно и прудно. Ему казалось, что онъ поспарѣлъ со вчерашняго дня нѣсколькими годами; когда онъ думалъ о Цециліи, ему чудилось, что она давно была его женой, и поцѣлуй, данный имъ Розинѣ на канунѣ, представлялся ему какъ спаринная шалость молодости. Солнце восходило за нимъ, и когда онъ увидѣлъ пѣнь свою, рисовавшуюся на правѣ, онъ невольно запрепалъ: пѣнь эпа имѣла спранную, не похожую на него, форму. Онъ провелъ рукою по лицу, которое нашелъ впалымъ и изсохшимъ; взялся за волосы, они казались ему не такъ густы.

— Ахъ! Боже мой! чтожь эпо такое? сказалъ онъ и побѣжалъ къ водѣ посмопръпться.

Но только что онъ вспалъ, какъ раздались крики: вопъ онъ! вопъ онъ! И толпа креспьянъ, вооруженныхъ палками и ружьями, бросилась на него. Павелъ даже не оборотился; нѣсколько камней упало вокругъ него, одинъ попалъ ему въ плечо, въ пожь самое время палка ударила его по ногамъ и свалила на земь. Побѣдное: ура! привѣспвовало его паденіе. Его попчасть окружили.

— Эпо онъ! почно онъ! вскричалъ одинъ изъ креспьянъ.

— Ты узналъ его?

— Да, Г. Помощникъ!

— Ну, подними пежъ его и ведите!

— Вести? Куда? За что?

Куда? Откуда ты пришелъ. За что? Самъ знаешь.

— Хорошо, сказалъ Помощникъ Мера повелительно: не отвѣчайте ему; онъ дастъ нужныя объясненія въ своемъ мѣстѣ. При допросѣ, онъ будетъ говорить.

Хотя Павелъ морально и опдохнулъ вѣсколько опъ ночныхъ попрясеній, хопя мысли его сдѣлались почиѣе и яснѣе, но онъ никакъ не понималъ, чего опъ него хопѣли. Это спранные арестованіе было конечно ошибка. Между тѣмъ приказаніе Помощника Мера было строго наблюдаемо, и онъ во всю дорогу не могъ ничего узнать въ объясненіе. У дверей гостинницы, гдѣ столпилась бездна народу, онъ между глухими роппаніями, различилъ слово: *убійца*. Всѣ головы обрапились къ нему, всѣ пальцы указывали на него, и какъ будто сверлили на немъ это ужасное имя: *убійца*.

Мирный судья кантона, сопровождаемый писаремъ, пракирщикъ, жандармъ, Клавдій и Розина стояли въ большой залѣ гостинницы, превращенной въ судилище.

— Скажутъ-ли мнѣ наконецъ, что значатъ всѣ эти пригоповленія и чего опъ меня хопятъ?

Эти слова были съ трудомъ произнесены:

языкъ Павла былъ какъ скованный, онъ говорилъ заикаясь.

— Вы сей часъ узнаете, чего опъ васъ хопяпъ, опвѣчалъ судья съ непоспижимымъ хладнокровіемъ. Розина, поппъ ли эпо человекъ, что нынѣ рано упромъ выпрыгнулъ при шебѣ изъ окна?

— Тотъ самый, Г. Судья.

— Хорошо. А пы Томасъ, пы поже признаешь его? Очень хорошо!

— Я почно выпрыгнулъ изъ окна, но чпожъ шупъ за бѣда?

— Обвиняемый признается. Писарь, запиши. Обвиняемый, какъ ваше имя и прозваніе? Имѣете ли вы при себѣ бумаги?

— Господа, сказалъ печально Павелъ, если эпо шупка съ вашей спороны, по она неумѣспна, и я не въ состояннн ее выдерживапъ. Богъ знаетъ, что со мною было нынѣ ночью, ударъ, — думаю. Должно быпъ, слѣды его оспались на мнѣ, и вы сами видите, что я едва говорю. Мнѣ всего нужнѣе докторъ; пошлише за нимъ, ради Бога! Я спрадаю.

Присупспвующіе смопрѣли другъ на друга, ничего не понимая. Мирный судья пожалъ плечами и началъ поржеспвеннымъ голосомъ.

— Обвиняемый, вы находипесь подъ важнымъ подозрѣніемъ. Пупешеспвенникъ, пріѣхавшнй вчера въ здѣшнюю госпннницу, пропалъ неизвѣ-

спно куда. Его раскиданная въ безпорядкѣ постель, разбросанные на просыпнѣ клочки волосъ и пятна крови, доказываютъ борьбу и убійство. Два свидѣтеля утверждаютъ, что они видѣли, какъ вы выпрыгнули на разсвѣтъ изъ окна комнаты, гдѣ ночевалъ это путешественникъ; васъ нашли съ вещами, ему принадлежавшими, въ его плащѣ, съ его бумажникомъ и часами. Правосудіе, соображая свидѣтельства и подозрѣнія, на нихъ основанныя, полагаетъ, что въ первый разъ вы вошли въ комнату пѣмъже окномъ, изъ котораго видѣли, какъ вы выскочили; что вы убили путешественника и во мракѣ ночи увесли тѣло его, думая пѣмъ отвратить подозрѣніе о убійствѣ. Тѣло это безъ сомнѣнія бросили вы въ Дюрансу. Потомъ вы возвратились, чтобы изгладить слѣды преступления и взять оспальную добычу; васъ увидѣли при вторичномъ выходѣ. Обвиняемый, признаетесь ли вы въ преступленіи, или не можете ли объяснить, куда дѣвался путешественникъ, какъ очутились у васъ его вещи, и за чѣмъ вы тайно вышли изъ его комнаты, въ непозволенный часъ?

Павель осполбенѣлъ отъ этихъ словъ. После ночнаго потрясенія, эта спранныя сцена довершила изнеможеніе его силъ и поколебала разумъ.

— Если вы говорите серьезно, то я ничего не

понимаю, сказалъ онъ. Во всемъ этомъ какая-то пупаница, копорой я не разберу... Вы говорите объ убийствѣ пупешественикѣ, о перепрыгнутомъ окнѣ... о покражѣ вещей... Кто это пупешественикѣ? Я не знаю. Но перепрыгнутое окно было точно окно моей комнаты... это платье, порпфейль, часы, все это мое!

— Ваше? Но часы эти были на пупешественикѣ; на печаткѣ ихъ вырѣзанъ его вензель; всѣ бумаги этого порпфейля подписаны именемъ Павла Гюбера?

— Ну, да! конечно. Мой вензель, мое имя, Павелъ Гюберъ. Развѣ я не Павелъ Гюберъ?

— Павелъ Гюберъ! Вы? О! это ужь слишкомъ, вскричалъ пракпирщикъ: я самъ принималъ вчера Павла Гюбера!

— А я его везъ опъ самага Эмбрюня? сказалъ Клавдій.

— А я свидѣльствовалъ его паспортъ, сказалъ жандармъ.

— А я служила ему за споломъ, сказала Розина.

— И двадцать человекъ, прибавилъ пракпирщикъ, видѣли его вчера у дверей моей гостиницы: всѣ они здѣсь шеперь, чпобъ изобличить васъ.

— Нелѣпья и опчаянья средства, которыми вы думаете защитить себя, продолжалъ торжественно судья, представляющъ новое дока-

запельство пропивъ васъ, еслибъ доказательствва были еще нужны. Выдавать себя за погубленную вами жертву, это страннѣйшій и невѣроятнѣйшій способъ оправданія, неслыханный въ лѣтописяхъ преступленій. Но если вы почто Павелъ Гюберъ, то портфейль и бумаги эти вамъ принадлежатъ; паспортъ итакже вашъ?

Павелъ сдѣлалъ утвердительный знакъ; всѣ члены его била лихорадка. Судья развернулъ паспортъ и, пробѣгая его съ ироническою улыбкою, сказалъ:

— Это совершенно изобличаетъ васъ. Примѣты, описанныя здѣсь, не имѣютъ къ вамъ никакого отношенія: черные волосы, румянецъ на щекахъ; у васъ ничего этого нѣтъ! Двадцати шести лѣтъ... вамъ, по крайней мѣрѣ, сорокъ...

При сихъ словахъ, Павелъ бросился къ зеркалу, и, взглянувъ въ него, вскрикнулъ спрашно, и упалъ безъ памяти на полъ.

Половины волосъ его не было, оспальные были перемѣшаны съ сѣдыми; щеки впали и осунулись; глаза потускли; на немъ были морщины; онъ постарѣлъ пятнадцатью годами.

Онъ еще не опамятовался, какъ его посадили межъ двухъ жандармовъ, въ повозкѣ Клавдія, и отвезли въ тюрьму въ Ахенъ.

Долго въ Манокѣ только было разговору, что объ этомъ прагическомъ приключеніи. И уви

гостинница Святаго Лавренція сдѣлалась жертвою эпои печальной испоріи. Ея постройкѣи всѣ были изъ окрестности, и суевѣрный ужасъ заставилъ ихъ покинуть эпопъ пріюшъ, обогранный кровью. Дилижансы, кареты, путешественники, пѣшкомъ и верхомъ, всѣ спали искапъ другаго ночлега. Разоренный трактиръ снялъ вывѣску и опдалъ въ наймы домъ свой кузнецу. Желтый фасадъ и зеленыя спавни закопшились; вязы у воротъ были срублены, скамьи сняпы; на мѣсто сихъ гостепрійныхъ украшеній поставлены были спанки для упрямыхъ муловъ.

Эпо несчастіе повлекло за собой другія пагубныя слѣдствія. Хотя день Св. Марпына давно уже прошелъ, но Клавдій и Розина еще не были женаты, когда, спустя два мѣсяца, явились въ Ахенскій судъ, для подтвержденія своихъ показаній. Розина отказала на чисто Клавдію, по какому-то подозрѣнію, что онъ не былъ чиспъ въ разсужденіи убійства путешественника.

Павелъ былъ долго боленъ въ пюръмѣ, и когда начался процессъ его дѣла, всѣ спраданія, всѣ муки, имъ испытанныя, послѣ ужаснаго приключенія, заклемили его глубоко своей печалью. Многіе знавшіе его прежде и теперь къ нему допускаемые, не узнавали его. Эпо было очень просто: одна полько мать

могла бы признасть его въ томъ видѣ, какъ онъ былъ шенерь. Лишенный материнской любви, сирота возложилъ всю надежду на любовь Цециліи. Когда наступилъ день, въ который надо было дать ему съ ней очную справку, онъ собралъ все свои силы и воспоминанія, будучи увѣренъ, что это была послѣдняя надежда его на спасеніе. Онъ пробовалъ себя передъ зеркаломъ, пытался дать своей физиономіи прежнее выраженіе, изучалъ свою осанку и жесты, взялъ у прошедшаго все, что могъ взять. Цецилія была введена передъ него въ присудствіи судьи; она была блѣдна и печальна. Когда она взглянула на него, то не могла удержаться отъ движенія ужаса, воображая, что стоитъ лицомъ къ лицу съ убійцей Павла. Онъ началъ говорить съ ней, дѣлая невѣроятныя усилія, чтобы не заикаясь и вновь найннть звуки, которые нѣкогда доходили прямо до сердца Цециліи: все было напрасно, и Цецилія осталася неизмѣнною при его голосѣ. Когда онъ сказалъ ей: я Павелъ! она запрепетала; потомъ горькая улыбка отпращенія показалась на устахъ ея. Тогда Павелъ заплакалъ, и его слезы показались слезами раскаянія. Онъ употребилъ послѣдній способъ, и напомнилъ Цециліи много такихъ вещей, которыя онъ одинъ зналъ; повпорялъ ей слова, сказанныя безъ свидѣтелей, и заставилъ ее припом-

нишь, что она ему отвѣчала. Цецилія изумилась, но мысль, что человѣкъ, предъ нею стоявшій, былъ въ самомъ дѣлѣ Павелъ, не могла войти ей въ голову. Это морщиноватое, сухое лицо, этотъ голосъ, эти лѣта такъ противорѣчили прелестному и свѣжему лицу, нѣжному голосу и молодости Павла! Только странно было, что онъ зналъ пайны взаимныхъ разговоровъ, въ коихъ выражалась любовь ихъ. Она подумала, что убійца былъ друженъ съ Павломъ и что тотъ повѣрилъ ему свои пайны. Когда судья спросилъ у ней, признаетъ ли она этого человѣка за Павла Гюбера, она испустила вопль негодованія, въ которомъ Павелъ услышалъ свой смертный приговоръ. Онъ опустилъ голову и предался судьбѣ своей.

Присяжные отвѣчали:

— Да! обвиняемый виновенъ въ убійствѣ Павла Гюбера.

Теперь пусть доктора и папологи говорятъ, что подобный случай не можетъ быть признанъ ихъ наукою; но мнѣ все равно; ибо я не хочу доказывать это приключеніе ни для свѣпскихъ, ни для ученыхъ людей. Когда мы въ 18** году посѣщали Тулонскія галеры, нашъ проводникъ, показавъ намъ въ больницѣ знаменитаго Графа Св. Елены, остановился передъ спрадальцемъ, лежавшимъ въ постелѣ, съ оковами на

ногахъ и съ зеленымъ колпакомъ на головѣ. То былъ герой эпои повѣспи, имъ самимъ написанной, копорую въ поже время прочли намъ. Испорія показалась мнѣ странною и доспойной общаго вниманія. Если не найдупть ее такою, то я ошибся, или можепть быпть она поперяла въ моемъ расказѣ свою первоначальную занимательность. Какъ бы то ни было, я прошу извиненія у чипапелей.

(REVUE DE PARIS).

XXVI.

О

ДРЕВНОСТЯХЪ ЕВРОПЕЙСКАГО Т Е А Т Р А.

(о к о н ч а н і е).

Во глубинѣ почти всѣхъ древностей, ММ. ГГ., скрывается два элемента: элементъ новый, свободно-производительный, и элементъ древній, основанный на преданіи. Въ древностяхъ Европейскаго театра, элементъ дѣятельный, новый, принадлежитъ Христіанству. Что касается до элемента, основаннаго на преданіи, его надо опыскивать и, такъ сказать, опрыскивать подъ обломками и прахомъ древняго театра.

Въ самомъ дѣлѣ, не прежде XVI и XII вѣка театръ Европейскій началъ примыкаться къ офиціальному и ученому театру древно-

спи. До тѣхъ поръ новѣйшая драма граничила съ драмою древнихъ, только съ площадной и балаганной спороны. Средніе вѣка не имѣли понятія о большомъ древнемъ театрѣ: варвары едва заспали послѣдніе амфитеатры, едва слышали послѣднее эхо умирающей Греко-Латинской комедіи. Въ Греціи, оффиціальній театръ началъ упадать со временемъ Димосеена; онъ помился подъ Македонскимъ владычествомъ и почти уничтоженъ былъ подъ игомъ Римскихъ Проконсуловъ. Немногія провинціи Имперіи, какъ на Востоку, такъ и на Западѣ, были сполько богаты, чпобъ имѣть возможность спавить на сценѣ трагедіи и комедіи, сдѣланныя по старой системѣ, кои претбовали непомѣрныхъ издержекъ. Особенно хоръ долженъ былъ исчезнуть. Чиновники, на коихъ лежала обязанность приводить въ порядокъ испощенные финансы, спарались сколько возможно уклоняться отъ эпихъ раззорительныхъ расходовъ. Когда города не имѣли уже ни національной самобытности, ни общественныхъ богатствъ, они скоро должны были опказаться имѣть общественные, національные театры. Но какъ имущества частныхъ людей долѣ держались и существовали, чѣмъ богатства національныя, по и театры частные продлились долѣ национальныхъ театровъ. И поелику народъ, во всякое время, поработчен-

ный и поржеспвующій, побѣжденный и побѣдоносный, жаденъ до сценическихъ зрѣлищъ, театръ народный и площадный никогда не прекращался. Такимъ образомъ игры Язычеспва связались непрерывною цѣпью, безъ всякаго промежутка, съ играми варваровъ, принявшихъ Христіанство. Отсюда сполько языческихъ увеселеній и празднествъ, принятыхъ Каполицизмомъ; отсюда Майскія деревья, святочные игрища, бобовый царь, подарки въ Новый Годъ и пысяча другихъ подражаній Сапурналиямъ, сценическія представленія на похоронахъ, и множеспво уличныхъ фиглярствъ и маскарадныхъ шпукъ, ведущихъ прямо свое начало отъ древняго, основаннаго на преданіи, элеменпа.

Что касается до элеменпа дѣяпельнаго, свободно-производипельнаго, то и здѣсь, по недоспапкѣ должнаго вниманія къ тому, что было глубоко еокрапическаго въ происхожденіи и развитіи древней Греко-Римской драмы, многіе вѣрояпно удивятся, что мы находимъ самый живыи, самый обильный и самый поэпическій источникъ новѣйшаго театра въ монастыряхъ IX и X, въ каполическихъ соборахъ XI и XII вѣковъ. Удивленіе сіе еще болѣе должно увеличиться при мысли о жарѣ, съ коимъ Каполическая Церковь, начиная съ самыхъ древнѣйшихъ соборовъ, воспавала пропивъ сценическихъ игръ и гремѣла на нихъ анаемами. Но

здѣсь пропівурѣчіе полько видимое. Кромѣ великой борьбы Христіанства съ Язычествомъ, ходъ вещей былъ почно такойже въ среднихъ вѣкахъ, какъ и во времена древности. Въ Греціи, во все продолженіе гіерапическаго періода, по еспь съ самыхъ первыхъ временъ до Солона, религіозныя празднества, по свидѣтельству Геродота, были сопровождаемы фигуральными танцами и драматическими дѣйствіями. Одну изъ наименѣе оспориваемыхъ особенностей древнихъ языческихъ мистерій соспавляло то, что гіерофантъ спарался дѣйствовать на воображеніе посвящаемыхъ изображительно карпинами и предспавленіями. Когда жречество языческое, не имѣвшее никогда ни силы, ни единства христіанскаго духовенства, выпустило изъ своихъ рукъ монополію искусства, Осписъ, на подмоспкахъ весьма похожихъ на пѣ, кои упопробляли новѣйшія Европейскія Брапства (Confrèries), и наконецъ Эсхиль, на сценѣ болѣе приличной, создали для Греціи театръ національный, копорый все ещѣ былъ опъ части гіерапической. И такъ сильно было еокрапическое побужденіе, данное Греко-Римскому театру при его рожденіи, что уже послѣ совершенной секуляризации искусства, когда хоръ уничпожился, когда Христіанство водворилось и укрьпилось, даже въ Константинополѣ и въ провинціяхъ

Азіяпскіхъ, даже при Θεодосіи и Юспиніа-нѣ, во время глубочайшаго искаженія сцены, древній театръ сохранялъ поспоянно неизгладимыя слѣды своего жреческаго, полипейсписческаго происхожденія.

Впрочемъ эпо вліяніе духовенства на драму, и вообще на поэзію и искусствва, не естъ фактъ, свойственнѣйшій только Греческимъ и Ипаліянскимъ народамъ. Эпо вліяніе естъ законъ общій и непреложнѣйшій, естъ необходимое слѣдствіе гіерархическаго состоянія, чрезъ которое должно проходить всякое общество. Въ продолженіе сей эпохи, жречество не довольствуется владычествомъ надъ мыслію, оно спарается покорить себѣ и воображеніе, дабы господствовать надъ всѣми человѣческими способностями. Геній пластическій, геній музыкальный, геній мимическій, равно служатъ для него орудіями привлеченія и могущества. У народовъ, гдѣ власть жречества поддерживалась съ наибольшимъ поспоянствомъ, у поколѣній Семипическихъ, и въ особенности, на примѣръ, у Мухаммеданъ, драматическая фантазія, поглощенная почти совершенно обрядами, едва проникала изъ ограды храмовъ. Гораздо большее развитіе сценическихъ игръ встрѣчаемъ мы въ томъ, что дошло до насъ отъ древней цивилизаціи Мексики и Перу, но все также глубоко озна-

менованное печатью гѣрапическаго происхожденія. Даже у дикарей, живущихъ внутри и по берегамъ Африки, у оспровипянь Южнаго Моря, у Ново-Зеландцевъ и Камчадаловъ, занимающихъ нынѣ почти ту же степень на лѣспвицѣ общественаго развитія, какъ Пелазгскіе, Эпрусскіе и Лапинскіе дикари, какъ орды Франковъ, Саксовъ и Нордманновъ, вездѣ еспь шаманы и колдуны, усиливающіеся власповать надъ воображеніемъ посредспвомъ фигурныхъ церемоній и спиранныхъ нарядовъ, еспь маленькія драматическія зрѣлица, о которыхъ путешеспвенники разсказываютъ испинно любопытныя вещи.

Если Христіанская Церковь, въ продолженіе шести первыхъ вѣковъ, нападала съ такою силою на игры цирка и шеатра, по это потому, что видѣла въ нихъ оспатки язычеспва, оскверненныя идолослуженіемъ и свирѣспвомъ. Церковь гремяла всѣмъ краснорѣчіемъ Святыхъ Опцевъ пропивъ кровавыхъ жерпвъ цирка и срамныхъ безчинспвъ оркесптра, кои возмущали собой даже язычннковъ, менѣ разврапныхъ, и пропивъ коихъ Юліанъ витійспвовалъ такъ спрого въ Антиохіи. Позже, когда Христіанспво воцарилось и, на Западѣ съ помощію Варваровъ, на Воспокѣ при содѣйспвіи Сарацинъ, уничтожило сценическія игры, Церковь продолжала поражать ана-

еюмою пѣсни и гаерспва скомороховъ, кои поддерживали идолопоклонство на площадяхъ и распространяли язычество въ замкахъ. Но, въ поже время, преимущественно на Западѣ, она сама обращалась къ драматической Фанпази, учреждала изобразительныя церемоніи, размножала число процессій и наконецъ успановила обряды, кои были наспоющія драмы, какъ н. п. обрядъ Яслей въ Рождество Хриспово, обрядъ Звѣзды или Трехъ Царей въ день Богоявленія, обрядъ Гроба Господня или Трехъ Марій въ Пасху, гдѣ при Святыя Жены Мироносицы представлялись премя канониками, съ покрыпою головою *ad similitudinem mulierum* (подобно женщинамъ), какъ гласить Каполическій служебникъ; обрядъ Вознесения, въ которомъ священникъ, иногда на амвонѣ, а иногда на внѣшней галлерей надъ порпалемъ, представлялъ возшество Іисуса Христа на небо; всѣ эти церемоніи, кои, какъ мы увидимъ послѣ, возбуждали благоговѣніе вѣрныхъ въ среднія времена, и которыхъ православіе было поржеспвенно признано буллою Иннокентія III.

Однимъ словомъ, ММ. ГГ., мы увидимъ, что, въ среднихъ вѣкахъ, вельможи и государи, принимающъ сценическія игры, какъ предметъ роскоши и великолѣпія, народъ предается имъ съ увлеченіемъ необузданнаго упоенія; но также увидимъ, что, съ самага начала, духовенство одно,

исключительно, овладѣвается инстинктомъ драматическимъ, воздѣлывается его для опредѣленной цѣли, развивается съ расчепливой послѣдовательностью, и наконецъ возвышается до степени искусства.

За симъ, такъ какъ Европейскій театръ, подобно театру древнихъ, получилъ первое развитіе свое въ рукахъ духовенства, по, въ изслѣдованіяхъ нашихъ, надо будетъ испорію драмы аристократической и народной подчинить испорію драмы церковной. Въ слѣдствіе чего, мы примемъ главными рубежами и почками успокоенія въ нашемъ курсѣ, различныя степени успѣха или упадка, чрезъ которыя проходила преемственно драма гіератическая.

Сии степени представляются намъ въ числѣ прехъ: 1) эпоха совокупнаго существованія полипейзма и христіанства, необыкновенная эпоха двойственности поэзіи и искусства; 2) эпоха католическаго единства и самаго высшаго могущества церкви; 3) эпоха приобщенія мірянъ къ мышленію и искусству; кои до тѣхъ поръ находились исключительно въ рукахъ духовенства.

Первый изъ сихъ періодовъ проспирается отъ I до VI вѣка. Мы изучимъ двѣ вещи въ этомъ періодѣ: съ одной стороны, постепенное разсозданіе языческаго театра, сначала

осужденнаго на нѣмоу полипикой Императоровъ, изъясвившихъ благосклонность къ однимъ только панпомимамъ, попомъ преслѣдуемаго споническою философіею, разгромленнаго хриспіанствомъ, и наконецъ добипаго собственнымъ своимъ искаженіемъ и варварами; и посреди эпои ломки, соберемъ со всевозможною рачительностію послѣдніе памятники сценическаго гѣнія древнихъ; разберемъ, между прочими произведеніями сей эпохи, Кверола, Плавпову комедію передѣланную во II вѣкѣ, открывки изъ Медеи Виргилія, о копорой упоминаетъ Терпулліанъ, нѣсколько сценъ изъ Греческой Клитемнестры, схоластическаго произведенія V и VI вѣковъ, неизданный еще прологъ одной варварской піесы, гдѣ являюся и дѣйствуютъ одинъ погдашній скоморохъ и спарый поэтъ Теренцій, и пр. и пр.; съ другой стороны, увидимъ, что рождающійся гѣній Хриспіанства испытываетъ себя въ драмѣ, или произведеніями числомъ липературными и учеными, каковы н. п. Моисей Езекія прагика II вѣка, *Χριστος Πασχων*, приписываемый С. Григорію Назіанзину въ IV вѣкѣ; или липургическими діалогами, гдѣ священнодѣйствующіе и народъ разглагольствуютъ попеременно; или учрежденіемъ нѣкопорыхъ обрядовъ почти сценическихъ, каковы поочередныя псалмопѣнія на брапскихъ вечерахъ и агацахъ, панцы шерпимые въ нѣкопо-

рыхъ процессіяхъ; или наконецъ множествомъ другихъ обычаевъ, кои всѣ постараюсь изложить съ особенною внимательностію, и гдѣ религиозное одушевленіе выражалось совершенно мимическимъ, иногда почти языческимъ образомъ*.

Второй періодъ простирается отъ XI до XII вѣка. Это эпоха высочайшаго и полнѣйшаго развитія сацердотальнаго генія. Съ самаго ея начала, мы увидимъ, что сценическія игры, и даже употребленіе маскъ, вкрадывается въ нѣкоторыя женскіе монастыри. Въ IX вѣкѣ, найдемъ мы, что похороны Аббатовъ и Аббатиссъ оканчиваются маленькими печальными драмами, родомъ эклогъ, коихъ роли раздѣляли межъ собой монахи и монахини; поэмы спранныя, изъ коихъ нѣкоторыя дошли до насъ. Въ X вѣкѣ, я покажу вамъ жизни святыхъ, легенды о мученикахъ и о пустынножителяхъ, воспѣваемыя на площадяхъ и, что особенно для насъ важно, раздѣленныя на сцены и предсказываемыя въ монастыряхъ. Я прочту, и частію переведу для васъ, шесть подобныхъ шѣсъ, сочиненныхъ знаменитою Гросвиною, монахиною Гандерегеймскаго монастыря, умершею до конца X вѣка. Наконецъ въ XI и XII вѣкахъ, мы увидимъ церковную драму въ апогеѣ

* Здѣсь Профессоръ имѣеть въ виду Западную Капюлическую Церковь. *Изд.*

своего развитія, порожествующую въ соборахъ, во дни большихъ праздниковъ, поддерживаемую раждающимся величіемъ скульптуры, живописи и музыки, равно совершенную въ представленіяхъ серьезныхъ, которыя можно назвать прагматическими, и—вещь удивительная!—въ представленіяхъ комическихъ и каррикатурныхъ, даже до танцевъ, самыхъ живыхъ, въ родѣ галлопа, начинавшихся на хорахъ, продолжавшихся внутри храма и оканчивавшихся на паперняхъ или на кладбищахъ, эпихъ спранныхъ танцевъ живыхъ на гробахъ мертвыхъ, кои подали художникамъ слѣдующей эпохи идею знаменитой *Макабрской пляски*, гдѣ оскалившая зубы смерть хватаетъ своей косплявой рукой и заставляетъ прыгать подъ звукъ своей трещетки, всѣ состоянія, начиная съ королей и архіепископовъ до курпизанокъ и нищихъ.

Третій періодъ покажетъ намъ драматическое искусство высвобождающимся, подобно прочимъ искусствамъ, изъ ослабѣвшихъ рукъ каполическаго духовенства, дабы, въ XIII вѣкѣ, перейти въ руки мірскихъ сообществъ, полныхъ того набожнаго жара и того энпузіазма къ волю и простору, кои, спустя при вѣка, породили совершенное освобожденіе мысли и полную секуляризацию искусства, періодъ новый,

копораго мы не будемъ уже касаться, копорый составляетъ эру собственно новѣйшую.

Съ самага начала этого періода, копорый можно назваць періодомъ Брапспвь, мы увидимъ церковную драму, принужденную опказаться опъ Лапинскаго языка и замѣнить его народными, мірскими идіомами. Мало по малу, дѣлаясь сполько обширною, чпо уже не возможно было сохранять ей свое мѣсто въ богослужебныхъ обрядахъ, она спала представляться, въ праздничные дни, послѣ проповѣди. Королевская Библиотека владѣеть драгоцѣннымъ манускриптомъ изъ первыхъ годовъ XV вѣка, въ коемъ содержится до сорока драмъ или Чудесъ (Miracles), всѣхъ въ честь Пресвятой Дѣвы, предшеспвуемыхъ по большой часпи словомъ въ прозѣ, копорое служить для нихъ родомъ пролога. Уже въ этомъ сборникѣ, коего составленіе восходитъ до XIV вѣка, находится множество мірскихъ и рыцарскихъ легендъ, какъ н. п. Робертъ-Дьяволь, копорая, замѣчу мимоходомъ, скоро будетъ издана, доказывающихъ постепенное ослабленіе и близкій упадокъ наспоющей гіератической драмы. Наконецъ, беспрестанно возрастающая обширность мистерій на проспонародномъ языкѣ, принудила духовенство перенести сцену съ амвона на папернь, а многочисленность дѣйствующихъ лицъ вскорѣ заспавила прибѣгнушь къ содѣй-

спвію Брапспвзъ, кои съ своей спороны оп-
даляли сіи предспавленія все дальше и дальше
опть мѣспа и идей, даровавшихъ имъ рожденіе.
Я познакомлю васъ съ пакими изъ сихъ ог-
ромныхъ драмъ, въ коихъ дѣйспвуемъ не ме-
нѣе спа, двухъ сопъ и даже шеспи сопъ ак-
перовъ. Въ иномъ городкѣ почпи цѣлая поло-
вина жипелей должна была служипъ для заба-
вы и назиданія другой половины. Такимъ образомъ
хриспіанская драма мало по малу выпшла изъ
церкви, и вскорѣ попомъ изъ рукъ духовенспва:

Счипаю долгомъ объяснпться здѣсь съ ва-
ми, ММ. ГГ., дабы предупредипь недоразумѣ-
нія, кои могуъ возникнуъ изъ двусмы-
сленности моихъ выраженій. Я упошребилъ,
и буду упошреблять въ послѣдспвіи, сло-
ва *совершенный* и *совершенство*, говоря объ ис-
кусспвѣ и драмѣ церковной въ XI и XII вѣ-
кахъ: слова сіи не должно прпнпмашь въ смы-
слѣ безусловномъ; я даю имъ значеніе опноси-
пельное. Всякая художеспвенная и лпператур-
ная сиспема имѣетъ свою опносипельную поч-
ку совершенспва, какъ бы сама по себѣ ни
была несовершенна. Я не намѣренъ оболъщать
васъ, ММ. ГГ., на счепъ эспепического достоин-
спва памяпниковъ, кои будемъ мы изучать: всѣ
они, или всѣ почпи, ознаменованы варварспвомъ.
И такъ предваряю васъ, чпо я не намѣренъ
возбуждать ваше удивленіе ни однимъ изъ сихъ

памятниковъ; шѣмъ менѣе, спану вамъ рекомендовать въ образецъ какой-нибудь изъ нихъ. Вы сами знаете: въ эпоху, когда драматическій геній среднихъ временъ находился на высшей степени гіератическаго развитія, опть IX до XII вѣка, языкъ, во всѣхъ спранахъ Европы, находился въ самомъ жалкомъ положеніи совершеннаго искаженія. Лапиль сдѣлалась варварскимъ хаосомъ, въ коемъ исчезли всѣ слѣды конспрукціи и синтаксиса: языки новые были младенческій, косноязычный лепель, не прежде XIII вѣка достигшіи прелестней дѣспсва. И пакъ, въ отношеніи къ выраженію, не будемъ ожидать ничего, или почти ничего, опть памятниковъ, кои спанемъ опрывать во мглѣ прошедшаго. Я счель нужнымъ объяснитьсь по сему предмету въ самыхъ почныхъ и ясныхъ выраженіяхъ, дабы не оспавиль мѣспа никакому недоразумѣнію. Повпоряю, почти всѣ липературныя произведенія среднихъ вѣковъ, варварскія по языку, ни подъ какимъ видомъ не могутъ служить для васъ образцами.

Но въ такомъ случаѣ, скажете вы, за чѣмъ же усиливаться извлекать ихъ изъ манускриптовъ и книгъ, въ коихъ онѣ покояпся; зачѣмъ предпринимають неблагоприятные поиски тамъ, гдѣ заранѣе увѣрены, что не найдемъ никакого образцоваго созданія? За чѣмъ, ММ. ГГ?... я объясню вамъ эпо. Крипика не бываетъ нико-

гда бесполезна, какъ бы не были бесплодны осушаемыя ею пуспыни. Въ самомъ грубѣйшемъ произведеніи, всегда естъ слѣды человѣка и общеспва; но, человѣкъ и общеспво, даже погда, когда временно погребаются подъ эпою смѣсю племень, идей и языковъ, кои взламываютъ и выворачиваютъ почву ума, дабы оплодворить ее, даже и погда соспавляютъ предметъ непреодолимой занимательности. Конечно, бываютъ роковыя минувшы, когда липерашуры и языки, взорванныя и размепанныя успѣхомъ новыхъ идей и дѣйспвіемъ новыхъ нравовъ, вепшаютъ и распалзываются, подобно спарымъ домамъ и спарому плашю: все, что созидается человѣкомъ, подвержено плѣнцю. Эпоха эпого разрушенія, эпого, если можно пакъ сказать, вывиха національныхъ суспавовъ и языковъ, естъ собспвенно то, что называется варварспвомъ. Но наши способности, копорыя не мы создали, распадаясь только для того, чтобы распроспраниться и увеличиться: человѣкъ умираетъ, но человѣчеспво живепъ и все впередъ движепся. Умъ, чувспво, воображеніе, не перестаютъ возрастать и укрѣпляться, даже погда какъ языки падаютъ и рушатся. И какъ любопытно видѣть погда духъ человѣчеспкій, копорый, будучи сильнѣе оспашающихся ему способовъ выраженія, борепся

съ языкомъ, имъ же самимъ разрушеннымъ, довершаетъ его ниспроверженіе своими усиліями и огненными спруйками прорываеися сквозь прецины и солецизмы рѣчи. Таково печальное и вмѣстѣ занимательное зрѣлище, предспавляемое намъ писателями; особенно поэтами, въ эпохи варварства. Изученіе сіе было бы весьма инпересно въ историческомъ и психологическомъ отношеніи, еслибъ даже не происпекало изъ него никакой непосредственной пользы въ отношеніи поэтическомъ и липературномъ. Но не пакъ въ наспоющемъ случаѣ, ММ, ГГ.: если изученіе драматическихъ памятниковъ среднихъ временъ не предспавишь намъ ни одного образцоваго произведенія, которому бъ можно было удивляшся, то изысканія наши прольютъ новый, важный свѣтъ на произведенія новѣйшія, для коихъ будущъ служишь превосходными комменаріями. Великіе христіанскіе драматисты XVI и XVII вѣковъ, Лопе де Вега, Шекспиръ, Кальдеронъ, не могутъ бышь вполне поняты, если вы не сживетесь дружно съ ихъ предшеспвенниками, не ознакомитесь съ ихъ идеями, вѣрованіями и пипиской. Дантъ, Лопе де Вега, Кальдеронъ, Шекспиръ, высказали на языкахъ доведенныхъ до совершенства и запечалили безсмертной художественной формой, зыбкія, темныя созданія среднихъ вѣковъ. Занятія, коимъ посвящитъ мы

нынѣшній годъ, ММ. ГГ., будущъ служить необходимыми пролегоменами къ полному уразумѣнію сихъ великихъ поэтовъ Каполицизма. И пакъ вы просните мнѣ сухость и прудность пупи, по коему будемъ мы спранспвоавать, изъ уваженія къ цѣли, къ которой она приведеть насъ.

Впрочемъ, ММ. ГГ., если я безъ всякой пощады воспаяю на варварспво идиомовъ среднихъ временъ, эпо не проспирается безусловно на воображеніе сей эпохи, ни даже на ея поэзію, принимая слово эпо въ самомъ обинирномъ смыслѣ. Для удосповѣренія въ великой испинѣ усовершенности челоѳческой весьма важно показати, какъ, въ среднихъ вѣкахъ, не смотря на упадокъ языка, воображеніе и поэзія не преспавали развиваться и дѣйспвоавать; весьма важно показати, какимъ образомъ теній поэпическій, дабы восполнить крайнюю скудость средствъ выраженія, усиливался создавати для себя новыя способы; какъ, при недостаткѣ языка, прибѣгалъ къ живописи, къ музыкѣ, къ скульппурѣ; съ какимъ великолѣпіемъ переводилъ свои мысли на эпопъ языкъ, предшеспвующій всѣмъ прочимъ языкамъ и переживающій ихъ, на языкъ монументальный. Въ самомъ дѣлѣ, когда эпопъ вѣкъ, глубоко ироническій и воспорженный, не могъ выражать своихъ вздоховъ рѣчью, онъ изливалъ ихъ звуками органа; когда не до-

спавало словъ для его мыслей, по небесныхъ, по земныхъ, онъ ихъ вырѣзывалъ изъ камня, черпилъ на спеклахъ.

Исслѣдовавъ сіи взаимныя вознагражденія искусства, возврапитъ поэзіи ея гармоническую цѣлоспъ, копорой уже нѣтъ; еспъ работа испинно философическая; ибо ею воспановляюпся разорванныя звенья усовершимоспи чеповѣческой и доказываепся непрерывноспъ ея, въ единспвенной сферѣ, гдѣ еще можно оспоривапъ ее съ нѣкопорою основательноспю; въ сферѣ воображенія и изящныхъ искусствъ.

Поспавипъ внѣ всякаго сомнѣнія сущеспваніе драматическаго генія въ среднихъ вѣкахъ, значипъ положипъ птвердое начало ихъ испорическому возсозданію въ полной и спройной цѣлоспи.

Впрочемъ, ММ. ГГ., краткія опспупленія, копорыя буду дѣлапъ я въ обласпъ изящныхъ искусствъ, не будутъ внѣ нашего предмета. Я бы выполнилъ полько слабѣйшую часпъ моего предпріяпня; еспибъ предспавилъ вамъ одни сухіе текспты, безъ того аккомпанименпа, коимъ окружала ихъ современная поэзія и въ копоромъ преимущественно заключала свои поэпическія сокровища. Я бы измѣнилъ испинѣ, еспибъ захопѣлъ вамъ дапъ поняпие объ эпихъ великолѣпныхъ *операхъ* среднихъ вѣковъ, по однимъ скуднымъ *либреттамъ*, оспа-

вшимся опъ нихъ. Дабы не оклеветать искусства сей эпохи, я считаю долгомъ возвратить эпимъ драмамъ всю ихъ пышность и поспавить ихъ нѣкопорымъ образомъ, вновь на сцену предъ вашими взорами.

И пакъ, ММ. ГГ., когда мы будемъ вмѣспѣ чипать комедіи Гросвипы, эпой Нижне-Саксонской монахини, эпого *вопѣющаго гласа* Гандерсгеймскаго монастыря, какъ она поэпически называла сама себя, когда я буду переводить по, что можетъ бытъ переведено изъ эпихъ грубыхъ и энергическихъ легендъ, написанныхъ религіознымъ одушевленіемъ, ученостью и варварствомъ: вы проспите меня, если я позволю себѣ дополнитъ эффектъ сихъ спранныхъ созданий, воспановивъ предъ вами, сколько могу, руины эпого древняго Саксонскаго монастыря; вы позволите мнѣ ввеси васъ подъ огромныя своды и арки огромной пріемной залы, показатъ вамъ эпипи каменныя декораци и всю эпипу: архитектуру полу-Римскую и полу-Франкскую, массивную, мрачную и поржеспвенную, какъ сами эпипи произведенія. Когда мы будемъ чипать погребальныя діалоги, кои произносились на гробахъ великихъ Аббаповъ и великихъ Аббатиссъ IX вѣка, вы извините меня, если я буду спараться заспавить васъ позабытъ солецизмы и барбаризмы сихъ спранныхъ эклогъ, перенося васъ мысленно на обширное кладбище

монастырей и излагая подробности обрядовъ, кои придавали сполько величественной важности эпимъ знаменитымъ погребеніямъ. Когда, въ XI и XII вѣкахъ, я буду объяснять вамъ крапкіе и сухіе тексты сацердопальной, липургической драмы, я сочпу долгомъ дать вамъ понятіе о ея пышности и вліяніи на массы, представивъ великолѣпіе аксессуаровъ, посреди коихъ она развивалась. Мнѣ надо будетъ познакомить васъ съ спроеніемъ и расположеніемъ погдашнихъ каполическихъ церквей, кои были позорищемъ сей драмы. Я покажу вамъ, ММ. ГГ., сцену, устроиваемую обыкновенно на амвонѣ, у всѣхъ на виду; духовенство на хорахъ; вельможъ и благородныхъ дамъ, сидящихъ рядами на верхнихъ галлеряхъ, опирающихся на балюспрады, украшенныя парчею и бархапомъ; въ низу, на помостѣ церкви, воиновъ и оруженосцевъ споящихъ, между пѣмъ какъ чернь помпился въ боковыхъ припворахъ, мужчины справа, женщины слѣва. Наконецъ, когда мы будемъ чипать *игры и междупиршества (entremets)*, кои предспавлялись въ замкахъ XII и XIII вѣковъ, я посспавлю долгомъ возсоздать для васъ эпимъ спаринные мануары, поновить лазуръ и золопо на ихъ спѣнахъ, игру цвѣпцовъ на спеклахъ ихъ оконъ, развѣситъ обои, освѣтитъ пиршественную залу; я покажу вамъ внушрешнюю, круглую галерею, коей ос-

папки видны еще въ развалинахъ замка Куси, опкуда дамы могли свободно плавать взорами надъ праздникомъ. Не позабуду и наряда хозяина, драгоценностей сіяющихъ въ уборъ благородной хозяйки, костюма комедіанповъ. Однимъ словомъ, постараюсь дополнить все, чего не достаеитъ мертвой буквѣ, и не опустить ни одного изъ пышныхъ украшеній, коими окружались сіи рыцарскія, великолѣпныя представленія. Тогда только я могу сказать о себѣ, что былъ вѣренъ поэзіи и испоріи.

Вотъ что счелъ я нужнымъ сказать вамъ о содержаніи моего курса.

Что касается до формы, я попрошу у васъ позволенія, ММ. ГГ., быть сколько возможно простѣе и фамилярнѣе. Я не намѣренъ излагать вамъ ни курса эсперанки, ни курса испорической систематики: я предполагаю только сгруппировать достаточное количество фактовъ вокругъ мнѣній, теперь мною изложенныхъ, мнѣній, кои для меня были результатомъ прилежнаго изученія сихъ фактовъ. И такъ я начну съ вами снова, ММ. ГГ., только уже въ порядкѣ опредѣленномъ и систематическомъ, начну снова изслѣдованія, мною уже сдѣланныя, сначала ощупью и на удачу. Я буду вамъ цитовать тексты свидѣтельствъ съ дипломатическою точностію, представляю предъ ваши взоры са-

мые памятники; мы будемъ учипсья испоріи съ книгами на столъ. Если эпопъ скромный, неблнспапельный способъ, имѣеть нѣкоторыя неудобства, по конечно не для моего самолюбія. При недоспапкѣ другихъ выгодъ, онъ по крайней мѣрѣ будеть имѣть пу, что ознакомитъ васъ прямѣ съ механизмомъ испорической меподы, чѣмъ всякой другой. Припомъ, эпопъ родъ собесѣдованія, прерываемаго ципапами и опдыхающаго на чпеніяхъ, еспъ единспвенный способъ преподаванія, копорый, при семъ первомъ опытѣ, я чувспвую себя въ соспояніи выдержатъ и исполнитъ.

REVUE DES DEUX MONDES.)

XXVII.

РЕКРИТИКА.

ОТВѢТЪ ДОКТОРА ПРАВДОДУМКИ

НА АНТИКРИТИКУ

ДОКТОРА ВРАЗУМКИ.

(окончаніе).

В) Въ укоризнахъ:

Г. *Будто я смѣло излагаю двусмысленныя предположенія.*

Ни смѣло, ни не смѣло я никогда не излагалъ двусмысленныхъ предположеній. Откуда, вы Г. Вразумко, это взяли? Я опъ васъ пребую; извольте именно указать, въ чемъ состоиптъ смѣлое мое изложеніе двусмысленныхъ предположеній, и наименовать самыя двусмысленныя предположенія.

II. *Будто я не илгью надлежащаго понятія о современноиъ просвѣщеніи.*

Это съ чего вы взяли? Изъ того, что я обнаружилъ явную нелѣпость того мнѣнія, которымъ авторъ утверждаетъ, что »искусственныя воды можно пересылать и сохраняяць цѣлыя годы безъ разложенія оныхъ на ихъ составныя части, чего не лзя избѣгнуть при пересылкѣ и сохраненіи естественныхъ минеральныхъ водъ,« ни какъ не лзя, почтеннѣйшій Г. Вразумко, сдѣлать заключенія къ ненадлежащему моему понятію о современномъ просвѣщеніи.

III. *Будто я прикрываю отсутствіе истины вымыслами и оскорбленіями личности.*

Клеветце, Г. Вразумко! Я опъ васъ пребую, и пребую наспоятельно: укажите мнѣ мѣста въ моей криптикѣ, гдѣ я прикрывалъ, по словамъ вашимъ, отсутствіе истины вымыслами. Если же не укажете, то да будетъ вамъ стыдно.

Опносительно оскорбленій личности, вѣше мною сказаннаго достапочно.

C) Въ несправедливыхъ слѣдующихъ мнѣніяхъ:

I. *Можно ли употреблять средства, не зная дѣйствія оныхъ на человеческое тѣло?*

Можно. Возможность сію доказываю давнишнимъ приведеніемъ ея въ дѣйствительность, и пѣмъ, что ни коимъ образомъ не лзя узнать

дѣйствія средствъ на челоуѣческое тѣло прежде ихъ употребленія. Изъ употребленія средствъ познаются ихъ дѣйствія. Слѣдовательно знанію дѣйствія средствъ предшесвуеуеуъ ихъ употребленіе. Понимаеете ли, Г. Вразумко?

II. Совершенное раздѣленіе или вѣрное систематическое описаніе минеральныхъ водъ возможно только при совершенныхъ геологическихъ и физико-химическихъ свѣденіяхъ.

Противопологаю сему сказанное въ моей критикѣ (Телеск. N 24, с. 526). Порядокъ въ изложеніи минеральныхъ водъ возможенъ двоякій: въ первомъ излагающіяся минеральныя воды поимѣмъ мѣстамъ, гдѣ онѣ находятся, не смотря на разнокачественность, своего состава; во второмъ онѣ излагающіяся, будучи разсмаприваемы по химическому составу, пакъ чпо всѣ воды, сходныя въ семъ отношеніи, должны бытъ изчислены и изслѣдуемы вмѣстѣ, хопя бы находились въ опдаленныхъ, однѣ опъ другихъ, спранахъ. Какой же порядокъ долженъ бытъ избранъ? Необходимо поимѣ и другой, съ пою лишь разницею, чпо по первому изложипся одна полько спатъя о бытности минеральныхъ водъ, п. е. краткое историческое объ нихъ повѣспвованіе; а по второму изложипся предметъ во всѣхъ прочихъ его отношеніяхъ. Для чего вы, Г. Вразумко, не прочли эпого; а если читали, то для чего прежде не опро-

вергнули моего сужденія; а попомъ уже сказали бы, что Г. Правдодумко забылъ, что совершенное раздѣленіе, и проч. и проч. и проч.

Вы говорите: доселѣ не было и нѣтъ совершенно удовлетворительной классификаціи, потому что несовершенны геологическія и физико-химическія свѣденія. Относительно полноты обнимаемыхъ классификаціею предметовъ, я согласенъ; и припомъ скажу, что въ семъ отношеніи классификація минеральныхъ водъ едва ли не останется навсегда неудовлетворительною: ибо изслѣдованіе минеральныхъ водъ всего земнаго шара едва ли возможно. Но относительно правильности изложенія, необходимо нужной къ облегченію изученія и употребленія минеральныхъ водъ уже изслѣдованныхъ, классификація вполне можетъ быть удовлетворительною та, которая, повпорю, основывается на ихъ составныхъ частяхъ.

III. Для показанія процесса зарожденія водъ въ землѣ слѣдовало доказать сіе составленіемъ водъ искусственныхъ при тѣхъ же условіяхъ, хотя въ маломъ масштабѣ.

Что вы разумѣете подъ словами: *доказать сіе*? Если подъ словомъ *сіе* разумѣете бытіе процесса зарожденія водъ въ землѣ; то для этого совсѣмъ не нужны доказательства: это дѣло извѣстное. Если же разумѣете подъ словомъ:

доказать сіе, изъясненіе того способа, коимъ производится процессъ зарожденія водъ въ землѣ: по способу сего не лзя доказать составленіемъ водъ искусственныхъ при тѣхъ же условіяхъ: надобно прежде знать сіи условія и постичь процессъ зарожденія водъ въ землѣ, что онъ такое самъ въ себѣ. Не искусственнымъ составленіемъ минеральныхъ водъ должно объяснять происхожденіе съ ними водъ естественныхъ; а напротивъ, познаніемъ процесса образованія естественныхъ водъ можно только достигнуть до составленія водъ искусственныхъ и повѣрить происхожденію сихъ послѣднихъ съ естественными. Но такъ какъ процессъ образованія минеральныхъ естественныхъ водъ доселѣ неизвѣстенъ; то и составленіе водъ искусственныхъ есть только слабое, несовершенное подражаніе, основанное не на познаніи процесса образованія естественныхъ водъ, а на ихъ составныхъ частяхъ. *Слабымъ и несовершеннымъ подражаніемъ* называю потому, что при составленіи искусственныхъ водъ никакой химикъ не можетъ имѣть всѣхъ средствъ, которыми употребляетъ природа при образованіи водъ въ недрахъ земли, и потому что самое разложеніе водъ естественныхъ, особенно горячихъ, не можетъ открыть точнаго ихъ состава. Опять тѣхъ-то частей, которыя по причинѣ своей тонкости неуловимы химическими

орудіями, можець быць, и зависить дѣйствіе водъ еспеспвенныхъ. Послѣ всего пеперь мною сказаннаго, не опвергая по многимъ опношеніямъ полезности и даже необходимости искусстввенныхъ водъ—(слушайте хорошенько, Г. Вразумко)—можно упвердительно сказать, что искусстввенныя воды никогда не могутъ сравняцца съ еспеспвенными.

IV. Еслибы искусстввенныя воды не имѣли тѣхъ же физико-химическихъ качествъ; то не могло бы быть между ними и естественными водами никакого сходства.

М. Г. позволите вамъ сказать: вы судите совсѣмъ на изворопѣ. Какъ вы можете найти сходство между искусстввенными и еспеспвенными водами, не опкрывши прежде въ пѣхъ и другихъ однихъ и пѣхъ же составныхъ частей; и симъ сходствомъ, неизвѣстно въ чемъ состоящему, вы хотите доказать пождеспвенность состава водъ искусстввенныхъ и еспеспвенныхъ! Конечно, можно изъ пождеспвенности дѣйствія пѣхъ и другихъ водъ на человѣческое тѣло заключить къ пождеспвенности ихъ состава; но вы этого здѣсь не разумѣли, что доказываютъ слѣдующія ваши слова: *»не говоря уже о терапевтическихъ дѣйствіяхъ; которья совершенно одинаковы какъ въ искусстввенныхъ, такъ и естественныхъ водахъ.«* Въ чемъ

же, скажите, состоиптъ найденное вами сходство, отъ котораго вы заключаете о пожде-спвенности соспава водъ? Въ дополненіе къ сему прочпите слова одного изъ пользовавшихся минеральными водами въ Германіи и на Кавказѣ, помѣщенныя N 24 Телеск. с. 325.

V. Почему совѣтъ врачебный не у мѣста?

Я не говорилъ, что совѣтъ врачебный не у мѣста; а сказалъ: многократно повпоряюпся совѣтны не пипъ воды безъ врача; и теперь прибавлю, что такое повтореніе дѣйствительно *уши деретъ*.

VI. Только на однихъ геологическихъ условіяхъ можно будетъ основать истинное, непоколебимое раздѣленіе минеральныхъ водъ.

Неправда. Истинное, непоколебимое раздѣленіе какихъ бы-то ни было предметовъ, должно основывапся не на условіяхъ, при которыхъ они образуются, а на сущности сихъ предметовъ.

VII. Теорія происхожденія хроническихъ болѣзней есть истинная, потому что а) она есть сочиненіе Крейсига; б) сочиненіе сіе при самомъ появленіи своемъ въ свѣтъ было переведено на Французскій, Италіанскій и Англійскій языки, и по настоящее время было тиснено на встьхъ оныхъ языкахъ уже третьимъ изданіемъ.

Не спыдно ли вамъ, Г. Вразумко, доказывать истинность упомянутой теоріи такими доказательствами? Если вы дѣйствительно Докторъ, въ чемъ я начинаю очень сомнѣваться, то вамъ бы должно защищать сію теорію ученымъ образомъ. Ваши же доказательства обличаютъ въ васъ или только что учащагося медицинѣ, или знающаго сію науку по наслышкѣ.

Взглянемъ впрочемъ на ваши доказательства поближе:

а) Боэргавъ, Фридрихъ Гофманъ, Сильвій Бровнъ, Рейль, Пинель и многіе другіе цѣлому ученому свѣту извѣстны, какъ люди ученые. По вашему мнѣнію, ихъ ученія должно почитать за истинныя. Почему жь онѣ не считаются таковыми? Теорія основательная, истинная даетъ право писателю на званіе *ученаго*; но званіе ученаго ни какъ не даетъ права теоріи, если она сама въ себѣ неосновательна или ошибочна, называясь истинною.

б) Ни переводы какого-либо сочиненія на разные языки, ни многія изданія онаго также не даютъ права ему, если оно не имѣетъ внутренняго своего достоинства, быть общепринятымъ. Сколько есть сочиненій полезнѣйшихъ, которыя, будучи приняты отъ повивальной своей бабушки, переплетчика, и переданы книгопродавцу, остаются на цѣлую жизнь у сего послѣдняго, слѣдовательно при самомъ своемъ рожденіи об-

рекаются на всегдашнее успокоеніе; и сколько есть самыхъ пуспыхъ, даже вредныхъ, которыя одарены такою живоспію, что прямо изъ подъ типографскаго спанка, какъ утенокъ изъ яйца, быспро разносятся по бурному морю.

Видите ли шеперь, Г. Вразумко, что ваши доказательства совсѣмъ не доказательны?

VIII. Замѣчаніе сіе состояло въ неоспоримыхъ доказательствахъ послѣдовательнаго вреда отъ смѣшенія разнородныхъ водъ между собою.

Справимся, что эпо за неоспоримыя доказательства.

Въ N 82 Молвы за прошедшій годъ было сказано:

» Смѣшивать воды, за исключеніемъ Эмской съ Маріенбадскою, или Маріенбадской съ Карлсбадскою, говоритъ Г. Дирекпоръ, вредно. Причины сему онъ приводитъ слѣдующія:

1. Смѣшивать можно изъ минеральныхъ водъ только тѣ, кои имѣютъ нѣкоторое сходство между собою въ соспавныхъ часпяхъ.

2. Смѣшеніе водъ сѣрныхъ Ахенскихъ и Кавказскихъ съ желѣзными Эгерскими водами можетъ только запруднить ихъ дѣйствіе: ибо соспавныя части разныхъ сихъ водъ, неимѣющихъ никакого сходства между собою, нѣкопорымъ образомъ прошиводѣйствуютъ однѣ другимъ, или по крайней мѣрѣ уничтожаютъ полезное вліяніе, которое онѣ произвели бы на

больного, если бы употреблены были особо, а иногда даже должны имѣть весьма вредное вліяніе на здоровье больныхъ.

3. Такъ какъ разспояніе, въ коемъ находяпся еспеспвенныя минеральныя воды однѣ опъ другихъ, не допускало подобныхъ испытаній, то и больные, пользующіеся смѣшанными минеральными водами, подвергають себя новымъ, ни на чемъ не основаннымъ опытамъ.

4. При употребленіи смѣшанныхъ желѣзныхъ водъ вспрѣчается большое неудобство по причинѣ устройства аппаратовъ упомянуаго заведенія; ибо вертѣніемъ крана при налипніи водъ въ кружки, въ половинную пропорцію воды попадаеть цѣлая пропорція желѣза, пакъ что въ каждой кружкѣ смѣшанныхъ водъ находипся двойная пропорція желѣза, что весьма не хорошо для особъ, копорыя должны пользовапся разводипельными водами.

5. Заведеніе принужденнымъ находипся опвергнуть опъ себя всякую опвѣспвенность, могущую падап на оное опъ произвольнаго употребленія смѣшанныхъ водъ. «

Неоспоримы ли сіи доказательства, топчасъ увидимъ.

IX. Отвѣтъ былъ видипмый, несообразный съ здравымъ разсудкомъ.

Справимся.

Въ NN 82 и 83 Молвы 1833 года, было сказано;

» На первую и вторую причину можно отвѣчать, что обѣ онѣ—употребимъ слова Директора—ни на чемъ не основаны.

Говоримъ и доказываемъ.

Фармакологія и Фармацевтическая Химія участь, что вещества, ни мало несходствующія между собою въ составныхъ частяхъ, могутъ быть прописываемы, а Клиника многочисленными опытами доказываетъ пользу такого соединения. Кому изъ врачей неизвѣстно соединеніе опиума, инекакуанны и сахара, веществъ, въ составныхъ частяхъ своихъ никакого сходства не имѣющихъ, между тѣмъ какъ Доверовъ порошокъ, состоящій изъ упомянутыхъ веществъ, всѣми врачами безъ всякаго опасенія предписывается и припомъ съ очевидною пользою для больныхъ? Далѣе. Раскроемъ нашу Военную Фармакопею, взглянемъ на любую изъ страницъ, гдѣ помѣщены формулы. Такъ, напр. какое имѣютъ сходство въ своихъ составныхъ частяхъ: очищенная сѣра, винный камень, инбирь (с. 219)? Между тѣмъ врачи составъ сей употребляютъ съ пользою. Есть ли какое-либо сходство въ составныхъ частяхъ между рвотнымъ камнемъ, сладкою рвотною, камфорою, опиумомъ (с. 200)? Видимо никакого. Почему же прочія лекарственные вещества, неимѣющія сходства въ составныхъ частяхъ, можно смѣшивать, и смѣшеніе такое не только не воз-

браняется, но видимую приносить пользу, а смѣшеніе водъ не позволено, вредно? Подлинно должно удивляться и жалѣть, какъ умъ человеческій при одномъ и томъ же сужденіи можетъ себя пропироворѣчить. Въ подтвержденіе пользы соединять лѣкарственные вещества, никакого между собою сходства въ своихъ составныхъ частяхъ не имѣющихъ, можемъ сослаться на всѣ Европейскія Фармакопеи, на рядъ цѣльныхъ сполѣтій, въ продолженіе которыхъ такія соединенія были употребляемы и теперь съ пользою употребляются.

И такъ что должно сказать о первыхъ двухъ причинахъ? Мы удержимся опъ приговора. Пусть всякъ самъ произнесетъ свое *да* или *нѣтъ*.

Третья причина, если только можно принять ее за причину, довольно странна. Не ужели аналогія есть одинъ и единственный способъ узнавать качество веществъ? И не ужели познанія, чрезъ аналогію приобретенныя, суть единственно вѣрныя познанія? Припомъ, совсѣмъ не нужно смѣшивать два естественныя произведенія, коихъ составныя части намъ извѣстны, для того чтобы смѣсью сею повѣрить, точно ли изъ смѣшенія двухъ искусственныхъ произведеній, въ составныхъ частяхъ совершенно сходствующихъ съ естественными, будетъ поже произведеніе? Объяснимся математически. Озна-

чимъ одно естественное произведеніе 4, другое 5. Дваже искусственныя произведенія, копорыя совершенно въ составныхъ частяхъ сходны съ естественными, также иначе означить не лзя, какъ одно чрезъ 4, а другое чрезъ 5. Теперь еслибы кто рѣшился смѣшати два искусственныя произведенія, или ближе къ нашему дѣлу, двѣ искусственныя воды, можно ли сомнѣваться, что смѣшеніе сіе будетъ однокачественно съ смѣшеніемъ двухъ естественныхъ произведеній, хотя опыта надъ симъ послѣднимъ и не было сдѣлано. Я увѣренъ, что однѣ $4+5=9$ и другія $4+5=9$, и надѣюсь, что всякой будетъ согласенъ со мною въ томъ, что основываться на такомъ знаніи, не значить *основываться ни на чемъ*.

Четвертую причину считаемъ справедливою; только она ни мало не служить доказательствомъ; изъ большаго неудобства смѣшивать воды, не лзя еще заключать о вредѣ смѣшанныхъ водъ. Всякое вещество, не надлежащимъ образомъ смѣшанное, и самое полезное, можетъ быть вреднымъ. *Abusus non tollit usum*. Слѣдовательно Г. Директору надлежало бы сказать пребующимъ такого смѣшенія, что въ заведеніи нѣтъ способнаго аппарата, копорымъ бы можно приготовить воду, годную для пребуемаго смѣшенія, и рѣшительно не позволять смѣшивать. Аптекарь, по неимѣнію въ аптекѣ лѣкарственнаго вещества, предписаннаго врачомъ,

или по неимѣнію для приготоовленія онаго приличнаго аппарата, отказываеиъ въ отпускѣ. Заведеніе искусственнахъ минеральныхъ водъ есиъ таже аптека, только исключительно занимающаяся сосравленіемъ водъ. Мы не смѣемъ никакъ считаиъ заведеніе сіе просто лавкою, въ копорой продаются разныя жидкости: вода, портеръ, пиво, молоко и медъ, бутылками и въ разливную, и что приходяще въ сію лавку могутъ сіи жидкости пииъ по своему произволу каждую отдѣльно, или смѣшивая; содержаиелю же сей лавки до всего эпого и дѣла нѣтъ. Напроивъ думаемъ, что заведеніе искусственныхъ минеральныхъ водъ, почно такъ, какъ и всѣ аптеки, обязано смотрѣиъ за добропою приготоовляемыхъ водъ и за вѣрносію ихъ отпуска, по предписанію врачей, будутъ ли употребляемы воды въ заведеніи, или взяпы на домъ къ больному.

Пятая причина ни къ селу, ни къ городу, какъ говоритъ пословица. Заведеніе никогда и не можетъ имѣиъ отвѣтственности за то, если воды не помогаюиъ, или даже и вредъ дѣлаюиъ больному. Напрасно Г. Директоръ объэпомъ беспокоиися. Онъ въ отношеніи къ заведенію, то же что аптекарь къ своей аптекѣ. Обязанность аптекаря смотрѣиъ за добропою лѣкарствъ также, съ полною ли почносію и соотвѣтственно ли предписанію врача онъ отпускаюиъ. Аптекарь какъ

за произвольный отпускъ изъ аптеки лѣкарствъ безъ предписанія врача, такъ и за приготовленное лѣкарство не сообразно предписанію, подлежащъ полной отвѣтственности. Еслибы дѣйствительно было произвольное употребленіе больными водъ въ заведеніи, то Г. Директоръ не однимъ газетнымъ объявленіемъ могъ бы *отвергнуть*, не *отъ заведенія* (аптека не отвѣчаетъ за аптекаря), а опъ самого себя *всякую отвѣтственность за произвольное употребленіе водъ*. Его обязанность помогать больнымъ, пьющимъ минеральныя воды, и способствовать ихъ выздоровленію. Еслибъ и дѣйствительно было замѣчено ненадлежащее употребленіе водъ; то онъ долженъ снеспись съ врачомъ, который предписалъ такое смѣшеніе водъ, или предложитъ самому больному, дабы онъ впорично посоветовался съ своимъ врачомъ. Такъ обыкновенно поступаютъ благонамѣренныя!..

И такъ имѣяя уши слышати, да слышишь:

1. Смѣшиваять воды не только не вредно и не должно, но весьма часно можно и необходимо. Этому учить Формакологія, Фармація, Патологія, Общая и Частная Терапія и Клиника. Тѣмъ, которые держатся пропивнаго мнѣнія, советуемъ повпоричъ сїи науки: иначе ихъ практика будетъ хромать на оба колѣна, или

даже и легко превратиться можетъ въ шарлапанство.

2. Несходство въ составныхъ частяхъ водъ ни мало не препятствуетъ смѣшиванію оныя.

3. Вреднымъ можетъ сдѣлаться какъ смѣшеніе нѣкоторыхъ водъ, такъ и нѣкоторыхъ вообще веществъ разнокачественныхъ, но совсѣмъ не отъ несходства въ составныхъ частяхъ, а по другой причинѣ; повторяемъ не *всѣхъ веществъ* разнокачественныхъ, а *только нѣкоторыхъ*, и при томъ совсѣмъ по другой причинѣ, копорая Г. Директору, какъ надзирающему за составленіемъ водъ, должна быть извѣстна. Изъ числа же подписавшихся (чипавшихъ и не чипавшихъ объявленіе прежде подписи: ибо многіе изъ нихъ теперь не согласны, или по крайней мѣрѣ говорятъ, что они не во всемъ согласны съ мнѣніемъ Директора), болѣе другихъ и при томъ необходимо долженъ знать сію причину и содержать ее въ памяти Профессоръ Химіи.

Что это за причина? Всякой любознательный имѣетъ полное право требовать удовлетворительнаго на сіе отвѣта отъ Профессора Химіи. Мы же объявимъ сію причину на ушко чипашелямъ Молвы: »смѣшиваніе не должно между собою такія вещества, копорыя по смѣшеніи, или, лишась прежнихъ своихъ свойствъ, оказываютъ совсѣмъ другое дѣйствіе, или дѣ-

лаются малодѣйствительными, или чрезвычайно сильно дѣйствующими, ядовитыми. Всѣ сіи вещества, неимѣющія никакого сходства между собою въ составныхъ частяхъ, по смѣщеніи подвергаются симъ измѣненіямъ? Изъ всего прежде сказаннаго отвѣтъ явный: *нѣтъ*. «

Таковъ былъ отвѣтъ Г. Директору отъ П. Щ. втораго.

Обращаюсь теперь къ вамъ, Г. Вразумко. Скажите, что вы нашли въ семъ отвѣтѣ несообразнаго съ разсудкомъ? И какое вы имѣете право называть доказательства Г. Директора *неоспоримыми* тогда, какъ очевиднымъ образомъ доказана Г. П. Щ. вторымъ совершенная ихъ неосновательность. Вамъ прежде слѣдовало опровергнуть все сказанное Г. П. Щ. вторымъ о доказательствахъ Г. Директора, и тогда уже произнести приговоръ: «неопровергаемое его (т. е. Г. Директора) мнѣніе нѣтъ надобности поддерживать споромъ.» Нѣтъ, любезнѣйшій Г. Вразумко! Это худая отговорка. И я, и по сдѣланному мнѣ порученію, Г. П. Щ. вторымъ, и пребудетъ отъ васъ почнаго на всѣ наши пункты отвѣта. Мы не хотимъ знать ни Г. Директора, ни Г. Бѣлявскаго, изъ которыхъ, по вашимъ словамъ, первый *не стелъ нужнымъ отвѣчать, будучи увѣренъ, что всякой просвѣщенный читатель Молвы верно и самъ пойметъ, что неопровергаемое его мнѣніе нѣтъ надобности*

*поддерживать споромъ, а въпорый въроятно
стелъ за бесполезное отвѣчать на недѣльные
выводы г. критика.*

Почему не опвѣчалъ Г. Бѣлявскій? Вы сами не увѣрены, а говорите только: *въроятно*. Извольте спросить его, почему именно?

Относительно же Г. Директора, если онъ не опвѣчалъ дѣйствительно по приведенной вами причинѣ, то П. Ш. въпорый пребуептъ и опъ васъ и опъ Г. Директора, чпобы вы представили ясное опроверженіе на всѣ его мнѣнія. Во всякомъ случаѣ молчаніе ваше и вашихъ кліентовъ будептъ всегда сочтено знакомъ или безсилія или согласія.

Докторъ Правдодумко.

Ноября 17.

1834.

МОСКВА. ВЪ ТИПОГРАФИИ Н. СТЕЦАНОВА.

Печатать позволяется. Москва, Декабря 28 дня, 1834 года.

Ценсоръ А. Болдыревъ.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТОЙ ЧАСТИ.

СОВРЕМЕННЫЯ ЛѢТОПИСИ.

	стр.
Бракъ въ Конспашпинополь. (Э. Барро).	3,226,305
Александръ Манцони. (К. Дидье).	71,153,237
Палапа Перовъ Франціи.	283,372
Посѣщеніе Мадери Наполеона. (Мери).	434
Бальзакъ.	476,531

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Другой изъ Тринадцати. Повѣсть Бальзака.	23,88,171,253,307,389
Образцы Персидскихъ Повѣстей. Изъ Гюлиспапа Саади. (Н. Коноплева).	152
Х—ая Быль. (Пустынника Залоганскаго).	416
Художникъ. Случай. (Гуспава Друино).	468
Павель Гюберъ. Быль. (Евгенія Гино).	542

НАУКИ.

Ипаліянскіе Импровизаторы.	405
О Древностияхъ Европейскаго Театра. Вступительная Лекція Карла Маньеня.	451,570

КРИТИКА.

Опвѣсть Доктора Правдодумки на Анпикриптику Доктора Вразумки.	501,592
---	---------

ПРАВЫ.

Корсепъ. Криптика Модъ.	61
---------------------------------	----
